Институт европейских исследований

Александр Гапоненко

ЛЮДИ ГРЕХА И УДЕРЖИВАЮЩИЕ

Рига 2017

Люди греха и удерживающие

Институт европейских исследований

Рига, 2017. -410 с. ©

Книга рассказывает о ста годах совместной жизни русских, латышей и латгалов в Латвии. Подробно описывается, как шла реализация в этой стране «красного», «белого» и «коричневого» проектов общественного развития, какую роль в них играли различные группировки правящих элит. Автор дает нравственные оценки тем ключевым представителям элит, с которыми ему доводилось лично сталкиваться. Вслед за апостолом Павлом он делит этих людей на *удерживающих*, то есть тех, кто несет ценности человеколюбия, и *людей греха* – тех, кто разрушает эти ценности.

Излагаемая в книге версия исторических событий абсолютно противоположна той точке зрения, которая навязывается обществу нынешними правящими этнократическими элитами республики. За свои взгляды автор подвергается в Латвии уголовному преследованию.

ISBN 978-9934-8667-0-8

Оглавление

Contents

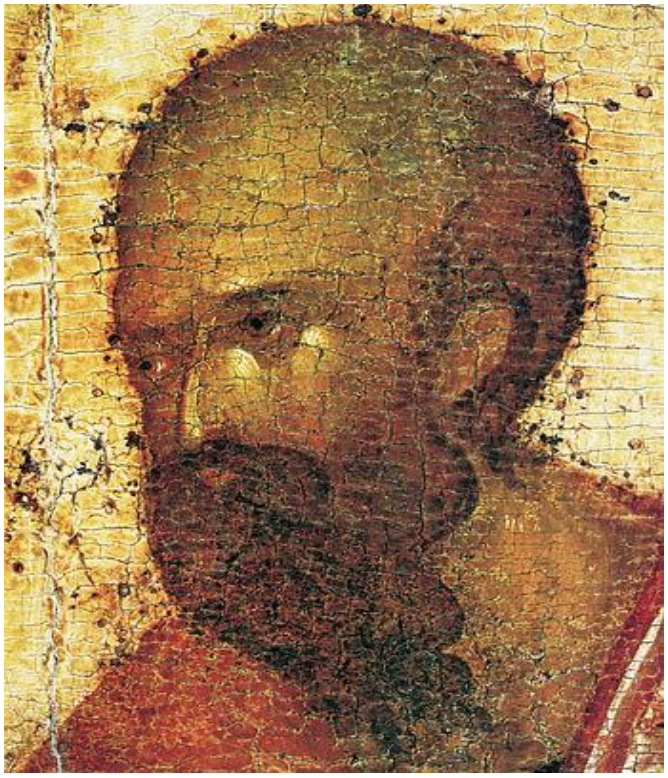
ВВЕДЕНИЕ.....7
ГЛАВА I. ДЕТСТВО.....14
Семья.....14
Под защитой Ивана-царевича.....17
Калим-бам-ба и прочие «слоны».....20
Октябрятская звездочка.....24
Пионер – всем ребятам пример.....28
Детские проказы.....32
Первое знакомство с удерживающими.....34
ГЛАВА II. ОТРОЧЕСТВО.....36
Отроческие развлечения.....36
Советские праздники.....39
Школьный комсомол.....45
Физкультура и спорт.....49
Опыт борьбы за человеческое достоинство.....52
Стихийный атеист.....55
Офицерские дети.....57
ГЛАВА III. ВЫБОР ПУТИ.....60
Как я решил стать профессором.....60
Начало трудовой биографии.....62
На страже Родины.....66
Все тайное когда-то становится явным.....72
Студенческая вольница.....75
Лучше гор могут быть только горы.....77
Игры в диссидентство.....81
Постижение свободных искусств.....85
Студенческие отряды.....90

ГЛАВА IV. АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА 95
Молодой ученый 95
Научное Предание 100
Коллеги по научному цеху 109
Академическая среда 113
На отдыхе 116
Мечты о профессорстве почти сбываются 119
Благословение 123
ГЛАВА V. ПО ПЛОДАМ УЗНАЕТЕ ИХ 126
Коммунистическая доктрина: явная и тайная 126
Экскурс в раннюю латвийскую этническую историю 130
Титульные против нетитульных 137
Производственные достижения социализма 145
Рог изобилия для всех 148
Квартирный вопрос 150
Сфера услуг: достижения и упущения 153
Социальная справедливость: истинная и ложная 156
ГЛАВА VI. ПАРТИЙНАЯ СЛУЖБА: ТРАДИЦИИ 159
Как я стал аппаратчиком 159
Этнические и социальные расклады 161
Люди во власти 165
Партийная работа: взгляд изнутри 171
Оперируя символами и мифами 174
Номенклатурные традиции 178
Дыхание частной собственности 183
ГЛАВА VII.ПАРТИЙНАЯ СЛУЖБА:ПЕРЕСТРОЙКА 186
Ускорение через хозрасчет и аренду 186
Кооперативы и рыночная стихия 190
Перестройка и гласность 193
Национал-коммунистическое пробуждение 198
Как национал-коммунисты ящик Пандоры открывали 204

Оборонительные бои интернационалистов.....208
ГЛАВА VIII. УПУЩННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА 212
Пробуждение русской общественной жизни 212
Русская демократическая альтернатива 216
Бои в Рижском горсовете 219
Двоевластие 224
Простаки и шулеры.....228
Попытка спасти социализм 231
ГЛАВА IX. НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ 234
Заочное знакомство с новым гроссмейстером.....234
Война войной, а обед по расписанию 237
Январские события 241
ГКЧП и крах «красного» проекта 247
В. Илюхин и другие удерживающие.....250
«Белый» переворот в Латвии 254
ГЛАВА X. «БЕЛО-КОРИЧНЕВЫЙ» ПРОЕКТ 259
«Белая гвардия, черный барон...».....259
Вы здесь никто и звать вас никак.....266
Чиновничье иго 270
Волки-оборотни 274
Дикий капитализм.....279
Бандиты с большой дороги 284
Алчность власть имущих 287
Русская духовная жизнь 90-х гг. 291
Клуб Splendid palace 295
Газета «Завтра» и другие.....298
ГЛАВА XI. ОБЩЕСТВО ЗРЕЛОЙ ЭТНОКРАТИИ 301
Купец 301
Откуда есть пошли латвийские олигархи.....305
Пожиратели собственных детей.....308
Под железной пятой.....314

Святая гора Афон 319
Балтийский русский институт 323
Штаб защиты русских школ 326
Становление русской общины 332
Рижский бизнес-клуб 338
«Сироты» 340
ГЛАВА XII. ЗМЕЙ, ПОЖИРАЮЩИЙ САМ СЕБЯ 345
Шахматная партия: бюрократы против олигархов 345
Уроборос 351
Как я был «согласистом» 357
Референдум за русский язык: стена встречного огня 362
Референдум за русский язык: рижское осадное сидение 367
Подражая вещему Бояну 374
Как Николая Константиновича Рериха на цепь посадили 378
Конгресс неграждан и Парламент непредставленных 382
ГЛАВА XIII. БОРЬБА С КОРИЧНЕВЫМ ПРОЕКТОМ 387
Нацизм на марше 387
Мир без нацизма 394
Бессмертный полк 398
В окружении цепных псов 402
По стопам Георгия Димитрова 406
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 409

ВВЕДЕНИЕ



Апостол Павел

Две тысячи лет тому назад могущественная Римская империя столкнулась с сильнейшим этническим кризисом. Основавшие империю латинские народности не могли больше удерживать силой оружия в повиновении огромные массы покоренных ими инородцев. Постепенно инородцам представляли равные с латинянами права, но они продолжали бунтовать, отстаивая свои собственные духовные ценности, носителями которых были их языческие жрецы – волхвы по-русски. Возникла настоятельная потребность в выработке общей для всех подданных Римской империи системы духовных ценностей, которая носила бы надэтнический характер. Такой общей для всех системой ценностей стало христианство, основанное на любви к другим людям, независимо от их этнического происхождения, на человеколюбии в широком смысле этого слова.

Как писал проповедник христианства апостол Павел в своем послании к Галатам (гл. 3, стр. 27-28): «*Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе*».

Правители империи длительное время не понимали значения новой религии и жестоко преследовали христиан: отрубали им головы, распинали на крестах, скармливали диким зверям в цирке. Одновременно власти интенсифицировали проповедь язычества, бывшего в то время государственной религией, укрепляли систему латинских праздников как общегосударственных, устанавливали в храмах и на городских площадях языческих идолов - кумиров.

Апостол Павел рассылал письма своим последователям с поучениями о том, как можно сохранить свою веру и выжить благодаря этому в сложившихся условиях жестоких преследований. В частности, во втором послании христианской общине города Фессалоники он писал:

«Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели.

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». (2:3,7).

Апостол в своем послании призывал членов общины сплачиваться вокруг тех, кто сохраняет христианские ценности – *удерживающих,* и упорно сопротивляться обольщению, идущему от языческих жрецов. Волхвов он образно назвал *людьми греха*, а их учение – *тайной беззакония*, имея в виду, что за их красивыми словами на деле стоит желание разрушить нравственный Закон человеческого существования, завещанный Богом.

Власти Римской империи в конце концов осознали важность христианства для обеспечения единства всех проживающих в ней этносов и сделали это интернационалистское учение государственной идеологией.

Принятие христианства позволило латинянам вовлечь в свою общность всех живших в империи инородцев и трансформироваться вместе с ними в социальное образование более высокого типа – народ ромеев.

Ромеи смогли за счет принятия новой веры продлить существование латинских этносов и их государства еще почти на тысячу лет. Правда, их государство несколько изменило свою территориальную конфигурацию и стало называться Византийской империей.

По существу, с принятием христианства поздняя Римская империя, а потом Византийская империя превратились в цивилизацию. Цивилизация

держится уже не только на силе оружия этносов-основателей, но и на общности духовных ценностей всех ее членов. За формирование этих ценностей в цивилизации отвечает такой социальный институт, как церковь.

Власти Византийской империи поддерживали христианские ценности и церковь на уровне государства. Государство стало выполнять в силу этого функцию коллективного *Удерживающего*. Установились особые отношения сотрудничества между светскими и духовными властями – *симфония*.

В середине XV века Византийская империя рухнула под ударами турок и других этносов, сплоченных вместе своей собственной религией надэтнического характера – исламом.

После падения под ударами мусульман столицы Византийской империи Константинополя функцию защиты христианских ценностей приняло на себя Московское царство. Русские правящие элиты в нем взяли на вооружение концепцию «Москва – Третий Рим», которая заключалась в применении наработанных в Первом и Втором Риме духовных ценностей для сплочения русским народом воедино весьма разнородного в этническом плане населения страны.

Эстафета тесного сотрудничества светских и духовных властей перешла к правящей элите Российской империи, ставшей наследницей Московского царства. Православное христианство выполняло в империи роль государственной религии, а сама империя постепенно стала превращаться в Православную цивилизацию.

В середине XIX века в Российской империи началось строительство русской нации. Русские школы, университеты, театры, музеи, пресса и другие светские социальные институты успешно решали проблему создания более сложной, чем народ, социальной общности.

К началу XX века в стремительно расширявшейся Российской империи более половины населения стали составлять инородцы, исповедовавшие ислам, католицизм, протестантизм, иудаизм, буддизм, язычество. Православие в их среде распространялось крайне медленно. Значительная часть русской интеллигенции и правящего дворянства под влиянием пришедших с Запада идей отошли от православия и стали атеистами. Некому стало удерживать вместе членов Православной цивилизации.

На этнические нестроения и ослабление духовного единства в России наслоилось обострение социальных конфликтов между дворянами и крестьянами, капиталистами и наемными рабочими. Прокатилась волна социальных революций. Россия была втянута в Первую мировую войну. Все это вместе привело к революции октября 1917 г., сменившей состав правящей элиты и в социальном, и в этническом отношении. Между старой элитой, выступавшей за капиталистический путь развития страны и получившей название «белой», и новой элитой, которая выступала за строительство нового коммунистического общества и называлась «красной», разразилась гражданская война.

В ходе гражданской войны центральная власть ослабла, и Российская империя распалась на русскую Великороссию и ряд государственных образований малых российских этносов на ее окраинах. В раздроблении Российской империи на части активную роль играла англосаксонская Западная цивилизация – ее главный геополитический конкурент.

В гражданской войне победили сторонники «красного» проекта – коммунисты. Они предлагали массам построить общество, основанное на духовных ценностях, социальной справедливости, равенстве, общество, дающее возможность для развития способностей всех людей.

Материальные предпосылки для реализации этого глобального замысла большевики хотели создать посредством обобществления земли и крупных заводов, ускоренного накопления общественных капиталов и наращивания на этой основе фонда личного потребления всех членов общества.

Помещиков и капиталистов, владевших основными средствами производства, коммунисты в ходе гражданской войны уничтожили или вынудили бежать за границу. Заодно провели репрессии в отношении интеллигенции и православного священства, которые были связаны со старыми правящими элитами. В роли жертвы оказалась по преимуществу русская элита.

Составной частью «красного» проекта было установление равенства всех этносов путем формирования наднациональной социальной общности – советского народа. «Красный» проект был, таким образом, интернационалистским. Та группа коммунистов, которая реализовывала этот проект, так и называлась – коммунисты-интернационалисты.

«Красный» проект поддержала также часть элит, которые представляли интересы практически всех российских этносов. Кристаллизовалось два типа таких элит: одни представляли интересы наиболее многочисленного русского этноса – их назвали национал-большевиками, другие представляли интересы различных малых российских этносов – они получили название национал-коммунисты.

На первых этапах реализации «красного» проекта деление коммунистов на отдельные группировки не имело большого значения – в первую очередь требовалось укрепиться у власти, решить неотложные экономические и социальные проблемы. Поэтому и интернационалисты, и национал-большевики, и национал-коммунисты пошли на создание единого для всех ранее проживавших в Российской империи этносов государства – СССР.

Коммунистическая доктрина стала в СССР государственной религией. По форме коммунистические ценности сильно отличались от христианских, но, по сути, новая вера строилась на аналогичных принципах. Главное же, новая вера позволяла решать насущные социально-экономические проблемы людей. Поэтому в детали коммунистических догматов никто из принявших эту веру особо не вникал.

В проведении социально-экономических преобразований и в строительстве советского народа исключительно большую роль играли отдельные коммунисты, которые подавали пример личного поведения для окружающих их людей и, таким образом, выполняли функции *удерживающих*.

Советский народ совершил в 1920–1930 гг. героический рывок в экономической сфере и показал высокую степень социальной устойчивости в годы Великой Отечественной войны. В годы войны он являл образцы массового героического поведения как на фронте, так и в тылу. Люди отдавали свои жизни за право сохранить духовные ценности, в которые верили.

После победы в Великой Отечественной войне советские элиты распространили коммунистические идеи среди жителей многих других стран и построили Советскую цивилизацию. Советская «красная» цивилизация успешно конкурировала с «белым» проектом Запада,

который был основан на частной собственности, на стремлении к безграничному материальному потреблению, характеризовался человеконенавистническим отношением людей друг к другу.

Вскоре после окончания войны началась трансформирование советского народа в более сложную социальную общность – советскую нацию. Решающую роль в этой трансформации играли созданные коммунистами школы, университеты, телевидение, радио, другие социальные институты.

Однако по истечении трех десятков лет после окончания победоносной войны советская нация вдруг начала стремительно разлагаться на отдельные составляющие ее этнические элементы. Это привело к распаду сначала Советской цивилизации, а затем и СССР. Причем на советскую нацию не было оказано значительного внешнего силового воздействия, как это было в годы Великой Отечественной войны. Катастрофа произошла в силу того, что находящиеся у власти коммунистические элиты отреклись от своей веры и перестали являть привлекательные для окружающих образцы личного поведения. Советскую нацию оказалось некому оберегать от несущих человеконенавистнические ценности западных волхвов.

Во всех возникших на месте распавшегося СССР независимых республиках коммунистические элиты трансформировались в «демократические» и стали, что называется с ходу, реализовывать «белый» проект, но уже под цивилизационным крылом Запада.

В России, да, пожалуй, еще в Белоруссии, «белый» проект реализовывался при сохранении интернационалистских принципов построения отношений между жившими в ней этносами. В остальных бывших советских республиках «белый» проект приобрел ярко выраженный этнический характер. В этих республиках пришедшие к власти национал-коммунисты превратились в национал-демократов. Национал-демократы приняли в качестве государственной религии язычество, проповедующее ненависть к инородцам. С помощью этой религии они стали строить этносоциальную иерархию с титульными этносами во главе и инородцами на нижних ступенях социальной лестницы. «Белый» проект в этих новоявленных республиках приобрел яркий «коричневый» оттенок.

Русских, проживавших в бывших союзных республиках, стали в соответствии с новой государственной верой подвергать этнической дискриминации, пытаться ассимилировать. Во многих постсоветских республиках русских убивали, выгоняли из жилищ, отбирали нехитрый скарб, понуждали бежать за границу. Они оказались в положении ранних христиан в Римской империи. Помимо русских, в положении гонимых и терзаемых оказались и другие не титульные для данных республик этносы.

Развернулось после распада СССР преследование нетитульных этносов и в новоявленной Латвийской Республике, в которую трансформировалась Латвийская ССР.

Что было причиной разложения советской нации и почему коммунисты перестали быть *удерживающими*? Во что теперь верить русским и как им восстановить единство своей нации? Что делать русским, невольно оказавшимся за пределами своего национального государства, в частности в Латвии? Как русским противостоять *людям греха,* необычайно активизировавшимся в последнее время? Ясного ответа на все эти чрезвычайно важные для русских вопросы нет, хотя после распада советской нации прошло уже более четверти века.

Мне представляется, что русским надо следовать советам апостола Павла, данным фессалоникийцам две тысячи лет тому назад, – сплотиться вокруг людей, которые удерживают духовные ценности человеколюбия.

В этой книге я хочу рассказать о людях нравственного Закона, с которыми мне довелось сталкиваться в жизни. Все одни отстаивали принцип человеколюбия, только для одних он принимал форму коммунистических, для других – православных, для третьих – русских духовных ценностей. Может быть, мой рассказ поможет кому-то увидеть вокруг себя *удерживающих,* стать рядом с ними и спастись таким образом, Надеюсь, мне удастся своим повествованием немного уменьшить влияние в обществе *людей греха*.

ГЛАВА I. ДЕТСТВО

Семья

Герои советской телепередачи «Спокойной ночи, малыши!»

В марте 1953 г. умер многолетний глава коммунистической партии и советского правительства Иосиф Виссарионович Сталин. После его смерти между бывшими соратниками развернулась жесткая борьба за власть. Наиболее реальным претендентом на высшую должность в стране был Лаврентий Павлович Берия. В ходе борьбы за власть он начал радикальным образом менять внутреннюю и внешнюю политику страны, в том числе поставил вопрос об объединении Германии. Вопрос этот возник потому, что для поддержки коммунистического руководства ГДР требовались немалые средства, которых у СССР не было.

В ходе борьбы за власть победил руководитель компартии Никита Сергеевич Хрущёв. Берия был арестован и вскоре расстрелян. Однако затраты на поддержку коммунистических властей ГДР все равно надо было сокращать. Одной из мер снижения этих затрат стал вывод ряда воинских частей из состава Группы советских оккупационных войск в Германии.

Мой отец, Владимир Гордеевич Гапоненко, попал в Германию в составе 1-го Украинского фронта, который освобождал Европу от нацистов. Воевал он сержантом. Потом стал офицером. В 1953 г., в рамках акции по сокращению советских войск в ГДР, отца перевели служить в летную часть, которая базировалась на рижском аэродроме Румбула.

В следующем году отец перевез на новое место службы всю семью: жену – мою маму Валентину Станиславовну, старшую сестру Татьяну и меня. Так началась моя жизнь в Латвийской ССР.

Отец целые дни проводил на службе в располагавшейся поблизости воинской части. Домой приходил только обедать и ночевать. В непродолжительные свободные часы по воскресеньям отец играл со мной, учил мастерить разные поделки, рассказывал о своей службе.

Мама сначала сидела со мной дома и подрабатывала шитьем, а потом устроилась работать бухгалтером на завод «Красный квадрат». Детских садов было в то время мало, и мне с малых лет приходилось подолгу сидеть дома одному.

По воскресеньям семья собиралась за круглым столом, покрытым белой скатертью, и долго вместе обедала. Сестра рассказывала о своих успехах в учебе, я – о жизни игрушек, родители делились новостями с работы. Иногда все вместе ходили в кино, зоопарк, в театр и даже на концерты.

Семья у нас была веселая и дружная. Родители любили и заботились о нас с сестрой. Однако излишне они нас не опекали и позволяли проявлять самостоятельность. Первоначально моя самостоятельность распространялась на игрушки: собачек и зайчиков, солдатиков, конструкторы, а потом на самодельные пистолеты и автоматы. Могло ли быть иначе в семье военного!

Дома у нас был телевизор марки «КВН» с маленьким экраном и большой линзой, наполненной водой для увеличения изображения. По телевизору я смотрел телепередачу «Спокойной ночи, малыши!», которую вела «тетя Валя» – телеведущая Валентина Леонтьева. Главными действующими лицами этой передачи были куклы: песик Филя, зайчик Степашка и поросенок Хрюша. В конце телепередачи показывали мультфильмы – добрые и трогательные. Телевизора в моей детской жизни было мало, потому что передачи шли только несколько часов в день и лишь по двум центральным каналам. На латвийском телевидении регулярно выходила только информационная передача «Панорама». Она была скучной, и ее не смотрели даже взрослые.

Главное, что я запомнил с младых лет – это четкое определение в семье того, что такое хорошо, а что такое плохо. Почитать родителей, заботиться о детях, уважать женщин, дружить, быть справедливым и честным,

напряженно работать – это хорошо. Обманывать, красть, предавать других, быть неблагодарным и несправедливым, зависеть от вещей и денег, бездельничать – это плохо.

Материальные блага рассматривались родителями как средства, а не как цель существования. Этому подходу родители научили и меня. С детства я знал, что одежда и обувь существуют для того, чтобы в них было тепло и удобно, а не для того, что поразить ими окружающих. Наручные часы нужны для того, чтобы узнавать время, а вовсе не для того, чтобы демонстрировать свой социальный статус. Это умение быть независимым от вещей очень пригодилось потом, когда надо было выбирать среди бесконечного количества вещей.

Семейные ценности совпадали с теми ценностями, которые господствовали в то время в обществе, – коммунистическими. Жесткий период первоначального социалистического накопления и классовой борьбы к этому времени уже закончился, и общество вошло в новый этап развития – стало строить коммунизм. Об этом в октябре 1961 г. заявил на съезде правящей Коммунистической партии СССР ее глава Н.Хрущев. Хотя мне было всего семь лет, я помню, как по телевидению показывали его выступление и он обещал, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

В докладе главы партии были слова о том, что при коммунизме все станут гармонично развитыми личностями, а материальные блага польются широким потоком, как из рога изобилия. Этого выражения я не понял и переспросил у мамы. Она объяснить сразу не смогла, но когда мы были на Центральном колхозном рынке, показала настенную роспись. На стенах павильона были изображены маслом тетки в латышских национальных костюмах, которые держали в руках огромные тыквы, корзины с яблоками и снопы пшеницы. Тогда про рог изобилия я все понял.

Помню также, что съезд компартии принял «Моральный кодекс строителя коммунизма». Брошюра с текстом Кодекса лежала у нас дома – отец изучал ее, чтобы проводить политзанятия с солдатами. Став постарше, я прочитал эту брошюру, и мы обсудили с отцом ее содержание. После этого у меня составилось представление, что это хорошая книжка.

Под защитой Ивана-царевича

В. Васнецов. «Иван-царевич на Сером Волке»

Мама научила меня грамоте в пять лет, и, сидя дома один, я стал много читать. Читал без разбора все попадавшиеся под руку книги: сначала те, которые были дома, потом мама носила их из заводской библиотеки.

Коммунисты не только провозгласили курс на строительство всесторонне развитой личности, но и предприняли конкретные шаги для достижения этой цели. Они, например, заботились об образовании детей, выпускали много хороших детских газет, журналов и книг, открывали повсюду библиотеки, чтобы книжную мудрость могли постичь те, кто эти книги был не в состоянии купить в магазине.

Помимо открытого доступа к книжной мудрости, мои сверстники могли ходить в различные кружки, занимались спортом, пели, танцевали, рисовали. Детские кружки были и на заводе «Красный квадрат», и мама не раз предлагала мне записаться в них. Все детские активности были бесплатными. Мне коллективные танцы и песни особо не нравились, я предпочитал самостоятельно осваивать книжную премудрость. Начинал с русских сказок. Выучил наизусть все сказки в изложении А. Пушкина. Потом, лет в восемь, увлекся приключенческой литературой вроде «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, «Тома Сойера» и «Приключений Гельберри Финна» Марка Твена. Затем последовал период, когда взахлеб поглощались авантюрные романы Жюля Верна, Майн Рида, Фенимора Купера, Джека Лондона. Лет в 13 увлекся фантастикой и прочитал всю книжную серию «Научная фантастика». В 14 лет прочитал все доступные романы А. Дюма. Прочитав Дюма, стал пересказывать содержание его

произведений товарищам по двору и увлек их через это фехтованием на самодельных деревянных шпагах.

Однажды на глаза мне попалась повесть американской писательницы, известного американского борца против расового угнетения Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Страстный рассказ о несправедливом преследовании людей иной расы и борьбе с этой несправедливостью увлек меня, и я перечитал книжку несколько раз. Наверное, поэтому, став взрослым, я столь остро воспринимал установившийся в независимой Латвии режим этнического, а правильнее, по-научному, расового угнетения русских.

Родители заставляли меня ложиться спать ровно в 10 часов вечера, но я, уже лежа в кровати, продолжал читать допоздна при свете ночничка, а то и тайно, с фонариком под одеялом.

В пятом классе я с большим интересом читал уже «Тараса Бульбу» Н. Гоголя, «Севастопольские рассказы» Л. Толстого и «Евгения Онегина» А. Пушкина, которые изучались в школе позже. Это позволило избежать отвращения, которое часто возникает из-за принуждения к изучению в школе так называемых программных произведений.

Читая произведения классиков русской литературы, я стал обращать внимание не только на туго закрученный сюжет и лихих героев, но и на выразительные средства, которые использовали авторы, а самое главное – на мотивацию действующих лиц. Тараса Бульбу из одноименной повести Гоголя, которого сожгли поляки, было безумно жалко и очень хотелось завершить начатое им дело освобождения «наших» на Украине.

«Нашими», как я теперь могу внятно сформулировать, были все этносы, которые входили в состав окружавшей меня в детстве советской нации. «Наши» не делились на русских, малороссов, белорусов, поляков, евреев. Сам я полностью чувствовал себя советским человеком, хотя по крови был наполовину русский, на четверть поляк и на четверть малоросс.

Интерес к теме защиты «наших» вызывали и романы «Иван III» Валерия Язвицкого, «Петр Первый» Алексея Толстого, «Война и мир» Льва Толстого.

Тема «наших» героев была центральной в гениальном фильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» с Николаем Черкасовым в главной роли. Этот фильм я посмотрел в детстве дюжину раз. В то время было

снято и множество других художественных фильмов патриотического содержания. Однако по сравнению с «Александром Невским» все они были значительно слабее.

Для хужожественных фильмов в советское время писалась оригинальная музыка, для этого приглашались лучшие композиторские силы. В «Александре Невском», например, звучала музыка Сергея Прокофьева. Серьезный композитор Дмитрий Шостакович написал для кино такие «легкие» песни, как «Крутится, вертится шар голубой», «Родина слышит, родина знает, где в облаках ее сын пролетает».

Наверное, многие уже подзабыли, но в годы нашего детства над кроватями вешали коврики для создания в комнате уюта. Я засыпал, глядя на простенький коврик с копией картины Виктора Васнецова «Иван-царевич на Сером Волке». Это, где Иван-царевич едет на волшебном друге Сером Волке и прижимает к себе Елену Прекрасную.

Коврику на стене соответствовала запомнившаяся мне колыбельная:

Баю-баюшки, баю,
Не ложися на краю,
С краю свалишься,
Напугаешься,
Придет серенький волчок,
И ухватит за бочок,
И утащит во лесок,
За ракитовый кусток.

Волка из песни я ничуть не боялся, поскольку знал, что он был добрым волшебным другом. В окружении героев русских сказок и звуков русских песен я чувствовал себя в полной безопасности. Это вам не злобный Микки Маус, постоянно издевающийся над милым котом. Он и песню поет соответствующую: «*Тип том тип топ тип тиби тип топ вот наш торжественный уход большой привееет вам мики шлллёёёт "тоесть меня" ведь мышыный клууб ваaас ждёёёёт»*(орфография сохранена). В окружении персонажей такого типа даже взрослый сможет спать спокойно только с большим кухонным ножом под подушкой.

Калим-бам-ба и прочие «слоны»

Майк Ворралл. «Прыгающие через время»

Родители опасались моего чрезмерного увлечения миром книжных фантазий и после выполнения школьных домашних заданий насильно гнали гулять во двор. Во дворе нашими любимыми играми были ныне уже всеми забытые «слон», «казаки-разбойники», «классы», «калим-бам-ба».

Последняя игра заключалась в том, что из мальчишек и девчонок составлялись две команды, члены каждой брались за руки и выстраивались в цепочку на некотором расстоянии друг от друга. По очереди вызывались члены команды противника, которые должны были с разбегу разорвать своим телом цепочку, составленную из «своих». При вызове противника громко скандировали: «*Калим-бам-ба, почем слуга? Подайте нам пятого-десятого, Васю сюда*!» Вызванный Вася бежал что есть духу и пытался разорвать цепочку своим телом. Если это удавалось, то он выбирал и уводил «слугу» в свою команду, если нет – сам становился «слугой» в команде противника. Стратегия игры заключалась в том, чтобы вызвать на прорыв кого-то хлипкого сложением и взять его в плен, а прорвав чужую цепочку, забрать из нее наиболее упитанного игрока. Кто такой был Калим-бам-ба, которого громко вызывали в игре, никто толком не знал, да это и не имело большого значения.

В «слона» играли только мальчишки. Участники игры делились на две равные команды. Члены первой команды выстраивалась в колонну, и наклонялись корпусом горизонтально. Каждый брал голову стоящего за ним игрока под мышку левой рукой и обнимал правой рукой за талию

впереди стоящего игрока. Таким образом, из 10–12 человек выстраивалась своеобразная живая колбаса, которая и называлась «слон». Все игроки второй команды по очереди должны были с разбегу заскочить на «слона» и удержаться на нем. Ползать по спинам соперников не дозволялось. Кто не смог вскочить сверху сразу – выбывал из игры.

Затем «слон» должен был провезти оседлавших его «наездников» заранее отмеренное расстояние, метров двадцать-тридцать. Было это весьма непросто, поскольку на одного человека сверху могли навалиться пять-шесть «наездников». Не смог «слон» довезти всех «наездников» до заветного рубежа, упал – подставляй спину заново. Довез – получай возможность прокатиться на чужой спине.

Эти и другие наши игры развивали подвижность, силу, ловкость, были веселыми и совсем не агрессивными.

Когда во дворе собиралось с десяток человек, играли дотемна в футбол. Игровое поле чертили на земле каблуком, ворота сооружали из валявшихся рядом палок, тщательно вымеривая расстояние между импровизированными штангами подошвами грубых черных ботинок. Ботинки эти были отечественного производства, совсем не поддавались износу и передавались в семье по наследству из поколения в поколение. Еще не поддававшимися износу были штаны из так называемой «чертовой кожи». Их носили все уважающие себя мальчишки. К штанам из «чертовой кожи» полагалось носить либо пестрые байковые рубахи, как у настоящих ковбоев, либо трикотажные майки черного цвета – майки других цветов советская легкая промышленность, похоже, не выпускала. По верхней одежде игроки делились на команды. Команда «ковбоев» играла с обнаженным торсом, чтобы не запачкать свои пестрые рубашки. Вторая команда играла в футбол в черных майках, поскольку на них налепившаяся во время падений на землю грязь была малозаметна.

Мяч, которым играли в футбол, обычно был резиновым. Только когда выходил гулять живший в находившемся неподалеку от военного городка частном доме Толик, играли привезенным ему из Германии отцом-моряком кожаным мячом с резиновой камерой внутри. Насоса обычно не было, и мы регулярно поддували почему-то вечно спускавшуюся камеру мяча ртом. При этом один дул из всех сил в сосок камеры, а другой прижимал ему ладонями уши. Считалось, что так можно было уберечь от разрыва барабанные перепонки при надувании камеры. Потом мяч

зашнуровывали кожаным шнурком с помощью согнутой петлей проволоки. Проволоку обычно искали поблизости от импровизированного футбольного поля и почему-то всегда находили.

Девчонок играть в футбол не брали, хотя многие из них били по мячу во время других дворовых игр не хуже парней.

А девчонки не брали нас прыгать через длинную толстую веревку, которую крутили двое. Веревку крутили сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, постепенно поднимая ее выше и выше от земли. При прыжках надо было скандировать какие-то девчоночьи куплеты. Выглядело все это очень весело и привлекательно. Особо грациозно прыгала одиннадцатилетняя Наташка – милое рыжеволосое создание, жившее в соседнем доме. В Наташку я был тайно влюблен и подсматривал за тем, как она, раскрасневшаяся, ловко прыгала на своих длинных ногах, увертываясь от стремительно вращающейся веревки, и, немного путаясь, декламировала необходимые для этой игры куплеты. Подружки вечно пытались дисквалифицировать Наташку за забытые куплеты, хотя прыгала она гораздо лучше всех остальных. Мне казалось это ужасно несправедливым, но вмешиваться было нельзя, а то нас могли задразнить стишками вроде «*Тили-тили тесто, жених и невеста*». Потом, уже став взрослым, я узнал, что у красивых (рыжих, длинноногих, способных раскраснеться от физических упражнений) женщин подруг не бывает.

Прыжки через веревку казались со стороны совсем легким делом. Как-то мы с двумя наиболее близкими друзьями, позавидовав девчонкам, сами достали подходящий кусок толстой веревки на соседней стройке и попытались в укромном месте за домами попрыгать – так же быстро и высоко. Однако из-за отсутствия навыков во время прыжков быстро сбились с такта, запутались в веревке и, плюясь и ругаясь от бессилия, бросили это дело. Хорошо, что никто не видел нашего позора – над нами долго бы смеялась потом вся дворовая ребятня, как тогда говорили, вспоминали бы позор до самой свадьбы.

Сразу после буржуазной контрреволюции наши дети перестали играть во все эти простые, дающие первичные навыки общения в коллективе игры. Даже в футбол во дворах перестали играть – занятия спортом стали специализированными и по большей части платными. Это притом, что компьютеры, создающие мир ложных виртуальных иллюзий, вошли в широкое пользование у детей значительно позже.

Как мне кажется, дворовые игры исчезли потому, что дети ощутили разрушение атмосферы коллективизма и солидарности в мире взрослых. Актуальным стало обретение с малых лет навыков борьбы за существование. Таким общественным запросам, конечно, больше соответствуют нынешние компьютерные игры, воспитывающие психологию выживания в мире, населенном монстрами и злодеями.

Когда я начал публиковать отрывки своих воспоминаний в интернете, они вызвали большой интерес, и читатели принялись уточнять многие детали нашей общей прошлой жизни. А одна молодая особа попросила рассказать о том, как в то время играли в «классы».

«Классы» известны еще со времен Древнего Рима, и играли в них сначала мальчишки. К нашему времени они стали исключительно девчоночьей игрой. Суть ее заключалась в следующем. Мелом на асфальте чертились в колонку десять одиночных или двойных квадратиков. Играющий бросал в первый квадрат битку и потом прыгал на одной ноге и толкал ее дальше, из одного мелового квадратика в другой. Наступать на меловые линии было нельзя, как нельзя было попадать на них биткой. В конце первого тура битка из игрового поля выбивалась ногой прочь, и бросать ее надо было во втором туре уже во второй квадрат, и так далее. Битка делалась из плоской жестяной банки из-под гуталина, которая наполнялась песком или мукой для придания веса и устойчивости.

Игра имела десятки способов усложнения, и девчонки могли скакать по расчерченному мелом асфальту часами. Стоять рядам и смотреть на прыгающих девчонок мальчишкам не полагалось, поскольку те тогда носили только коротенькие платьица или юбочки, которые при прыжках задирались вверх. Тех девчонок, кто надевал шорты или брюки, дразнили «мальчишками», и это было им очень обидно.

Октябрятская звездочка

В. Василенко. «Юрий Гагарин»

В семь лет, как и все дети, я пошел в школу. 1 сентября была торжественная линейка с традиционным первым звонком и огромным букетом белых калл, которые мне надо было вручать учительнице.

До школы было достаточно далеко, и первые полгода меня водили за руку на учебу мама или сестра. С нового года ходить в школу пришлось уже самому. В ту зиму стояли ужасные холода, но занятия в младших классах отменяли, только если было больше 20 градусов мороза. Ходить за три километра в школу по 19-градусному морозу тоже было малоприятно, но меня простимулировала сестра. Она рассказала, как помор Михайло Ломоносов в детстве бегал в школу по 30-градусному морозу за 10 километров и выучился, всем непогодам назло, на академика. Я тогда твердо решил, что нельзя отставать от того упертого помора, и, сопя от усердия, тащился утром с тяжелым ранцем за спиной по глубокому снегу в школу. Пешеходные дорожки тем детям, кто учился в первую смену, приходилось протаптывать самим.

Школа была начальная, двухпоточная – русско-латышская. Латышский язык мы учили со второго класса, но то учительница болела, то была в декрете, то вообще не могли найти преподавателя в нашу школу. Из-за плохого знания языка русские дети мало общались с латышскими детьми.

В нашем классе свободно по-латышски говорил только Володя Сеньков, который жил и общался с латышами где-то в начале Московской улицы.

Родители привыкли к тому, что я был заядлым книгочеем, достаточно самостоятельным, и особо меня не контролировали. Требовали только, чтобы хорошо учился. Я старался учиться, как мог.

В школе меня приняли в октябрята и вручили красный пластмассовый значок-звездочку с детским портретом Владимира Ильича Ленина посередине. Вождь мирового пролетариата был с белыми кудряшками и очень походил на девочку. Это я понял только сейчас, рассматривая свой октябрятский значок, который хранится дома в деревянной шкатулке среди других накопленных за жизнь символических ценностей.

Хотя я еще был октябренком, но уже читал серьезные издания, вроде газеты «Пионерская правда». На страницах последней печатали не только заметки о жизни советских школьников, но и материалы о соревнованиях на призы клубов «Золотая шайба», «Кожаный мяч», об игре «Зарница». Однажды в газете опубликовали сказку А. Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солаты». Это где девочка Элли и ее одноногий дядя Чарли ехали в Волшебную страну через песчаную пустыню на деревянной тележке под парусами, но были взяты в плен волшебными Черными камнями. Содержание сказки произвело на меня столь сильное впечатление, что я убедил друзей построить такой же корабль пустыни. Мы соорудили деревянную тележку, приспособили к ней четыре колеса от детского велосипеда, палку-мачту и самодельный брезентовый парус. Однако даже в сильный ветер наш сухопутный корабль не хотел двигаться. Помучавшись немного, мы решили, что нам тоже мешают волшебные Черные камни и затею бросили.

Из того времени запомнился еще наивно-добродушный плакат, на котором были изображены октябрята, моющие посуду, чистящие картошку и убирающие квартиру. Под нарисованными размашистыми мазками краски мальчишками и девчонками была надпись: «*Если любят труд ребята – значит это октябрята*». Посуду я мыл, картошку чистил, квартиру убирал, как и другие члены нашей октябрятской пятерки-звездочки. Все эти трудовые подвиги совершались отчасти под влиянием семьи, а отчасти под влиянием атмосферы, создаваемой учителями в школе.

Пользы от домашнего труда было много больше, чем от «тырканья» современных детей в различные электронные приборы, которые почему-то называются иностранным словом «гаджет». Между тем, на русском гаджет – это просто *штуковина,* то есть некое непонятное устройство, настоящего имени которого ты не знаешь. Кстати, «тыркальщики» не знают также, что слово «гаджет» впервые применили американские ученые для названия ядерного устройства, взорванного в ходе испытаний на полигоне в пустыне возле города Аламогордо.

Вскоре после успешного испытания этого «гаджета» в пустыне американцы сбросили атомные бомбы на города Хиросима и Нагасаки, спалив несколько сот тысяч мирных жителей только за то, что они были представителями иной расы – японцами. Нужно это было руководству США также для того, чтобы продемонстрировать СССР, что у них в руках есть новое смертельное оружие.

В октябрятские времена нас тренировали прятаться в бомбоубежище, поскольку была реальная опасность того, что американцы сбросят атомные бомбы на Советский Союз, как сбросили их на Японию. Нас, русских и латышских школьников, регулярно отводили во время учебных тревог в бомбоубежище, которое находилось прямо под школой, в подвале. Вход в бомбоубежище закрывался толстой железной дверью с огромной ручкой-колесом. Учительницы вдвоем-втроем с трудом закрывали тяжелую дверь и крутили ручку-колесо, чтобы не оставалось щелей и в убежище не могла проникнуть радиоактивная пыль. Некоторое время мы все вместе сидели в бомбоубежище при свете тусклых лампочек, которые питались от стоявших в подвале автомобильных аккумуляторов.

Русские учителя, чтобы успокоить детей в бомбоубежище, рассказывали какие-то веселые истории, а латышские почему-то только шикали на своих учеников. На всю жизнь с тех времен я запомнил, что «Klusāk! Klusāk!» по-латышски значит «Тише! Тише!»

Совсем недавно я прочитал в интернете рассекреченный американским военным командованием список целей атомных ударов на территории Латвийской ССР. Среди трех десятков объектов, подлежащих уничтожению, был и гражданско-военный аэродром Румбула, который располагался в пяти километрах от нашей школы. Так что тренировались спускаться в бомбоубежище мы совсем не зря.

Впрочем, ядерный удар по СССР американцы не нанесли совсем не потому, что для гражданского населения были построены бомбоубежища. Советский народ создал свое ядерное оружие и придумал, как в случае развязывания американцами войны нанести удар возмездия по США с помощью баллистических ракет. Запуск 12 апреля 1961 г. в космос на баллистической ракете такого класса Юрия Алексеевича Гагарина был демонстрацией коммунистическими властями возможностей защитить советскую нацию от ядерной угрозы.

Я хорошо помню, как по стоявшему у нас дома телевизору показывали, как Ю. Гагарин, вернувшийся из полета в космос, идет по красной ковровой дорожке и докладывает руководителю партии Н. Хрущеву о том, что он успешно выполнил задание, порученное ему партией и правительством.

Военно-стратегический характер задания Ю. Гагарина я в то время не очень-то понял по молодости лет и просто радовался тому, что в космос первым полетел советский человек. Но сослуживцы моего отца вечером того же дня собрались у нас дома и отмечали именно успешный запуск баллистической ракеты. Взрослые мужики, защищавшие родину в годы Великой Отечественной войны, со слезами на глазах произносили тосты за успехи Советской армии и за знакомых офицеров, которые не так давно из их летной части перешли служить в Ракетные войска стратегического назначения. Называли фамилию командующего этим родом войск маршала артиллерии М. Неделина, которого многие знали по совместной службе. Офицеры после коротких тостов пили водку из больших хрустальных рюмок, крякали, закусывали квашеной капустой и холодцом, который мама приготовила совсем по другому поводу. Застолье длилось недолго, поскольку на следующий день всем нужно было трезвыми явиться на службу. Но у меня после этого импровизированного вечернего застолья сослуживцев отца у нас дома осталось ощущение причастности к чему-то очень важному.

Я долго потом жил с ощущением того, что где-то рядом всегда будут серьезные мужики, которые смогут защитить нас от всех бед, как те офицеры на вечеринке в честь успешного полета Ю. Гагарина в космос. Нам же, всем остальным, надо просто хорошо делать свое собственное дело – учиться, работать. Потом оказалось, что таких серьезных мужиков раз-два и обчелся, и что защищать себя и других надо самому.

Пионер – всем ребятам пример

И.Штыков. «Пионерка»

Поскольку в младших классах я хорошо учился и не хулиганил, меня приняли в пионеры. От пионеров, помимо хорошей учебы, требовалось еще выполнять различного рода общественные нагрузки. Например, собирать макулатуру и металлолом после школьных занятий.

Весной и осенью мы стаскивали со всего района старые металлические кровати, обрезки каких-то ржавых труб, разный домашний металлический хлам и складывали все это в кучу на школьном дворе. Потом приезжали грузовые машины-трехтонки и увозили металлолом на переработку на Лиепайский металлокомбинат. Как нам объясняли учителя, из переплавленного металла на Рижском и Лиепайском заводах сельскохозяйственной техники делали машины, с их помощью выращивали зерно на полях, а уж из этого зерна выпекали хлеб. Участие в создании хлеба придавало большую значимость нашему сбору ржавых чугунных труб.

В макулатуру мы сдавали старые газеты, журналы и книжки. Все это богатство укладывалось в пачки, перевязывалось бечевкой и тоже тащилось на школьный двор. Обложки от сдаваемых книг надо было отрывать и паковать отдельно. Я книжки в макулатуру не сдавал, а

собирал их дома и поэтому задания по сдаче макулатуры практически никогда не выполнял.

Собранную школьниками макулатуру перерабатывали в толстую упаковочную бумагу серого цвета. В эту бумагу заворачивали продовольственные и непродовольственные товары в советских магазинах. Эта упаковка выглядела не так красиво, как нынешние разноцветные полиэтиленовые мешочки, но зато ее можно было опять собирать и отправлять на переработку.

Говорят, что скоро использовать полиэтиленовые мешочки в магазинах запретят, поскольку они загрязняют окружающую среду. Наверное, будем опять собирать макулатуру и производить из нее серую упаковочную бумагу.

Иногда в куче макулатуры у школы можно было найти интересную книжку без обложки. В поисках таких сокровищ, кроме меня, участвовало еще несколько парней из нашей школы. У нас был своеобразный клуб книголюбов. Потом мы сами изготовляли картонные обложки для найденных в горах макулатуры «голых» книг. Переплетать книги нас учили в школе на уроках труда.

У меня до сих пор хранится дома найденная в детстве в куче макулатуры книжка. На ее самодельной коленкоровой обложке неровным детским почерком печатными буквами выведено в одну строчку «Капитан Сорви-голова. Луи Буссенар». Найденная книга была не только без обложки, но и без первых десяти страниц – наверное, их употребили на разжигание дров в печке или как обертку для самокрутки, набиваемой махоркой. Папиросы, а тем более сигареты, стоили тогда дорого. Однако друзья по импровизированному книжному клубу, которые читали бессмертное произведение Л. Буссенара, подробно пересказали содержание недостающих страниц. Я не проверял, но точно знаю, что пересказали они все правильно.

Кстати, курить школьникам строго-настрого запрещалось. Я один раз попробовал тайком затянуться дешевой папиросой «Прима», которую мне настойчиво предлагал известный школьный хулиган цыган Ромка. С Ромкой мы учились в одном классе до четвертого класса. Вкус папиросного дыма был гадкий, я закашлялся и злобно сказал бывшему для всех мальчишек большим авторитетом Ромке: «Кури сам это говно!»

Ромка удивился полученному отпору и приставать ко мне с всякими глупостями прекратил. Табак же я с тех пор больше в рот никогда не брал.

Характер у меня был спокойный, но если кто-то на меня пытался давить, насильно заставлять что-то делать, то я мог стать просто бешеным. Мама говорила, что это проявляется польский гонор от моего деда Станислава Томашевича Бржозовского. Дед погиб во время войны, защищая Ленинград от немцев, и лично я его не знал.

Еще школьные хулиганы играли за ближайшими от школы дровяными сараями в «чику» на деньги. Ударом свинцовой биты-блинчика нужно было перевернуть лежащие на земле копейки. Кто перевернул, тот выиграл кон и забрал себе чужие копейки. Эта запретная игра мне также не нравилась, поскольку с ее помощью взрослые мальчишки ловко выманивали у доверчивых малышей данную им на завтрак мелочь.

Воспоминания о счастливом советском детстве с безвозмездным трудом на благо общества грели душу не мне одному. Несколько лет тому назад Республиканская госбиблиотека переезжала из старого здания на углу улиц Кирова (ныне Элизабетес) и Кр. Барона на новое место – в «Замок света», что построили в Задвинье. Надо было перевезти пару миллионов книг библиотечных фондов из одного здания в другое. Директор библиотеки А. Вилкс решил организовать акцию с бесплатным трудом по образцу нашего школьного сбора металлолома и макулатуры. Он призвал в СМИ на помощь добровольцев со всей республики, чтобы они выстроились в цепочку и стали передавать книги из рук в руки от старого к новому зданию библиотеки. Учитывая расстояние между двумя точками, добровольцев надо было собрать тысяч пять. К русским директор обращаться не стал, видимо, потому, что их, по Преамбуле к Конституции, только что объявили в государстве второсортным этническим элементом. Поэтому русские на эту благородную в целом акцию не пришли. Представителей коренного этноса пришло человек двести. Они поносили книги по Кировскому (ныне Верманскому) парку туда-сюда и быстренько разошлись. Навыки бесплатного труда на общее благо оказались в этой части общества утраченными.

Учеба в школе тем временем шла своим чередом. Мы осваивали математику, русский язык, историю, физику, ботанику, географию и прочие премудрости. Из школьных предметов мне больше всего нравились история и география. По истории я завел толстую амбарную

книгу, в которую зарисовывал все схемы военных сражений, оружие и записывал «хитрые» военные приемы, вычитанные из книг. Географичка же так бойко перечисляла по памяти столицы африканских стран, реки и морские проливы, что мы подпадали под ее гипноз и тоже заучивали их наизусть. Удивительно, но по географии в классе не было двоечников и троечников.

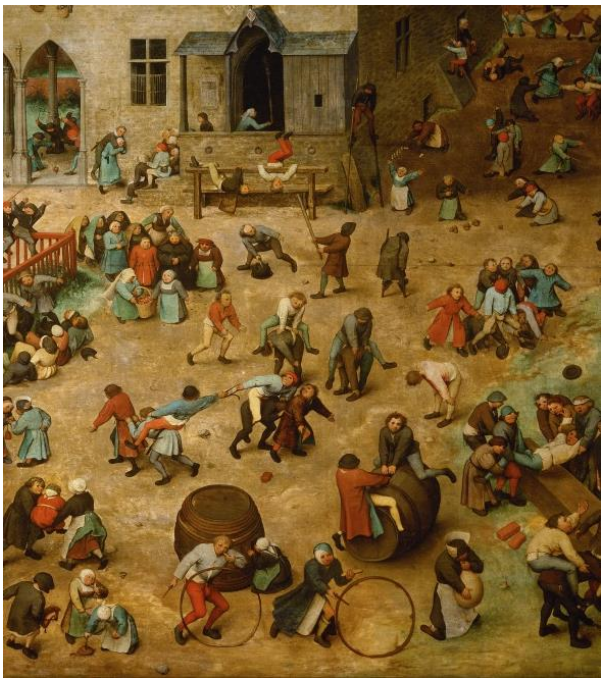
Пионеры носили в школе на шее шелковый красный галстук. Его надо было гладить каждый день. Одноклассницы в черных костюмчиках, белых фартуках и красных галстуках выглядели очень симпатично. Парни ходили в темно-синих костюмах и светло-синих рубашках. Стрелки на форменных брюках из-за дешевизны материала никак не держались – гладь их или не гладь. А пионерские галстуки у мальчишек быстро становились словно пожеванными.

Вообще пионерская атрибутика – значок с пламенем костра, красный галстук, пионерские горн и барабан, красное знамя отряда – не была чем-то чужим. Пионерские линейки на школьном дворе или в актовом зале придавали торжественность началу учебного года и другим важным школьным событиям, и они не рассматривались нами как навязанные извне коммунистические обряды.

Мне очень хотелось стать горнистом нашего пионерского отряда, но со слухом дела обстояли неважно, поэтому право трубить общий сбор досталось однокласснику Саше Яшкову. Трубил он так себе, но при этом становился в картинную позу: приставлял левую руку к талии, высоко закидывал голову с приложенным к губам горном в правой руке. Наверное, этой картинной позе я и завидовал. А может, просто завидовал тому, что к Сашке льнули девчонки. Он в такой позе казался представителем творческой профессии – музыкантом. Точно уже не помню.

В это время я начал писать. Сначала дневник, потом стихи, наконец маленькие рассказики. Выходило очень неплохо. За школьные сочинения я получал обычно пятерку по содержанию и тройку за грамматику. Эта наука мне давалась плохо. Еще в это время я начал сочинять тексты для песен, музыку к которым писал мой школьный друг Олег Вовк. Вот он действительно хорошо играл на гитаре и прекрасно пел. Ему я не завидовал ни в отношении игры на гитаре, ни в отношении девчонок. Ведь друзьям завидовать нельзя.

Детские проказы



Питер Брейгель-старший. «Игры детей».Фрагмент

В целом я был послушным ребенком, но от некоторых проказ удержаться не мог. Например, весной мы с дворовыми мальчишками спускались на небольших льдинах по Западной Двине от нашего военного городка до самого Понтонного моста, что стоял напротив Дворца пионеров. Дальше плыть мешали понтоны моста.

Плавали мы под парусом, который сооружали из наших курток и плащей, натянутых на две рейки, утащенных со стройки. Управлялось импровизированное ледовое судно также строительной доской, на манер индейской пироги. Обычно в районе Центрального базара нас на льдине замечала милиция и пыталась поймать. Но катеров у советской милиции не было, а по суше догнать льдину, стремительно скользящую под парусом по отливающей свинцом двинской воде, было сложно. Во всяком случае ребята из нашего двора милиционерам в руки ни разу не попались.

Еще мы делали самопалы из толстых медных трубок, прикрученных проволокой к ложу, старательно выструганному перочинным ножиком из деревяшки. Иногда самопалы были двуствольные. Самопалы со ствола засыпались порохом, заряжались пулями – стальными шариками от подшипников, и забивались войлочными пыжами. «Огненный припас» собирали в ближайшем лесу – там после войны оставалось много патронов и даже снарядов. К надпилу в трубке-стволе привязывались изолентой

головки спичек, и этот запал чиркали спичечным же коробком. Вылетающий из самопала стальной шарик мог пролететь метров 25 и запросто пробить деревянную дверь сарая, сколоченную из доски дюймовки. Любой мальчишка в военном городке мог соорудить такое грозное оружие в один прием. Совсем как Сергей Бодров-младший в фильме «Брат-2», и для этого вовсе не надо было служить в десантниках. Правда, такого рода стрельба была делом достаточно опасным.

Однажды при стрельбе из самопала по мишени, изображающей короля пиратов Генри Моргана, у меня разорвало ствол и его осколком сильно поранило руку. Родителям об этом случае я, конечно, не рассказал, а перебинтовал рану как смог и тайно смазывал ее йодом целую неделю. Рана благополучно зажила, но у меня до сих пор на правой руке остался большой рваный шрам. С тех пор я боевые стрельбы прекратил, да и интерес к рассказам о пиратах и разбойниках потерял.

В достаточно раннем возрасте я первый раз столкнулся со смертью. Сергей, парень с соседнего двора, съел, видимо, ради эксперимента, с десяток ягод ландыша и умер. Ландыш ведь очень ядовитое растение, если кто не знает. А у десятилетнего «экспериментатора» оказалось еще и слабое сердце. Мы тогда все знали, какие лесные корешки, ягоды и грибы можно есть, а какие нельзя, поскольку ходили в лес за припасами и с родителями, и одни. Зачем Сергей съел эти ядовитые ягоды? Непонятно.

Помню, как все дворовые ребята пришли проститься с Сергеем. Прощание с телом, которое лежало в простеньком деревянном гробу, проходило рядом с домом, где жила его семья. Мать плакала навзрыд и судорожно прижималась к телу своего нелепо погибшего сына. От покойника очень сильно пахло тленом, потому что он долго пролежал дома. Мне этот запах врезался в память на всю жизнь и всегда напоминал о том, что смерть со своей косой постоянно ходит где-то среди нас и выбирает жертвы по совершенно непонятному принципу.

После этого случая я ясно осознал, что смертен и вполне могу оказаться на месте Сергея. Эта мысль подтолкнула меня спросить маму о перспективах обретения человеком бессмертия. Она ответила, что в будущем усилиями советских ученых можно будет добиться увеличения продолжительности жизни. Советским ученым в свое время добиться нужных успехов не удалось, а другим ученым мы совсем и не нужны.

Первое знакомство с удерживающими

Летчики эскадрильи «Нормандия-Неман»

В целом учиться было интересно, и в школу я ходил с удовольствием. После занятий обычно проходили какие-то общественные активности. Например, под присмотром классного руководителя Полины Павловны Клейменовой мы готовили альбомы и стенные газеты, рассказывавшие о советско-французском истребительном полке «Нормандия-Неман». Делали мы это потому, что наш пионерский отряд носил имя этого полка. Полина Павловна приглашала к нам на День Победы летчиков из этого стоявшего недалеко от школы авиаполка. Летчики-ветераны рассказывали о том, как воевали в годы Великой Отечественной войны с немцами.

А один раз классный руководитель привела настоящего летчика-француза. Он приехал в знаменитый полк по программе обмена союзниками ветеранами-участниками войны. Гость рассказывал нам о воздушных боях с немцами, а переводила его рассказ школьная учительница французского языка. Летчик говорил что-то долго и эмоционально. Для наглядности он иллюстрировал рассказ движениями карандашей, которые крепко держал своими тонкими длинными пальцами. Коричневый карандаш в левой руке изображал немецкий самолет, а красный карандаш в правой руке – советский. Из размашистых жестов француза было видно, как его самолет ловко заходил в хвост «немцу», а тот безуспешно пытался увернуться от него. Учительница переводила сухо и кратко. Откуда выпускница Рижского педагогического техникума могла хорошо знать французский язык? Однако по движению рук французского летчика и по его радостной улыбке в конце рассказа мы

все поняли без слов: «наши» в этой войне победили, и французы были хорошими союзниками. Выступавший перед классом француз был, по общему мнению класса, «нашим».

Полина Павловна была коммунисткой и иногда на классном часе рассказывала, о том, как ее товарищи по партии борются по всему миру за правду и справедливость и как их за это преследуют в капиталистических странах. Мне запомнился ее рассказ об организованном в 1964 г. генералом Сухарто военном перевороте в Индонезии. В ходе этого переворота более полумиллиона индонезийских коммунистов было убито, миллион посадили в тюрьму. Коммунистов без суда и следствия расстреливали, вешали, отрубали им головы, связывали спина к спине и топили в реке. Делали это военные, исламисты и различного рода националисты.

В газетах «Правда» и «Известия» тогда публиковали карикатуры на генерала Сухарто, на которых он изображался палачом, держащим в руке огромный топор, с лезвия которого стекала кровь. У меня эти карикатуры вызывали воспоминания о похоронах Сергея, и в нос бил запах тлена. Представить, что погибло полмиллиона человек, я никак не мог, но понимал, что это очень много.

Террор в Индонезии продолжался в течение трех десятилетий. Сведения о совершенном властями геноциде полностью не раскрыты до сих пор, особенно скрывается то, что к организации массовых убийств коммунистов приложили руку официальные представители США.

Сейчас я осознаю, что Полина Павловна раскрыла нам тогда *тайну беззакония*. Дала понять, кто есть *люди греха* и что может происходить с теми, кто им поверит – не разберется в *тайне беззакония*. *Удерживающими* мир от греха в описываемом ею случае были индонезийские коммунисты.

ГЛАВА II. ОТРОЧЕСТВО

Отроческие развлечения

Кадр из кинофильма «Морозко»

Став постарше – отроком, я сам определял развлечения за пределами двора и школы. Выбор был достаточно широк, но за большинство развлечений надо было все же платить. На развлечения мне выделялся рубль в месяц. Рубль был очень приличной суммой по тем временам. На 1 копейку можно было купить стакан простой газированной воды, газированная вода с сиропом стоила 3 копейки. Газированную воду продавали женщины в белых передниках и белых кружевных наколках на голове летом со специальных передвижных лотков на колесиках. За 3 копейки можно было также проехать на трамвае, а за 5 копеек – на автобусе. Сливочное мороженое в вафельном стаканчике стоило 11 копеек.

За 10 копеек мы ходили на детские сеансы в кинотеатр «Пионерис», что находился на улице Кирова, прямо напротив аллеи, где потом были установлены бронзовые бюсты красным латышским героям. В первые годы независимости эти весьма ценные в художественном отношении бюсты бесследно исчезли, и сейчас о них уже никто не помнит. Скорее всего, мародеры из Народного фронта, захватившего в 1991 г. власть в стране, украли бюсты и сдали их на металлолом – бронза стоила тогда в пунктах скупки металлов очень дорого.

Однако вернусь к кинотеатру «Пионерис». В этом кинотеатре я в первый раз посмотрел цветной фильм-сказку режиссера Александра Роу «Морозко». Мне тогда было 9 лет, и я искренне влюбился в главную героиню – добрую и покладистую Настеньку, которую играла артистка Наталья Седых. Злую и вздорную героиню фильма Марфушу, образ которой создала очень талантливая актриса Инна Чурикова, я всем детским сердцем возненавидел.

При просмотре фильма я решил, что страшную Бабу-ягу в нем играла какая-то старуха, и разъяснений старшей сестры, что это мужчина, не слушал, оценивая их как злобно-клеветнические. Рассказ самого Георгия Милляра несколько лет спустя в передаче «Кинопанорама» о том, что он действительно сыграл эту и еще целый ряд других женских ролей, меня сильно расстроил. Фильм мне сразу после этого разонравился. Времена тогда стояли в нравственном отношении строгие, переодевание мужчин в женскую одежду считалось извращением, а появление их в таком виде на экране кинотеатра или телевизора смех не вызывало даже у детей. Это сейчас проявления половых извращений нам пытаются предоставить как норму и запрещают их осуждать под прикрытием ложной теории толерантности.

Детский кинотеатр «Пионерис» переоборудовали в наше время в ночной клуб «Эссеншиал», и он стал прибежищем всякого рода извращенцев. Видимо, содомитский дух Милляра полсотни лет тому назад оказал все же на это здание свое тлетворное влияние.

В Риге был еще Театр юного зрителя, или, как его сокращенно называли, ТЮЗ. Мы регулярно ходили всем классом в ТЮЗ на спектакли. Театром руководил режиссер Адольф Шапиро, и это был, по мнению многих специалистов, лучший молодежный театр в СССР. В театре была русская и латышская труппы. Я запомнил там спектакли «Сомбреро» С. Михалкова, «Том Сойер» М. Твена и «Чукоккала» К. Чуковского. Посмотрел также в ТЮЗе какую-то пьесу про смелую пионерку, но она была с сильной фальшью и мне совсем не запомнилась. В спектаклях были заняты как взрослые актеры, так и молодежь. Молодые артисты вызывали у нас, детей, большее доверие к тому, что происходило на сцене.

В 1992 г. министр культуры Раймонд Паулс закрыл ТЮЗ, как, впрочем, и Рижский театр оперетты, который тоже ставил вполне приличные спектакли. Подозревать маэстро Паулса в русофобии было трудно,

поскольку тогда разогнали и русскую, и латышскую труппу в обоих театрах. Всех артистов выгнали на улицу.

Помню, как вскоре после закрытия Рижского театра оперетты встретил работавшего в нем артиста – Индулиса. С Индулисом я познакомился во времена совмечтной работы в студенческих отрядах. Он попросил взять его на работу. Индулис был парень неплохой, но, кроме как петь и танцевать, ничего не умел, а мой бизнес тогда заключался в консультировании руководителей промышленных предприятий по экономическим и управленческим вопросам. Пришлось уволенному опереточному артисту отказать.

Таких неприкаянных творческих деятелей, как Индулис, после «белой» контрреволюции появилось великое множество. Власти даже придумали для них специальную профессию – «латыш». Были установлены высокие требования к знанию латышского языка не только для чиновников, но и для руководителей коммерческих фирм, и русским предпринимателям приходилось нанимать специальных людей, который вели переписку с инстанциями на латышском языке, общались на нем с разного рода проверяющими комиссиями. Однако «творческий» люд обычно сам не умел писать по-латышски грамотно, и русские предприниматели предпочитали нанимать бывших «красных» партработников из числа представителей титульной нации.

Пишу об этом явлении с полной ответственностью, поскольку, когда консультационный бизнес закончился и я стал заниматься оптовой торговлей со странами Западной Европы, то тогда надо было, помимо документов на английском, готовить еще пакет бумаг на латышском языке. Взял в фирму своего коллегу по идеологическому отделу ЦК, которого никто не хотел принимать на работу из-за того, что он не изменил интернационалистским убеждениям. Он, помимо работы «латышом», стал выполнять ряд административных функций на фирме, и вскоре я сделал его партнером по бизнесу.

Советские праздники

А. Гуляев. «Новый год»

В советское время было много праздников, и порядок проведения каждого из них строго регламентировался.

7 ноября отмечали очередную годовщину Великой Октябрьской революции, положившей начало социалистической государственности. 1 мая – Международный день солидарности трудящихся. В эти дни на Красной площади в Москве и в крупных городах проходили военные парады. Мы все смотрели передачу о параде на Красной площади по телевидению и радовались военной мощи СССР, верили, что враги одолеть нас никогда не смогут. После парадов проходили демонстрации трудящихся.

Я в детстве ходил на демонстрации в праздничной колонне вместе с трудовым коллективом завода «Красный квадрат», на котором работала мама. Дети несли красные шары, надутые водородом, и маленькие красные флажки с золотистыми надписями «7 ноября» или «Мир, труд, май». Взрослые на демонстрации несли транспаранты из красной материи с подобающими моменту лозунгами, а также знамена Латвийской ССР и портреты руководителей республики.

Во время демонстраций почему то всегда светило весеннее или осеннее солнце. Когда мы подходили по Комсомольской набережной к трибуне, на которой стояли руководители республики, комментатор выкрикивал праздничные призывы и поздравлял участников шествия с трудовыми достижениями. Обычно это был Петерис Табунс – тогда радиокомментатор и коммунист, а впоследствии депутат Сейма от одной националистической латышской партии. П. Табунс призывал в советское время участников демонстрации крепко сплотиться вокруг ленинского руководства латвийской компартии то на латышском, то на русском языке. Мы дружно кричали и на те, и на другие призывы «ура!». Всем было очень весело. Вечером проходили праздничные салюты и народные гуляния.

Сравниваю советские демонстрации 7 ноября и 1 мая с демонстрациями 11 ноября и 18 ноября, посвященными образованию нынешней, Второй Латвийской республики. Смысловой упор последних праздников делается их организаторами на ночных шествиях с факелами. Потом участники ночных демонстраций зажигают свечи у стен немецкого Орденского замка. Выходит, что массы народа в праздники поклоняются горящему огню и исполняет при этом какой-то тайный языческий обряд у символа немецкой власти над Ригой в Средние века. Как это относится к главной государственной идее построить «латышскую Латвию» не понятно.

Однако вернемся к советским временам.

Отец рассказывал, что с 1945 по 1947 гг. в СССР широко отмечали День Победы, и он был выходным. Потом парад на этот день отменили, хотя продолжили проводить торжественные заседания правительства, посвященные победе советского народа над фашистской Германией, возлагали цветы к памятникам погибшим воинам и устраивали салют. 9 мая перестал быть выходным днем, но народ устраивал массовые гуляния и поминал всех павших за Победу. Дома у нас друзья отца на эту дату всегда собирались вечером за столом помянуть погибших.

Как я понимаю теперь, И. Сталин после войны испугался роста самостоятельности в принятии решений и популярности бывших боевых командиров в народной среде и стал резко понижать их социальный статус. Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова он отправил руководить второстепенным военным округом, ряд значимых генералов, для острастки, репрессировал по пустячным поводам. Празднование Дня

Победы повышало авторитет военных командиров, и поэтому от него отказались.

При Н. Хрущеве День Победы также публично не отмечали. Он провел два очень крупных сокращения численности армии и флота, дал команду уничтожить часть военной техники, что вызвало недовольство всего командного состава. В офицерской среде его иначе как Никитка и Кукурузник за демобилизации и уничтожение боеспособного вооружения никто не называл. Куда уж в этих условиях было отдавать на празднике почести воинам победителям?

Только когда руководителем компартии стал Леонид Ильич Брежнев, празднование Дня Победы возобновилось. С 1968 года парад стали проводить уже не 1 мая, а 9 мая, правда, только в юбилейные годы. Л. Брежнев сам воевал, с военными хорошо ладил и совсем их не боялся. При нем утвердили звание «Город-герой», он выступил инициатором возведения большого числа памятных мемориалов, стал выделять из бюджета деньги на поддержку ветеранов войны.

23 февраля мы все отмечали День Советской армии. В школе девчонки поздравляли нас в этот день открытками, как будущих воинов. А 8 марта мы поздравляли одноклассниц с Международным женским днем и тоже дарили им открытки, уже как будущим матерям. Кто кому дарит открытки на праздники в младших классах, определял классный руководитель или староста. В старших классах мы уже дарили открытки, или даже цветы по собственному усмотрению. Однако староста класса внимательно смотрел за тем, чтобы символические подарки на праздник достались всем. Ведь были такие девчонки, которым подарить цветы хотел каждый мальчишка, а были, прямо скажем, «серые мышки». Кстати, по моим наблюдениям, из «серых мышек» выросли потом самые хорошие жены и матери. А избалованные вниманием мальчишек девчонки стали сначала вертихвостками, а потом, практически без перехода, стервозными бабами.

В советское время Рождество Христово, Пасху, другие религиозные праздники официально не отмечали, поскольку они не укладывались в рамки коммунистической доктрины. Видел, как народ ходил на двунадесятые праздники на службу в ближайшую к нашему дому Ивановскую церковь, но сам заходить в нее опасался.

На православное Рождество мама запекала курицу целиком (гусь был для нашей семьи слишком дорогим удовольствием) и тушила капусту, и мы вечером всей семьей с удовольствием поглощали это блюдо, не очень рассуждая о сакральном смысле ужина. На Пасху бабушка Марья Ивановна присылала нам по почте посылку, в которой были освященные в церкви куличи и крашеные яйца. Мы их тоже с удовольствием ели. Тут уж тема воскресения Христа в разговорах дома возникала.

Православные, кстати, больше отмечают именно Пасху, а не Рождество, а у католики и протестанты – наоборот.

Конечно, следование русским кулинарным традициям нельзя было назвать проявлением религиозности в православном духе. Нашей соседкой по дому, например, была тетя Люба Дуко, и она готовила на еврейский Новый год замечательную селедку под шубой и фаршированную щуку. Так мы их тоже с удовольствием ели в гостях, но не становились при этом иудеями.

Главным праздником для детей в советское время был Новый год. Дома устанавливалась пахучая елка, ее украшали блестящими стеклянными игрушками, конфетами с бахромой, завернутыми в цветные бумажки мандаринами, грецкими орехами, окрашенными серебряной краской. Поверху все это укутывали цветным бумажным серпантином и «дождиком». На вершину новогодней елки водружали большую красную звезду, а у основания ставили деда мороза и снегурочку из папье-маше. Под елку же укладывались подарки. Вскрывать свертки с подарками можно было только тогда, когда часы на Спасской башне Кремля били полночь. Поэтому детям в новогоднюю ночь разрешали не спать до полуночи.

Весь новогодний вечер мы смотрели телевизор: сначала художественный фильм, потом праздничный концерт и наконец поздравление руководителя партии советскому народу. Вначале дежурным новогодним фильмом была «Карнавальная ночь» режиссера Эльдара Рязанова с Людмилой Гурченко в главной роли, потом «Ирония судьбы» того же режиссера с Андреем Мягковым и Барбарой Брыльской. Э. Рязанов зачем-то пригласил на роль главной героини польку, видимо, поддался тогдашней интеллигентской моде на все заграничное, точнее полузаграничное. Была такая советская поговорка: «*Курица не птица, Польша не заграница*».

Вообще телевидение играло тогда в нашей жизни уже большую роль. Абсолютно все смотрели в то время телепередачи «Голубой огонек», «Клуб кинопутешественников», «Клуб веселых и находчивых». Дети продолжали смотреть передачу «Спокойной ночи, малыши!». После «тети Вали» эту передачу стала вести красавица Татьяна Веденеева.

Заканчивал писать книгу, как раз добавил несколько строк про советское телевидение. Устал, соскучился по человеческому общению и пошел на открытие книжной выставки в зале ВТ-1, что находится на о.Кипсала. Встретил там у раздела с российскими книгами радиоведущего Аркадия Кареева, стали вспоминать годы нашего детства. И вдруг он мне говорит: «*Смотри, среди организаторов выставки Татьяна Веденеева – помнишь такую красавицу телеведущую?»* Я оторопел от того, что мои воспоминания внезапно материализовались, и стал всматриваться в стоявшую невдалеке женщину бальзаковского возраста, перенесшую несколько пластических операций. В ее облике уже очень трудно было уловить черты моего далекого детского идеала. Аркадий заметил мою оторопь и сразу предложил: «*Хочешь познакомлю? Она стоит рядом с писателем Виктором Драгунским, которого я хорошо знаю*». Подумав немного, я отказался. Зачем проверять идеал на прочность, пожимая руку, болтая ни о чем или даже фотографируясь рядом с ним?

В конце декабря – начале января детям можно было пойти на спектакль, который назывался «Новогодняя елка», и получить там подарок. Подарок представлял собой целлофановый мешочек, туго набитый конфетами, мандаринами и грецкими орехами. Подарок сначала вручали тем, кто мог прочесть стишок или спеть песенку. Песенку на память я знал только одну – «В лесу родилась елочка». Она не народная, как многие думают, а написана поэтом Л. Кудашевой. Для меня было мучением публично спеть пару четверостиший этой песни про печальную судьбу лесной красавицы, и я обычно дожидался конца праздника, когда подарки давали всем детям подряд.

Больше всего мне нравилось ходить на новогодние спектакли в городской Дворец пионеров. Он располагался в здании Орденского замка. Там была самая высокая праздничная елка в городе и выступали «настоящие» Дед Мороз и Снегурочка – артисты ТЮЗа. Еще там сооружали горку из листов жести, по которой дети могли съехать на пятой точке с одного этажа замка на другой.

В новое время детей из Дворца пионеров выгнали взашей – как русских, так и латышей. Орденский замок же передали под резиденцию президента восстановленной Второй республики – Гунтиса Ульманиса.

Недавно в президентском замке произошел страшный пожар. Помещения сильно выгорели, было утрачено много находившихся внутри здания художественных ценностей. Дежурный сержантик еле успел вынести из огня президентский штандарт. Убытки составили десятки миллионов евро.

Волей случая, как раз во время пожара я ехал по Вантовом мосту и из окна машины видел, как из-под крыши близлежащей башни замка вырываются ярко красные языки пламени и поднимаются зловеще-черные клубы дыма. Зрелище было завораживающее и многие водители останавливали свою машину, чтобы им насладиться.

Мне же вспомнилась библейская история про Содом, на жителей которого Господь пролил дождем серу и огонь за грехи их. Жители этого города были склонны к противоестественным совокуплениям, в том числе и со своими детьми, пытались даже насильно овладеть тремя ангелами, пришедшими к ним с инспекционной проверкой. Проверка выявила, что в городе нет десяти праведников, требовавшихся для объявления амнистии. Среди правящей этнократической элиты нашей республики точно так же не было требующего количества праведников и пожар вполне мог быть вызван пролившимся с неба дождем огня и серы. Так, что я постарался побыстрее ретироваться с Вантового моста. Старался даже не оглядываться, чтобы не разделить судьбу жены праведника Лота, которого ангелы вывели с семьей из города. Глазевшая с удовольствием на разразившийся в ее городе пожар жена Лота была, по версии Библии, превращена в соляной столп.

Власти правильных выводов из случившегося не сделали. Последствия пожара ликвидировали, но детям замок не вернули. Жди новых несчастий. Ясно же, что пожар был знак свыше для всей правящей этнократической верхушки Второй Латвийской республики, которая вознамерилась пышно отпраздновать столетие прихода к власти, позабыв о нуждах детей и стариков, мужчин и женщин, русских и латышей. В сложившихся условиях за свою честь и достоинство приходилось опасаться кому угодно, даже ангелам.

Школьный комсомол

И. Репин. «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»

Комсомол, в который я вступил, когда пришло время, тоже был, по моему мнению, полезной общественной организацией. Мы вечно куда-то ходили по инициативе школьных комсомольских вожаков: в турпоходы, в кино, на олимпиады.

В один год ездили на зимние каникулы с классом на экскурсию в Ленинград, а в другой – в Москву. Ходили там по музеям и выставкам, любовались памятниками архитектуры. В Ленинграде помню походы в Эрмитаж и в Русский музей, по четыре часа каждый, а также широкий Невский проспект, Медного всадника и свинцово-холодную Неву. В Москве – Третьяковку, Пушкинский музей, храм Василия Блаженного и Кремль с храмами, которые построили первые московские цари.

Вообще человек воспринимает основную часть информации о внешнем мире визуально. Сильнее всего на него действуют созданные художниками образы.

Во время хождений по Русскому музею наибольшее воздействие на меня произвела картина Ильи Репина «*Запорожцы пишут письмо турецкому султану*». На картине была изображена группа разудалых казаков, столпившихся вокруг стола, за которым сидел интеллигентно улыбающийся писарь, видимо, единственно грамотный в Запорожской Сечи человек. Писарь аккуратно выводил гусиным пером на бумажном свитке то, что ему диктовал сидевший рядом атаман. В ответ на требование султана к запорожцам подчиниться ему, на бумагу ложились слова на смеси русского и малороссийского – суржике. Эти слова были

выгравированы на медной табличке под картиной. Самым приличным был следующий отрывок: «*Ти, султан, чорт турецький, і проклятого чорта син і брат, самого Люцеферя секретарь. Якій ты в чорта лицар, коли голою сракою їжака не вбъешь?!*».

Казаков И.Репин изобразил на полотне очень привлекательными в своей независимости и веселости. Мне больше всех приглянулся хитро улыбающийся писарь. Похоже, что он был из бывших семинаристов, поскольку грамоту иначе как в православной бурсе постигнуть раньше было негде. Образ казачьего писаря я примерил на себя, и он мне пришелся впору.

На Красной площади наибольшее впечатление на меня произвел Мавзолей В. Ленина. Но это впечатление было совсем иного характера, чем от картины И. Репина. Мы с одноклассниками долго стояли в очереди, чтобы попасть внутрь Мавзолея. Потом спустились в подземное помещение, где в стеклянном саркофаге лежала мумия основателя советского государства. Она была очень похожа на мумии фараонов, что я видел за год до этого в Эрмитаже, в зале, посвященном культуре Древнего Египта. А я тогда уже знал из разговоров с нашим преподавателем истории, которого очень уважал за его глубокие знания, что коммунисты не признают существования загробной жизни и осуждают культ вождей.

Наследники вождя революции хотели придать ему после смерти высокий социальный статус, известный в православной традиции как «святой». Коммунисты не стали обращаться к Русской православной церкви с запросом на получение этого статуса, а придумали свою собственную процедуру прославления вождя в веках. Эта процедура по форме была позаимствована у восточных деспотий – сооружение внушительного мавзолея, помещение в него выпотрошенного и обсмоленного тела верховного правителя, а потом организация поклонения ему. Данную процедуру придания «святости» вождю приняли впоследствии коммунисты многих других стран. Например, были построены мавзолеи и организовано поклонение останкам Мао Цзэдуна в Китае, Хо Ши Мина во Вьетнаме, Ким Ир Сена в Северной Корее.

Замечу, что практика поклонения останкам вождя была принята только коммунистами-интернационалистами. Национал-большевик Фидель Кастро, например, завещал после смерти кремировать его тело. В начале декабря 2016 г. урну с его прахом замуровали в большом диком камне,

напоминающем по форме кукурузное зернышко. На камне установили табличку с надписью «*Фидель*». Духовные наследники вождя кубинской революции исходили из его любимого выражения: «*Вся слава мира легко умещается в кукурузном зернышке»*. Кто верит в идеалы коммунизма, тот придет поклониться и к «*кукурузному зернышку*», а кто не верит, того не смогут привлечь ни пафосное здание мавзолея, ни правильно забальзамированная мумия.

Однако во времена моего отрочества не принято было обсуждать вопросы использования тех или иных символов и обрядов коммунистической веры. Абсолютно зря, между прочим, поскольку если бы люди ориентировались на понятные им символы и добровольно выполняли обряды, то и не пришла бы в упадок коммунистическая вера, удерживающая вместе советский народ. Христиане же две тысячи лет следуют своему, понятному всем символу веры, поклоняются своим святым, животворящему кресту и *врата ада не могу их одолеть*.

Мумия основателя советского государства в сакральном центре России на Красной площади лежит до сих пор, и ее символического значения в жизни русской нации никто объяснить не может. Хотя бы к столетнему юбилею создания первого социалистического государства надо было бы похоронить останки его основателя по христианскому обычаю. Это действие позволило бы примирить сторонников «красного» и «белого» проектов вокруг формально христианских, а реально – русских духовных ценностей.

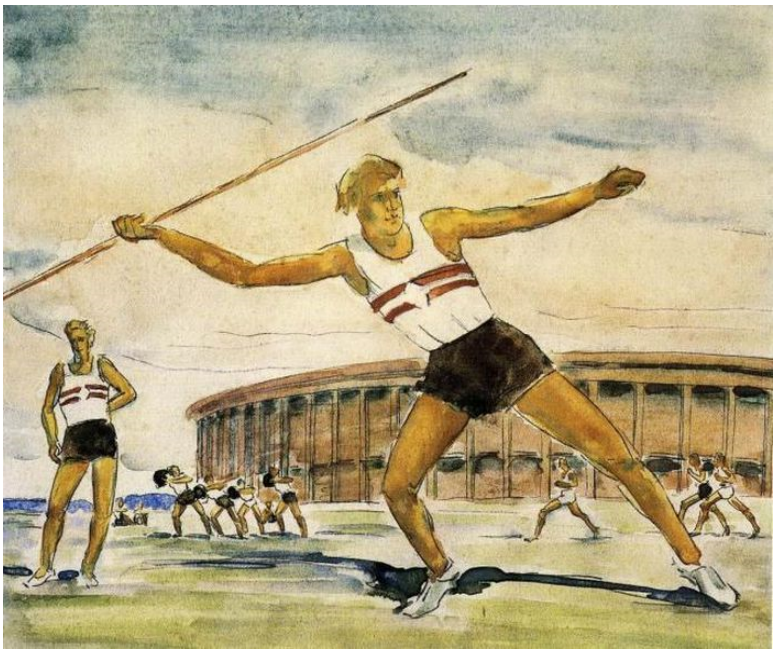
На комсомольских собраниях в нашей школе изредка поминали В. Ленина как пример для подражания в учебе и работе. Это было обычно тогда, когда отчитывали двоечников. Но было это все не по-настоящему, а так, для проформы. После публичных «чисток» комсоргом на помощь двоечникам выделялись кураторы-отличники, которые должны были подтягивать отстающих по математике или по русскому – наиболее трудным школьным предметам. Обычно отличниками были больше девчонки, а двоечниками и троечниками – мальчишки.

Недавно выяснил, что девчонкам-отличницам занятия по подтягиванию отстающих мальчишек особо не нравились, но они подчинялись указаниям комсоргов и учителей. Чужая душа потемки, а женская душа – потемки вдвойне. Мальчишки-троечники комсоргов и учителей особо не слушались, а ориентировались на внешние обстоятельства жизни.

Приобретенные самостоятельно в юные годы навыки выживания помогали слабым в науках мальчишкам легче устроиться потом в жизни. Девчонки же, привыкшие жить по установленным правилам, в большой жизни терялись, особенно во времена резких перемен.

Отмечу еще, что в старших классах школы мы готовили по очереди политинформации, то есть пересказывали своими словами то, что вычитывали в газетах о жизни в СССР и в мире. При этом учителя не навязывали нам своих оценок происходящего – мы говорили то, что сами думали. Так что рассказы некоторых людей о том, что в школе мы были жертвами коммунистической пропаганды, просто злонамеренные враки.

Физкультура и спорт



Н. Загреков. «Метатель копья на Олимпийских играх»

При социализме компартия заботилась о здоровье населения и ввела в практику массовые занятия физкультурой. На предприятиях в обязательном порядке делали физическую зарядку во время работы, проводили Дни здоровья, когда трудовые коллективы выезжали на природу и играли в футбол, волейбол, другие подвижные игры. В школе для детей были обязательны уроки физкультуры, а те, кому позволяло здоровье, ходили еще в спортивные секции. Все спортивные занятия были бесплатными.

Сестра Татьяна, которая больше всех в семье заботилась о моем воспитании, как-то отвела меня за руку в спортивную секцию, и я стал ходить на тренировки. Сначала занимался греблей на байдарках. Мы с ребятами плавали на лодках на реке Лиелупе, бегали кроссы, ходили в бассейн и на «сухие» тренировки в школьный спортивный зал.

Потом я сам пошел в школьную секцию легкой атлетики. Школьный учитель Эдуард Антонович Маруга, видя мое усердие, порекомендовал в детскую спортивную школу.

В спортивной школе я попал к тренеру Элмару Крузе. Этот тренер подготовил чемпиона мира по метанию копья Яниса Лусиса и многих других известных метателей. Лусис иногда приходил к тренеру и делал

для нас показательные броски. Его копье после броска оказывалось где-то на другом конце стадиона, и казалось, что такого результата другой человек повторить не сможет. Янис был простой и открытый парень, все время подбадривал нас и как умел делился секретами своего мастерства.

На тренировки к Э. Крузе ходил еще Гиртс Кристовский – длинный жилистый парень из какого-то дальнего хутора. Тренировался он всегда один, дорос до мастера спорта по метанию копья. А когда стал министром иностранных дел независимой Латвии, превратился в русофоба – написал, что русских не надо лечить так же хорошо, как латышей, то есть выступил сторонником геноцида русского населения. В родном хуторе его этому научить не могли, в спортивной секции тоже. Может быть, в Институте оборонного планирования и управления ресурсами в США, в котором он год учился?

Зимой мы, члены спортивной группы Элмара Крузе, ходили тренироваться в Спортивный манеж, что и сейчас стоит на Московской улице, а летом занимались на малом поле стадиона «Даугава».

Метать приходилось все спортивные снаряды: копье, диск, ядро, молот. Метать учили сразу взрослые – тяжелые снаряды, хотя мне только исполнилось 15 лет. Молот – это такой металлический шар на проволоке с ручкой. Его надо было сначала вращать над головой вокруг себя, потом вращаться вместе с ним по оси и, наконец, бросать как можно дальше. Молот этот весил за семь кг, и на первых тренировках он больше бросал меня после раскрутки, чем я его.

Для разминки перед метанием играли в футбол, много бегали на время. Любимая тренировочная дистанция у тренера была 1500 метров, которые надо было бежать с ускорением. Прогресс у меня был в беге, а в метании дела шли не очень хорошо – не хватало мышечной массы тела.

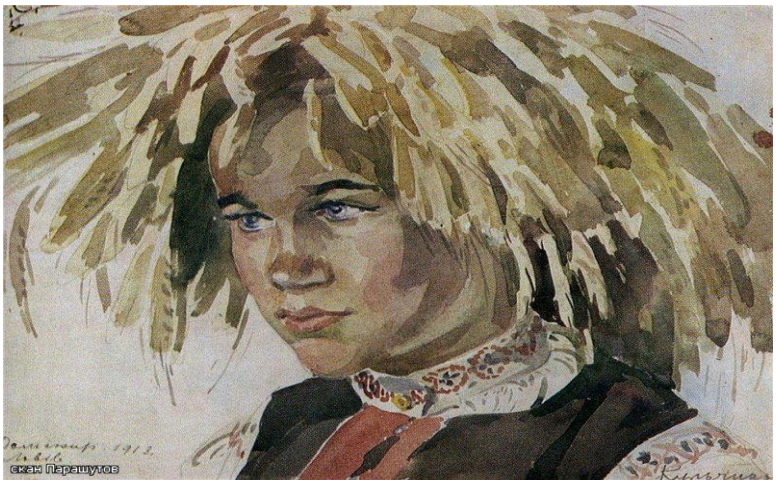
Ни о каких допингах для наращивания мышечной массы от тренера мы не слышали, хотя он готовил спортсменов высшего мирового уровня. Тренер учил нас только как правильно питаться, соблюдать режим дня, заставлял для этого вести дневник спортсмена. Еще он учил нас соблюдать неписаный кодекс спортивной чести. Нельзя было поступать подло по отношению к сопернику, использовать нечестные приемы достижения высоких спортивных результатов. Эти уроки я усвоил на всю жизнь. Научился также определять по тому, как ведет себя человек на

тренировках или на соревнованиях, его характер. Гнилой характер человека обязательно проявится в ходе спортивных занятий, особенно при соревновательной коллективной игре.

Тренировки в легкоатлетической группе проходили пять-шесть раз в неделю, и это сильно мешало учебе. После трехчасовых напряженных физических занятий хотелось только поесть и лечь спать. В школе начал сползать с пятерок на тройки. Сестра пожаловалась на меня тренеру. Тот пригрозил, что не пустит на занятия, пока не стану хорошистом. Пришлось ограничить число тренировок до трех в неделю. Наверное, поэтому чемпионом мира по метанию копья мне стать не довелось, зато спортом регулярно занимаюсь до сих пор. Хотя это уже не спорт, нацеленный на получение высоких показателей, а физкультура, имеющая цель поддержать в работоспособном состоянии все органы тела.

В новое время занятия физкультурой в школе остались, а вот в техникумах и институтах уже нет. Молодежь стала страдать от недостатка подвижности – от гиподинамии по-научному. Кто-то боролся с этой бедой с помощью утренних пробежек трусцой, кто-то стал ходить в атлетические залы. Однако в целом поколению молодых стала угрожать беда пасть жертвой старческой деменции. Эта беда пришла во все западноевропейские страны, где на физкультуру для подрастающего поколения стали жалеть деньги.

Опыт борьбы за человеческое достоинство



Елена Кульчицкая. «Мальчик в венке из колосьев»

Общая атмосфера в нашем классе, да и в 51-й средней школе, в которую я перешел учиться в старших классах, была доброжелательная, можно сказать, даже творческая. Все старались учиться, но у кого-то выходило лучше, у кого-то хуже. Учителя к нам относились хорошо, старались найти к каждому индивидуальный подход. Однако во время учебы случались и конфликты.

Помню, на девятом году учебы я подружился с самой красивой в классе девочкой Таней Минаевой. Мы сидели с ней на последней парте и часто тихонько перешептывались на уроках. Так, о просмотренных фильмах, прочитанных книгах, общих знакомых. Когда учителя делали замечание за шушуканье – писали друг другу записочки.

Однажды к нам в класс пришла новая учительница русского языка и литературы, насколько я помню, ее звали Дора Семеновна. Она заметила, как мы обмениваемся с Татьяной записочками, и попыталась их конфисковать. Я отказался отдать ей нашу переписку, хотя в ней не было ничего дурного.

Тогда Дора Семеновна решила показать, кто в классе хозяин. Вызвала к доске меня, потом Таню. Задала несколько каверзных вопросов по «Войне и миру» Льва Толстого. В литературе мы с Татьяной разбирались неплохо, роман давно прочли, между собой его не раз обсуждали и поэтому ответили на вопросы учительницы достаточно толково. Литераторша хотела поставить нам в назидание за непослушание двойки, но класс стал возмущаться, и в журнале были выведены красными чернилами худые

тройки с минусом. Я разозлился на такую несправедливость, но сдержался, поскольку действительно писал записочки на уроке, что делать по школьным правилам не позволялось.

Не достигнув результатов на поприще учебы, Дора Семеновна решила, что называется, дожать ситуацию другими методами. Она подняла на следующем уроке литературы Татьяну с места и стала ругать ее за неподобающий ученице внешний вид. Мол, что это она себе позволяет: ходит в школу в черных колготках, с накрашенными глазами и с покрытыми ярким красным лаком ногтями. Надо сказать, что у Татьяны был хороший вкус, и лишнего в одежде и косметике она себе не позволяла. Дело было во внимании, которое я уделял своей соседке по парте. Какая женщина выдержит, что другой женщине в ее присутствии уделяется особое внимание? Даже если сопернице всего лишь 16 лет.

Наш внешний вид обычно никого из учителей не волновал, а тут его использовали для унижения моей подруги! Польская кровь вскипела, я вышел перед классом и объявил, что слова учительницы есть непозволительное унижение человеческого достоинства, и мы объявляем ей бойкот: учиться под ее руководством не будем до тех пор, пока она не извинится. Поставил вопрос на голосование, и класс единогласно проголосовал за бойкот. Бойкот удался, потому что меня поддержали друзья – Олег Вовк и Саша Одынец. Девчонки в классе отнеслись к бойкоту индифферентно – не их же защищали, но возражать не стали.

Дора Семеновна от моего неожиданного демарша покраснела, что-то попыталась сказать, но поперхнулась, как я от той папиросы «Прима», что когда-то навязывал Ромка, вскочила и выбежала из класса.

В школе разразился неимоверный скандал. Новый классный руководитель Тамара Павловна Егорова вызвала на беседу наших родителей. Мама сходила в школу, послушала претензии Доры Семеновны, потом вернулась домой и послушала мою версию происшедшего. По итогам моего рассказа ею был вынесен короткий вердикт: «*Своих женщин надо защищать. Как – сам решай*». Отцу мама вообще ничего не сказала, сославшись на то, что нечего его по мелочам беспокоить. Нечто подобное сказала после вызова в школу и мать Татьяны. Отец у нее тоже был офицером и до разборок в школе матерью не допускался.

Дора Семеновна после сорвавшейся попытки шантажировать нас через родителей отказалась проводить занятия по литературе, видимо, желая сломить сопротивление бунтовщиков таким изощренным образом. Тогда актив класса организовал самостоятельное изучение учебной программы по литературе: наиболее сильные ученики по очереди готовили лекции по программным литературным произведениям, вызывали остальных к доске и ставили им оценки за ответы. Правда, не в классном журнале, который нам не полагалось давать на руки, а в отдельной тетрадке с синей обложкой. Дора Семеновна же сидела в классе одна на первой парте, поскольку иначе ей засчитали бы прогулы на работе, и изредка пыталась навязать классу свою трактовку изучаемых произведений. Так продолжалось с месяц.

Один раз учительница поспорила с Татьяной по поводу оценки персоны Анны Карениной. Татьяна, я знаю, при подготовке к уроку проштудировала мудрую литературоведческую книжку по этому вопросу и потом рассказала классу перед доской, что, мол, и наркоманка была Анна, и хорошего мужа с ребенком бросила ради любовника. И что кроме как под поезд броситься выхода у нее в жизни после этого не было. А еще, что Лев Толстой женщин вообще не любил и писал про них гадости. Против такой трактовки Доре Семеновне возразить было нечего, и она просто написала на нас ябеду директору школы, обвинив в злобной клевете на классика русской литературы.

Директор, Инна Петровна Пермякова, была вынуждена прийти на очередной урок, послушала, как мы ведем занятия... и назначила нам в класс другую учительницу литературы. Та сначала опасалась страшных бунтовщиков, но потом поняла, что мы вполне нормальные дети, и легко наладила с нами хорошие отношения. А оценки из нашей тетрадки с синей обложкой новая учительница литературы перенесла в классный журнал. Один к одному – я тайком подсмотрел.

Я все это описываю для того, чтобы показать, что в советской школе была благожелательная и уважительная атмосфера и из детей пытались воспитать личность, а не послушных исполнителей чужой воли.

Стихийный атеист

Михаил Врубель. «Демон»

В детстве моя бабушка Мария Ивановна крестила меня по православному обряду. Отец и мать хотя и были крещеными, но в церковь не ходили. Это специально не запрещалось, но особо и не приветствовалось в среде кадровых военных. В школе специальных занятий по атеизму не было, а вопросы нравственности учителя преподносили нам по уже упомянутому мною «Моральному кодексу строителя коммунизма». Основные положения кодекса были позаимствованы из христианской доктрины.

Атеистические идеи я почерпнул из книг известного французского богоборца Лео Таксиля. Книги назывались «*Забавная библия*» и «*Священный вертеп*». Автор окончил иезуитский колледж и хорошо знал слабые места христианской церкви, умело критиковал ее за промахи, которые присущи любому социальному институту, показывал текстуальные противоречия в Священном писании. Богоборческие идеи хорошо легли на незамутненное православной верой детское сознание, и я определил себя в стихийные атеисты.

Как-то на летних каникулах я гостил у бабушки Марии Ивановны в городе Мелитополе, где она постоянно жила с мужем, моим дедом Гордеем Кононовичем, кузнецом высокого разряда и убежденным коммунистом. Встав раз рано утром и заглянув в бабушкину комнату, я увидел, как она молится перед образом Иисуса Христа, висевшим в углу ее спальни.

Тут меня демон и попутал. «*Бабушка, а в одной умной книге написано, что Бога нет*», – радостно поделился я с ней своими благоприобретенными знаниями. Бабушка повернулась ко мне и тихо, но с неожиданным напором в голосе сказала: «*Для кого нет, а для кого и есть. Богородица еще позовет тебя служить Ей!*». Видимо, она молила Господа надоумить меня жить праведной жизнью и послужить Богородице нашей Деве Марии.

После короткого разговора с бабушкой на богословские темы я книги вроде тех, что написал Таксиль, читать перестал. Даже Дени Дидро и Людвиг Фейербах не укрепили меня в отрицании Бога. Правда, медный крестильный крест я сразу не надел – он лежал в шкафу на верхней полке в той же деревянной коробочке, где и другие семейные реликвии. Изредка я его доставал, гладил пальцами, но надеть не осмеливался – не был к этому готов.

Зато по совету бабушки я нашел в районной библиотеке и прочитал историческую брошюру про своего ангела-хранителя князя Александра Невского. Больше всего в той брошюре мне, конечно, понравились сюжеты про разгром князем шведов на Неве и немцев на льду Чудского озера. Однако в память врезалась и речь, произнесенная Александром перед дружинникам на берегах Невы: «*Не в силе Бог, а в правде. Иные – с оружием, иные – на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем! Они поколебались и пали, мы же восстали и тверды были*».

С тех пор я чувствую, что святой благоверный князь Александр Невский стоит у меня за спиной и пытается наставить на путь истинный. Это, конечно, если я его прошу об этом словами молитвы: «*Святый Ангеле, предстояй окаянней моей души и страстней моей жизни, не остави мене грешнаго, ниже отступи от мене за невоздержание мое. Не даждь места лукавому демону обладати мною, насильством смертнаго сего телесе; укрепи бедствующую и худую мою руку и настави мя на путь спасения*».

Практика укрепления духа молитвами пришла уже в зрелом возрасте – в отрочестве к этому никто не приобщил.

Офицерские дети

Андрей Шишкин. «Последний защитник»

В детстве и отрочестве я жил в военном городке, и меня окружали дети офицеров. Мы все жили на русской языковой и культурной основе, но были по своему менталитету советскими людьми.

Во всех семьях военных царила атмосфера служения стране, ответственности за все происходящее вокруг и самодисциплина. Наверное, она вырабатывалась под влиянием примера поведения отцов. Наших отцов могли в любую минуту поднять по тревоге и отправить на учения на неделю, а то и на месяц. Дома у нас всегда стоял на такой случай отцовский тревожный чемоданчик с набором вещей первой необходимости.

Часть офицеров летного полка, в котором служил отец, принимала участие в высадке советских отрядов на Кубе в 1961 г., часть участвовала в подавлении антисоветского мятежа в Чехословакии в 1968 г. Это был тот самый истребительный авиационный полк «Нормандия-Неман».

Отношение к Великой Отечественной войне у моих товарищей по военному городку было особое. Практически у всех отцы и деды воевали, у многих во время войны погибли родственники. В семьях были свежи

воспоминания о страданиях, которые принесли на нашу землю немцы. Бабушка Наталья Ивановна, ее дочери, моя мама и тетя Люся, пережили блокаду в Ленинграде, потом их вывезли по льду Ладожского залива на Большую землю и отправили в эвакуацию в Казахстан. Там они долгое время жили в юртах в степи, пасли скот. Потом гнали этот скот пешком на Украину для формирования в тамошних колхозах стад взамен увезенных немцами в Германию. Догнали скот до Мелитополя, и там мама познакомилась с отцом, который служил тогда на военном аэродроме в этом городе.

Отец во время войны служил в десантных войсках. По его рассказам, их сбрасывали в тыл врага на планерах или на парашютах, и там они проводили ночные рейды по штабам, складам и резервным частям. Рассказывать о войне отец не любил, видимо, потому, что насмотрелся много смертей и горя. За боевые действия отец был награжден орденом и многими медалями. Они лежали в той самой деревянной коробочке на верхней полке в шкафу, и я любил доставать их и перебирать. Надевать награды было нельзя, поскольку они были не моими. Награды требовалось заслужить.

Рассказы родителей пробудили интерес к книгам о войне. Помню, прочитал несколько десятков книг, посвященных этой теме, множество стихов военных лет. С замиранием сердца смотрел фильмы о войне. В эти годы появлялись фильмы Григория Чухрая «Баллада о солдате», «Летят журавли» Михаила Калатозова, «Судьба человека» Сергея Бондарчука. Это были пронзительные по силе воздействия фильмы про нас и для нас. Чуть позже появились такие прекрасные художественные фильмы про войну, как «Белорусский вокзал» Андрея Смирнова, «В бой идут одни старики» Леонида Быкова, «Горячий снег» Гавриила Елизарова, «Отец солдата» Резо Чхеидзе. Мы смотрели все эти фильмы по нескольку раз и в кинотеатрах, и по телевизору, знали их содержание наизусть, по праздникам пели прозвучавшие впервые в этих фильмах песни. «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой о советском разведчике Штирлице были для нас культовым фильмом. Каждый мальчишка мог пересказать его содержание дословно.

С пятого класса я стал ходить в однопоточную школу с русским языком обучения. В эту же школу ходили все дети из нашего военного городка. Латышские дети учились в школе, расположенной километрах в двух, и

мы с ними практически не пересекались. Некоторые сейчас рассказывают о драках между русскими и латышскими школьниками. Не знаю, может быть, где-то эти драки были, но в своем окружении я о таком не слышал. Дети военных знали, что драка, как и война, это дело серьезное и по пустячным поводам их начинать нельзя.

Многие мои товарищи по двору пошли по стопам отцов и стали офицерами. Они окончили военные училища, по распределению разъехались по всему Советскому Союзу, и я их потом больше не видел. Как-то только встретил сына командира «нашего» летного полка – Володю с сыном лет двенадцати. Он Рижское высшее военное авиационное инженерное училище имени Якова Алксниса окончил и приехал в отпуск к родителям. Поболтав о том о сем с Володей, я спросил его сына, кем он хочет стать. Он, не раздумывая, ответил: *«Летчиком, как папа»*.

В республике было аж три военных училища, но латыши в них учиться шли очень неохотно. Русские – да, украинцы и белорусы – да. А латыши, литовцы и эстонцы – нет. Разве что совсем уж «красные» по убеждению. Видимо, в основной части семей прибалтийцев был подспудный негативный настрой к службе в Советской армии – не считали ее своей. Зато латыши и литовцы считались самыми лучшими солдатами срочной службы. Они отличались высокой дисциплиной и исполнительностью.

В нашей школе еще учились дети из семей железнодорожников. Железнодорожники были во многом схожи по духу с военными. Я всю свою последующую жизнь мог сразу отличить детей советских военных, да и железнодорожников по их внутреннему настрою и по ответственности за все происходящее вокруг.

ГЛАВА III. ВЫБОР ПУТИ

Как я решил стать профессором

Ленинградский государственный университет им. А. Жданова

Как-то раз, будучи уже старшеклассником, я гостил во время зимних каникул у бабушки Натальи Ивановны в Ленинграде. На третий день моего лежания на диване с очередным томом «Детской энциклопедии» в руках (я читал все тома подряд с первой до последней страницы), она задала мне в лоб вполне уместный в данном случае вопрос. «*Сашка, а ты кем в жизни стать хочешь – все книжки читаешь*?» Бабушка Наташа была коммунисткой с дореволюционным стажем, работала заведующей кондитерской на 14-й линии Васильевского острова и любила в жизни ясность. Мне как раз только исполнилось шестнадцать лет. «*Известное дело кем, бабушка, профессором!*» – не раздумывая ответил я.

Образ жизни профессоров был мне знаком, потому что бабушка жила в коммунальной квартире на Васильевском острове и одну из комнат в ней занимал как раз профессор Ленинградского госуниверситета им. Андрея Жданова. Он был профессором в области геолого-минералогических наук, но на кухне обсуждал с Натальей Ивановной по большей части философские вопросы. Бабушка хотя и не имела даже полного среднего образования, была настоящей ленинградской интеллигенткой, очень начитанной, умела глубоко и правильно судить обо всех вещах на свете, разбиралась в музыке, театре, балете. Я иногда присутствовал во время

этих философских диспутов на кухне и жадно впитывал то, что говорили взрослые. Постоянное чтение книг, работа над рукописями, широта кругозора, четкость суждений соседа-профессора мне очень импонировали, и я решил, что такая профессия как раз для меня.

Бабушка с уважением отнеслась к моему выбору будущей профессии, хотя и спросила: «*А сможешь ли? Может, тебе какую-то более простую профессию освоить? Например, стать токарем высокого разряда? Они зарплату хорошую получают, и уважают их все». «Ясное дело, смогу бабушка!»* – ответил я ей тогда.

Право на серьезные вопросы бабушка Наташа имела. Она пережила ленинградскую блокаду, работая в военном госпитале, потеряла на войне мужа, воспитала одна нескольких детей.

Помню, как бабушка возила меня с родной сестрой Татьяной, двоюродными сестрами Светой и Леной, да еще и с их подругами на юг отдыхать. Мы все от прибалтийского климата страдали зимой простудами, ангинами и гайморитами, так она везла нас на Черное море и проводила на нем с нами пару месяцев. Потом к нам приезжали родители, жили некоторое время вместе, тоже грелись на солнце и купались, а к осени развозили всех по домам. Только сейчас я понимаю, какой это героический поступок – присматривать за полудюжиной ребят, да еще в чужом месте.

Наверное, желание не ударить в грязь лицом перед любимой бабушкой и заставило меня стремиться получить высшее образование, а не пойти учиться на токаря высокого разряда.

Однако сразу после школы поступить в Ленинградский госуниверситет на выбранное мною отделение политическая экономия не удалось. Оказалось, что уровень подготовки в рядовой рижской школе не соответствовал требованиям, которые предъявлял один из ведущих советских вузов, и необходимого для поступления количества баллов я не набрал.

Начало трудовой биографии

Собор свв. Петра и Павла в Риге

Вернувшись в Ригу после неудачной попытки поступить с наскока в ведущий университет страны, я устроился на работу техником в вычислительный центр при НИИ, который занимался разработкой автоматизированных систем управления для гражданской авиации. Хорошо помню, что ученые в этом институте разработали среди прочего автоматизированную систему бронирования и продажи билетов, которая называлась «Сирена». Она успешно применялась в Аэрофлоте и в авиакомпаниях ряда социалистических стран, была не хуже, чем аналогичные системы, функционировавшие в то время на Западе.

Все операции, необходимые для работы «Сирены», велись на отечественных электронных вычислительных машинах «Минск-32», периферийное оборудование которых мне как раз и приходилось обслуживать – чистить, смазывать, заменять перегоревшие блоки, тестировать. Это по поводу технологического отставания СССР от Запада, о котором так любят сейчас говорить могильщики социализма.

После развала СССР жулику Борису Березовскому удалось попасть в руководство Аэрофлота. Он не только украл всю валютную выручку этой крупнейшей в мире авиакомпании за несколько лет, но и заставил

исполнительных директоров сменить систему «Сирена» на ее американский аналог. Наверняка за взятку от американских проектировщиков, а то и от самого Госдепа, который активно лоббировал Бориса Абрамовича в московских коридорах власти.

Березовский через несколько лет попал за свои преступления под уголовное преследование и бежал из России в Великобританию. Оттуда он злостно клеветал на новое российское руководство, вычищавшее страну от проходимцев. Закончил беглый олигарх плохо: соседи нашли его мертвым в огромном особняке под Лондоном. Как писали газеты, он жил один и покончил жизнь самоубийством – повесился.

Этот случай напомнил мне кончину евангельского Иуды, который предал за 30 сребреников своего Учителя, а потом повесился от душевных мук. Только Борис Абрамович предал не Учителя, а вырастивший его советский народ, предал в том числе меня, скромно поддерживавшего когда-то жизнь «Сирены» в вычислительной машине с поэтическим именем «Минск-32».

Помимо технического обслуживания перфораторов, устройств для считывания перфокарт и шкафов с магнитными лентами, в НИИ мне приходилось выполнять различные разовые поручения. Однажды руководство института направило меня вместе с двумя другими сотрудниками нашего отдела, инженерами, на необычные работы. Надо было демонтировать старую вычислительную машину. Машина эта располагалась в здании храма св. Петра и Павла в Цитадели. Храм построили в начале XVIII века, длительное время он был кафедральным собором Рижской епархии, служил усыпальницей епископов Вениамина и Филарета. В начале XX в. пришедшие к власти во Второй Латвийской республике латышские националисты отобрали храм у православных и передали его микроскопической эстонской лютеранской общине. Это была расплата за услуги прибывших из Эстонии отрядов эстонских националистов, помогавших оборонять Ригу от войск русских белогвардейцев и местных немцев-остзейцев под руководством П. Бермондта-Авалова в ноябре 1919 г. Эстонцы тогда сильно пограбили городские лавки и квартиры, вывезли всю захваченную добычу на автомашинах к себе на хутора. Латышские хутора за «услуги по освобождению» эстонские националисты тоже с собой прихватили. Вывезти на автомашинах целые хутора было трудно, так к Эстонии

прирезали большой кусок территории в районе г. Валки, населенный почти исключительно латышам. Вроде бы там даже боевые столкновения между эстонцами и латышами были, но англичане их пресекли.

Первые руководители «белой» Латвии много чего тогда прозевали. Например, литовцы присвоили себе большой кусок побережья Балтийского моря в районе Паланги, который раньше был приписан к Курземской губернии. Настоящие латышские националисты никогда бы не забыли ни о потере Валки, ни о потере Паланги. Но у нас в стране настоящих латышских националистов нет – есть только потешные клоуны, использующие националистическую риторику.

Но это я немного отклонился от линии повествования. После Великой Отечественной войны здание Петропавловского храма перешло в ведение Красной армии, и военные приспособили его под вычислительный центр.

Зайдя впервые в Петропавловский храм, я был поражен его величием и испытал какой-то внутренний подъем духовных сил. Позже я узнал, что это чувство возникает в местах, где люди столетиями возносят молитвы Богу. На стенах храма сохранились росписи, но иконостаса не было. Посреди церкви стоял железный монстр размером с небольшой двухэтажный дом – вычислительная машина «Урал-4». Она была начинена электронными лампами, релейными катушками, медными проводами и еще какими-то гаджетами непонятного назначения.

Все в храме было покрыто толстым слоем пыли и затянуто паутиной. Совсем как в казацкой церквушке из недавно виденного мною советского фильма ужасов «Вий». Разве что по стенам не ползала нечисть, да гроб с ведьмой в облике актрисы Натальи Варлей не летал по воздуху.

Я побродил немного по пораженному мерзостью запустения храму, потрогал руками стены – они были почему-то теплыми, несмотря на то, что на улице стоял ужасный мороз. Потом стал расспрашивать бывших со мной коллег об истории собора, но они ответить на мои вопросы не могли.

Две недели мы вытаскивали из патриарха отечественной вычислительной техники электронные лампы, раскладывали их по разным ящикам, которые потом куда-то увезли военные. Лампы прослужили на «Урале-4» два десятка лет, но были, как мне объяснили коллеги инженеры, вполне работоспособные, и их хотели приспособить к какой-то другой военной штуковине. Еще из вычислительной машины мы извлекли

кучу железа, меди и даже серебра. Серебром были покрыты контакты на релейных катушках, и я откусывал эти контакты кусачками в маленький железный ящичек. Много «накусал» – килограмма два так точно.

Поскольку в храме было все-таки достаточно прохладно, начальство выдавало нам по сто граммов спирта в день для согрева души. Я спирт за компанию попробовал, но он мне совсем не понравился. Бабушка Мария Ивановна была первоклассным шеф-поваром, умела готовить прекрасное домашнее вино и научила меня разбираться в алкогольных напитках. От хорошего вина получаешь вкусовое наслаждение и не теряешь ясность ума, а водка, а тем более спирт, обжигает все внутри и мутит рассудок.

Здание Петропавловского собора после демонтажа железного монстра отдали под вещевой склад, а в конце 80-х его реконструировали и превратили в концертный зал с вызывающим языческим названием «Ave sol!». Теперь в нем проходят концерты. На месте алтаря в зале оборудована сцена, на ней пляшут актеры и исполняются скабрезные песни. Это много хуже, чем размещение в храме вычислительной машины.

В новые времена все попытки православной общины вернуть себе Петропавловский храм были безуспешными. Я написал вновь избранному рижскому мэру Нилу Ушакову справку с аргументацией относительно исторических прав православных на здания Петропавловского храма. Однако дело уперлось в тот факт, что в начале XX века здание храма было конфисковано у православной общины решением Сейма и только на этом уровне можно было принять решение о его возврате.

Кстати, власти молодой Латвийской республики отобрали у русской общины еще великое множество других культурных объектов. Среди этих объектов только в Риге: дворец Петра I, Свято-Алексеевский православный монастырь и резиденция православного епископа(переданы католикам), Русский драматический театр, построенный на деньги купцов(ныне Латышский драматический театр), Духовная семинария(ныне анатомикум), Александровская гимназия(ныне Консерватория), две гимназии и реальное училище на Николаевской улице.

Как-то я попытался поднять вопрос о возврате украденного властями у русской общины имущества, но на меня все зашикали: «*Что ты! Что ты! На эту тему говорить неприлично*». Воровать было прилично, а говрить о воровстве неприлично. Очень странная система нравственных координат.

На страже Родины

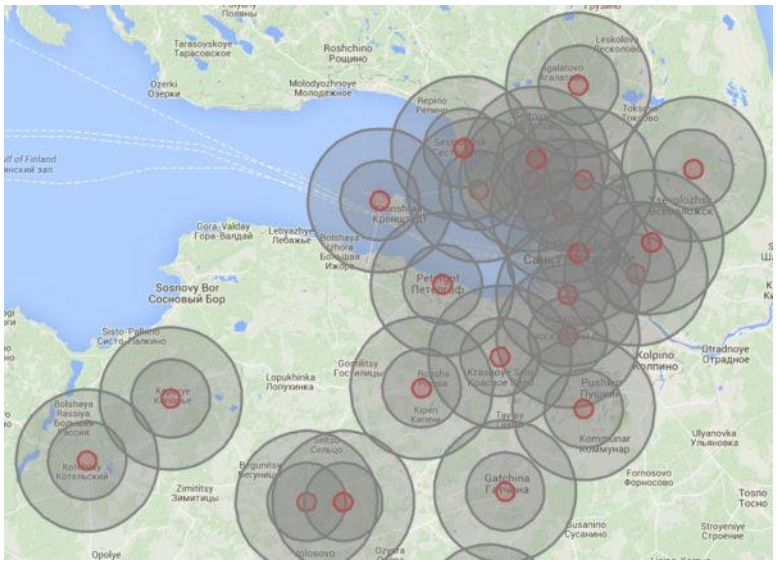


Схема нанесения ядерных ударов США по Ленинграду

В НИИ я проработал чуть более полугода, и весной 1971-го меня призвали на срочную службу в Советскую армию. Отец хотел, чтобы я пошел по его стопам, поступил в военное училище и стал офицером. Он говорил, что у нас в роду все мужчины служили Отечеству и мне не след нарушать эту традицию. Действительно, мой прадед был из запорожских казаков и воевал в Турецкую войну, дед воевал в Германскую (сейчас принято говорить Первую мировую) войну, а отец – в Великую Отечественную. Однако поступать в военное училище мне не хотелось, поскольку от офицера требовалось безоговорочное подчинение начальству, что претило моей мятущейся душе. Но на срочную службу я пошел безо всяких уверток. Наверно, сказались гены – все предки служили солдатами, точнее сержантами. В армии тогда служили два года в сухопутных войсках и три года на флоте.

Из-за того, что я хорошо учился в школе, имел навыки работы техником и был сыном офицера, меня отправили на полгода учиться на специалиста спецсвязи в сухопутное учебное подразделение в Краснодаре, в просторечье – в учебку. Там я прошел курс молодого бойца, принял присягу. В тексте воинской присяги были такие слова «*Я, гражданин СССР, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином… до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству. Я всегда*

готов… выступить на защиту моей Родины – СССР и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа».

К клятве мужественно и умело защищать свою родину я отнесся с полной серьезностью.

По принятии присяги я также дал подписку, что не буду разглашать секреты, которые узнаю по роду службы, и пятнадцать лет не поеду после ее окончания в капиталистическую страну.

Полгода в учебке я осваивал специальную технику и секретное делопроизводство, прочие хитрые воинские премудрости – навыки стрельбы из разных видов оружия, установку мин, тактику ведения боя, рытья окопов и сооружения блиндажей. В этих науках я был хорош, поскольку еще в отрочестве прочитал штук двадцать различных воинских наставлений, которые были у отца дома.

На учебных курсах нас еще инструктировали, как оберегать государственные тайны от иностранных шпионов. Занятия проходили в учебном классе, на стенах которого висели старые красочные плакаты с надписями «*Не болтай!*» и «*Беспощадно уничтожай фашистских диверсантов!*» Окна класса во время занятий занавешивались плотными черными матерчатыми занавесями. Офицеры-преподаватели учили не болтать лишнего и внимательно следить за нестандартным поведением и внешним обликом тех, кто пытался выведать военные секреты, попросту говоря шпионов.

Однако главная опасность для нас, спецсвязистов, исходила не от иностранных шпионов, как нас учили, а от собственных военных контрразведчиков. Во время службы в частях они, проверяя бдительность, постоянно пытались утащить у нас секретные документы, оставленные на столе без присмотра, или проследить, к кому из девчонок и куда мы бегаем в самоволку. В лучшем случае утрата документа или провал явки для свиданий грозили гарнизонной гауптвахтой, а в худшем – судом и отправкой в дисциплинарный батальон. Так что искусство держать язык за

зубами, не оставлять документальных свидетельств своей деятельности и уходить от слежки было мной отработано в ранней юности до совершенства.

По окончании учебы мне присвоили звание сержанта и определили на должность специалиста пункта спецсвязи в штаб 15-й Воздушной армии. Штаб располагался в Риге, на углу ул. В. Ленина и К. Маркса. Там, в огромной бывшей квартире на пятом этаже, окна которой выходили на Старую Гертрудинскую церковь, я и прослужил полтора года. Тут же, в штабе, я практически и жил, поскольку у меня были постоянные ночные дежурства.

Завтракал я рано утром, пока на службу еще не пришли офицеры – ходил в кафе «Ницца», располагавшееся наискось от здания штаба. Моего сержантского денежного довольствия в 10 рублей 80 копеек хватало на кофе со сливками, слойку с яблочной начинкой и салат с кусочком черного хлеба. Обедать и ужинать ездил с дежурной сменой в комендатуру, которая располагалась в начале улицы Лачплеша. Там штабную обслугу кормили обычно щами из кислой капусты, кашами и тягучим крахмальным киселем малинового цвета. Потом я лет десять каши не ел, а от крахмального киселя меня воротит до сих пор. Избаловали меня в детстве бабушки, бывшие профессиональными поварами.

Военнослужащие срочной службы обеспечивали техническую работу штаба – поддерживали связь с подчиненными частями и Москвой, рисовали карты действий частей на учениях, «вели» на планшетах свои и вражеские самолеты, помогали с определением целей и методов их уничтожения.

Служба в штабе была напряженной и ответственной. Например, надо было по спускаемой сверху команде быстро подготовить план действий авиации во взаимодействии с другими родами войск по отражению возможной атаки сил НАТО на прибалтийском направлении. План этот, конечно, готовили офицеры, но обеспечивать его техническое наполнение и доведение до боевых частей приходилось нам, сержантам. До сих пор перед глазами стоит карта Северной Европы с размещенными на ней вражескими военными базами, а также таблица со способами и сроками их выведения из строя нашими самолетами.

Для обеспечения живучести штаб во время учений делился на две-три группы, которые размещались в основном и в запасных командных пунктах. На запасной полевой командный пункт (ЗПКП) ехать обычно приходилось мне, поскольку офицеры обеспечивали работу штаба в Риге или на стационарном запасном командном пункте в огромном подземном бункере под Сигулдой. На учения «запасники» тащились обычно ночью, в громоздких военных фургонах на Добровольский полигон, который находился в Калининградской области. Там разворачивали все коммуникации и фиксировали возможность взять на себя функции управления фронтовой авиацией. Обычно на этом все и заканчивалось, так что поездки в Калининградскую область были для меня просто выездом на свежий воздух.

Но раз на учениях пришла вводная из Москвы, что командные пункты и в Риге, и в Сигулде уничтожены ядерными ударами противника: противовоздушную оборону прорвали американские стратегические бомбардировщики B-47 с авиабазы Аппер-Хейфорд в Великобритании. Я внезапно оказался старшим по своей линии на ЗПКП. Еще по легенде учения диверсантами была уничтожена секретная канцелярия, где хранились карты района ведения боевых действий.

Выведенный из строя «диверсантами» картограф ефрейтор Ленька Шитиков загорал на солнце у своего фургона, а я двое суток не спал, выполняя поставленную командованием задачу. За соблюдением правил проведения учений следили офицеры-посредники, присланные из другого военного округа.

В тот раз мне помогло хорошее знание географии, полученное в школе: я по памяти восстановил цели нанесения ударов по военным объектам ФРГ, Бельгии и севера Франции, вписал в таблицу, сколько кому килотонн предназначалось, и в подчиненные летные части нужную информацию вовремя отослал с разрешения полковника, который командовал ЗКПК. Полковник тоже оказался на учениях крайним, поскольку он был не из отдела боевой подготовки, как обычно, а заведовал армейской поисково-спасательной службой. Кстати, на этой должности потом, по моей демобилизации, служил полковник Виктор Имантович Алкснис, но о нем я расскажу подробнее позже.

В результате нашей слаженной работы империалистам был нанесен, пусть виртуальный, но сокрушительный ответный удар с воздуха, и вскоре

11-я Прикарпатско-Берлинская Краснознаменная ордена Суворова гвардейская танковая дивизия вышла форсированным маршем от Дрездена к проливу Ла-Манш.

Командование после завершения учения очень хвалило моих офицеров, что они воспитали «находчивого сержантика». Почему меня уничижительно назвали «сержантиком», не знаю. Ростом я был 183 см и на армейских кашах набрал весу за 85 кг.

Офицеры хотели наградить меня за усердие десятью сутками отпуска, но я попросил разрешения поступить учиться на заочное отделение университета. Офицеры пошли мне навстречу, и на втором году службы я поступил на экономический факультет Латвийского государственного университета им. Петра Стучки. Случай этот был не рядовой, но имел под собой вполне законные юридические основания.

Все свободное от боевых дежурств время я осваивал университетскую учебную программу. Читал не только учебники, но и первоисточники. Освоил, например, «Капитал» Карла Маркса в четырех томах, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса. Проштудировал «Логику» и «Феменологию духа» Фридриха Георга Гегеля. Многие произведения В. Ленина в то время я тоже прочитал. Одним из них было «Происхождение капитализма в России». Оно мне тогда совсем не понравилось. Позже, немного накопив знаний, я понял, что эта работа была ученической и достаточно поверхностной. Но в то время критиковать классиков было нельзя, да я и сомневался в справедливости своих еще студенческих оценок.

Классики марксизма-ленинизма поразили меня своей эрудицией и глубиной осмысления огромного эмпирического материала, и я стал убежденным марксистом.

Служба в армии в связи с учебой не была такой уж безоблачной, как может показаться. Раз в субботу я шел после зачета по экономической географии из главного корпуса университета, что на бульваре Райниса, 19, к себе на службу в штаб. Весело так шагаю по улице Ленина, и тут возле Христорождественского собора, переоборудованного советскими властями под Планетарий, ко мне запыхавшись подбегают два курсанта из «черного патруля». «Черного», потому что это были курсанты ракетного училища, носившие погоны и петлицы черного цвета с перекрещенными пушечными стволами на них. «Черный» майор стоял невдалеке и ждал,

когда его подчиненные приведут к нему «сержантика» для проверки наличия увольнительной записки.

Увольнительной записки у меня, как назло, не было – мой старший офицер заболел, и я не смог оформить документ в комендатуре роты обслуживания. Проблема была в том, что старшим в комендатуре был пр

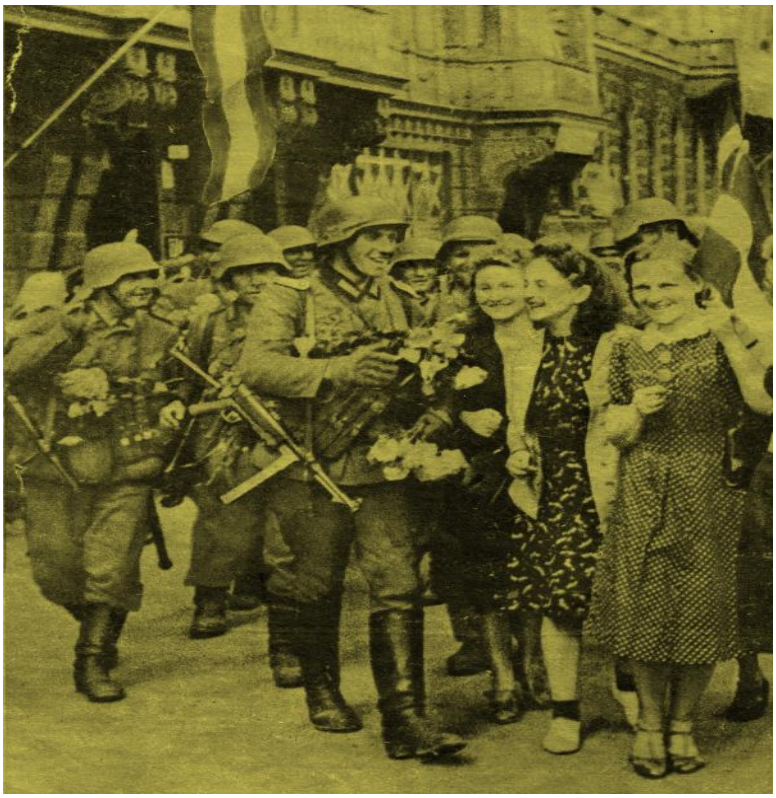
апорщик по фамилии Коваленко, который меня сильно недолюбливал. Очевидно, его раздражало, что я учусь в университете, пока он считает грязные солдатские портянки перед сдачей их в прачечную. Но на вкус и цвет товарищей нет!

Поскольку увольнительной записки у меня не было, пришлось что было мочи рвануть прочь от «черного патруля» вдоль улицы Ленина. Э. Крузе не зря заставлял меня бегать на тренировках по полтора километра с ускорением. Курсанты быстро отстали и я, воспользовавшись этим, заскочил незаметно в подъезд Центральной городской библиотеки им. М. Горького, в которую был записан. Это та, что находится напротив храма Св. благ. князя Александра Невского – моего небесного покровителя. Сейчас у этой библиотеки, в порядке наказания за какие-то прегрешения, отняли имя Максима Алексеевича Горького и сделали безымянной. Русскими книгами эту библиотеку сейчас тоже больше не комплектуют.

Скрывшись от патруля и отдышавшись в подъезде библиотеки, я поднялся на второй этаж в читальный зал, взял нужные мне учебники и просидел спокойно часа три – готовился к следующему зачету, кажется, по истории КПСС. Дежурство патруля к этому времени закончилось, и он ушел в комендатуру, что находилась в Цитадели рядом с оскверненным Петропавловским храмом. Старший «черного патруля» даже в страшном сне не мог предположить, что «летун» (так в армии звали тех, кто носил голубые погоны и петлички авиаторов с крылышками и пропеллером на них), умудрился скрыться от него в библиотеке. В тот раз все кончилось благополучно, а мог бы запросто попасть на десять суток на гарнизонную гауптвахту за самовольную отлучку со службы.

Вообще ангел-хранитель очень часто оберегал меня от всякого рода неприятностей, связанных с моим разгильдяйством, – видимо, молитвами бабушки Марии Ивановны.

Все тайное когда-то становится явным



Рижанки встречают нацистов цветами, июнь1941 г

Мне приходилось копить увольнения для посещения установочных лекций и сдачи экзаменов во время сессий. Ходил на занятия и экзамены в центральное здание университета в парадной военной форме, чем приводил в восторг сокурсниц и сильно раздражал преподавателей.

Тогда я не понимал причин плохо скрываемого раздражения моим внешним видом некоторых университетских преподавателей преклонного возраста. Вроде бы и брюки хорошо выглажены, и ботинки начищены, и яркий значок «Отличник боевой и политической подготовки» на груди сияет. Даже фуражку я в университете уважительно снимал и ходил по коридорам и аудиториям, держа ее в руках. Была в этой недоброжелательности университетских преподавателей какая-то тайна. Как оказалось позже, это была *тайна беззакония.*

Уже в наше время случайно наткнулся на опубликованную в интернете докладную записку, составленную высокопоставленным сотрудником латвийского КГБ, курировавшим высшие учебные заведения республики после войны. Оказалось, что пара сотен преподавателей латвийской высшей школы добровольно сотрудничала с немцами в период оккупации.

С руководящих постов и от преподавания на общественных кафедрах их после войны коммунисты отстранили, а вот преподавать на всех других кафедрах оставили.

Хотя со дня разгрома фашистской Германии прошло на момент моего поступления в университет уже четверть века, думаю, что бывшим коллаборационистам было не очень приятно видеть молодого сержанта Советской армии, радостно разгуливавшего в парадной форме по коридорам и аудиториям, в которых они с любовью развешивали портреты вождей Третьего рейха. Хотя развешиванием портретов дело не могло ограничиваться. Немцы уничтожили в годы войны несколько тысяч студентов, профессоров, выпускников латвийских вузов – в основном латышей. Они планировали ассимилировать латышский этнос и поэтому тотально уничтожали его интеллигенцию, поддерживаюшую национальное самосознание. Те, кто остался при немцах преподавать в высшей школе, должны были что-то отдать взамен сохранения жизни и известного уровня материального потребления.

Обычно в жертву немецким спецслужбам отдавали своих коллег коммунистов или демократов. Ведь это только кто-то из своих мог настучать в 1944 г. в гестапо на членов «белого» Латвийского центрального совета: профессора Константина Чаксте, политика Бруно Калныньша, дипломата Людвига Сэю, католического епископа Езупа Ранцанса и двух сотен других знаковых фигур латышской интеллигенции. Всех их отправили в концлагерь, большинство потом расстреляли.

Кстати, во время моей учебы в alma mater не было традиции поминать погибших во время немецкой оккупации преподавателей и студентов. Тогда мне казалось, что это потому, что они были «белыми» латышами. Однако такой традиции нет в Латвийском университете и в настоящее время, после возврата к «белому» латышскому проекту. Была предпринята попытка установить памятник Константину Чаксте в Риге напротив Кабинета министров, но ее успешно заблокировало высшее руководство республики во главе с тогдашним президентом – эмигранткой В. В.-Фрейбергой. Ее отчим служил на руководящих должностях в латышском легионе Ваффен СС, и она, видимо, испытывала ненависть ко всему, связанному с антифашистским сопротивлением в Латвии.

В пользу моего предположения о доносах преподавателей университета говорит и то обстоятельство, что в «новое» время именно они активнее

всех стали пропагандировать теорию «советской оккупаций». Преступления эсэсовских легионеров, коллаборационистов и «лесных братьев» в этой теории расцениваются меньшим злом, чем действия «советских оккупантов». Носители *тайны беззакония* пытаются скрыть факты массового сотрудничества «коричневой» латышской интеллигенции с нацистами.

Впрочем, они скрывают также сам факт существования латышской интеллигенции, которая сражались за «красную» Латвию – Яниса Антона, Иманта Судмалиса, Вилиса Самсонса, Джемса Банковича, Леонида Лейманиса, Пауля Галиенекса. Эти люди выполняли функции *удерживающих* в среде латышского народа.

Особую активность в распространении теории «советской оккупаций» проявляет нынешний евродепутат, а в советское время секретарь парторганизации экономического факультета университета Инесе Вайдере. Таким образом она, похоже, пытается замолить свой грех активной борьбы в советский период с «реакционной латышской буржуазной эмиграцией». Я однажды услышал ее выступление на эту тему на теоретическом семинаре на кафедре политической экономии у профессора Яниса Петровича Пориетиса. С тех пор я сторонился И. Вайдере от греха подальше. Тогда подумалось: «*Сегодня ты клеймишь «белую» латышскую эмиграцию, а завтра будешь клеймить латышских коммунистов теми же словами*». Как в воду глядел.

Отход человека от веры – апостасия – явление хорошо известное в христианстве. Оно всегда расценивалось как одно из самых тяжелых преступлений, и отступники наказывались отлучением от общения с другими верующими. Если же это преступление совершал священник – человек, вызвавшийся быть пастырем душ человеческих, да еще если он начинал агитировать за новую веру, то такой отступник подвергался уголовному наказанию.

Под понятие тяжкого преступления полностью подходят действия коммунистических идеологов, которые переметнулись в лагерь националистов-язычников в начале 90-х гг. прошлого века.

Я привожу здесь примеры апостасии латышских национал-коммунистов, поскольку именно они пришли к власти в Латвии. Однако не меньшее преступление совершили и коммунистические идеологи русского происхождения в отношении своей паствы.

Студенческая вольница

Главное здание Латвийского госуниверситате им. П. Стучки

По окончании срочной службы я перевелся с заочного на дневное отделение университета. Помогли хорошие оценки, полученные на экзаменах во время прохождения срочной службы.

Студенческая жизнь с ее свободой пришлась мне по вкусу. Уровень преподавания в университете был достаточно высокий, предметы на начальных курсах интересные, преподаватели читали увлекательные лекции. Запомнились лекции проф. Василия Ивановича Дорошенко, который читал историю мировой экономики, доцента Игоря Александровича Пешкова, преподававшего историю экономических учений, лекции по политэкономии капитализма Георгия Яковлевича Либермана. Английскому меня учила Эльза Петровна Маруга, защитившая диссертацию по психологии. Она давала мне почитать интересные книги по этой науке. До этого я читал только книгу Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей». Оказалось, что психология это не только набор рецептов по манипуляции, но серьезная наука о поведении человека.

Еще я специально ходил на историко-философский факультет слушать блестящие лекции по логике проф. Юрия Петровича Ведина. Он посоветовал мне, какие книги почитать по логике, по истории философии. Я познакомился и подружился на кафедре философии с молодыми блестящими преподавателями, уже кандидатами наук на тот момент Валерием Евгеньевичем Никифоровым и Эдуардом Лиепиньшем. Они

создали для студентов Философский клуб, и в нем собиралось много молодых людей, которые хотели как-то разобраться в жизни. Это были в основном русские студенты.

В университете дружеские компании формировались больше внутри учебных групп и потоков. Естественно, что возникали русские и латышские группы общения. С латышами во время учебы мы поддерживали нормальные отношения. За пределами учебы происходило стихийное деление компаний по этническому принципу. В хоры и танцевальные коллективы записывались в основном латыши. Латышской были, например, группы байдарочников и туристов в университете. Хорошо что для турпохода на Кавказ собралась отдельная русская группа – я пошел с ней.

На вечера отдыха в университете русские и латыши ходили вместе. Обычно такие вечера проводились в актовом зале, который называется Большая аула. В зале устраивали танцы под живую музыку на Новый год, на 8 Марта, просто без всякого повода. На этих вечерах русские парни приглашали танцевать симпатичных девчонок из латышских групп. Русские девчонки с латышами не танцевали.

Девчонки из нашей университетской группы устраивали «вечера дружбы» с курсантами авиационного училища им. Алксниса. Нас, мужскую часть студенческой группы, они за серьезных кандидатов в мужья не считали. Правда, на первый «вечер дружбы» с курсантами девчонки из группы нас попросили прийти – мало ли что могло случиться. Мы пришли, выпили с курсантами и долго мерялись знаниями в общественных науках, забыв про наших однокурсниц. Особенно задирались мы с Пашкой Стабниковым. До драки дело не дошло, но «дружить» с курсантами однокурсницы нас уже больше не приглашали.

Несколько наших однокурсниц по окончании учебы вышли замуж за выпускников авиационного училища и уехали с ними из Риги. Что ж, у свежеиспеченных лейтенантов была красивая форма, аккуратная стрижка и хорошее денежное содержание. А мы с Пашкой ходил тогда в потертых джинсах, нестриженными, подтрунивали над женской частью группы, и карьерные перспективы у нас были весьма сомнительными.

.

Лучше гор могут быть только горы

Иван Опанасенко. «Кавказские горы»

Занятия в университете были напряженные, по четыре-пять пар в день. После занятий я еще сидел в Республиканской государственной библиотеке им. Вилиса Лациса, читал первоисточники по философии, политэкономии, социологии, культурологии. Общение с умными людьми, написавшими хорошие книги, мне очень нравилось. Однако было достаточно времени и для молодежных развлечений.

Летом мы своей компанией ездили в Юрмалу купаться и загорать на нежарком прибалтийском солнце. Обычно добирались на электричке до станции Булдури и располагались на пляже около здания ресторана «Юрас перле», нависавшего кораблем над морем. Там играли по несколько часов подряд в волейбол. Весной плавали на надувных лодках по реке Гауе или на байдарках по латгальским озерам. Осенью выбирались на рыбалку. Зимой катались на лыжах. Об одном зимнем приключении расскажу отдельно.

Один раз мы с университетской туристической группой поехали кататься на лыжах в горные районы Чечни. У меня тогда не было подходящих туристских лыж, и их мне на время дал из университетских запасов руководитель студенческого спортивного клуба Борис Куров. Путешествие было замечательное: яркое солнце, сияющие снежные склоны, подъемы в гору, практически на одних руках, опираясь на палки, а потом долгие спуски по пологим склонам, покрытым хрустящим снегом, вниз. Романтические ночевки в палатках на снегу или в полуразрушенных охотничьих хижинах. Сидение вечерами у горящего костра и поедание

гречневой каши с тушенкой. Горячий кофе со сгущенкой и сухарями по утрам.

Уже почти в самом конце похода мы сделали дневку в заброшенной деревянной хижине в горах и пошли окунуться в ближайший горячий источник. О нем мы знали из описания маршрута, составленного проходившими здесь ранее другими туристами. Лыжи и рюкзаки с тяжелыми вещами, главным образом банками тушенки и сгущенки, оставили в нашем временном приюте. Воздух был прохладным, но солнце палило жарко, и искупаться в небольшом каменном бассейне, скорее, даже неглубоком колодце, наполненном горячей водой, было очень приятно. Когда мы через два часа вернулись в хижину, наших лыж уже и след простыл. Рюкзаки остались на месте, но продукты из них тоже исчезли.

Как мы быстро сообразили, вещи украли крутившиеся поблизости от хижины подростки из чеченского аула, что виднелся невдалеке. Поскольку только я один из всей нашей группы прошел срочную военную службу и был настроен весьма воинственно, то мне и пришлось идти разбираться в аул. Нашел там, около крайнего дома, сидящих у горящего костра чеченских аксакалов, вежливо поздоровался с ними и стал просить убедить местных подростков вернуть нам хотя бы лыжи. Старики в высоких бараньих шапках сделали вид, что не понимают по-русски. Однако рядом с одним из них лежал свежий номер газеты «Известия», которая, как известно, на чеченском языке не выпускалась. Конечно, может быть, аксакалы использовали печатный орган Верховного совета народных депутатов СССР исключительно для разжигания костра, но внешне нежелание искать со мной общий язык было весьма демонстративным. О советской милиции в Чечне уже тогда никто ничего не слышал, и я вернулся к своей туристической группе не солоно хлебавши.

Пришлось нам остаток маршрута брести, что называется, пешим ходом и голодными.

На следующий день, тащась по глубокому снегу с моими товарищами по несчастью, я ругал последними словами вороватых чеченских детей и жестокосердных чеченских аксакалов. Еще больше я ругал самого себя, поскольку, уходя купаться, сам предложил товарищам оставить тяжелые вещи в хижине. Тушенка была свиная, и я не ожидал, что у мусульман жадность перевесит религиозные запреты.

Вечером мы остановились на последний привал, развели костер и сели возле него пить чай с остатками сухарей, которые держали по карманам курток для малого перекуса во время долгих переходов.

Тут к нашему костру спускается с соседней горы по малозаметной каменистой тропинке какой-то охотник, по внешнему виду тоже чеченец. Вид у абрека был достаточно устрашающим: в руке он нес карабин, через одно плечо висел патронташ, на другом плече лежало полтуши небольшого горного барана.

Подходит, вежливо спрашивает разрешения сесть. Мы, конечно, разрешаем и освобождаем ему у костра место. В горах надо пускать погреться к костру и делиться едой с каждым, кто попросит. Охотник, оказалось, просто хотел поговорить со студентами за жизнь и угостить бараниной.

Мы неожиданный подарок с благодарностью приняли, быстренько разрезали баранью полутушу на мелкие кусочки, поджарили на костре и умяли за милую душу.

В разгар пиршества я сообразил, что надо проявить уважение к гостю и предложить какой-то подарок взамен принесенного барана. Из ценных вещей у нас оставались только три шоколадки «Лайма» у девчонок в куртках да питьевой спирт. Отцовская армейская фляжка со спиртом висела у меня в чехле на брючном ремне. Недолго думая, я отцепил фляжку от ремня, налил в большую металлическую кружку спирта на три пальца и предложил гостю выпить за дружбу и здоровье присутствующих. А спирт на высоте 2000 метров – страшная вещь: он мгновенно сбивает вас с ног, а на следующее утро наступает ужасное похмелье. Мы спирт взяли с собой исключительно для экстренных случаев, например, если кто в горную речку случайно провалится, дать ему согреться на морозе, пока костер не разожжем и не обсушим его.

Была большая надежда, что чеченец, в силу своей принадлежности к мусульманскому вероисповеданию, от спирта откажется, а проформа вежливого поднесения ответных даров будет соблюдена. Как же! Чеченец с уважением взял кружку, сказал цветистый восточный тост, выпил в один прием налитый спирт и протянул сосуд обратно мне. Пришлось держать ответный тост и на равных пить «огненную воду» из кружки. Благо у меня уже был опыт спиртопития во время демонтажа «Урала-4». Дальше наш

импровизированный кубок пошел по кругу. Девчонкам пить с джигитами не полагалось, да они и не очень хотели, парней было еще только двое, и кружка быстро вернулась обратно ко мне. А в армейской фляжке, я вам скажу, три четверти литра. Это, если перевести на водку, больше, чем три поллитровки. Короче говоря, к концу нашего пира моя злость на весь чеченский народ полностью прошла, и мы даже пытались вместе с абреком петь песни, но общего репертуара для исполнения у нас не нашлось.

Тем не менее мы с чеченцем чувствовали себя представителями одной нации – советской. У нас был общий – русский – язык, мы окончили однотипную школу, служили в одной армии, смотрели одни фильмы. Абрек, например, смотрел фильм режиссера В. Мотыля «Белое солнце пустыни» и любил, как и я, красноармейца Федора Сухова, а не бандита Абдулу, как могло показаться.

На следующий день после застолья, к моему удивлению, голова у меня не болела. То ли жирное мясо горного барана нейтрализовало негативные последствия употребления 96%-ного спирта, то ли задушевная застольная беседа. Мы благополучно добрались пешим ходом до ближайшей остановки автобуса, доехали на нем до аэропорта Грозный, а потом долетели на рейсовом самолете до Риги.

Когда я рассказал Борису Курову о наших необычайных приключениях в чеченском ауле и о краже лыж, он мне поверил на слово и попросил только написать заявление на списание пропавшего спортинвентаря. Достать туристские лыжи в то время было большой проблемой, да и лишних денег у меня не было.

Игры в диссидентство

О. Рабин. «Натюрморт с рыбой и газетой «Правда».

Вспоминая еще о временах студенческой жизни, отмечу, что на субботу-воскресенье мы могли себе позволить съездить на поезде в Ленинград или Москву. Ходили в столицах по музеям и выставкам, обязательно посещали последнюю премьеру в каком-нибудь модном театре. Билет в обе столицы стоил около 10 рублей в одном направлении, но студентам полагалась на каникулах 50%-ная скидка. По приезде мы ночевали обычно одну-две ночи у знакомых. Летом знакомые москвичи и ленинградцы приезжали к нам в гости в Ригу, недельку жили у нас по домам, ездили на электричке в Юрмалу загорать и купаться. Совершался своеобразный бартерный обмен жилой площадью на время отдыха.

Сейчас такого рода обмен жильем коммерциализировали и назвали каучсерфингом. В этой своеобразной гостиничной сети много внимания уделяется безопасности при обмене жильем на время, участники сети регистрируются через банковские платежные карты, которые позволяют полиции легко найти в случае чего нечестных людей. Для нас же достаточно было рекомендации друзей, а от краж во время отдыха в чужой квартире сдерживал простой человеческий стыд.

Друзья в Москве ввели меня в диссидентские круги. Я ходил на собрания либеральной интеллигенции, читал машинописные экземпляры работ А. Солженицина, манифесты А. Сахарова, недоступные тогда романы М. Булгакова и Б. Пастернака. «Мастера и Маргариту» М. Булгакова я с азартом проглотил за одну ночь – на больший срок

«подпольные» машинописные тексты не давали, а вот «Доктор Живаго» Б. Пастернака совсем «не пошел». Я с восторгом читал его лирические стихи, сборники которых были в свободной продаже, а вот в прозе нашел автора слабым. Ничего антисоветского в «Докторе Живаго» я также не обнаружил. Пастернака склоняли тогда в нашей прессе и на собраниях производственных коллективов больше за то, что он переправил для издания рукопись своего романа на Запад, а сведения об этом поступке стали распространять «вражеские» радиоголоса.

В диссидентских компаниях, которые я посещал в Москве, обычно пили недорогое сухое вино и пели под гитару песни В. Высоцкого, А. Галича, Б. Окуджавы. В этих песнях слышалось недовольство интеллигенции своим положением и преклонение перед Западом, где все хорошо. У Александра Галича была, например, такая ядовитая антисоветская песня про разговор с западными туристами:

...А уж пыль-то вы пускать мастера!
Мастера вы!
Да не те времена!
Мы на проценты сравним, мистера,
Так и нет у вас, пардон, ни хрена!..
Потому что все у вас -
На показ.
А народ для вас - ничто и никто.
А у нас - природный газ,
Это раз.
И еще - природный газ...
И опять - природный газ...
И по процентам, как раз,
Отстаете вы от нас
Лет на сто!

Про Запад я тогда сам составить суждение не мог, поскольку был невыездной. Но то, что в песне А. Галича присутствовало низкопоклонничество перед Западом легко сообразил.

Оппозиционно настроенные к коммунистическим властям художники без разрешения устроили тогда в Москве на пустыре выставку своих картин. Милиция ее разорила. Выставка получила название «бульдозерной», поскольку там какие-то картины закатали в грязь этими строительными машинами. На самой выставке я не был, но кое-какие картины потом посмотрел в мастерской Оскара Рабина. Честно скажу,

оценить сразу эти картины не смог. Мне тогда нравились старые голландские и итальянские мастера, писавшие с величайшей тщательностью и любовью к изображаемому человеку или предмету. А тут были картины, на которых небрежно изображались бутылки, стаканы, окурки папирос, вобла, старые газеты. Люди были на картинах художников-диссидентов с корявыми телами и уродливыми лицами. Авторы этих людей и эти предметы явно не любили. Но нарисовано все было талантливо, а главное – правдиво.

Повзрослев, я понял, что, помимо прекрасного, в жизни присутствует безобразное, и его тоже можно изображать. Запрещать изображать и демонстрировать свои произведения художникам нельзя. Не нравиться – не смотри.

Аналогичное недоумение у меня вызвало тогда же творчество Шарля Бодлера. Мне дали почитать книжечку его стихов «Цветы зла». Смерть, тлен, болезнь, уродство. Но описано все очень талантливо, можно сказать, чертовски талантливо. Автор вводил в великий соблазн словесным изображением безобразного. Человек с неустойчивой психикой мог от таких стихов и с ума сойти. Тут тоже запрещать вроде бы и нельзя, но и от подростков такие стихи лучше спрятать подальше в книжный шкаф.

Про работы философа Фридриха Ницше и говорить нечего. Один мой знакомый москвич прочитал его произведение «Так говорил Заратустра» и реально сдвинулся умом. Из любопытства я это произведение тоже прочитал. Бог миловал – остался в здравом уме.

Интересно, что диссиденты тогда не могли устроиться на работу по специальности из-за преследований спецслужб и подрабатывали обычно истопниками или дворниками. Должность истопника в силу возможности читать на работе в свободное время книги и что-то писать ценилась в среде диссидентов выше, чем должность дворника, проводящего большую часть времени на улице, сгребая опавшие листья или убирая снег.

В наше время эта традиция расправ с инакомысящими в Прибалтике сохранилась. Мой друг, правозащитник Сергей Середенко, который длительное время выполнял функции русского омбудсмена Эстонии и *удерживал* вокруг себя тамошнюю русскую общину, имея три высших образования, вынужден был устроиться работать дворником. Он

жаловался мне, что под воздействием технического прогресса более престижные места истопников в Таллине просто исчезли.

В республиканской библиотеке, где я обычно проводил свободное время, познакомился с рижским диссидентом Леней Рудиным – высоким несуразным евреем в очках с очень толстыми линзами. Он читал мне в курилке на втором этаже свои стихи и жаловался, что за ним следят люди «из органов». Его стихи мне понравились. За что его преследуют «органы», Леня внятно объяснить не мог. Однажды он сказал, что вынужден ради сохранения своей свободы уехать в Израиль. Я пожелал ему доброго пути. После этого Леня навсегда исчез из моей жизни.

В целом либеральные диссидентские идеи общественного переустройства меня не увлекли. В своей критике общественных порядков диссиденты не искали выхода из сложившейся в стране ситуации, а хотели разрушить все в социалистическом обществе до основания. Мне не казалось, что это правильный выбор, и я перестал посещать их посиделки.

В Москве еще была небольшая группа диссидентов, которые проповедовали русские национальные идеи. Духовным лидером этой группы был академик Игорь Ростиславович Шафаревич. Я слышал, что он выпустил в самиздате книгу «Русофобия», но достать ее тогда не смог. Только в конце перестройки я ознакомился с этим произведением, и изложенные в нем мысли о важности учета интересов этнически ориентированных элитных групп в общественной жизни показались мне крайне интересными. Мои друзья диссиденты из либерального лагеря обвиняли Игоря Ростиславовича в антисемитизме, но в книге «Русофобия» я этого не нашел. Недавно Игорь Ростиславович умер. Это событие прошло совершенно незаметно в среде московской интеллигенции. Академику его работы «Руссофобия» так и не простили.

Перестав ходить на диссидентские собрания, я продолжал слушать «вражеские» радиоголоса, вроде BBC или «Голоса Америки». Но в их передачах меня, как и большинство моих сверстников, привлекала не критика коммунистических порядков, а современная западная музыка. Мы, например, с нетерпением ждали на BBC передач музыковеда Севы Новгородцева, который рассказывал о жизни ансамблей «Битлз» и «Роллинг стоунз», а затем прокручивал записи их последних песен.

Постижение свободных искусств

Конверт пластинки ансамбля «Самоцветы»

Достаточно быстро коммунистические власти поняли, что привлекает молодежь в содержании западных подрывных радиостанций, и стали поощрять развитие советских вокально-инструментальных ансамблей. Первыми появились «Поющие гитары» с хитом Юрия Антонова «Для меня нет тебя прекрасней». Потом известность приобрели «Самоцветы», «Веселые ребята», «Песняры». Мы стали слушать таких певцов, как Л. Лещенко, Д. Тухманов, М. Магомаев, В. Ободзинский. До сих пор с друзьями мы поем «Восточную песню» Валерия Ободзинского – она навевает нам воспоминания юности. Из певиц тех лет мне запомнились София Ротару и Алла Пугачева. Удивительно, но они поют до сих пор.

Песни всех перечисленных исполнителей были легко запоминающимися, глубокими по смыслу, облаченными в профессиональные музыкальные формы.

В Риге очень популярной была во время моей юности группа «Ригонда». Она выступала в комсомольском кафе «Аллегро», что находилось на улице Ленина рядом с кинотеатром «Комсомолец». В группе пел Эдик Ацетурян, были сильные гитаристы и духовые. Однако попасть в «Аллегро» было не так просто – горком комсомола выдавал входные билеты только в качестве поощрения за активную общественную работу или победителям социалистического соревнования.

В республике в те дни из радиоприемников и телевизоров постоянно лились песни латышских композиторов. Больше всего звучали

произведения Раймонда Паулса. Он писал песни и на латышском, и на русском языке, но по содержанию все они были на сто процентов советскими – создавали приподнятое настроение, острых тем не поднимали. К ним вполне мог быть применен известный девиз: «Нам песня строить и жить помогает». Именно поэтому Р. Паулс так быстро приобрел всесоюзную известность, а его пластинки стали выпускать огромными тиражами. Русская молодежь рассматривала его песни как местную попсу и петь их особо не пела. Во всяком случае, в своем окружении я этого никогда не слышал.

Западная эстрада совсем не исчезла, но отошла в наших увлечениях на второй план. Запомнить слова и пропеть битловскую «Girls» нам еще с грехом пополам удавалось, но на более широкий репертуар знаний английского языка не хватало.

Пели мы в нашей компании и современные, и старые советские, и русские народные песни. Например, во время поездки на электричке из Риги в Юрмалу могли спеть под гитару известную песню «Самоцветов» «Строим БАМ», в которой был такой забойный припев:

Рельсы упрямо режут тайгу,

Дерзко и прямо, в зной и пургу

Веселей, ребята, выпало нам

Строить путь железный, а короче – БАМ.

Пели искренне, красиво и громко. Никто из находившихся в вагоне пассажиров против исполнения таких патриотических песен не возражал.

Могли спеть в электричке и песни по заказу пассажиров. Обычно это было нечто вроде «Миленький ты мой» или «Гренада».

Иногда нам заказывали спеть песни на латышском языке. Я знал на латышском только песни разухабистого содержания, вроде «Никому, никому не скажу, где я сегодня заночую» или «Выпьем по стаканчику, пока мы молоды».

Этим веселым песням меня научила подружка Агита с филологического факультета. Еще она водила меня по латышским театрам. В театре А. Упита (это тот, что находился в помещениях отобранного у русской общины Второго купеческого театра) мне очень понравилась пьеса Рудольфа Блауманиса «Дни портных в Силмачах».

Современную постановку в театре «Дайлес» «Мотоцикл» П. Петерсона я при всей моей любви к Мельпомене воспринять не мог. Это были жалкие потуги перенести западный модернизм на советскую почву. Агита долго рассказывала мне после просмотра этой пьесы о трудностях поиска словесных форм на латышском языке. Спорить с филологиней на эту тему мне было не с руки, как, впрочем, и с любыми другими женщинами, которые хотят утвердиться в интеллектуальном плане над мужчинами. Своим родителям Агита меня не показывала из-за того, что я был русским – они были из «творческой» латышской среды. На общем фоне дружной советской жизни это было для меня достаточно странным.

Однажды Агита пришла и объявила, что на следующей неделе навсегда уезжает с родителями жить к родственникам в Австралию. Я обиделся за то, что она ничего не сказала мне раньше, но пожелал счастливого пути. После этого интегрировать меня в латышское общество уже больше никто не пробовал.

Теперь немного о музыке. Один раз мы, руководители нескольких студенческих отрядов, решили отметить завершение строительного сезона, и зашли в модный бар в гостинице «Рига». Бар этот завсегдатаи прозвали «Шкаф», поскольку он находился в полуподвале, не имел окон и был сверху донизу обшит такими же деревянными панелями, как вся советская мебель. Выпили немного шампанского и пошли танцевать рок-н-ролл со своими девчонками. Приглашать местных дам опасались, поскольку бар был местом работы валютных проституток, обычно ошивавшихся при интуристских гостиницах.

Музыканты играли очень зажигательно, особенно мне понравился бородатый лысый парень, от души наяривавший на ударной установке. Когда сели за столик передохнуть после танцев, я спросил у своей партнерши Ани: «*Кто это так классно лабает?*» «*Да, это наш преподаватель Ивар Годманис барабанит – бабки заколачивает. Он еще на кокле играть умеет»,* – с презрительной улыбкой сообщила мне Аня. Она училась на физмате, была у нас комиссаром отряда и работала наравне с парнями на стройке. Ее презрение к здоровому мужику, который зарабатывает на жизнь игрой на кокле, пока она укладывала бетон из полуторатонной бадьи в опалубку, а потом месила его полупудовым вибратором, было понятно.

В студенческие времена у меня был музыкальный абонемент, по которому я ежемесячно ходил в филармонию на концерты классической музыки. Перед концертами были небольшие лекции по истории музыки. За три года посещения лектория я неплохо освоился с классическим репертуаром, стал даже собирать коллекцию пластинок классической музыки.

В Риге в те времена проходили также прекрасные фестивали классической музыки, на которые приезжали лучшие дирижеры и исполнители со всего Союза. Еще были всесоюзные фестивали джаза. Делом чести для студентов было посетить все эти музыкальные мероприятия.

Театральное искусство я осваивал несколько иным способом. Друзья познакомили меня с балериной, которую звали Ирина Тимофеева. Я стал ухаживать за ней, ввел в нашу компанию. Большой и чистой любви у нас не сложилось, но Ирина регулярно снабжала меня контрамаркам, и я ходил по ним на все спектакли, которые давали в Театре оперы и балета. Репертуар в нашем театре был обширный, и я посмотрел тогда в нем основную часть мировой оперной и балетной классики. Отмечу, что Рижский театр оперы и балета по качеству своих постановок был в Союзе на третьем месте, сразу после ведущих московских и ленинградских театров.

Учась в школе, я стал рисовать и хотел стать художником. Однако побывав в Эрмитаже и постояв пару часов перед картинами Рафаэля, я понял, что так рисовать не смогу никогда, и свое увлечение живописью забросил. В музеи же и на художественные выставки ходил регулярно.

В советское время в Риге была очень богатая выставочная жизнь. Наиболее интересными были ежегодные выставки картин латвийских художников под названием «Осень». Они проходили в выставочном зале гостиницы «Латвия». На этих выставках я иногда находил картины, которые мне очень нравились, и тогда я подолгу простаивал перед ними. Хотелось, чтобы они были со мной постоянно, но денег на приобретение картин у студента, конечно, не было, да и повесить их было негде.

Удивительным образом мои студенческие мечты сбылись в зрелом возрасте. В 90-е годы я стал предпринимателем и прилично зарабатывал. Тогда жизнь свела меня со многими художниками, которые по дешевке

распродавали свои картины. Системы государственных закупок их произведений больше не было, а латышские чиновники хотя и жирели на взятках, на приобретение картин не тратились.

Каждый раз, приходя в мастерскую к какому-нибудь именитому мастеру, я находил те картины, которые мне запомнились 20-25 лет тому назад. Я покупал эти картины и таким образом составил небольшую коллекцию полотен латвийских художников. В основном это были натюрморты и пейзажи в нейтральном советском стиле. Приобретать картины с вариациями на тему «Праздник песен» или портреты латышских деятелей культуры я не хотел – они мне душу не грели. В «русском духе» мне удалось приобрести только картины художника Игоря Корти. Да и то на этих картинах были изображены не люди, не бытовые сцены, а парусники.

Наконец немного о литературных увлечениях студенческой молодежи тех лет. В годы университетской учебы я открыл для себя мир толстых журналов – «Юность», «Наш современник», «Новый мир». В них печатались произведения современных советских авторов. Именно в «толстых журналах» я впервые прочитал произведения Федора Абрамова, Виктора Астафьева, Василия Белова, Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Владимира Солоухина, Владимира Чивилихина, Василия Шукшина. Эти произведения наложили «русский» отпечаток на мое мировосприятие.

С произведениями современных зарубежных авторов мы знакомились по «Иностранной литературе». Тут можно было найти последние произведения фантастов Станислава Лема, Роберта Шекли, Рэя Брэдбери, прочитать роман Кобо Абэ «Человек-ящик» и даже «Мертвую зону» Стивена Кинга. Мы с нетерпением ждали выпуска заранее анонсированных произведений Джеймса Олдриджа, Иштвана Сабо, Рейнера Рильке, Германа Канта, Питера Устинова, Джойс Оутс, Фридриха Дюрренматта, Франца Кафки. Вряд ли об этих авторах слышали даже выпускники современных филологических факультетов. А в наше время если ты не мог высказать собственное мнение о повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» или о романе Габриэля Маркеса «Сто лет одиночества», то тебя воспринимали как дубину стоеросовую и могли больше не пригласить в приличную компанию.

Студенческие отряды

Латвийский студенческий отряд в Гагарине. В центре – А. Т. Гагарина

Университетский комитет комсомола организовывал работу студенческих отрядов. В мое время эту деятельность в университете курировал Айвар Лембергс. Делал он это умело и, что называется, с огоньком. Именно эти качества позволили ему стать потом руководителем ударной комсомольской стройки на Вентспилсском припортовом заводе, занять пост мэра Вентспилса, а когда произошел «белый» переворот, превратиться в самого влиятельного олигарха Латвии. В комсомольском руководстве бездельники и пустые говоруны удержаться долго не могли.

Секретари комитета комсомола и парткома университета проводили действенную работу по интернациональному воспитанию студентов, и о каких-либо этнических конфликтах между русскими и латышами за три года учебы на дневном отделении я не слышал.

Секретарями комсомольского и партийного комитетов в университете всегда были латыши. Поэтому очень странно было слышать спустя почти три десятилетия рассуждения секретаря парткома университета Карла Даукшта о том, что латыши подвергались при советской власти притеснениям. Он очень злился на меня, когда я пару раз в публичных дискуссиях указал ему на явную фальшь в этих его «экспертных» оценках. А когда я вспомнил, что он защитил в университете диссертацию на степень кандидата исторических наук, которая называлась «Освещение опыта международного коммунистического движения в печати Коммунистической партии Латвии (1920-1940)», то совсем осерчал и стал называть меня в СМИ врагом латышского народа и независимой Латвии.

Наверное, хотел так отмыться от своего интернационалистического коммунистического прошлого.

Тут отмечу, что в наш университет на специальность «философия» студентов набирали на дневное отделение только в группы с латышским языком обучения. В СССР специальность «философ» можно было получить в Московском университете, Ленинградском университете, Киевском университете, и преподавание в них шло только на русском языке. Такой порядок существовал потому, что компартия хотела контролировать подготовку людей с системным мышлением, поскольку потом их направляли работать преподавателями марксизма-ленинизма в вузы и техникумы или брали на службу в партийные органы. Почему в Латвийском университете готовили преподавателей философии на латышском языке в количестве двадцать пять-тридцать человек в год при потребности вузов республики в одном-двух преподавателях – непонятно. Теперь стало ясно, что это была «тихая диверсия» местных национал-коммунистов, которые дальновидно готовили идеологические кадры для будущей «белой» Латвии.

Один мой хороший знакомый, глубоко русский по духу человек, учившийся на философском отделении университета, недавно рассказал, что преподаватели целенаправленно формировали националистические настроения в латышских студенческих группах. У них на факультете, например, не изучали курс истории КПСС, обязательный для всех других студентов. Практически все ходившие со мной на военную кафедру латыши с философского факультета стали в «белой» Латвии государственными чиновниками высокого ранга или идеологами национального движения. Не отстали от них и женщины. Жанетта Озолиня, например, после получения вузовского диплома защитила кандидатскую диссертацию по марксистско-ленинской эстетике и преподавала курс научного коммунизма. Потом она стала главным идеологом «латышской Латвии» и успешно давила все противоречащие этой концепции проявления вольнодумства в общественных науках страны. Это был явный случай принятия человеком на себя миссии *волхва*, проповедующего языческую веру в то, что существуют высшие и низшие этносы.

Стандартная студенческая стипендия в советское время равнялась в то время 40 рублям, повышенная, полагавшаяся отличникам, – 50 рублям.

Этого, в принципе, хватало на питание, но для того, чтобы одеться, обуться и отдохнуть, студенты обычно подрабатывали. Это были ночные дежурства, работа грузчиком, инкассатором, чернорабочим на стройке.

Я первое время подрабатывал со старостой нашей студенческой группы Владимиром Куликом художником-оформителем в одной военной конторе. Все было хорошо, но однажды военные заказали нарисовать им большой плакат к празднику Великого Октября. Плакат в нашем исполнении оказался очень похожим на «Сеятеля», что сотворили Остап Бендер и Киса Воробьянинов из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Тот самый, который призывал приобретать облигации государственного займа индустриализации. С непыльной работы военные начальники нас с треском выгнали. Мы подались в студенческий отряд.

Каждые летние каникулы большинство мальчишек ездили в студенческие отряды подзаработать. Девчонки ездили в отряды больше в поисках романтики. Мне довелось съездить со студенческими отрядами в Астраханскую область, в г. Гагарин Смоленской области, в Шверин, что в ГДР, в Приднестровье, один раз работал на стройке в Риге.

Поскольку я пришел в университет после армии и имел опыт работы с людьми, в комитете комсомола мне сразу предложили руководить студенческими отрядами. Это было хлопотно, требовалось отвечать за жизнь и работу нескольких десятков, а потом и нескольких сотен человек, но интересно, а главное – позволяло наработать управленческий опыт.

У членов студенческих отрядов были своя форма, значки, нашивки. После работы все собирались у костра петь песни, танцевали под магнитофон, смотрели кинофильмы. Словом, полная романтика.

Раз, будучи руководителем объединенного латвийского студенческого строительного отряда в Смоленской области, я встречался с матерью первого космонавта – Анной Тимофеевной Гагариной. Она была дояркой и по-простому рассказывала, как ее сын рос, учился в школе, потом в военном училище. Юра был, по ее рассказам, простым деревенским парнем, который в силу своих духовных и волевых качеств выучился и стал космонавтом. Судя по фильмам и выступлениям, он был от природы очень обаятельным человеком. Своим полетом в космос и обаянием Юрий Гагарин *удерживал* вокруг коммунистических духовных ценностей миллионы людей не только в Советском Союзе, но и по всему миру.

Наш студенческий отряд был сформирован из представителей всех латвийских вузов, и мы строили жилой дом в Гагарине, поскольку город был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В нашем отряде были и латыши, и русские. В студенческом отряде я впервые прожил два месяца вместе со студентами-латышами. Все они были такими же советскими людьми, как и мы.

Как руководитель латвийского отряда я организовал для бойцов в ночь на 24 июня празднование Лиго с прыжками через костер и распиванием бутылочного пива, хотя в отряде был строгий сухой закон. Решил, что если отмечать праздник, то согласно существующим традициям. Лиго тогда воспринималось как местный советский праздник, и отмечали его в равной степени и латыши, и русские.

Позже я узнал, что отмечать Лиго – языческая традиция, и цвето́к па́поротника в ночь на этот праздник ищут для того, чтобы приобрести с его помощью власть над нечистой силой. Добыть расцветающий в полночь цветок можно только совершая колдовские обряды и читая специальные заговоры. Нечисть старается отвлечь охотника за цветком папоротника: зовет голосом близкого человека. Если дашь слабину и отзовешься на этот голос, можешь лишиться жизни. Злой дух срывает тогда голову вместо цветка папоротника и посылает душу искателя приключений в ад, на мучения, за то, что тот дерзнул похитить цветок, составляющий украшение преисподни.

Хотя этих конспирологических тонкостей в тот момент я не знал, попытки парней из стройотряда пойти на ночь глядя искать цветок папортника в ближайший лес я командирской властью пресек. Цветок они вряд ли бы нашли, но вот на точку, которая торговала ночью водкой из-под полы, вполне могли набрести. Тогда не им, а мне голову в республиканском комитете комсомола точно оторвали бы.

Вообще в город Гагарин приезжали студенты со всех союзных республик. На выходные мы проводили Дни республик. В эти дни слушали выступления студентов, которые учились на певцов и музыкантов, танцевали вместе танцы разных народов. Мы также угощали друг друга пловом, кумысом, серым горохом с копченостями, которые готовили на месте. Помощь в проведении этих мероприятий оказывал университетский комитет комсомола. В нем я подружился с Виктором Леиньшем – умным и порядочным человеком, хорошим организатором.

Он стал приглашать меня на разные комсомольские мероприятия республиканского уровня. Вокруг него собирались хорошие люди – и русские, и латыши. Жаль, что он рано ушел из жизни, в первые годы перестройки. Или его ушли – он оказался вовлечен в нефтяной бизнес, а там умных и порядочных людей не переносили.

Наш отряд открыл в классе школы, в которой мы жили, кафе, украшенное в национальном стиле. В кафе можно было выпить чашечку кофе и съесть булочку. Кафе всегда было переполнено в свободное время, и в нем я подружился с ребятами из всех республик. Барменом в нем был студент Латвийской консерватории по прозвищу Ник, учившийся на режиссера. Потом он стал известным латвийским деятелем культуры. А Петерис Кригерис, с которым мы тоже подружились в этом стройотряде, стал руководителем всех латвийских профсоюзов. Эти люди также были и остались *удерживающими* в своей среде.

Три года я изучал экономику на дневном отделении университета, а в конце четвертого курса перевелся опять на заочное отделение. Надо было думать о том, как зарабатывать на хлеб насущный.

ГЛАВА IV. АКАДЕМИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА

Молодой ученый

Здание Академии наук Латвийской ССР

На работу я устроился в Институт экономики АН Латвийской ССР. Директор института член-корреспондент Имант Христианович Киртовский удивился тому, что к нему пришел молодой человек и попросился на лаборантскую ставку в 90 рублей в месяц – на заводе можно было уже устроиться на должность экономиста на 140 рублей, а мастером в цех даже на 220 рублей. Однако меня больше интересовали знания, а не деньги. И потом, надо было выполнять данное когда-то бабушке Наталье Ивановне обещание.

На новом рабочем месте я сначала выполнял техническую работу для доктора экономических наук Юрия Николаевича Нетесина. Случайно оказалось, что мы с ним земляки – родились в г. Мелитополе и даже жили одно время на соседних улицах около железнодорожного вокзала.

Юрий Николаевич очень много сделал для моего интеллектуального развития. Рекомендовал читать правильные книги, обсуждал со мной их содержание. Как-то раз, работая по его заданию, я спросил, как

переводится с польского языка на русский одна фраза. Юрий Николаевич перевел. А потом, как бы между прочим, заметил, что вообще-то украинский наполовину состоит из польских слов, и если посидеть со словарем с месяц над текстами, то польский язык можно легко освоить. Это было как замечание сестры в детстве насчет упертого помора Михайлы Ломоносова. Я посидел пару месяцев со словарем и стал достаточно свободно читать тексты на польском языке. Сначала подбирал материалы для своего руководителя, а потом стал читать статьи, которые интересовали меня самого. У поляков как раз профсоюз «Солидарность» начал бузить, а из советских газет понять, что там происходит, было невозможно.

Вскоре я защитил диплом в университете и стал экономистом. После этого мне поручали уже простейшую исследовательскую работу. В институте составлялись Прогноз развития народного хозяйства и Схема размещения производительных сил республики. Для этих директивных документов я разрабатывал разделы, посвященные функционированию социальной сферы: образования, культуры, медицинского обслуживания, социального обеспечения. Горизонтом прогнозирования был 2000 г.

Знал бы я тогда, что произойдет за эти годы! Прогнозирование то основывалось на гипотезе о том, что экономика и социальная сфера будут развиваться прямолинейно, без всяких катаклизмов. Оказалось, законы диалектики действуют в отношении социалистического строя точно так же, как и в отношении капиталистического. Была создана мощная материально-техническая база, которая требовала для дальнейшего развития изменения производственных отношений, в частности – допущения частной собственности, а в прогноз развития экономики это обстоятельство никто не закладывал.

Мы, кстати, в отделе политэкономии часто обсуждали тему допущения развития частной собственности при социализме, пытались осмыслить опыт других социалистических стран в этой области, но сталкивались с нехваткой данных. Дискутировали мы и по многим другим актуальным вопросам. Обсуждение обычно шло во время перекуров на лестничных площадках, которые представляли собой своеобразные дискуссионные клубы. В дискуссиях принимали участие, помимо нас с Юрием Николаевичем, мои коллеги Владимир Петрович Павук, Язеп Вацлововович Курсиш.

Иногда дискуссии затягивались до позднего вечера, и нас выгоняла на улицу уборщица. Тогда мы шли спорить в кафе «Саулите», что было на ул. Гоголя, поблизости от здания Академии. Но самым уютным местом для научных споров была общепитовская точка на углу улиц Карла Маркса и Петра Стучки – там подавали сильно разбавленное красное газированное вино в больших стеклянных кружках для пива. За такими своеобразными кубками мы чувствовали себя совсем как древние греки, которые считали, что чистое вино во время бесед могут пить только дикие варвары. Все в этой точке общепита очень походило на собрание греческих философов из платоновского диалога «Мир» – неспешные рассуждения об истине, искусстве, дружбе, любви, полутемный зал, похожая на нимфу молодая продавщица в белом переднике.

Отдел политической экономии, в котором я работал, возглавлял сам директор. Он набрал к себе в отдел много молодежи и серьезно с ней занимался: помогал повысить квалификацию и подталкивал к защите диссертаций, то есть выполнял функции *удерживающего*. Я попал, что называется, в струю. Быстро сдал все необходимые кандидатские экзамены и начал писать диссертацию. Такие же возможности были и у других моих молодых коллег по отделу.

В институте я познакомился с Инной – молодой красивой выпускницей Политехнического института. Вскоре она стала моей женой. Инна была из семьи железнодорожников.

Работа в Институте экономики не сводилась к изучению литературы, написанию научных отчетов и выступлениям на семинарах и конференциях. Мы дружно жили в отделе политэкономии, праздновали дни рождения, советские праздники, как, впрочем, и все другие обитатели высотного знания АН Латвийской ССР, в котором мы обитали.

Ныне адрес высотного здания – Академическая площадь, 1, а раньше это была улица Тургенева, 19. Великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев оскорблял чувства нового руководства Академии своими гениальными литературными произведениями и поэтому его показательно наказали – ушли с улицы его имени.

Более того, в начале 90-х у этой сталинской высотки президент Академии Янис Лиелпетерис приказал отрезать металлическую верхушку шпиля в виде звезды в обрамлении венка из дубовых листьев. После этого

идеологического «обрезания» высотка стала сильно походить на минарет – башню, с которой мусульманские священники-муэдзины призывают верующих к молитве. Там, на самом верху высотного здания, как раз есть такая площадка, откуда как на ладони виден весь город. Мы в юности любили ходить на эту площадку в романтических целях и кричать сверху разные глупости. Теперь это площадка, видимо, будет служить национально настроенным идеологам местом для публичной проповеди концепции советской оккупации. Я ощутил эффективность проповедей с минаретов однажды на себе во время туристической поездки в Египет. Ни слова из того, что вещал муэдзин с вершины высокой башни, я не понял, но чуть было не перешел в мусульманство из-за громкости и назойливости повторения его призывов. А может быть, уже тогда, в советское время, дальновидные люди во власти готовились к надвигающейся исламизации Европы? Ответа на эти вопросы у меня нет.

Возвращаюсь к своему повествованию о советских временах. В 1984 г. я защитил в Институте экономики АН ЛССР кандидатскую диссертацию по проблематике воспроизводства рабочей силы при социализме. Неоценимую помощь при написании этой работы я получил от своего научного руководителя Ю. Нетесина. Ведь это под его руководством мы в группе разрабатывали научную проблему, которая сейчас называется в западной литературе воспроизводством человеческого капитала. Считаю, что наши тогдашние наработки до сих пор сильно опережают в теоретическом плане то, что публикуется в западных изданиях.

Моя диссертационная работа была написана по специальности «политическая экономия», основывалась на анализе реальных статистических данных по Латвийской ССР, имела теоретическую новизну и практическую значимость. Поэтому работа была очень быстро утверждена в Высшей аттестационной комиссии при Совмине СССР, и я получил диплом о присвоении ученой степени.

Присвоение степени кандидата экономических наук позволило мне вскоре выиграть конкурс на должность старшего научного сотрудника в нашем институте. Насколько я помню, этой должности соответствовал оклад в 220 рублей. Кроме того, я уже преподавал курс политэкономии в Политехническом институте им. Арвида Пельше и зарабатывал еще около 80 рублей. Для тридцатилетнего человека это были очень приличные деньги, которые позволяли содержать семью и спокойно заниматься

наукой. Мы с женой теперь могли себе позволить платить взносы за свою кооперативную квартиру, обставлять ее мебелью, ездить в отпуск на юг.

После защиты диссертации меня включили в состав Научного совета и стали поручать читать все отчеты, которые готовились в институте, а также все диссертации по экономике, которые защищались в Совете по присуждению кандидатских диссертаций при институте.

Наш диссертационный Совет по специальности «политэкономия» был один на всю Прибалтику, и в нем защищалось множество интересных людей. Например, на защиту приехала будущий председатель Совета министров Литвы Казимира Прускене. У нее была сильная диссертационная работа по политэкономии капитализма, выполненная под руководством Альгирдаса Бразаускаса. Защищались у нас и соискатели из Эстонии, ставшие потом крупными чиновниками. Один из них теперь, кажется, министр иностранных дел.

Мне довелось читать и писать отзывы на диссертацию Володи Гурова, который потом стал руководителем холдинга «Бизнес-Балтия», Ильи Герчикова – директора объединения «Дзинтарс» и еще пары дюжин других соискателей. Чтение и рецензирование отчетов и диссертаций по разным разделам экономической науки позволили очень сильно расширить научный кругозор.

Меня стали приглашать в разные академические и республиканские комиссии. Например, во времена Ю. Андропова создали республиканскую комиссию по ликвидации «лишних» исследовательских и проектных институтов. Засучив рукава, я стал прорабатывать проект объединения нескольких сельскохозяйственных институтов, дублировавших друг друга. Написал докладную записку на эту тему, которая пошла в директивные органы. Однако Ю. Андропов вскоре умер и проект не был доведен до ума.

Научное Предание

1934 г. Нацизм стал в Латвии государственной политикой

И. Киртовский выступил инициатором проведения школ молодых ученых-экономистов со всего Советского Союза. Первый раз такая школа прошла под Ригой, а потом ее ежегодно организовывали в столицах других союзных республик. На этих школах неделю мы слушали лекции ведущих экономистов страны, а потом в непринужденной обстановке обсуждали с ними интересующие нас вопросы. Дискуссии обычно велись по вечерам, в гостиничных номерах, за бутылкой хорошего вина. Один раз так довелось всю ночь проговорить с лауреатом Нобелевской премии Леонидом Витальевичем Канторовичем – создателем теории линейного программирования. Он рассказывал, как И. Сталин привлек его к реализации атомного проекта, где он решал задачи оптимального распределения материальных и трудовых ресурсов. До этого он работал на деревообрабатывающей фабрике, поставил и математически решил задачу как наилучшим образом раскроить фанерные листы. Кто посоветовал Сталину привлечь его к работе в рамках атомного проекта, Канторович не знал, но отметил, что министры и прочие начальники думали в то время о народе и искали тех, кто мог решать поставленные партией задачи. Леонид Витальевич рассказал также о том, как между собой после войны боролись различные научные школы и как в этой борьбе сами ученые прибегали к помощи партийных органов, а то и силовых структур, когда научных аргументов в споре не хватало. Время было неоднозначное.

Любая система ценностей передается как через письменные тексты – Писание, так и посредством устных рассказов – Предание. Это происходит как в религии, так и в науке. Мои старшие коллеги в Институте экономики написали много хороших книг, которые я с интересом прочитал, но кроме того, они рассказывали о разных важных общественных событиях, которым места в Писании не нашлось. Некоторыми из полученных сведений я поделюсь здесь.

Массовое нацистское движение возникло во Второй Латвийской республике в 30-е гг. Наибольшую известность получили Объединенная латвийская национал-социалистическая партия и «Перконкрустс». Главой последней был Густав Целминьш. «Перконкруста» выдвинул известный лозунг: «Латвия для латышей – хлеб и работа для латышей!». Партия имела развитую организационную сеть, насчитывала 15 тыс. членов, издавала свою газету.

В мае 1934 г. к власти в стране пришел диктатор Карлис Ульманис. Он поставил нацистские идеи на прочную государственную основу. При нем началось строительство этносоциальной иерархии, на вершине которой была латышская бюрократия, а в основании – наемные работники-инородцы.

Инородцев выгнали из государственного аппарата, ограничили в возможностях ведения бизнеса, в занятиях интеллигентскими профессиями, лишили их права на родной язык в официальном общении, права на поддержание этнической идентичности в школах, институтах, культурных обществах. Больше всего пострадали евреи, но досталось и русским, полякам, латгалам, белорусам. Немцев-остзейцев в 1939 г. вообще лишили гражданства, отобрали у них все движимое и недвижимое имущество и принудительно депортировали за пределы страны.

В преследовании инородцев участвовало большое число латышских чиновников, военных и членов национальной гвардии – айзсаргов. Все эти политические силы иначе как нацистскими назвать трудно, хотя формально в нацистских партиях они и не всегда не состояли. «Перконкрустс» при К.Ульманисе даже запретили, а Целминьша арестовали, а потом депортировали, как опасного конкурента диктатору.

Преследование инородцев, кстати, было немаловажным фактором того, что они с восторгом поддержали установление советской власти в июне

1940 г., но об этом в другом месте. Отмечу только, что установившаяся в июне советская власть местных нацистов практически не тронула: то ли не разобрались что к чему, то ли не хотели провоцировать Гитлера на преждевременное выступление.

В июне 1941 г. в ходе отступления советских войск, но еще до прихода немцев организовались отряды латышских добровольцев нацистского толка. Они стреляли в спины отходившим красноармейцам и их семьям, а также по собственной инициативе уничтожили около десяти тысяч евреев и цыган, присвоили себе их имущество.

Потом немцы сформировали из этих добровольцев полицейские отряды и использовали их для уничтожения оставшихся «неполноценных в расовом отношении» элементов, а также «красной» элиты - коммунистов, советских работников, комиссаров.

Местные нацисты участвовали в организованном немцами уничтожении советских военнопленных и мирных советских граждан. Латышские добровольные полицейские отряды осуществляли также карательные операции против мирного населения России, Белоруссии, Украины, Польши. По политической направленности это была чисто нацистская деятельность.

Все это надо расценивать как существование в годы немецкой оккупации в генеральном округе Леттланд, комиссариата Остланд очень значительного числа местных нацистов, добровольно служивших в составе созданных немцами организационных структур.

Среди латышских нацистов были свои яркие антигерои: группенфюреры СС Рудольф Бангерский и Оскар Данкерс, штандартенфюрер СС Волдемар Вейс, капитаны СС Герберт Цукурс и Виктор Арайс. Все эти демоны не просто служили немцам, но и активно привлекали к этому простых латышей, агитировали и принуждали их идти в ад человеконенавистничества.

В современной Латвии этих нацистских демонов почитают: похоронили на национальном кладбище, возлагают к могилам цветы, ставят в их честь мюзиклы, издают книги, прославляющие совершенные ими «подвиги» по уничтожению инородцев.

В составе местных нацистских формирований преобладали латыши, но было среди них также определенное число латгалов и русских.

В феврале 1943 г. немцы из полицейских отрядов службы СД стали формировать латышские легионы войск Ваффен СС. Всего были созданы две полноценные дивизии, и через них прошло в целом около 150 тыс. человек. Первоначально в эсэсовские дивизии набирали только добровольцев, но в конце войны набор стал принудительным.

При освобождении территории Латвийской ССР советскими войсками в 1944 г. местные нацисты стали массово попадать в плен. Большая часть военнопленных освобождалась от наказания и призывалась в Красную армию. Тех, кто совершил тяжкие преступления, судили по советским законам. Осужденных отправляли главным образом в трудовые лагеря.

В августе 1944 г. за поддержку населением республики нацистского режима и массовое уничтожение местными нацистами советских граждан в годы немецкой оккупации из состава Латвийской ССР был изъят и передан в состав РСФСР Абренский (бывший Пыталовский) район.

Отметим, что население Латвии в этот период не подвергалось депортациям в Сибирь, Казахстан или Среднюю Азию, как это было сделано с крымскими татарами, чеченцами, ингушами, калмыками, балкарцами, карачаевцами, черкесами, которые также массово переходили на сторону немцев и участвовали в расправах над красноармейцами и мирными советскими гражданами. Латвийская ССР не была также расформирована, как это было сделано руководством страны с Калмыкской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Крымской АССР, Карачаево-Черкесской АО.

Очевидно, решающую роль в этом сыграло то обстоятельство, что значительная часть латышей поддерживала «красный» проект и воевала на стороне Красной армии с немцами в составе отдельного 130-го Латышского стрелкового корпуса, в партизанских отрядах, в подполье.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны часть латышских нацистов бежала на Запад и там укрылась от возмездия советского народа. Часть латышских нацистов была пленена Красной армией в Курземском котле. Эти нацисты попали в советские фильтрационные лагеря. Большинство из них после проверки были выпущены на свободу. Виновные в совершении военных преступлений и в уничтожении мирных жителей были осуждены и отправлены в советские трудовые лагеря. Таких

насчитывалось около тридцати тысяч человек. То есть нацистским преступникам присуждали только исправительные работы.

Масштабная денацификация латвийского общества не проводилась, о чем я уже упоминал в разделе, посвященном учебе в Латвийском университете.

Как объясняли мне потом в аппарате ЦК КПЛ высокопоставленные работники тех лет, власти не хотели обострять политическую обстановку в республике. После войны около двадцати тысяч латышских нацистов ушли в подполье и стали антисоветскими партизанами – «лесными братьями». Они убивали коммунистов и советских работников, учителей, грабили мирное население. Жертвами были главным образом жившие на селе «красные» латыши. Но местные коммунистические власти не хотели уничтожать укрывавшихся в лесу нацистов, а старались вывести их из леса и реабилитировать.

В 1947 г. первый секретарь ЦК КПЛ Ян Калнберзин и глава правительства Вилис Лацис обратились к руководству СССР с письмом, в котором просили досрочно освободить осужденных ранее латышских нацистов. Просьба обосновывалась тем, что не хватает рабочей силы для восстановления народного хозяйства республики. Приводился также устный аргумент, что проявленная мягкость по отношению к уже осужденным нацистам позволит ослабить расширяющееся движение «лесных братьев».

Таким образом, руководители республики встали на национал-коммунистические позиции – поставили интересы своего этноса выше интересов всего советского народа, боровшегося с нацизмом за свое существование в годы войны и строго наказывавшего предателей после победы. Партийное руководство России, Белоруссии и Украины не могло даже осмелиться поставить вопрос о прощении нацистских преступников, принадлежавших к их коренным этносам. Все коллаборационисты без разбору получали как минимум 6 лет ссылки в трудовые лагеря.

Председатель Совета министров СССР И. Сталин удовлетворил просьбу руководителей Латвии, и абсолютное большинство осужденных латышских нацистов были досрочно отпущены домой.

Советским руководством был проявлен невиданный ранее гуманизм. Видимо, и в этот раз свою роль сыграло то обстоятельство, что борьбу с

«лесными братьями» в основном вели сами латыши – сторонники «красного проекта». Во всяком случае, Ю. Нетесин рассказывал, что когда после окончания университета его мобилизовали на два года на службу в истребительный отряд, который боролся с «лесными братьями», в своем отряде он был единственным русским.

Отказ руководства республики от денацификации латвийского общества и реабилитация основной части латышских нацистов в 1947 г. не привели к ослаблению движения «лесных братьев». Поэтому в 1949 г. Москва дала команду на депортацию части гражданского населения, поддерживавшего антисоветских партизан. При этом, как всегда бывает в таких случаях, пострадали и невиновные – старики, женщины и дети. Их, конечно, жалко.

После смерти главы национал-большевистской группировки КПСС И. Сталина власть в СССР попытались захватить коммунисты-интернационалисты. Они стали искать опору в среде национал-коммунистов, стоявших во главе союзных республик. Новые руководители страны – Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев – выпустили оставшихся еще в лагерях нацистов и националистов, дали возможность отодвинуть в составе номенклатуры русские кадры, которые были настроены национал-большевистски. С этой борьбой за власть, например, была связана и передача Крыма из состава РСФСР в состав Украины – Н. Хрущеву нужна была поддержка украинских национал-коммунистов.

В Латвии, как мне рассказывали очевидцы событий И. Киртовский и Ю. Нетесин, Н. Хрущев и его команда дали латышским национал-коммунистам право вытеснить русские кадры из партийного и советского аппарата. Эта политика осуществлялась руками Э. Берклавса, В. Круминьша, В. Озолиньша, В. Калпиньша, А. Никонова, П. Дзерве.

Атака на русских развернулась под предлогом плохого знания приезжими руководящими кадрами латышского языка. Национал-коммунисты ввели ограничения на въезд в республику выходцев из других республик, запретили предоставлять им ордера на государственное жилье. Из партийного и советского аппарата стали массово увольнять русских кадровых работников и «московских» латышей. В прессе появились статьи о вреде миграции, о том, что в республику едут некультурные, а то и просто уголовные (всем было ясно – русские) элементы. В вузах,

техникумах и школах преподавание стали переводить на латышский язык обучения, а в латышских школах отказались от изучения русского языка.

Все эти важные политические события, о которых рассказывали коллеги, отчасти затронули и мою семью. Я еще не ходил в школу, но у старшей сестры начались проблемы в связи с переводом обучения на латышский язык. Мы жили в военном городке, населенном исключительно русскими, освоить язык во дворе, общаясь со сверстниками-латышами, не было возможности, а учителя латышского языка в русские школы идти не очень-то и хотели.

Сослуживцам отца, прибывшим на службу в порядке перевода с Украины, Рижский горисполком не позволял поселиться в построенных военными строителями домах.

Отец был офицером, участником войны и высказывался о сложившейся в республике ситуации однозначно: власти хотят возродить нацистские порядки. Думаю, что это были настроения всего советского офицерского корпуса частей, дислоцировавшихся в национальных республиках, поскольку аналогичная ситуация сложилась тогда и в Литве, и в Эстонии, и в Азербайджане, и на Западной Украине. Не в последнюю очередь из-за этих настроений Москва через некоторое время приняла решение одернуть национал-коммунистов на местах.

Другой важной причиной перемены политической линии Н. Хрущева в национальном вопросе стал антисоветский мятеж в Венгрии осенью 1956 г. В этой восточноевропейской социалистической стране засевшие в Москве интернационалисты привели к власти венгерского национал-коммуниста Имре Надя. Последний стал проводить реформы, которые быстро привели к антисоветскому восстанию. Повстанцы стали убивать коммунистов и советских работников, захватывать государственные учреждения. На улицах Будапешта венгерские националисты распинали на деревьях работников полиции и спецслужб, глумились над их телами. В конце концов, Москве пришлось подавлять восстание в Венгрии силами армии, с применением танков и артиллерии. Были тысячи убитых и десятки тысяч раненых с обеих сторон.

Понимание того, что венгерские события могут легко повториться в советских национальных республиках, наконец-то дошло до Хрущева, и он по-тихому свернул политику коренизации, то есть предоставления

исключительных преимуществ титульной номенклатуре в национальных республиках.

По указанию Москвы в октябре 1958 г. на пленуме ЦК КПЛ в отставку отправили Я. Калнберзиня и В. Лациса, которые занимали эти должности с того дня, как Латвия стала советской. На смену первому избрали интернационалиста, бывшего секретаря ЦК по идеологии Арвида Пельше, на смену второму – президента Академии наук Яниса Пейве – «московского» латыша. Я. Калнберзиня переместили на почетное, но малозначимое место Председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР, а В. Лациса отправили на пенсию писать романы. Вообще Вилис Теннисович был хороший писатель. Я с интересом прочитал его романы «Сын рыбака» и «К новому берегу». Но отставка выбила его из жизненной колеи, и на пенсии он уже ничего значительного написать не смог.

На утраченные посты вернули уволенных было русских номенклатурных работников и латышей-интернационалистов. С тех пор в Латвии, как и в других национальных республиках, утвердилась практика назначать на должности вторых секретарей партийных комитетов и исполкомов, директорами крупных союзных предприятий, руководителями силовых ведомств русских коммунистов. Исходили из соображения: коммунистическая вера – дело хорошее, но обращение к тысячелетнему русскому культурному стереотипу поведения тоже не помешает.

Более других пострадал в ходе кампании борьбы с национал-коммунизмом Эдуард Берклавс. Ему приписали инициативу принятия постановления Совета министров Латвийской ССР «Об ограничении прописки граждан, прибывших в Ригу из других местностей» от 30 июля 1958 года и ряд других «перегибов». Итогом стало обвинение Э. Берклавса в проведении националистической политики и освобождение с занимаемого им тогда поста заместителя председателя Совета министров. Опального функционера перевели во Владимир руководить кинопрокатом. Его семья при этом осталась в Риге.

Справедливости ради следует отметить, что Э. Берклавс не мог проводить политику коренизации кадров в республике без разрешения Я. Калнберзиня и В. Лациса. Не было такой свободы действий в партийном и советском аппарате. Но республиканских руководителей высшего ранга

Москва решили не подвергать публичной порке за их большие заслуги перед партией в годы войны. Опять-таки вспомнили, что латыши самоотверженно боролись за реализацию «красного» проекта.

В настоящее время Я. Калнберзиня и В. Лациса вычеркнули из галереи латышских национальных героев. Исчезли памятные таблички с домов, в которых они жили, Государственная республиканская библиотека уже не носит имя самого издаваемого латышского писателя и его произведения больше не изучают в школе.

Однако почему забыли, что эти два национал-коммуниста добились амнистии для пятидесяти тысяч бывших нацистов, вывели из лесов и реабилитировали двадцать тысяч «лесных братьев»? Потому, что они не препятствовали в 1949 г. решению Москвы о высылке части гражданского населения, поддерживавшего «лесных братьев», то есть скрывавшихся в лесу нацистов? А где были ныне такие смелые защитники интересов латышского народа в то время? Сидели по теплым кабинетам в госструктурах, удачно избежав чисток в ходе не состоявшейся благодаря саботажу латышских национал-коммунистов денацификации?

Большинство членов латышской национал-коммунистической группировки в 1958 г. отделались легким испугом. Второй секретарь ЦК КПЛ В. Круминьш стал министром просвещения республики, а министр сельского хозяйства А. Никонов был отправлен старшим научным сотрудником в НИИ земледелия и экономики (тот самый, который я предлагал в своей докладной записке упразднить). Позже он защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертацию, получил звание академика и был избран президентом ВАСХНИЛ. Соответствующие кадровые перестановки произошли и в низовых партийных организациях.

Директор Института экономики АН ЛССР Петерис Дзерве, специалисты которого подготовили рекомендации правительству по ограничению миграции в республику и по сокращению объемов производства продукции машиностроения, отправился работать экономистом на завод «Автоэлектроприбор». Больше выступать с научными концепциями ему не позволяли.

Зато практически все сотрудники П. Дзерве остались работать в нашем Институте экономики, и я их там застал.

Коллеги по научному цеху

А. Панкокс. «Рабочая пересменка»

Идеи П. Дзерве в слегка завуалированной форме продолжал разрабатывать в Институте экономике академик Арвид Калниньш. Возглавляемый академиком отдел выдвинул концепцию совершенствования хозяйственного механизма в государственном секторе через создание районных и республиканских аграрно-промышленных объединений (РАПО и РеАПО). В рамках этих объединений должна была перерабатываться созданная в республике сельскохозяйственная продукция, а обеспечить все это должны были создаваемые в республике сельскохозяйственные машины. Академик часто жаловался на научных советах института, что ему не дают воплотить в жизнь хорошие замыслы.

На одном научном совете Ю. Нетесин предложил академику поставить в республике эксперимент и отработать механизм развития фермерства. А. Калниньш наотрез отказался, приведя в качестве аргумента цитату Ленина о неоспоримых преимуществах крупного социалистического хозяйства. Меня подмывало встрять в разгоревшуюся дискуссию, поскольку в подшефном совхозе под Саласпилсом мне приходилось регулярно убирать то сено, то картошку и свеклу вместо ушедших в запой селян, но удержался – еще питал уважение к степеням и званиям.

В годы перестройки А. Калниньш выступил с идеями республиканского хозрасчета, который должен был помочь Латвии обособиться от союзного народнохозяйственного комплекса и обеспечить ей процветание. Я опубликовал тогда несколько статей в газете «Советская молодежь», в которых на основании данных межотраслевых балансов распределения

продукции в СССР показал, что Латвия после войны потребляла ежегодно национального продукта на 5-10% больше, чем производила. Этот «прибыток» для Латвии, как, впрочем, и для ряда других союзных республик, давали РСФСР и Украинская ССР. Таким образом, переход на хозрасчет мог только ухудшить экономическое положение республики. А. Калниньш на мою первую статью в прессе ответил, но потом, не имея аргументов, от дискуссии уклонился. К этому времени он уже стал заместителем председателя Совета министров и пытался реализовать те идеи, осуществлению которых «мешали» коммунисты-интернационалисты.

После выхода Латвии из состава СССР академика из правительства выдворили – у внешних управляющих был другой замысел в отношении латвийской экономики. Республика должна была стать колонией Западной Европы, и всякие выдумки, вроде РАПО и РеАПО, их не интересовали. Объемы сельскохозяйственного производства в Латвии сократились ровно вдвое, а собственное сельскохозяйственное машиностроение было и вовсе ликвидировано. Потом крестьянам запретили выращивать свеклу, а трем созданным еще при К. Ульманисе предприятиям – производить из этой свеклы сахар. Рыболовецкий флот разрезали на металлолом, большинство рыбоперерабатывающих предприятий довели до банкротства. Впрочем, что я рассказываю историю разрушения созданного коммунистами экономического потенциала республики? Это общеизвестные вещи.

В отделе у А. Калниньша младшим научным сотрудником работала Лаймдота Страуюма. С ней мы сталкивались в Совете молодых ученых, который я одно время возглавлял. Однажды мы даже вместе готовили сборник докладов на конференцию молодых ученых-экономистов Прибалтики. Ничего плохого про нее сказать не могу: аккуратная, исполнительная, доброжелательная латышская девочка.

Лаймдота писала диссертацию про что-то там в РеАПО, но А. Калниньш свою молодежь до защиты не допускал. Боялся, видимо, что его могут потеснить на административном посту. Защитилась Л. Страуюма только в новое время, когда академик ушел работать в Совет министров, а требования к диссертационным работам существенно снизились и их уже не контролировали эксперты ВАК СССР. Потом она ушла на чиновничью работу в министерство сельского хозяйства. Изредка я встречался с ней на экономических конференциях, и она вела себя весьма приветливо.

В 2014 г. Лаймдоту назначили премьером. Полученные в отделе у А. Калниньша знания о природе РеАПО не позволили ей как-то улучшить экономическую ситуацию в республике. Она прославилась только тем, что резко повысила зарплату всем чиновникам. Против Страуюмы интриговала глава ее же партии «Единство» Солвита Аболтиня, поскольку та не захотела прикрывать ее весьма сомнительные экономические делишки. Через год Страуюма вынуждена была подать в отставку с поста премьера.

В отделе у А. Калниньша в мое время работала также Райта Карните. Она тоже писала диссертацию по РеАПО, но это не помешало ей стать потом очень приличным экономистом. В новое время она защитилась, стала академиком, но не обюрократилась, а продолжала вести научные исследования. Ее выступления по макроэкономическим, финансовым, социальным проблемам были, пожалуй, единственным здравым голосом в хоре латышских экспертов, подпевавших национал-демократам, которые разрушали латвийское общество в угоду транснациональным монополиям. За это власти Институт экономики АН ЛР, который Р. Карните возглавляла после «белой» контрреволюции, лишили финансирования, а ее саму вынудили уйти с поста директора.

На место директора в Институт экономики пришла Рута Паздере. Она сразу принялась подсчитывать ущерб от советской оккупации и получила под эту работу от Сейма госзаказ на полмиллиона евро. На такой приличный грант появившиеся из ниоткуда «эксперты» насчитали ущерб на целых 300 млрд евро. Этот ущерб задумали почему-то предъявить России, как будто Латвийская ССР не была частью СССР.

Российские политики возбудились от непомерной суммы претензий, выставленных Латвией, и стали выяснять, что к чему. Меня приглашали несколько раз выступать на российское телевидение по этому поводу. На шумных ток-шоу я объяснял, что акция направлена на успокоение латышского избирателя, недовольного результатами четвертьвекового застоя в экономике и двукратным падением уровня жизни, и Россия тут ни при чем. В передаче на НТВ «Место встречи» сказал еще, что такого рода счета можно выставлять только нациям, проигравшим войну, а СССР и ее правоприемник Россия Вторую мировую войну выиграла. Тогда В. Жириновский и другие ведущие российские идеологи успокоились, а то хотели ядерную бомбу на любимую Латвию скинуть за непомерные счета

за «советскую оккупацию». Хотели вроде не по правде, но чем черт не шутит?

Попутно отмечу, что в период возникшего ажиотажа в СМИ решил написать статью по поводу ущерба, нанесенного Латвии «советской оккупацией». Пошел за материалами в Республиканское статистическое управление, бюро которого находилось на углу улиц Горького (сейчас Кр. Валдемара) и Дзирнаву. Прихожу, прошу дежурную на государственном языке дать таблицы межотраслевого баланса по Латвии за 1970-1990-е годы. Мне дежурная вежливо так отвечает, что таких таблиц нет, и вообще их в природе никогда не было. А я ее вроде как узнаю: в университете вместе учились, только она – на специальности «статистика». Даже имя вспомнил – Анита. Я ей говорю: «*Вы, Анита, не у Модриса ли Шмулдерса статистике учились*?» Она смущенно отвечает на латышском: «*У Шмулдерса, а что?*» «*Так Шмулдерс курс межотраслевого баланса нашим группам вместе читал!* – радостно говорю. – *Вы еще на первой парте сидели, и я на вас заглядывался!*» Про то, что заглядывался, честно скажу, соврал, поскольку ухаживал тогда за красавицей полькой Беатой с филфака. Моя визави расплылась в улыбке и говорит, доверительно так, и на чистом русском языке: «*Как ущерб от советской оккупации стали подсчитывать, так все документы по этой проблеме из архивов изъяли. Правда-правда*».

В подтверждение своих слов Анита меня в спецхран пустила. Он за железной дверью там же, в бюро, располагался, и на полках в нем хранились все документы с советским грифом «Для служебного пользования». Я тот спецхран перерыл сверху донизу, в пыли весь выпачкался, но межотраслевого баланса действительно не нашел. Таблицы баланса, скорее всего, сожгли, как многие другие архивные документы, которые противоречили концепции «латышская Латвия». Попрощался я с приветливой Анитой и пошел прочь, гадая про то, как сложилась судьба у красавицы Беаты.

Академическая среда

Советские женщины активно строили коммунизм

Наш отдел политической экономии размещался в нескольких комнатах на 9-м этаже академической «высотки». Рядом были комнаты, в которых сидели работники Института латышского языка и литературы. В этом институте работало большое число латышских девиц, некоторые даже очень симпатичные. С русскими парнями они разговаривать принципиально отказывались. Ина Друвиете, например, никогда по утрам не отвечала на мое дежурное «Sveiki!» («Привет»), хотя ее комната располагалась напротив нашей. Видимо, приобретенная в советское время стойкость к попыткам «оккупантов» поздороваться поутру позволили ей потом завоевать сердца латышских избирателей и неоднократно избираться депутатом Сейма от различных националистических партий. Она также дважды была министром образования Латвийской Республики и вела на этом посту политику, направленную на ликвидацию русских школ. Очевидно, не хотела, чтобы кто-то по утрам здоровался с ней на русском или здоровался вообще.

Знали бы избиратели И. Друвиете о том, что она регулярно отмечала советские праздники вместе со всем трудовым народом академии! Во всяком случае, в канун Великой Октябрьской социалистической

революции из ее комнаты всегда раздавался звон бокалов и слышалось приглушенное хихиканье филологинь. А после праздничного фуршета исследовательницы ходили, немного покачиваясь, по коридорам нашей Академии, держа под мышкой ящички из знаменитого «шкафа дайн» Кришьяна Барона. Содержимое этих ящичков они каким-то таинственным способом перерабатывали в свои кандидатские диссертации.

Я на октябрьские праздники всегда опасался за судьбу творческого наследия К. Барона, поскольку знал про содержание «шкафа дайн». Мне о нем рассказали знакомые парни из Института латышского языка и литературы Юрис Болдунчик и Янис Залитис. Они подарили мне сборник дайн на латышском языке – это такие краткие нерифмованные стихи языческого содержания. Одну дайну, очень романтичную, я даже перевел и выучил на память:

Многим я была желанна,

Да их вовсе не желала.

Захотеть лишь стоило –

Их бы заимела.

Конечно, на таких четверостишьях защитить кандидатскую диссертацию по филологии и стать потом министром образования было совсем несложно.

С Юрисом и Янисом мы запросто вели разговоры о спорте, политике, книгах, женщинах. Они рассказали мне много интересного о латышском языке и литературе. Оказалось, что филология – это тоже серьезная наука. Еще мы вместе с ними ходили играть в обеденный перерыв в баскетбол в спортзал строительного техникума, располагавшийся неподалеку. По манере игры я чувствовал, что Юрис и Янис стоящие парни. Не подумайте, что это такой мужской шовинизм. Играть в баскетбол с нами ходили также две девицы из Института латышского языка и литературы – они тоже были стоящими. Это я без всяких намеков.

В высотном здании Академии наук размещались еще Институт философии и права и Институт истории. С маститыми учеными и молодежью из этих институтов мы тоже общались. Мне запомнились разговоры с докторами наук М. Козиным и В. Савченко из Института истории. Они дружили с моим научным руководителем Ю. Нетесиным и часто заходили к нам в кабинет поболтать о том о сем. Я прямо кожей

впитывал все их разговоры. В Институте философии и права работали Константин Матвеев и Люба Пшеничная. Потом мы вместе с ними защищали свое право на русскую идентичность, но об этом позже.

С ребятами из институтов естественного профиля мы встречались на уборке сена или картошки – была у молодых ученых такая трудовая повинность. Еще мы встречались с ними на соревнованиях по волейболу, баскетболу, большому теннису. Забыл упомянуть, что в Академии наук научился неплохо играть в большой теннис. Теннис был непременным атрибутом академической жизни, и в него играли все, начиная с младших научных сотрудников и заканчивая академиками. Шутки шутками, но занятия спортом были необходимы для того, чтобы сохранить здоровье и успешно работать. В университете этому простому правилу не учили, и некоторые студенты сходили с ума от излишнего усердия в учебе. Особенно эти случаи были часты на философском факультете. Случаев попадания экономистов на Красную Двину, как тогда именовался сумасшедший дом в Риге, я не припомню. То ли мы на экономическом факультете учились недостаточно усердно, то ли больше спортом занимались, то ли обладали способностью снимать стресс в застольных беседах за кубком красного вина и донжуанских приключениях. Точно определить не могу.

На отдыхе

Константин Сомов. «На пляже»

При социализме каждый человек имел право на отдых. В 1983 г. средний отпуск рабочих и служащих составлял в Латвийской ССР 21 рабочий, или 30 календарных дней. За месяц отпуска можно было полностью восстановить свои силы и потом спокойно трудиться целый год. Я вообще после защиты диссертации имел законный отпуск продолжительностью 45 календарных дней. Такой же длительный отпуск был у преподавателей вузов, учителей, военных, тех, кто работал в тяжелых и вредных условиях, на Крайнем Севере.

По сложившейся в семье традиции летом мы ездили отдыхать к бабушке Марии Ивановне в Мелитополь. Ехали на поезде Рига – Симферополь в плацкартном вагоне целых 43 часа. В поезде разговаривали разговоры со случайными попутчиками, читали книжки. Ближе к югу просто изнывали от жары – кондиционеров в вагонах тогда не было.

В долгую дорогу брали собственную провизию: желтую вареную курицу, яйца вкрутую синего цвета, жирную коричневую копченую колбасу, большие красные помидоры и кирпичик пахучего черного хлеба. Запивалось все это огромным количеством горячего чая, который проводница приносила в тонких стеклянных стаканах, поставленных в металлические подстаканники. К каждому стакану чаю полагалось два кусочка сахара в упаковке с рекламой железных дорог. Рекламировать

железную дорогу особенно не требовалось, поскольку она была единственной в стране, но выглядела упаковка красиво.

На станции Нежино можно было выскочить из поезда на перрон и купить горячую отварную картошку, посыпанную мелко нарезанным зеленым укропом, и малосольные огурцы. Огурцы так и назывались – «нежинские». В Киеве продавались приторно-сладкие лимонные вафли. В Мелитополе на железнодорожный перрон женщины приносили черешню, вишню и абрикосы в ведрах, арбузы и дыни. Ведро абрикосов можно было купить за три рубля – меньшими объемами не продавали.

Замужние женщины-продавщицы на мелитопольском перроне все поголовно заматывали голову и лицо в белые платки. Делалось это из-за нещадно палящего солнца на юге Украины. Никто не называл такого рода платки хиджабами и не рассуждал о том, дозволительно их носить женщинам или нет.

Пожив некоторое время у бабушки в частном домике среди плодоносящего сада, мы отправлялись на автобусе в поселок Кирилловка, который находился недалеко на берегу Азовского моря. Там снимали у хозяйки квартиру или ставили палатку на «диком» пляже. Готовили сами на керосиновом примусе, поскольку на отдых приезжало со всего Союза такое количество отдыхающих, что немудреная сфера обслуживания небольшого украинского поселка с ними не справлялась. Для готовки везли из Риги в большом туристическом рюкзаке тушенку, сгущенку, гречневую крупу, а на местном базаре покупали только молоко и белый хлеб кирпичиком. Черный ржаной хлеб на Украине за хлеб не считали и потому не выпекали. Фрукты продавали в ведрах у каждого двора: абрикосы, вишню, сливу, груши. В конце лета появлялись дыни «колхозницы» и арбузы, которые так и назывались – «мелитопольские». Арбузы надо было есть с белым хлебом и желательно только сахарную внутренность, которая называлась «баранчик». На пристани у рыбаков можно было купить бычков и сварить из них наваристую уху.

Кстати, все, и приезжие, и местные, говорили «на Украине», а не «в Украине». Разговаривали мы между собой на русском языке или на смеси украинского и русского – суржике. Я до сих пор ловлю себя на том, что иногда употребляю украинизмы и размышляю над тем, надо ли ставить мягкий знак в слове после буквы «т» или нет. Ведь украинский язык очень певуч и мягок, прекрасно звучит в стихах, песнях, сказках, простых

рассказах. В серьезных художественных произведениях, в научной и технической литературе украинский язык использовать трудно, поскольку он слабо разработан – не было в среде украинских литераторов фигур под стать А. С. Пушкину или Л. Н. Толстому. Вряд ли такие фигуры появятся и в современной Украине или, правильнее, на Окраине.

Возвращаюсь к отпуску. На берегу Азовского моря мы проводили недели две: вволю купались, загорали на жарком южном солнце, мазались пахучей грязью, добываемой тут, же в лимане. Грязь была не хуже, чем в Мертвом море в Израиле, – свидетельствую вполне авторитетно. Ей просто правильной рекламы не хватало – не умели при советском строе грязь рекламировать.

После отпуска мы возвращались на том же неторопливом симферопольском поезде домой, в Ригу, нагруженные огромными авоськами с фруктами и бахчевыми. Полученная летом талассо-соляно-соляро-грязевая терапия позволяла и нам с женой, и дочке продержаться без простуд до следующего лета.

Мечты о профессорстве почти сбываются

Л. Народницкий. «Тревога»

После защиты кандидатской диссертации меня пригласили преподавать на кафедру политэкономии Рижского высшего военно-политического краснознаменного училища им. маршала Советского Союза С. Бирюзова (РВВПКУ). Того самого, посылавшего дежурить «черные патрули» на улицы Риги в годы моей срочной службы. Училище готовило офицеров-ракетчиков, но был на нем и факультет политработников, которые, помимо боевых дежурств, еще и воспитывали солдат.

Я пришел на кафедру экономики, которую возглавлял полковник Василий Васильевич Чекин. Кафедра была укомплектована квалифицированными преподавателями, на ней была доброжелательная атмосфера, и мне нравилось там работать. Преподавать курсантам было интересно. В училище был высокий конкурс, из претендентов отбирали лучших, и они стремились хорошо учиться. Да и вся система обучения в военных вузах настраивала на учебу: ни тебе романтических прогулок ночью с девушкой при луне, ни удалых походов по рижским кафе.

В училище я опубликовал несколько учебных методических разработок и подал документы на звание доцента. Скоро ВАК присвоил мне искомое звание. После этого я занял на кафедре должность профессора с нагрузкой в половину ставки. Мое обещание бабушке Наташе практически удалось выполнить. Надо было еще только отработать на кафедре несколько лет и дождаться профессорского звания от ВАКа.

Готовясь к лекциям по политической экономии, я много читал. В круг моих интересов попали труды современных западных экономистов, философов, политологов, социологов, историков. Часть из них была переведена на русский язык, часть приходилось читать на английском. Многие книги были доступны только в спецхране республиканской библиотеки или библиотеки им. Я. Мисиня. В спецхраны у меня был доступ как у научного сотрудника Академии наук. В прочитанных мною трудах западных авторов были факты и идеи, которые советские обществоведы не знали или знали, но игнорировали. Это сильно ослабляло марксизм-ленинизм, превращало его из науки в идеологическую догму.

Ответственность за догматизм в общественных науках нес прежде всего долголетний секретарь ЦК КПСС по идеологии Михаил Андреевич Суслов – патриарх коммунистической церкви. Он не позволял отходить ни на шаг от теоретических положений, разработанных классиками марксизма-ленинизма, включая Сталина. Разработки И. Сталина, кстати, были творческим развитием наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, позволяли успешно решать практические проблемы, возникавшие в ходе строительства социализма..

За незыблемостью сложившихся догм в отдельных отраслях советского обществоведения зорко следили союзные академики: А. Деборин, Г. Минц, М. Нечкина, А. Румянцев, В. Трапезников, П. Федосеев. Труды большинства этих академиков я читал, слышал их выступления на различных конференциях. Это были, несомненно, умные и образованные, глубоко верящие в коммунистические идеалы люди. Их с полным основанием можно определить как епископов коммунистической церкви. Только их вера была мертва, поскольку не порождала новых дел.

Во время преподавания в училище случались разные казусы. Так, у меня в учебной группе был один курсант – сын заместителя командующего ракетных войск. Учился он так себе, а вот гонор имел непомерный. Чуть кто его тронет – жаловался папе, и тот устраивал нагоняй начальнику училища, начальник училища – преподавателям, а те уже курсантам. Преподаватели и курсанты сильно недолюбливали этого «папенькиного сыночка», но сделать ничего не могли – начальство в армии есть начальство. Отучился он у меня год, и пришло время сдавать экзамен. А я тем временем из Академии наук перешел на службу в аппарат ЦК КПЛ. Но из курсантов об этом никто не знал – это их не касалось.

Так вот, курсант этот, назову его Петровым, сдает мне экзамен по политэкономии и с трудом вытягивает на троечку. Я ему говорю: «*Вы, товарищ курсант, неправильно ответили на первый вопрос и слабо осветили второй и третий, а потому оценка ваша – три балла*». Он в амбицию ударился. Говорит: «С*просите меня еще*». Я ему задаю еще один вопрос, а он, видимо, уже от нервов, на него вообще ответить не может. Я спокойно говорю: «*Или соглашайтесь на тройку, как предлагал ранее, или ставлю двойку, потом подготовитесь и пересдадите*». В училище такой порядок был. А Петров мой завелся. «*Да я сын заместителя командующего! Я папе пожалуюсь, он вам покажет!*» – достаточно громко говорит, чтобы все остальные курсанты, которые сидели в классе на экзамене, могли услышать. Тут у меня все внутри вскипело, но я остался внешне совершенно спокойным, и только приказал командным голосом: «*Курсант, Петров, экзамен закончен – покиньте учебную аудиторию!*» Петров покраснел, поднялся и вышел, хлопнув дверью.

Экзамен закончился, я заполнил ведомость и сдал ее в учебную часть, а потом пошел обедать в столовую для преподавателей, которая была в другом корпусе. Сижу, ем котлету с гречкой и компотом запиваю. Подлетает мой Василий Васильевич, совсем запыхавшийся. «*Александр Владимирович, что там за конфликт вышел с курсантом Петровым?*» – спрашивает. «*Он, товарищ полковник, на вопросы ответить не мог и стал пугать своим папашей. Поставил двойку – пусть пересдает. А в чем проблема?*» «*Да меня уже начальник училища вызывал, просил разобраться, почему у Петрова двойка. Ваш курсант – сын заместителя командующего ракетных войск. Вы это знали?*» – тревожно спрашивает Василий Васильевич. «*Да, мне староста группы сказал,* – отвечаю я. – *Так возьмите, товарищ полковник, и сами примите у него экзамен*». Надо сказать, что в случае конфликта курсанта с преподавателем можно было пересдавать экзамен заведующему кафедрой. «*Нет, я не буду принимать у него экзамен. Дело принципа,* – ответил Чекин. – *А не боишься, что папаша устроит тебе на работе неприятности?*» – Чекин доверительно перешел на ты. «*Нет. Я вон в школе хулигана Ромку-цыгана не боялся, а тут какой-то генерал-лейтенант. Начнет давить, так я на него докладную в Военный отдел ЦК КПСС напишу – посмотрим, у кого неприятностей больше будет*», – сказал, допил залпом свой компот и поставил стакан на стол с акцентом, давая понять, что разговор окончен.

Василий Васильевич экзамен у курсанта Петрова так и не принял. Тот отсидел лишний месяц в училище во время каникул, и только потом пришел ко мне сдавать злосчастную политэкономию. Предмет он выучил хорошо, и я поставил ему пятерку. Петров, видимо, получил нагоняй от папаши и вел себя на экзамене очень корректно. То ли Чекин доложил начальнику училища, что я собираюсь писать в высшие партийные инстанции докладную, то ли сам парень одумался – выяснять не стал. На следующий год в училище я Петрова уже не встречал. Может, не случилось, а может он подал рапорт и перевелся в другое училище.

Курсанты же, узнав, что я поставил на место ненавистного им «папенькиного сыночка», в другой группе на экзамене выставили мне три бутылки пива в благодарность. Я выматерил и «ходоков» с пивом, и старосту сдающей экзамены группы за эту «благодарность». Причем такими отборными словами, которые можно было узнать, только живя долгие годы в Московском районе, в просторечье – на Маскачке. Курсанты сильно удивились неизвестному им доселе категориальному аппарату описания действительности, и пиво убрали. Но с тех пор среди курсантов военного училища у меня был непререкаемый авторитет.

Кстати, и политэкономии, и военной экономике, и экономической географии, и другим гуманитарным дисциплинам мы учили курсантов на совесть. Уже после перестройки ко мне неоднократно подходили на улице выпускники училища, которые остались жить в Риге, и благодарили за то, что мы хорошо их учили. Кто-то стал банкиром, кто-то – предпринимателем, кто-то – гражданским инженером. А лекции я прочитал в годы работы в военном училище, пожалуй, двум тысячам курсантов.

Во время работы в училище я общался с преподавателями технических кафедр. Это были сплошь кандидаты и доктора технических наук, ученые высочайшей квалификации. Именно в этом училище преподаватели придумали разделяющиеся и самонаводящиеся головки ракет с ядерными зарядами и много чего такого другого. Даже по истечении четверти века не стану писать, чего именно.

После вывода российских войск в 1993 г. многие преподаватели этого и еще двух военных училищ остались в Латвии, однако, несмотря на высочайшую квалификацию, устроиться на работу не могли – были русскими, да и промышленность и наука уже вся рухнула.

Благословение

М. Самсонов. «Благословение»

Вскоре после защиты диссертации директор института предложил мне вступить в компартию. Старшие коллеги по работе Ю. Нетесин и В. Павук пообещали дать требующиеся для этого рекомендации.

Предложение вступить в компартию могло сильно изменить мою академическую жизнь, и поэтому я попросил пару дней на размышления. Коллеги удивились моей просьбе, но согласились. Удивились потому, что интеллигенцию в то время особо в партию не принимали, а без партийности трудно было продвинуться по административной линии. Однако административная работа меня совершенно не привлекала. Проблема заключалась в другом.

Для рабочего членство в партии означало необходимость своевременно выполнять установленные производственные задания и нести какие-то общественные нагрузки. Для администратора – члена партии – необходимо было хорошо организовывать работу подчиненных и распределять среди простых членов партии эти самые поручения. Для обществоведа-теоретика, коим я себя самонадеянно считал, требовалось активное участие в разработке коммунистической доктрины и в ее пропаганде. Успешно выполнять такие обязанности могли только люди, которые, безусловно, верили в коммунизм. Знания коммунистической доктрины у меня были неплохие, а вот вера слабовата.

Следует сказать, что я разделял тогда, как, впрочем, разделяю и сейчас, идеи социальной справедливости, распределения доходов по трудовым

заслугам, коллективизма, патриотизма, интернационализма, которые были прописаны в программе КПСС. Однако официальная коммунистическая доктрина вызывала у меня много вопросов, поскольку уже сильно расходилась с реальной действительностью. Видел я также, что в ее пропаганде было много положений, не имеющих реального содержания.

По истечении двух дней я поделился своими сомнениями со старшими коллегами по работе. На мои сомнения Ю. Нетесин тогда весомо ответил: «*Интересно, а кто это, кроме тебя, будет «ремонтировать» наше обществоведение? Уж не Адирим ли?*»

Речь шла о докторе математических наук Ицхоке Гиршевиче Адириме, который был членом партии и длительное время руководил отделом математического моделирования в нашем институте. За год до этого разговора он подался в эмиграцию в Израиль, но не доехал до своей этнической родины, а осел в Вене. Там он поступил на службу в Международный институт прикладного системного анализа. Этот институт был важнейшим центром реализации разработанного администрацией Р. Рейгана плана по дестабилизации СССР. Этот план был известен под названием «Нажим по всем направлениям».

Так вот, работая в Вене, И. Адирим стал писать пространные статьи о несостоятельности коммунистической теории и о том, как плохо ему было жить в Риге при социализме. В статьях поднимались реальные проблемы – наш бывший коллега был человеком знающим, однако целью написания статей была не ликвидация выявленных недостатков, а подрыв основ устройства общества, в котором мы тогда жили.

В своем кругу мы неоднократно обсуждали позицию Ицхока Гиршевича и однозначно определись с тем, что он поступил подло. Он получил бесплатное образование и возможность стать доктором наук за счет народных средств, а потом продал интересы своего народа. Мы ехидно шутили, что он променял четыре сорта колбасы в Риге на двадцать четыре сорта колбасы в Вене. Ведь в институте он имел все возможности для ведения научной деятельности, много публиковался, ездил по международным конференциям, неплохо зарабатывал. Ученики Адирима, например, нынешний представитель ЕС в Латвии Инна Штейнбук, также имели возможность свободно защищаться и делать карьеру.

Аргумент моего научного руководителя о том, что нельзя отдавать разработку важных теоретических положений в руки волхвов и просто непорядочных людей, оказался для меня решающим. По существу он благословил меня на новые духовные деяния. Тогда же я впервые понял, что и в самой коммунистической партии также есть *люди греха*, проповедующие беззаконие, а есть *удерживающие*.

Я написал заявление в первичную парторганизацию с просьбой принять меня в ряды КПСС, пообещал в нем отдавать все свои силы делу строительства коммунизма.

Обряда посвящения в коммунисты не было. В октябрятскую, пионерскую и в комсомольскую организации принимали в торжественной обстановке, у каких-то монументов, дарили цветы. Партийный билет вручал секретарь в райкоме, сухо поздравлял и кратко напутствовал на дальнейшие трудовые свершения. Клятву публично произносить не требовалось.

Между тем обряд посвящения имеет большое значение для члена любой корпорации, поскольку он символическим образом вводит новичка – неофита – в круг соратников. В христианстве посвящение идет при крещении, конфирмации, миропомазании. В рыцари посвящают ударом плоскостью меча по плечу, монахи выстригают волосы, надевают особые одежды. Может быть, отсутствие ритуала посвящения, символически закрепляющего в сознании людей определенные нравственные ценности, было в дальнейшем одной из причин развала компартии?

После приема в первичной парторганизации был год испытательного срока кандидатом в члены КПСС. В это время меня выбрали в комитет комсомола Академии наук и в бюро Московского райкома комсомола.

В комитете комсомола АН я случайно узнал, что И. Годманис защищает кандидатскую диссертацию по физике. Я вспомнил о музыкальных талантах Ивара и безо всякой задней мысли спросил у коллеги из Института физики: «А он в физике разбирается так же хорошо, как в игре на кокле?» Тот шикнул на меня и прошептал на ухо: «*В его защите очень заинтересованы люди с пятого этажа*». На пятом этаже у нас тогда находился всесильный первый отдел – местное подразделение КГБ.

ГЛАВА V. ПО ПЛОДАМ УЗНАЕТЕ ИХ

Коммунистическая доктрина: явная и тайная

Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин

Когда я приезжал на лето в Мелитополь к родителям отца, я больше всего любил играть с дедом Гордеем Кононовичем. Он с удовольствием возился со мной, читал книжки вслух. Помню, когда мне было лет шесть, дед читал двухтомник сказок Г.-Х. Андерсена. Когда сказки закончились, я попросил его почитать мне какую-нибудь другую книжку. В наличии у старого коммуниста был только трехтомник сочинений В. И. Ленина. Дед стал читал мне вслух, кажется, работу «О кооперации». Естественно, я в ней своим детским умом ничего понять не мог. Послушав немного сложный ленинский текст, я перевел разговор на другую тему. «*Деда, а это что за большая медаль висит на стене*?» – спросил я и ткнул указательным пальцем в висящий на стене литой аллюминиевый барельеф с профилями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и И. Сталина. Дед ответил: «*Это, внучек, ученые, которые придумали правила, по которым мы сейчас живем*». Что это за правила, для меня осталось тогда тайной.

Позже, когда мне было лет шестнадцать, сестра принесла в дом учебник по марксизму-ленинизму для партийной учебы. Татьяна готовилась по нему к экзаменам в университете, в котором уже училась, и называла его пособием для домохозяек. Этот учебник я прочитал и, на удивление, все в нем понял. Смысл этого учебника был таким.

Капитализм есть общество, основанное на частной собственности на средства производства. В этом обществе есть два основных класса. Во-первых, наемные рабочие, которые ничего не имеют и живут за счет продажи своей рабочей силы за заработную плату. Во-вторых, капиталисты, которые владеют средствами производства, нанимают для приведения их в действие рабочую силу и присваивают себе созданную этими рабочими прибавочную стоимость в форме прибыли.

Социализм есть общество, которое приходит на смену капитализму. Оно основано на общественной собственности на средства производства – государственной и коллективной.

В социалистическом обществе все являются одновременно и наемными рабочими, и собственниками средств производства. Члены социалистического общества получают как наемные рабочие за свой труд заработную плату, а как владельцы средств производства – созданную ими же прибавочную стоимость. Присвоенная прибавочная стоимость идет отчасти на расширение средства производства, а отчасти на расширение фонда личного материального потребления членов общества.

В учебнике по марксизму-ленинизму писали также, что при социализме существует класс рабочих, класс колхозников, а также социальная прослойка между ними – интеллигенция. К интеллигенции относили как представителей умственного труда (бухгалтеров, врачей, учителей), так и управленцев всех уровней (директоров предприятий и организаций, министров).

Главной задачей социалистического общества было обеспечение ускоренного накопления общественного капитала и выживания за счет этого в конкурентной борьбе с империалистическими нациями, которые ушли в экономическом развитии далеко вперед и пытались подмять под себя всех отстающих.

В соответствии с марксистско-ленинской доктриной вслед за социализмом должен был наступить коммунизм. Предполагалось, что на этой стадии общественного развития автоматизированные системы производства создадут неограниченное количество материальных благ и их станут распределять уже не по труду, а по потребностям каждого человека. Люди в будущем обществе станут работать с удовольствием, а потому с максимальной отдачей.

Помимо этой официальной коммунистической доктрины существовали и тайные знания, которыми владели наиболее продвинутые партийцы и ученые-обществоведы. Эти знания я постиг уже в партаппарате и в упрощенном виде они сводились к следующему.

При социализме реально существует два основных социальных слоя: наемные работники-исполнители и наемные работники-управленцы. Всех управленцев, поскольку они работают на государственных средствах производства, правильнее всего называть бюрократией. Управленцы не образовывают класса, поскольку у них не зафиксировано особое отношение к средствам производства с помощью специальных политических или социальных институтов. Они не имеют возможности передать свой социальный статус детям. Нет у управленцев и своей, особой, идеологии.

Бюрократия, которая реально распоряжается государственными средствами производства, пытается закрепить свое особое положение в системе общественного разделения труда, передать его детям, а при возможности – присвоить себе часть созданной другими членами общества прибавочной стоимости. Чтобы не допускать этого, над бюрократией устанавливают жесткий политический контроль со стороны наемных работников-исполнителей. Работники-исполнители осуществляют этот контроль через коммунистическую партию.

Высшее политическое руководство страны для сохранения контроля над бюрократией установило, что преимущественное право на вступление в коммунистическую партию имеют работники-исполнители и что именно они должны в первую очередь продвигаться на должности управленцев. При этом исходили из правильных соображений, что приход во власть людей непосредственно от станка и от сохи гарантирует на какое-то время, что они будут соблюдать интересы своих недавних товарищей.

Была также введена практика регулярного перемещения профессиональных управленцев по горизонтали между партийными, советскими и хозяйственными постами. Тут идея заключалась в том, чтобы не дать управленцам обрасти связями, которые можно использовать потом в корыстных целях. Замысел тоже был правильный, но на деле эта практика привела к формированию достаточно сплоченной и обособленной от остальных трудящихся группы(корпорации)

управленцев. Западные идеологи, например, Милован Джилас, для обозначения этой группы употребляли термин «номенклатура».

Для пресечения попыток бюрократии конституироваться в обособленный класс лидеры коммунистической партии прибегали к различным мерам политического воздействия на нее.

В. Ленин, например, ввел практику регулярной чистки партии от «примазавшихся» к ней бюрократов и «мелкобуржуазных» элементов силами высшего партийного руководства, которое было носителем коммунистических идей.

И. Сталин сначала продолжил практику своего предшественника, но потом, убедившись в ее низкой эффективности, стал проводить «чистки» проворовавшихся и «обуржуазившихся» бюрократов уже с помощью органов внутренних дел. На освободившиеся в результате «чисток» управленческие места при нем ставили людей от станка и от сохи. Это повысило эффективность работы бюрократического аппарата, позволило успешно провести индустриализацию и коллективизацию страны, сформировать и вооружить армию, сохранить суверенитет СССР в тяжелейшей Великой Отечественной войне, а потом построить Советскую цивилизацию.

Н. Хрущев отказался от репрессий и попытался ввести систему регулярной смены руководящих кадров по вновь принятому уставу компартии. Партийная номенклатура быстро избавилась от реформатора, который покусился на ее коренные интересы, но не был готов применять силу ради воплощения этих идей в жизнь.

После Н. Хрущева номенклатура выдвинула на пост главы партии более приемлемую для нее фигуру – Л. Брежнева. Он не наступал на права номенклатуры, но еще и не давал ей возможности открыто присваивать в личную собственность созданную всеми трудящимися прибавочную стоимость. Период его правления сейчас называют «временами застоя» из-за того, что в стране не происходило большого кадрового обновления управленческого персонала. Это не было виной Леонида Ильича – это было непременным условием сохранения им власти в условиях возрастания роли номенклатурного слоя.

Экскурс в раннюю латвийскую этническую историю

Демонстрация в Риге в поддержку присоединения к СССР.1940 г.

Марксистско-ленинская теория постулировала тезис, что все в обществе предопределяет техническая база производства и борьба порождаемых этой базой классов за свои материальные интересы. Это был правильный, но несколько ограниченный подход. Многие явления в обществе есть порождение борьбы между собой этносов за ресурсы развития. Изложу здесь кратко свое нынешнее понимание с этой точки зрения ключевых моментов в истории Латвии.

24 декабря 1917 г. представителями латышских рабочих, солдатских и безземельных депутатов была провозглашена Первая Латвийская республика. Учредители называли ее Республика Исколат. Руководство этой республики состояло практически из одних латышей, а возглавлял его большевик Фрицис Розиньш (Азис). Исколатовцы создали госаппарат, свою военную организацию, провозгласили латышский язык на подчиненных им территориях государственным. Они приступили также к социалистическим преобразованиям. Поскольку республика была «красная», то главной задачей в ней стала конфискация поместий у местных помещиков – немцев-остзейцев, русских, поляков – и раздача этих земель латышским крестьянам. Классовые и этнические интересы новых властей здесь совпали.

Республика Исколат объявила себя автономией в составе России. Законные власти последней – Совет народных комиссаров (СНК) – признали это решение. Более того, Ф. Розиньшу удалось убедить СНК России передать в состав Республики Исколат Режицкий, Двинский и Люценский уезды Витебской губернии, населенные преимущественно

латгалами. Тем самым исколатовцами впервые были объединены в одном государстве населенные латышами и латгалами этнографические регионы – Курляндия, Лифляндия и Латгалия.

Республика Исколат просуществовала всего пару месяцев после своего возникновения. Немцы воспользовались ослаблением молодой Российской Республики и оккупировали ряд ее земель, в том числе территорию автономии - Первой Латвийской республики. На ее территории немцы образовали Герцогство Курляндское и Семигальское, а потом включили его вместе с бывшими Лифляндской и Эстляндской губерниями в состав Балтийского герцогства.

22 сентября 1918 г. кайзер признал Балтийское герцогство заморским владением Германии. Планировалось заселить благоприобретенные земли немецкими поселенцами, вывести расположенные на них промышленные предприятия в метрополию и превратить герцогство в показательную аграрную колонию.

Однако в это время в самой Германской империи произошла социалистическая революция, и от планов колонизации восточного побережья Балтики Берлину пришлось отказаться.

Тогда немецкая военная администрация быстро подобрала группу латышских интеллигентов, которые называли себя Народным советом, и позволили им 18 ноября 1918 г. провозгласить «белую» республику. По счету это была Вторая Латвийская республика. Ни одна страна в мире этот немецкий протекторат не признала.

Во главе назначенного Народным советом Временного правительства немцы поставили подконтрольного им агронома Карлиса Ульманиса. Они вручили своему назначенцу немалую сумму денег и поручили сформировать армию. Однако деньги мгновенно испарились в неизвестном направлении, а бесплатно идти служить в «белую», пусть и свою армию простые латыши не хотели. Немцам для поддержания буржуазных порядков пришлось придать Временному правительству ландсвер – отряды местных немецких добровольцев. Они были образованы ранее баронами для защиты своих поместий от грабивших их латышских крестьян. Это вызвало недовольство небольшой группы латышей в составе новой армии, и немцам даже пришлось применить в отношении них силу, попросту говоря, провести показательные расстрелы.

Происходили расстрелы латышских солдат под руководством агронома, формально наделенного необходимой для этого государственной властью.

Правительство К. Ульманиса просидело в Риге только чуть больше месяца. Латышские красные стрелки, выступившие с территории России, при поддержке сибирских стрелковых полков свергли немецких ставленников и объявили 3 января 1919 г. о восстановлении Первой Латвийской республики, но уже под именем Социалистической Советской Республики Латвия.

В Риге прошел съезд народных представителей, который принял целый ряд важных законов, положивших начало социалистическим преобразованиям. Съезд назначил правительство республики во главе с латышским коммунистом Петерисом Стучкой. Власть латышских коммунистов распространилась на все три этнических региона страны, за исключением небольшой территории вокруг порта Либава (Лиепая), где под охраной ландсвера скрывался К. Ульманис. Латышский народ «белый» проект так и не поддержал, поскольку в его рамках нельзя было грабить поместья местных немецких баронов.

Однако и П. Стучка грабить поместья и разбирать землю немецких помещиков также не дал. Он придумал на базе этих поместий создавать совхозы. Латышским крестьянам эта придумка совсем не понравилась, и поэтому красных они вскоре также перестали поддерживать.

Тут К. Ульманис стал запускать своих эмиссаров в сельскую местность, и те давали обещания латышским крестьянам, что они все же могут отбирать землю у немецких баронов и грабить поместья. Немецкое командование узнало о секретных эмиссарах агронома и от руководства Временным правительством отстранило, а некоторые горячие головы из числа немецких офицеров даже пристрелить его хотели. Пришлось К. Ульманису от немцев на корабле «Саратов» в открытом море прятаться. К этому времени он уже наладил контакты с англичанами, и те взяли его под свою защиту.

На место главы Временного правительства немцы поставили пастора Андриевса Ниедре. Под политическим прикрытием пастора немцы из состава регулярных германских войск, ландсверовцы и русские белогвардейцы в мае 1919 г. освободили Ригу от красных. Латышские отряды очень небольшой «белой» латвийской армии в этих боях не

участвовали, а когда попытались проводить свою собственную политическую линию, немцы их руководителя Оскара Калпака даже убили. Парадокс заключался в том, что О. Калпак и его сослуживцы К. Ульманса даже и не думали поддерживать.

Однако успехи объединенных сил немцев и русских белогвардейцев испугали англичан, которые сами мечтали укрепиться на восточном побережье Балтийского моря. Лондон надавил на Берлин, с тем чтобы он притормозил наступление подконтрольных ему немецких отрядов из состава бывшей регулярной армии. Немцы к этому времени уже проиграли англичанам и французам Первую мировую войну и большой свободы политического, а тем более и военного маневра у них в Прибалтике не было.

Англичане восстановили К. Ульманиса во главе марионеточного Временного правительства, послали ему на помощь своих людей, дали денег. Только не безвозмездно, как простоватые немецкие военные, а в кредит. Этот кредит с огромными процентами «белая» Вторая Латвийская республика выплачивала потом Великобритании почти пятнадцать лет.

Осенью 1919 г. против команды К. Ульманиса вновь выступили немцы из состава бывших регулярных германских войск, немцы-остзейцы и русские белогвардейцы. Эти силы возглавлял полковник П. Бермондт-Авалов и у них было намерение пройти через территорию Латвии для участия в боях с «красной» Россией. Агроном, по привычке, бежал из Риги, оставив защищать ее роту латышских студентов и школьников. Англичане и их союзники французы вновь заставили Берлин остановить наступление своих регулярных частей и остзейцев, а наступление белогвардейцев Авалова антантовцы отбили артиллерийским огнем со стоявших в Западной Двине крейсеров и канонерских лодок. Позиции русских обстреливали из 10-дюймовых орудий с расстояния, не доступного для ответного огня легкой полевой артиллерии. Авалову пришлось отводить свои войска подальше от реки.

Во время ноябрьских боев белогвардейцы являли примеры большого героизма. Например, отряд казаков-пластунов, то есть военных разведчиков, стоявший в Усть-Двинской крепости, после ее обстрела тяжелыми корабельными орудиями «союзников» быстро выкатил на узкую полоску побережья трехдюймовую пушку и несколько раз выстрелил из нее по стоявшей невдалеке французской канонерской лодке.

Пластуны попали кораблю в корму, вывели из строя стоявшую на ней пушку и убили несколько французских моряков. Те струсили, подняли пары и ушли в Рижский залив, совсем забыв о своих тяжелых орудиях. Французские дипломаты теперь каждый год приезжают к Усть-Двинской крепости возложить венки на месте гибели своих не очень храбрых моряков.

После расстрела белогвардейцев кораблями интервентов в Задвинье осталось множество трупов. Власти не разрешили их похоронить на кладбище по христианскому обычаю, а тайно закопали в ямах по всему городу. Ни одного памятника тысячам погибших в боях за единую и неделимую Россию русским белогвардейцам в Риге не было установлено.

Только в 2012 г. Русская община Латвии по моей инициативе установила поклонный крест на том месте, где были во время археологических раскопок обнаружены останки нескольких сотен белогвардейцев в Усть-Двинской церкви. Наверное, ради этого Дева Мария и вызывала меня к себе на Афон – упокоить души усопших рабов ея. Но об этом позже.

Потом англичане сформировали воинские отряды из латышей под командой своих офицеров и стали платить наемникам приличное денежное содержание. Именно эти отряды и сыграли главную роль в борьбе с красными латышскими стрелками в Латгалии. Однако отвоевать этот регион Латвии у «красных» латышских стрелков «белым» латышам удалось только в начале 1920 г., да и то при помощи польских войск.

Полноценным государством Вторая Латвийская республика стала только к маю 1920 г., когда начало свою работу выбранное всем народом Учредительное собрание. Оно приняло Конституцию, назначило выборы в парламент – Сейм. В августе этого же года Латвийскую Республику признала Советская Россия, а за ней, спустя полгода, страны Антанты.

Итак, в начале XX века между собой боролись два равнозначных проекта построения латышской нации: «красный», который реализовывали латышские большевики из числа наемных рабочих и безземельных крестьян, и «белый», который отстаивали латышская бюрократия и немногочисленная латышская буржуазия. С образованием в 1920 г. «белой» Латвии эта борьба, которую правильно назвать гражданской войной, была на время приостановлена.

Латышская бюрократия таки отобрала землю у немецких баронов, а заодно и у русских и польских помещиков, и раздала ее тем латышскими крестьянами, которые поддержали ее в гражданской войне. Да и сама бюрократия хорошо нажилась на этой земельной реформе.

Однако позиции латышской бюрократии в обществе были настолько слабыми, что для сохранения своей власти она была вынуждена в мае 1934 г. пойти на установление националистической диктатуры, то есть перешла к реализации «коричневого» нацистского проекта.

Тем временем коммунисты-интернационалисты в Советской России полным ходом реализовывали «красный проект» и строили единый советский народ из достаточно пестрых этнических элементов. В 1922 г. коммунисты-интернационалисты инициировали создание СССР, в который вошло большинство независимых национальных республик, образовавшихся на территории Российской империи после ее развала. Позже к власти в СССР пришли национал-большевики, которые начали процесс консолидации всего бывшего российского пространства вокруг русского народа.

В 1939 г. процесс консолидации советского народа достиг Прибалтики. СССР заключил договор с Германией, по которому Латвия, Литва и Эстония попадали в зону его влияния. Этот договор позволил Германии обеспечить безопасный тыл, разбить Францию и сильно ослабить Великобританию. Советский Союз, воспользовавшись ослаблением Великобритании и готовясь к неминуемой войне с Германией, ввел свои войска на территорию Латвии. Сделано это было с согласия К. Ульманиса, объединявшего к тому времени в своем лице высшую законодательную и исполнительную власть в стране. Более того, диктатор призвал подчиненные ему войска и все население страны подчиниться его решению и не оказывать сопротивления советским войскам.

Ладно простые латыши – вся правящая латышская элита не возражала против ввода советских войск. Потом она объясняла свое поведение желанием уберечь людей от бессмысленной гибели. Финны между тем всего за несколько месяцев до этого вступили в сражение с превосходящими их силами Красной армии и сохранили свою государственность. Как можно было после этого устанавливать в Риге напротив здания МИДа памятник Карлису Ульманису, могильщику латвийской независимости – непонятно. Кто может сказать, что это не

было делом рук *людей греха* из состава высшей правящей латышской элиты? Это символическое преступление было совершено новой правящей элитой в отношении латышского народа и его государственности. По логике выходило, что памятник К. Ульманису был установлен за то, что он положил начало системной реализации «коричневого» проекта.

Судя по недавно опубликованным архивным документам, советское руководство особо не рассчитывало на установление советской власти на территории Латвии. Однако местные национал-коммунисты убедили массы собратьев-латышей в необходимости проведения социалистических преобразований. Были проведены выборы в народный Сейм, и подавляющее большинство голосов на них получили коммунисты и поддерживающие их демократы. Латышские национал-коммунисты вернули себе власть, утраченную за два десятилетия до того.

Новый Сейм восстановил Первую Латвийскую республику в ее первоначальном виде как советскую и социалистическую. На этой же сессии парламента приняли решение просить о вхождении республики в состав СССР. 5 августа 1940 г. Латвия стала советской союзной республикой. Никакого вооруженного сопротивления восстановлению советской власти не было, даже латвийские военные и айзсарги добровольно участвовали в выборах нового парламента.

В Латвии начались социалистические преобразования. Для помощи в социалистическом строительстве в Латвию Москва направила живших до этого в СССР латышских и русских коммунистов. К середине 1941 г. в республике в республиканской парторганизации появилось две группировки: местные национал-коммунисты и приезжие коммунисты-интернационалисты.

Титульные против нетитульных

Памятник «Земля Мары» в Резекне

В советское время все этносы делились на титульные и нетитульные. Титульные этносы имели свои собственные национально-территориальные образования, за ними резервировались ключевые посты в составе номенклатуры, им предоставлялись возможности для ускоренного развития языка и культуры. Нетитульные этносы всех этих прав и возможностей не имели. Молчаливо предполагалось, что в ходе строительства коммунизма нетитульные этносы сначала сольются с титульными этносами, а потом они, уже все вместе, растворятся в составе советского народа. В теории научного коммунизма этот процесс слияния этносов внятно не прописывался, но на практике осуществлялся с большим рвением.

Русские, проживавшие в национальных республиках, подпадали под статус нетитульного этноса. Национал-коммунисты из числа титульных этносов в союзных республиках время от времени пытались их ассимилировать. Однако сделать этого не удавалось, поскольку русские находились под защитой национал-большевистской группировки в составе КПСС. Зато малые этносы в союзных республиках становились жертвами титульных номенклатурных элит. В Латвии таким этносом- жертвой были латгалы.

В 2010 г. я стал собирать материалы по истории латгалов и через два года выпустил книгу «Латгалия: в поисках иного бытия». Написать книгу мне помогал Олег Алантс – человек, знавший историю этого этноса и обладающий даром хорошо излагать мысли на бумаге. Привожу здесь только его псевдоним, поскольку он до сих пор опасается называть свое настоящее имя. Ниже вы прочтете, что опасения его не беспочвенны.

В книге мы с Олегом рассказали о том, что латгальская народность издревле заселяла правый берег Западной Двины. Под влиянием русских латгалы приняли православие. В начале X тысячелетия они попали под власть немецких военно-монашеских орденов. Крестить латгалов немцы повторно не стали, но православные храмы на их землях разрушили. Латгалы вернулись к язычеству. Потом латгальские земли у рыцарей-крестоносцев отобрали польские дворяне. Вместе с польскими дворянами пришли ксендзы, которые навязали язычникам латгалам католицизм. Но нет худа без добра. Ксендзы помогли создать латгальскую письменность, открыли школы и семинарии, которые распространяли грамоту. Латгалы также отчасти переняли высокоразвитую польскую светскую культуру. Это позволило им превратиться в самостоятельный народ.

В начале XVIII века латгалы оказался в составе Российской империи и жили в ней более ста лет. После распада империи, как я уже писал, латгалы с легкой руки В. Ленина стали, вместе с латышами-балтиешами, развивавшимися в рамках протестантской немецкой культуры и немецкого языкового поля, гражданами Первой Латвийской республики. После падения последней оказались гражданами Второй Латвийской республики.

Поначалу латгалы добились открытия своих национальных школ, учительских институтов. Возник профессиональный латгальский театр, стали издаваться газеты, журналы, книги на латгальском языке. Латгалы даже установили в Резекне – неофициальной столице Латгалии – монумент своему народу, который назывался «Земля Мары» в честь Девы Марии – покровительницы края.

Однако после захвата власти К. Ульманисом ситуация резко изменилась. Диктатор стал активно реализовывать «коричневый» проект под названием «латышская Латвия». В этом проекте места для латгалов не было: они лишились всех своих социальных институтов, их язык был вытеснен из официального обращения, их личные имена и исконные топографические названия стали переиначиваться на латышский манер.

Даже памятник «Земля Мары» переименовали в «Едины для Латвии» – выхолостили в нем все этническое и религиозное содержание. В состав правящей элиты после ульманисовского переворота латгал мог войти, только если полностью отказывался от своей этнической принадлежности.

Все эти факты я почерпнул из книг. На русском, латышском и английских языке таких книг было в свободном доступе мало, и мне пришлось научиться читать по-латгальски.

С восстановлением советской власти в 1940 г. процесс ассимиляции латгалов национал-большевиками был остановлен.

Потом последовал период немецкой оккупации. Пришлые и местные нацисты определили латгалов в расово неполноценный элемент, который подлежал физическому уничтожению. Этот вывод сформулировал Институт зоологических исследований, что располагался в Риге в районе Клейсту. В ответ на такое отношение латгалы поддержали интернационалистский «красный» проект и решительно сражались с нацистами в партизанских отрядах и на фронте.

После освобождения Латвийской ССР от немцев латгалы получили возможность восстановить свою идентичность, но тут на смену национал-большевикам к власти в Москве пришли интернационалисты. Они предоставили особые права латышским национал-коммунистам, те же использовали свою власть для ограничения прав нетитульных этносов. Как это сказалось на русских, я уже писал. Латгалы пострадали от латышских национал-коммунистов значительно сильнее, чем русские.

В 1958 г. Москва «приструнила» латышских национал-коммунистов. Отстраненных было от власти русских партийных работников вернули на их места. А вот условием продвижения коммунистов-латгалов вверх по номенклатурной лестнице сделали их полный отказ от защиты интересов своего этноса и согласие проводить интернационалистскую политику в латышской среде. Многие латгалы приняли предложенные им условия игры. Тогда и появились такие номенклатурные работники из числа латгалов, как А. Горбунов, И. Даудиш, В. Каупуж, В. Брокан, Р. Прауде, Ю. Рубэн, В. Рубен, А. Бриль, Э. Аушкап, Я. Баркан. Они не стали бороться за восстановление социальных институтов своего собственного этноса, за развитие его языка и культуры. Ничего не сделали они и для защиты традиционной веры своего народа – католицизма. Католическая

церковь пострадала в Латвии от действий интернационалиста Н. Хрущева в меньшей степени, чем православная церковь, только потому, что ее интересы защищал пассионарный епископ Янис Пуятс.

Все эти «тайны мадридского двора» я узнал от коллеги по Институту экономики латгала Вацлава Язеповича Курсиша. До работы в нашем институте он был заместителем заведующего отделом пропаганды Рижского горкома партии и во внутренних пружинах и рычагах номенклатурной жизни разбирался прекрасно.

После 1991 г. латышские национал-демократы не дали развиться латгальской Атмоде: латгальские школы и институты так и не открыли, денег на развитие латгальской культуры из бюджета не выделили. Приведу только один пример.

Во время презентации своей книги про Латгалию в Резекне я познакомился с известным деятелем латгальской культуры Петерисом Лоцисом. Он показал мне Латгальский музей писателей. Музей располагался в трех комнатах его собственной квартиры. В нем Петерисом было собрано огромное количество уникальных материалов по истории латгальской письменности и литературы. На самодельных стендах размещались интереснейшие экспозиции, рассказывавшие о судьбе латгальских писателей, на полках стояло тысячи полторы книг, огромное количество журналов на латгальском языке. Как мне не хватало этих материалов при написании книги! Музей энтузиаст содержал на свои собственные средства, жаловался, что это очень тяжело в материальном плане, а также на то, что латгальская молодежь в музей особо не ходит.

В том же Резекне находился Латгальский культурно-исторический музей. Его я посетил на следующий день. Центральная экспозиция этого огромного государственного музея была посвящена латгальской керамике. Керамика, несомненно, это тоже часть материального наследия этноса, но ее значение для сохранения и развития национального самосознания в сто раз меньше, чем у литературы и письменности. А этим темам в государственном музее не было посвящено ни одного стенда. Даже надписи под латгальскими кувшинами, кружками и тарелками были только на латышском языке.

Латгалы дали название современной Латвии. Ведь раньше ее называли Lettland, то есть земля леттов – по-немецки латгалов. В современной

Латвии язык этого народа поддерживается только усилиями немногочисленных энтузиастов. Латгальский язык понижен до статуса диалекта языка латышей-балтиешей, говорить на нем в официальных учреждениях запрещено. Когда мой знакомый депутат Янис Тутин попытался выступить на заседании Сейма на своем родном латгальском языке, то чуть не лишился депутатского мандата.

Латгалов нынешние власти не считают самостоятельным этносом, и во время переписи населения их учет ведется весьма экзотическим способом, как «*лиц, говорящих дома на латгальском языке*». Мой другой знакомый латгал Арвид Турлайс грустно шутил по этому поводу: «*А если латгал живет дома один и говорит на латгальском языке только со своим котом, то его в ходе переписи будут учитывать в категории «лиц, говорящих дома на латгальском языке» или нет?»*

Книгу свою я писал для того, чтобы рассказать русским о том, кто такие латгалы, которые живут рядом с ними. Однако наибольший интерес она вызвала у латышей-балтиешей. Депутат из числа национал-радикалов Эйнар Цилинский достал мою книгу «Латгалия: в поисках иного бытия» и поднял на пленарном заседании Сейма вопрос о том, что надо наказать ее авторов за попытку разрушить латвийскую государственность, а выпущенный тираж публично сжечь. Он написал на меня донос в полицию безопасности, которую мы, в кругу русской оппозиции, окрестили Окаянной инквизицией. Такое название этому учреждению нами было дано потому, что его сотрудники занималась преследованием «еретиков», добивавшихся в Латвии равных прав для всех жителей и применяли при этом методы, наработанные Святым отделом расследований еретической греховности Римско-католической церкви, иначе – Святой инквизицией.

Вот что по поводу борьбы с еретиками писал один известный католический богослов: «*Цель инквизиции – уничтожение ереси; ересь же не может быть уничтожена без уничтожения еретиков;…это может быть достигнуто двумя способами: обращением их в истинную католическую веру или обращением их плоти в пепел».* С обращением в свою веру у Окаянной инквизиции выходило не очень, а вот в обращении плоти русских «еретиков» в пепел они преуспевали.

Итак, Окаянная инквизиция стала проводить экспертизу нашей книги на предмет нахождения ереси в ее содержании. Для этого у меня через

подставных лиц закупили 20 экземпляров книги. Поняв, с какими целями делается закупка, я поднял цену до 50 латов за экземпляр. Покуптель эту цену заплатил, как говориться не хрюкнув. Это был единственный случай, когда я получил доход от своих тяжких трудов на литературной ниве.

Заключение анонимных экспертов новоявленной инквизиции было весьма примечательным. В упрощенном виде оно звучало следующим образом: *«Книга является исключительно вредной (греховной. – **А. Г.**), но наказать автора за ее написание и распространение не представляется возможным, поскольку в стране нет такой нормы закона*». Про возможность сжечь тираж книги в пресс-релизе полиции безопасности ничего не говорилось.

Странно, почему наша Окаянная инквизиция тогда не воспользовалась прецедентом, созданным решением папы римского Климента VIII о наказании философа Джордано Бруно, который распространял идеи о бесконечности Вселенной и множественности миров? 17 февраля 1600 г., после того как Святая инквизиция передала вольнодумца светским властям, его сожгли в Риме на площади Цветов. Палачи привязали Бруно к столбу, что находился в центре костра, железной цепью и перетянули мокрой веревкой, которая под действием огня стягивалась и врезалась в тело. Все произведения Джордано Бруно были занесены в Индекс запрещенных книг.

Спустя триста лет после казни на площади Цветов светскими властями Рима был возведен очень красивый памятник Джордано Бруно, но католическая церковь его до сих пор не реабилитировала.

Так что если бы полиция безопасности довела дело с моей книгой до логического конца в тот раз, то Рига могла бы получить основание установить приличный памятник местному вольнодумцу, сожженному на Домской площади. Нынешние этнократические власти Латвии приобрели бы всемирную известность.

Что качается Индекса запрещенных книг, то я, можно сказать, в него попал. Расскажу об этом подробнее.

Как-то раз мне на мобильный телефон позвонил корреспондент «Нью-Йорк Таймс»» по Прибалтике Эндрю Хиггинс и попросил дать интервью. Встретился с ним в кафе на углу Дзирнаву и Валдемара, рассказал о своей научной и общественной работе. Он попросил подарить ему книгу «Латгалия: в поисках иного бытия». Книг у меня на тот момент осталась

всего пара экземпляров, и я послал ему на майл ссылку на электронный текст, размещенный на научно-образовательном ресурсе Academia.edu.

В начале 2015 г. Эндрю Хиггинс опубликовал в своем издании статью, в которой развил мысль о том, что враждебные пророссийские силы пытаются возбудить в Латгалии сепаратистские настроения и добиться ее отделения от Латвии. В статье корреспондент упомянул меня как «серого кардинала» сепаратистов и дал прямую ссылку на электронный ресурс, на котором размещалась книга. Представляете, прямая реклама книги в «Нью-Йорк Таймс»? Такая реклама, я узнавал, стоит тысяч пятнадцать долларов, да и то надо указывать, что это заказной материал.

У меня после этой статьи личная страничка на том научном портале стала захлебываться от запросов, до небес вырос индекс цитирования, который является главным показателем результативности деятельности исследователей на Западе. Каюсь, даже возгордился немного.

А тут полиция безопасности меня арестовывает, обыски проводит дома и на работе, похоже, на предмет выявления свидетельств пособничества латгальским сепаратистам. Я задним умом соображаю, что Эндрю Хиггинс был цэрэушником под прикрытием, который хотел «подсветить» поимку «латгальского сепаратиста» в англосаксонских массмедиа и поэтому сделал публикацию в «Нью-Йорк Таймс» прямо перед арестом. Свидетельств поддержки латгальского сепаратизма в ходе обысков не обнаружили, но история с «запрещенной» книгой на этом не завершилась.

В конце 2015 г. вижу на том же электронном портале новый всплеск интереса к моей книге про латгалов. Текст книги скачивали десятки раз. Аналитическая служба портала показывает, что запросы идут из района Лэнгли в США, где расположена штаб-квартира ЦРУ, и из района Воксхольского моста в Лондоне, где находится здание штаба английской разведывательной службы МИ-6. Последнее здание вы наверняка не раз видели в фильмах про английского суперразведчика Джеймса Бонда. После изучения аналитики посещений страницы я уже не особо гордился ростом популярности своей книги, а с напряжением ждал какого-то нового подвоха. Дождался.

В начале 2016 г. на мировые экраны выходит фильм BBC «Третья мировая война: в командном пункте». В этом фильме разыгрывается гипотетический сценарий ядерной войны Запада с Россией, и начинается эта война как раз с восстания сепаратистов в Латгалии. В главном

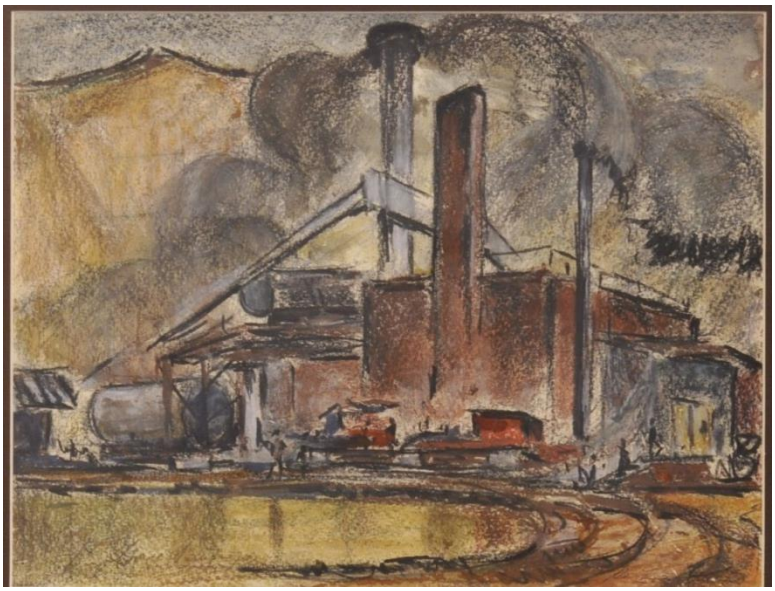
латгальском сепаратисте в этом фильме я без труда узнаю себя, а вторым вождем «краснокожих» выведена евродепутат Татьяна Жданок из Русского союза Латвии. Ага, думаю! Это западные джейсбонды узнали у меня из книги о политике насильственной ассимиляции латгалов и построили на этом сюжет своего фильма, логично предположив о том, что это насилие может вылиться в народное восстание. Однако вместо того, чтобы сказать правящей латышской элите, что пора дать возможность латгальскому этносу свободно развивать свою культуру и язык, решили разыграть антирусскую и антироссийскую карту, попугать всех Третьей мировой войной. Ссылку в фильме на мою книгу как на литературный источник при написании сценария не дали. Видимо, опасались, что я потребую от них гонорар. Зря опасались, ведь идей сепаратизма в книге не было, и это была оригинальная наработка ЦРУ и МИ-6.

Так что книга «Латгалия: в поисках иного бытия» точно в Индекс запрещенных книг попала вместе с книгами моих любимых писателей Даниэля Дефо и Джонатана Свифта, философов Джордано Бруно и Иммануила Канта. Отмечу, что известной всем книги «Моя борьба» А. Гитлера в Индексе запрещенных книг нет.

Латгалы в независимой Латвии так и остаются нетитульным этносом. Хорошо еще что в их среде есть *удерживающие* в лице П. Лоциса, А. Турлайса, Я. Тутина. Я бы причислил к ним еще певицу Саманту Тин, которая поет песни на латгальском, поэта Ансиса Берзиньша, пишущего на латгальском стихи и музыку к ним. А.Берзиньш участвовал в протестах против антинародной политики правительства на Домской площади в январе 2009 г., его осудили условно, но он не стал выполнять унизительные требования службы пробации. Служба потребовала заменить ему условынй срок наказания реальным. Анцис бежал из страны и попросил убежища в России. Из эмиграции он слал видио с грустными песнями о судьбе полтического эмигранта и о своей любимой Латгалии. У меня до сих пор дома хранится два десятка детских книг на латгалском, которые мы выпустили вместе с Берзиньшем. Это была первая книжка латгалських сказок за все послевоенное время.

Назову также филологов Лидию Лейкуме и Илгу Щуплинску, кинорежиссера Яниса Стрейча, издателя Яниса Элксниньша, краеведа Петериса Кейша, историка Мариса Румакса, который ввел в обращение латгальский флаг, публицистов Виктора Авотиньша и Юриса Пайдерса. Уверен, что они еще смогут возродить латгальский этнос.

Производственные достижения социализма



Александр Звиедрис. «Завод»

Летом 1976 г., как уже упоминал, я записался в студенческий строительный отряд. В Риге возводили множество индустриальных и гражданских объектов, строителей постоянно не хватало. Кое-какие навыки ведения строительных работ благодаря отцу я приобрел и поэтому устроился вместе со своими однокурсниками укладывать ленточные фундаменты для корпусов предприятия «Ригас мануфактура». За два месяца работы заработал столько, что хватило одеться, обуться и безбедно жить в течение следующего семестра учебы в университете.

В перерывах между вязанием арматуры и укладкой бетона в опалубку мы ходили обедать в расположенный поблизости от стройки комбинат общественного питания производственного объединения ВЭФ. Этот комбинат был чудом современной техники – полностью автоматизированный центр питания, рассчитанный на обслуживание одновременно двух тысяч человек. Кормили там достаточно вкусно и недорого. Полноценный обед из первого, второго блюда и компота стоил около 50 копеек. Это притом, что на стройке я, монтажник 3-го разряда, зарабатывал в месяц 170 рублей после вычета налогов – «чистыми». То есть я мог позволить себе купить 340 обедов. Сейчас, для того чтобы заплатить за 340 обедов из трех блюд в не самом дорогом бистро «Лидо» на ул. Краста, мне надо потратить около 1700 евро. Ни монтажники 3-го разряда, ни менеджеры среднего звена в современной Латвии не могут себе этого позволить. Разве что высокопоставленные чиновники в

министерствах и ведомствах. А прошло уже четверть века нашей жизни при капитализме. Сделайте выводы о преимуществах социализма, что называется.

Как-то в обеденный перерыв я заглянул в находящийся поблизости от комбината общественного питания цех сборки радиоприемников и обомлел. В огромном цехе я увидел конвейер, за которым сидело около сотни молодых девиц и парней. Они ловко собирали с помощью каких-то хитрых приспособлений из отдельных блоков радиоприемники и тестировали их, присоединяя к начиненным приборами испытательным стендам. В цехе царила тишина, и только звучала приглушенная музыка. Блоки для сборки, как я потом узнал, монтировались в соседних цехах. Каждую минуту с конвейера сходило по несколько радиоприемников VEF-202. Они тут же упаковывались в картонные коробки, складывалась на электрокары и увозились на склад. В тот день со складов продукцию грузили сразу в четыре вагона – на территорию завода была проведена специальная железнодорожная ветка.

Кроме радиоприемников, ВЭФ производил телефоны, телефонные станции, радиостанции, какую-то военную технику. На самом заводе работало более 20 тыс. человек, а на всем объединении – в два раза больше. Общий объем производимой продукции составлял за год почти полмиллиарда долларов. Значительная часть выпускаемой продукции, те же радиоприемники VEF-202 в модифицированном варианте, отправлялись на экспорт в семь десятков стран, в том числе в Западную Европу.

Руководил объединением в то время очень талантливый человек, коммунист Олег Константинович Линев. За годы своего руководства он не только вывел производство на объединении на мировой уровень, но и обеспечил решение многих социальных проблем коллектива предприятия. При ВЭФе успешно действовали: Дворец культуры, медицинская часть, база отдыха, пансионат, пионерский лагерь. За счет средств предприятия было построено около дюжины жилых домов. О. Линев, как я сейчас понимаю, был одним из *удерживающих* – вокруг него группировались верившие в победу коммунизма люди.

Таких гигантов, как ВЭФ, в Латвии было великое множество: Рижский радиозавод им. А. Попова, Рижский вагоностроительный завод, завод «Альфа», Рижский электромеханический завод, Рижский завод

микроавтобусов, Рижский дизелестроительный завод, ЭЛАР, Лиепайский металлургический комбинат. На каждом предприятии производили доброкачественную продукцию, которая пользовалась большим спросом, трудились многие тысячи человек. Работникам на этих предприятиях за их труд платили приличную заработную плату, предоставляли многие социальные услуги.

Не уступали промышленным гигантам и передовые сельскохозяйственные предприятия республики: колхозы «Адажи», «Накотне», «Лачплесис».

На всех этих промышленных и сельскохозяйственных предприятиях мне удалось побывать в качестве практиканта, экскурсанта, исследователя, партийного работника. На всех меня поразил высокий уровень организации производства и желание руководства решать социальные проблемы. Во главе всех этих предприятий стояли настоящие коммунисты, *удерживающие*.

Видел эффективную работу таких мощных производственных центров, и верилось, что и дальше надо таким образом строить общество, основанное на принципах социальной справедливости и коллективизма.

Рог изобилия для всех

Витраж. «Фрукты»

Успешное развитие производства в республике позволяло достаточно быстро повышать уровень материального благосостояния населения.

Динамика улучшения питания за время учебы в школе мне запомнилась по ассортименту потребляемых сладостей. В первых классах из выделенных родителями денег я покупал от силы 100 граммов «подушечек» с начинкой из варенья или столько же конфет, которые назывались «кавказские» и состояли по большей части из сои. Сам варил монпансье из сахара с лимонной эссенцией и даже пытался сделать из приготовленного сиропа петушков на палочке – в магазине выходило много дороже. В конце учебы в школе я покупал уже по полкило «Весмы» или по 300-400 г шоколадных конфет «Кара-кум». Это замер уровня благосостояния не менее точный, чем применяемый на Западе индекс стоимости Биг-Мака.

В младших классах школы ел безумно вкусные пышки с сахаром. Они готовились в маленькой пирожковой, что располагалась на углу улиц А .Суворова и Дзирнаву. Запивал я эти общепитовские пышки горячим и непомерно сладким какао. Кофе в этом заведении общепита называлось кофейным напитком и мне не нравилось, поскольку состояло из жареных цикория и желудей, да и варили его на плите в двадцатилитровом алюминиевом баке.

В старших классах я пристрастился пить настоящий кофе. Самый вкусный кофе готовили в небольшом уютном заведении «Снежинка», что располагалось напротив Дворца железнодорожников. Кроме того, в этом заведении готовили отменные творожные ватрушки.

Перепроверил личные воспоминания о росте материального потребления населения в республике по данным статистики. Листаю пожелтевшие страницы статистического сборника ЦСУ Латвийской ССР за 1987 г., который сохранился в моей личной библиотеке. За период с 1965 по 1986 гг. в республике вырос объем потребления на душу населения мяса и мясопродуктов с 63 до 84 кг, молока и молочных продуктов – с 430 до 470 кг, яиц – со 149 до 300 шт., рыбы – с 22 до 25 кг, сахара – с 40 до 49 кг, овощей – с 72 до 81 кг. По потреблению всех этих продуктов Латвийская ССР обогнала все скандинавские страны, Великобританию, Бельгию.

В комментариях к этим данным в статистическом сборнике отмечалось низкое потребление населением ягод и фруктов. Действительно, продавались они только летом, поскольку хранить в свежем виде их не умели. Разве что зимние яблоки оборачивали газетной бумагой, складывали в ящик, засыпали тонкой стружкой и хранили до декабря. Зато из груш, слив, вишни, смородины, малины, клубники мама варила варенье и готовила компоты.

Следует отметить также то, что все в республике были обуты и одеты, практически в каждой семье были телевизор, радиоприемник, магнитофон, холодильник, стиральная и швейная машинки, велосипед. Все пользовались услугами хорошо развитого дешевого общественного транспорта. А у многих уже были мотоциклы и автомобили.

В целом можно говорить о том, что к концу 70-х годов коммунисты накормили, напоили, обули и одели советский народ, обеспечили его основными предметами длительного пользования. Сказано в Евангелие: «*Та́к всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худы».* Коммунисты в символическом плане были добрым деревом для всего трудящегося люда. Этого уровня материального потребления массы трудящиеся никогда уже больше не смогли достигнуть.

Квартирный вопрос

Неизвестный художник. «Восстановление Риги после войны»

Остановлюсь еще на одной, весьма болезненной для обсуждения нашего социалистического прошлого теме – квартирной. В младших классах школы я жил с родителями и старшей сестрой в маленькой трехкомнатной квартирке, занимавшей четвертую часть одноэтажного дома. Отопление было печное, и на мне лежала обязанность поддерживать в квартире зимой тепло. Надо было разжигать и загружать печку дровами или углем.

Отец поставил в кладовке колонку для нагревания воды и ванну. Мы, таким образом, обрели необходимый комфорт и перестали ходить по пятницам в общественную баню на улицу Малогорную за несколько километров. В нашу квартирку был подведен газ, но колонку топили дровами, поскольку газовые котлы были тогда большой редкостью.

С моей помощью отец пристроил к нашему домику достаточно просторную летнюю веранду. На каждого члена семьи у нас приходилось по семь метров жилой площади. Немного, но в таких условиях жило абсолютное большинство знакомых мне людей.

Многие тогда жили в коммунальных квартирах: в них общая жилая площадь на душу была побольше, наличествовало центральное отопление, горячая вода, газ, но кухня, ванная и туалет были общие.

Когда я стал учиться в старших классах школы, отцу дали благоустроенную двухкомнатную квартиру в многоэтажном доме жилой площадью 36 кв. метров. Тогда существовала социальная норма распределения жилья – по 9 кв. метров на одного человека. Общая

площадь квартиры была за счет кухни, санузлов, коридора, прихожей примерно наполовину большей.

Потом родители поменяли полученную двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, доплатив ее хозяевам за одну комнату 1200 рублей. На эту сделку были потрачены семейные сбережения за два года. Напомню, в то время средняя заработная плата после налоговых вычетов составляла около 120 рублей. У родителей и у нас с сестрой теперь было по комнате, и этого вполне хватало для нормальной жизни, пока я не женился.

Моя личная история решения жилищного вопроса полностью соответствовала общей тенденции его решения в республике.

По статистическим данным, в 1970 г. на одного жителя республики приходилось 14, 5 кв. м общей площади жилища, в 1985-м – 18,6 кв. м. В Риге на моих глазах строились и заселялись новые благоустроенные микрорайоны – Агенскалнс, Кенгарагс, Пурвциемс, Иманта, Югла, Межциемс, Плявниеки. В этих районах, помимо жилых зданий, возводились детские сады, школы, магазины, кинотеатры.

Почему в стране была низкая обеспеченность населения жильем? Да потому что очень значительная часть жилого фонда была уничтожена немцами во время Великой Отечественной войны. Потом из села в город переехало большое количество людей, и их надо было обеспечивать новыми квартирами.

В 1985 г. компартия приняла пятнадцатилетнюю жилищную программу. К 2000 г. планировалось обеспечить все семьи отдельным благоустроенным жильем. Судя по темпам жилищного строительства в 1986-1990 гг., эта задача могла быть успешно решена. Ежегодно около 100 тыс. человек в республике улучшало свои жилищные условия.

Четыре пятых всего строящегося жилья финансировалось за счет общественных фондов потребления, поэтому оно распределялось бесплатно. Жилье доставалось тем, кто больше всего в нем нуждался – многодетным семьям, людям, живущим в обветшавших домах и квартирах, в полуподвалах, общежитиях, ветеранам труда. Распределяли государственные квартиры комиссии при районных исполнительных комитетах советов народных депутатов, то есть представители народа.

Было еще кооперативное жилье, строящееся за счет денежных взносов граждан, но вступить в кооператив можно было только если в семье не

выполнялся норматив обеспеченностью жилой площадью на одного человека.

Когда у нас с женой родилась дочь, мы при материальной поддержке родителей купили двухкомнатную кооперативную квартиру. Поскольку мы тогда еще не защитились и зарплаты у нас были невысокие, без помощи родителей заплатить первый взнос за кооператив было трудно.

Квартплата за жилье и коммунальные услуги была тогда невысока. Перед глазами у меня очень явственно стоит желтенькая квитанция из домоуправления, пришпиленная мамой булавкой к обоям над кухонным столом специально для меня. На столе лежало 15 рублей. Мне надо было пойти в сберкассу, отстоять достаточно длинную очередь и оплатить эту квитанцию. За государственную квартиру вместе со всеми коммунальными услугами надо было заплатить порядка 14 рублей. Это составляло около семи процентов от «чистой» зарплаты отца, а в семье работала еще и мать. Сдачу с выделенных на хозяйственные нужды денег можно было взять себе и потратить на развлечения.

Бездомных на улицах за четверть века сознательной жизни при социализме я ни разу не встречал. Многие жаловались на стесненные жилищные условия, особенно молодые семьи с детьми, но никто не ночевал в подъездах, на чердаках, а тем более на улице.

Естественно, у людей и в то время с жильем могли возникать разного рода проблемы. Например, родители подруги сестры развелись со скандалом, и ей оказалось негде жить. Так подруга прожила у нас в квартире в одной маленькой комнате с сестрой три года, пока ее мать не купила кооперативную квартиру. Кстати, ее мать работала простой монтажницей на ВЭФе. Мои родители приняли подругу дочери как родственницу, я воспринимал ее как вторую сестру. Она была латгалкой, но о своем народе ничего не рассказывала, поскольку была сильно латышизирована. Это общение с ней подтолкнуло меня много лет спустя к изучению вопроса и написанию книги о латгалах. Детское восприятие проблемы – очень сильное, накладывает отпечаток на всю последующую жизнь.

Сфера услуг: достижения и упущения

Г. Богданов. «Хирурги»

С производством и распределением материальных благ при социализме дела обстояли совсем неплохо. Хороших успехов удалось добиться и с производством, и распределением основных социально значимых услуг.

О возможности свободно посещать различные культурные мероприятия я уже писал. В республике практически все дети оканчивали среднюю школу или профтехучилище, около четверти их выпускников поступали потом в техникумы и высшие учебные заведения. Обучение везде было бесплатным, и это позволяло наиболее талантливым детям легко продвигаться вверх по социальной лестнице. Вряд ли мои родители могли бы оплатить мое обучение в университете, а тем более в аспирантуре на коммерческих началах. Сами-то они возможности учиться в вузе из-за бедности и войны не имели. Качество обучения в советское время было одним из самых высоких в мире. Темные люди не могут запускать в космос ракеты и строить атомные электростанции.

В Латвии за годы советской власти была создана развитая сеть медицинских учреждений: больниц, поликлиник, амбулаторий, специализированных лечебных центров. В них населению бесплатно оказывались основные виды медицинских услуг. Лекарства были доступны всем слоям населения. Действовала система профилактики возникновения заболеваний.

Как-то уже в новое время я спросил у известного медика, академика Виктора Константиновича Калнберза, возможно ли восстановить систему здравоохранения, существовавшую в Советской Латвии. «*Нет,* – не раздумывая ответил он. – *Это неимоверно большие затраты, и при капитализме никто покрывать их не станет. Богатые теперь могут, конечно, получать более качественное медицинское обслуживание, чем в советские времена. А вот простой народ таких возможностей лечиться, как раньше, больше иметь не будет никогда*».

Конечно, существовали и проблемы в сфере услуг. Так называемое бытовое обслуживание сильно хромало. Починить автомобиль, например, было большой проблемой. Сильно не хватало торговых площадей, заведений общественного питания, особенно кафе, ресторанов, баров, где можно было бы посидеть с друзьями и просто поболтать – все собирались на кухнях своих небольших квартир. На известном этапе у людей появились свободные деньги, и они хотели проводить летом отпуск у моря, а домов отдыха и гостиниц было недостаточно. Однако все проблемы были вполне разрешимы. Надо было вкладывать в сферу обслуживания дополнительные инвестиции и регулировать потребление производимых услуг стоимостными инструментами. Приведу такой пример.

В 1977 г. в составе студенческого отряда я поехал в социалистическую Германскую Демократическую Республику. Мы должны были перекладывать железнодорожное полотно на разъезде под маленьким городком Шверин. Жили в свободной от учащихся на летних каникулах школе. Работа начиналась очень рано, но рано и заканчивалась. Это давало нам возможность спокойно погулять в конце рабочего дня по городу.

Улицы Шверина сияли ярко освещенными витринами, на которых были выложены качественные товары, труднодоступные для советского человека, – все местного производства. Кафе и гаштеты – пивные рестораны – были полупустые, из их дверей лилась веселая музыка. С первого взгляда все это казалось очень привлекательным. Однако красивые товары в магазинах «кусались» ценой. А когда мы с подружкой зашли вечером перекусить в гаштет, то хваленые немецкие сосиски с капустой и пиво тоже оказались совсем не дешевыми. В разговоре с хозяином пивного ресторана выяснилось, что это частное предприятие и

что он сам устанавливает в нем цены, но вынужден платить с полученного дохода очень приличные налоги, и не платить их лучше не пробовать.

Разговор с хозяином гаштета на ломаном английском языке шел очень увлекательный, но дальнейшему выяснению подноготной немецкой частнопредпринимательской жизни помешали четыре «бойца» нашего студенческого отряда. Они с гамом ввалились в зал, сели за соседний столик, заказали пиво и стали его пить, закусывая сушеной воблой. Воблу они принесли с собой, разделывали ее руками на старой газете «Правда» и с аппетитом поглощали. Я сразу вспомнил эстетику безобразного воплощенную в катине О. Рабина «Натюрморт с рыбой и газетой «Правда». Немцы, посетители гаштета, об этой картине ничего не знали и поэтому были в шоке от такого зрелища. Они не понимали, как можно было грызть хвост сушеной воблы, которая распространяла вокруг достаточно специфический запах, и запивать его хорошим немецким пивом.

Хозяин заведения пошел упрашивать наших «бойцов» отказаться от принесенной воблы, но не тут-то было. Договорился только о том, что ребята сменят старую газету на чистые тарелки. Словом, вышел конфликт гастрономических культур. Ничего страшного, но рассказ о том, как устроена в ГДР система управления частным бизнесом, я так до конца и не услышал.

В одном частном немецком магазинчике я потратился и купил бутылку кока-колы, которую раньше никогда не пил. Попробовал и сразу сообразил, что наш квас намного вкуснее, а главное – в 21 раз дешевле. До этого я прочитал в журнале «Наука и техника», что в этот напиток добавляют листья кустов колы – сырья для приготовления кокаина. Этих двух фактов оказалось вполне достаточно, чтобы не пить кока-колу уже никогда в жизни.

В целом секрет немецкого рыночного благополучия был не таким уж и сложным и вполне мог быть перенесен на советскую почву. Достаточно было сбалансировать ценами товарный рынок, ввести частную собственность в сфере услуг и мелкого производства, установить действенную систему сбора налогов с частников.

Социальная справедливость: истинная и ложная

Рогир ван дер Вейден. «Архистратиг Михаил взвешивает души людей»

В соответствии с общей установкой на построение общества социальной справедливости компартия определяла порядок распределения благ между различными группами и социальными слоями.

Например, помимо трудовых доходов, женщины получали пособия по беременности и родам, уходу за ребенком. Учащимся выплачивались стипендии. Старики и инвалиды получали пенсии. Больным назначали компенсации на период нетрудоспособности.

Власти старались также не допускать необоснованного разрыва в оплате работников разной сложности труда. Это была правильная реализация принципов социальной справедливости.

Однако были и серьезные ошибки в перераспределении доходов населения. Главной социально-экономической проблемой в середине 80-х гг. стало распределение доходов между работниками сложного и работниками простого труда. На подготовку и поддержание способностей первых требовалось больше затрат, чем на подготовку и поддержание способностей вторых, но работники сложного труда создавали и большую прибавочную стоимость. В силу этого работники сложного труда, прежде всего инженеры, техники, конструкторы, врачи, преподаватели,

управленцы, должны были получать большие доходы, чем чернорабочие или неквалифицированные служащие.

В период сталинского правления в СССР дифференциация в оплате труда работников различной квалификации была достаточно велика. При Н. Хрущеве она стала стремительно сокращаться, а при Л. Брежневе доходы различных групп трудящихся практически сравнялись.

Так, если в 1965 г. доходы рабочих и инженерно-технических работников в промышленности Латвийской ССР соотносились, как 100 к 149, то в 1985 г. соотношение было уже только 100 к 109. Стимул у инженеров и техников к интенсивной работе пропал. Одни инженеры стали работать спустя рукава, другие ради заработков начали переходить на рабочие должности. А деньги-то на их подготовку были потрачены немалые. Та же ситуация была и с научными сотрудниками, преподавателями вузов, врачами.

Можно ли было решить эту проблему в рамках социализма? Вполне. Необходимо было пересмотреть сложившуюся систему оплаты труда, привязав зарплату к квалификации, стажу работы, числу подчиненных, производственной ответственности, полученным результатам и тому подобным факторам. Такого рода сложные тарифные системы были известны советской экономической науке. Так что для решения возникшей проблемы с оплатой труда различной сложности политическому руководству надо было просто понять проблему и принять соответствующие решения.

Однако тогдашнее руководство компартии не внедряло более сильную дифференциацию в оплате труда, поскольку боялось затронуть интересы большого числа рабочих простого физического труда, сконцентрированных на крупных промышленных предприятиях. Рабочих этой категории пытались подкупить за счет повышения размера их заработков, предоставления им преимуществ при распределении квартир, машин, путевок. На работников сложного инженерного и гуманитарного труда материальных благ при этом не оставалось.

В среде технической и гуманитарной интеллигенции из-за несправедливо низкой оплаты труда накапливалось недовольство. Выход из создавшегося положения для части интеллигенции мог заключаться в переходе на управленческую работу, которая оплачивалась лучше, чем

работа специалистов. Но для этого в большинстве случаев требовалось быть членом партии. Между тем в компартию интеллигенцию особо не принимали. Социальный лифт для подъема наиболее способных людей снизу на высшие ступени социальной лестницы в результате этого стал действовать плохо. А этот социальный лифт был одним из важнейших преимуществ социализма.

Недовольство интеллигенции своим материальным положением постепенно переросло в недовольство политическими порядками вообще. Интеллигенция критиковала во время вечерних задушевных разговоров за бутылкой сухого вина на кухне правящую коммунистическую партию и социалистический строй в целом. Ей хотелось такой же обеспеченной в материальном плане жизни, как на Западе, но с сохранением тех социальных преимуществ, которые были при социализме. О том, что совместить две эти вещи в принципе невозможно, никто не хотел слушать. Все жили в мире иллюзий, сформированном радиостанциями вроде BBC и «Голос Америки».

Недавно мы дома собирали школьных друзей. Пришла и пара, которая уже два десятилетия живет в США. В эмиграции ребята заняли очень хорошие позиции в двух разных крупных фармацевтических фирмах и в материальном плане были неплохо обеспечены. Сели мы все, как и раньше, на кухне, открыли бутылку сухого вина, стали вспоминать советские времена. «Американцы», среди прочего, рассказали, что отпуск у них теперь только десять рабочих дней, но и его они вынуждены брать в два приема, чтобы не нарушать производственный процесс, а в Латвию они смогли приехать, только приурочив кусок отпуска к рождественским праздникам. Бюллетень по болезни им на фирме никто не оплачивает, точнее, бюллетеня как такового просто нет. Если же заболел гриппом, то следует наглотаться лекарств и продолжать ходить на работу. Чтобы не болеть, они каждый день ходят в спортивный зал.

Еще двое наших одноклассников, присутствовавших на дружеской вечеринке все это время из Латвии никуда не уезжали. Они недоверчиво слушали-слушали «американцев», а потом в один голос заявили: «*Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Мы знаем…*» Далее они воспроизвели ту сладкую картину американской жизни, которую увидели в каком-то голливудском фильме. Очень советской интеллигенции не хотелось расставаться с иллюзиями.

ГЛАВА VI. ПАРТИЙНАЯ СЛУЖБА: ТРАДИЦИИ

Как я стал аппаратчиком

Политбюро ЦК КПСС

Весной 1982 г. после смерти Л. И. Брежнева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС избрали многолетнего руководителя Комитета госбезопасности (КГБ) СССР Юрия Владимировича Андропова. Он стал готовить давно назревшие к тому времени общественные реформы и продвигать для их осуществления своих людей на важнейшие посты в партии и государстве. Однако весной 1984 г. Ю. Андропов умер и его место занял К. Черненко. Он был уже при назначении на пост сильно болен, практически не выходил на работу и через год тоже скончался.

Вообще в начале 80-х из жизни стало массово уходить послевоенное поколение руководителей. Мы даже привыкли, что по телевидению каждый месяц передают классическую музыку – так было принято тогда в знак траура по ушедшим из жизни высокопоставленным руководителям партии и государства.

Люди, поставленные Ю. Андроповым, и после его смерти подбирали в свою команду кадры, на которые потом собирались опираться.

В апреле 1984 г. на должность первого секретаря ЦК КП Латвии избрали бывшего руководителя КГБ Бориса Карловича Пуго. Он стал обновлять состав партийного аппарата. Похоже, что именно в рамках обновления идеологических кадров мне предложили пойти работать лектором в отдел пропаганды и агитации ЦК КПЛ. Прямо вербовать партийных работников

спецслужбам тогда строго-настрого запрещалось, но вот продвигать перспективных людей втемную на ключевые посты они вполне могли.

Работу у себя мне предложил руководитель лекторской группы ЦК КПЛ Валентин Елисеевич Мокроусов. Карьера партийного работника меня не прельщала, но писать докторскую диссертацию было еще рано – жизненного опыта не хватало. Кроме того, Валентин Елисеевич пообещал, что в течение трех лет я смогу поднакопить управленческого опыта, получить более просторную квартиру и вернуться в Институт экономики. Мы с женой и дочкой жили тогда в двухкомнатной квартире, и перспектив улучшения жилищных условий в Академии наук не было, хотя как остепененные научные сотрудники каждый из нас имел право на дополнительную комнату под кабинет.

Возможность решить квартирный вопрос на партийной службе выглядела привлекательнее предложения занять пост заведующего отделом НИИ конъюнктуры и спроса при минторге – там тоже обещали со временем дать трехкомнатную квартиру. Нельзя сказать, что при смене работы главную роль играл материальный интерес. Размер предлагаемого должностного оклада у меня оказался даже меньше, чем в Академии наук. При принятии мною решения стать сотрудником партийного аппарата главным стало желание внести посильный вклад в строительство коммунистического общества, поскольку, вступая в партию, пообещал приложить для этого все свои силы. Однако как можно было приложить свои силы, я представлял смутно.

Собеседование со мной в аппарате ЦК проводил секретарь по идеологии Анатолий Валерьянович Горбунов. Во время собеседования я поставил условием перехода на партийную работу сохранение возможности преподавать по субботам на кафедре политэкономии РВВПКУ. Он удивился тому, что я выставляю такое необычное условие, но согласился.

Я постригся, облачился в строгий костюм темного цвета, светлую рубашку, повязал галстук, начистил туфли и в марте 1986 г. начались мои будни освобожденного партийного работника.

Этнические и социальные расклады

И. Зариньш. «Песня. Латышские стрелки»

Партийная организация республики в это время насчитывала свыше 170 тыс. человек. Первичные партийные ячейки существовали на всех предприятиях, в организациях, учебных заведениях, по месту жительства партийцев. Деятельность первичных организаций координировалась районными и городскими комитетами, а над ними был республиканский комитет. Управляли парткомами выбранные секретари, им придавались освобожденные работники, которые занимались кадровой, организационной и пропагандистской работой, курировали советские и хозяйственные органы. Они составляли партийный аппарат.

Освобожденных партийных работников на всю республику было всего около трех тысяч, еще столько же коммунистов работало руководителями государственных органов управления. Правящий слой был, таким образом, очень мал – менее чем полпроцента от общего числа работающих в республике.

В наше время бюрократический аппарат насчитывает около 60 тыс. человек, то есть вырос ровно в десять раз, а его удельный вес достиг 8% от общей численности работающих.

В составе населения республики число латышей и русских, в широком смысле этого слова, то есть тех, кто жил на русской языковой и

культурной основе, было 52% на 48%. Партийная организация республики на тот момент на 40% состояла из латышей и на 60% из русских. В партийном аппарате этнический расклад был примерно таким же, как и во всей партии. Документация в аппарате управления велась на двух языках: русском и латышском.

Руководство партии состояло по большей части из латышей. Секретарями ЦК КП Латвии, председателями Совета министров и руководителями президиумов Верховных советов назначали только латышей. Латышами были также большинство министров, руководителей государственных комитетов, первых секретарей горкомов и райкомов, городских и районных советов народных депутатов, их исполнительных комитетов. Руководители промышленных предприятий, колхозов и совхозов в этническом плане делились приблизительно пополам.

Этнический состав руководства республики мне был хорошо известен лично, а кроме того, его можно было легко определить по справочнику телефонов внутренней правительственной связи – такая связь полагалась мне по должности. Один из таких справочников в зеленой коленкоровой обложке до сих пор стоит у меня дома на книжной полке.

Были также закрытые статистические сборники, которые давали этнический срез кадров, занятых в народном хозяйстве. Русские работали преимущественно на промышленных предприятиях, на стройке и на транспорте. Латыши – в управлении, сельском и лесном хозяйстве, образовании и науке. Практически стопроцентно латышской была культура. Кадры для этой отрасли готовили консерватория и Академия художеств. Образование там можно было получить только на латышском языке, и поэтому состав студентов и выпускников был соответствующим.

Высшая власть в республике на тот момент находилась в руках интернационалистского крыла партии. Оно состояло в основном из «московских» латышей, латышей-интернационалистов – потомков красных стрелков, латгалов и русских. Значительное число латышей в среднем звене руководства придерживалось национал-коммунистических взглядов, однако внешне они себя особо никак не проявляли. Национал-большевиков, то есть тех, кто отстаивал интересы русских, в руководстве республики было крайне мало, и они самостоятельную линию открыто проводить также опасались.

В коллективе отдела агитации и пропаганды, куда я попал, была деловая обстановка, высокий уровень дисциплины. Отделом руководил интернационалист А. Фрейберг. Нижестоящие партийные организации относились к цековским работникам с уважением и беспрекословно выполняли передаваемые ими распоряжения начальства.

Основную часть работников отдела агитации и пропаганды составляли профессиональные партийные работники. Принятые вместе со мной в лекторскую группу молодые кандидаты наук из вузов и исследовательских институтов были в аппарате инородным телом. Однако «кадровые» партийцы нас приняли доброжелательно, оказывали помощь в работе, которая была для нас в новинку.

В составе нашего отдела большинство составляли латыши, но я ни разу не почувствовал предубежденного отношения ко мне с их стороны. Напротив, с Ояром Кехрисом, Илзе Островской, Янисом Вассерманисом мы подружились и семьями ходили в гости друг к другу. Дружеские отношения я поддерживал и с ребятами из других отделов: Юрием Балтгайлисом, Евгением Волошиным, Василием Рагозиным, Александром Борзых, Сергеем Данилиным. В партийном аппарате оказался и староста моей студенческой группы Володя Кулик – он курировал работу парторганизаций банков.

Масса латышского населения активно поддерживала «красный» проект. Латыши охотно вступали в правящую коммунистическую партию, делали в ней успешную карьеру. Они прилежно изучали в вузах научный коммунизм и историю КПСС. Многие из них ходили в вечерний университет марксизма-ленинизма, прилежно учились и успешно сдавали там зачеты и экзамены. Говорю об этом потому, что сам по вечерам читал лекции и вел семинары в этом университете. Занятия проходили в Доме политпросвещения, который сейчас переименован в Дом конгрессов.

В рамках единого советского народа латышей и русских объединяло следование общим коммунистическим духовным ценностям, поклонение общим символам, празднование общих памятных дат. Мы вместе пели гимн Латвийской ССР, текст которого сочинили известные латышские поэты Ф. Рокпелнис и Ю. Ванагс. В этом тексте были такие знаменательные строки:

Лишь в дружбе незыблемой с русским народом

Смогли мы неправду и зло победить.

Под знаменем Ленина к счастью и славе

Путем Октября мы победно идем.

Верны мы великой Советской державе

И кровь за нее, если надо, прольем!

Делалось ли все это из-под палки и представляло ли собой попытку выжить в условиях «советской оккупации»? За несколько лет службы в партийном аппарате я встречался со многими тысячами латышей по всей республике и ни разу не замечал даже намека на протест против коммунистических порядков. Так что «советскую» оккупацию следует рассматривать как простой симулякр, сконструированный националистами волхвами для того, чтобы оправдать те преступления, которые они совершили после ликвидации «красного» проекта, в реализации которого участвовали.

Отдельный вопрос – это социальный состав партии и аппарата управления. Руководство партии старалось, чтобы состав партии и состав аппарата соответствовал социальной структуре населения. Для этого установили квоту на прием в партию служащих. Служащего в партию можно было принять, только если до этого приняли трех рабочих или колхозников. Однако для контроля над управленцами их старались принять в партию, и это постоянно нарушало идеальную управленческую конструкцию.

Еще хуже обстояли дела с социальной структурой аппарата управления. Управленец – это такая профессия, которой надо длительное время учиться и нарабатывать опыт. Руководство старалось назначать на руководящие посты людей, которые имели опыт работы за станком и за сохой. Однако среди членов номенклатуры среднего возраста таких было немного. В основном управленцами становились либо те, кто после окончания вуза проработал только пару лет на производстве, либо те, кто сразу пошел по партийной служебной линии. Их социальный интерес был интересом управленцев, а не простых исполнителей из числа рабочих и колхозников. В обычное время это было не столь важно, но в период острого социально-экономического кризиса дало сильно себя знать.

Люди во власти

Ян Розенталь. «Спридитис»

Мои должностные обязанности в аппарате ЦК КПЛ заключались в чтении лекций по общественно-политической тематике, подготовке методических материалов для агитаторов, написании пропагандистских брошюр, подготовке разделов речей для руководства по социально-экономической тематике. Приходилось также посещать партийные собрания первичных организаций, рассказывать на них о текущей линии партии, участвовать в различных политических компаниях.

Одной из моих обязанностей была организация выступлений группы лекторов из состава высшего руководства республики. В первый раз мне пришлось отправлять группу министров и их заместителей в поездку по республике для пропаганды решений недавно прошедшего XXVII съезда КПСС. Для меня это была новая работа, и я спросил у своего начальника В. Мокроусова, что делать, если кто-то из высокопоставленных работников откажется ехать по разнарядке читать лекции в отдаленный район. Ведь у меня не было каких-либо административных полномочий приказать ему. «*А ты скажи, что напишешь на него докладную записку в Бюро ЦК, ведь это оно постановило организовать лекционную кампанию по пропаганде решений съезда*», – посоветовал он.

Я положил на рабочий стол слева список руководителей республики, приписанных к моей лекторской группе, справа – список 26 секретарей

райкомов по идеологии, и стал методично обзванивать тех и других. Первым в правом списке стоял Алуксненский райком партии. От секретаря райкома я узнал, что они запланировали выступление лектора из столицы в райкоме партии, в средней школе, перед трудовыми коллективами двух колхозов, зверофермы и леспромхоза. Учитывая отдаленность района, поездка требовала от лектора трех рабочих дней. В левом списке первой стояла фамилия заместителя министра бытового обслуживания Андриса Берзиньша. Я набрал по телефону-вертушке соответствующий номер и бодрым голосом сообщил товарищу по партии, что ему следует включиться в пропаганду решений недавно состоявшегося съезда в Алуксне, а информационные материалы к своему выступлению он может взять у меня. Абонент на той стороне телефонной трубки стал капризничать, говорить, что у него нет времени на такие поездки, что он наметил совещание у себя в аппарате. «*Нет так нет,* – спокойно ответил я. – *Напишу докладную записку в Бюро ЦК о том, что вы отказываетесь выполнять его постановление*». И положил трубку.

30 секунд полной тишины, а потом «вертушка» стала разрываться от телефонной трели. А. Берзиньш сообразил, что может получить строгий выговор по партийной линии за отказ выполнять важное партийное поручение, а то и лишиться должности. Я спокойно выдержал минут десять и только после этого взял уже раскалившуюся добела телефонную трубку. «*Слушаю вас*», – произнес я ледяным тоном. Звонивший стал, путаясь в словах, оправдываться: «*Вы меня неправильно поняли. Нет, это я вас неправильно понял… Скажите, когда и куда надо ехать?*» Я так же спокойно объявил ему программу поездки, куда и как надо ехать, с кем связываться в райкоме, сказал, что у дежурного милиционера в вестибюле здания ЦК можно взять методичку к лекции.

С другими республиканскими руководителями о лекционных поездках было договариваться легче. Все без разговоров соглашались выступать перед партактивом и трудовыми коллективами, только иногда просили чуть перенести время выступлений или место, куда они должны были ехать – подгоняли под свои собственные планы. Сколько мог, я шел навстречу пожеланиям своих подшефных лекторов.

Кто мог знать тогда, что А. Берзиньш станет в 2011 г. президентом независимой Латвии и будет выступать с националистических позиций, напрочь забыв решения XXVII съезда КПСС?

История моих взаимоотношений с А. Берзиньшем имела любопытное продолжение. В 2015 г. на меня обрушился гнев полиции безопасности. За что я подвергся немилости – расскажу позже. Спецслужбы не раз докладывали о моей «подрывной» деятельности президенту как руководителю Совета национальной безопасности. Сначала он от этих докладов отмахивался, ссылаясь на то, что нет юридических оснований для моего преследования. А потом сломался и разрешил провести арест и обыски. Обыски ничего не дали – и меня выпустили на свободу.

Летом 2016 г. я шел от выставочного зала на о. Кипсала к своей машине, которую поставил напротив, в тупичок, поскольку там не надо было платить три евро в час за парковку. Подходя к своему старенькому фольксвагену, я увидел в нескольких метрах от него новый мерседес, в котором за рулем сидел уже экс-президент А. Берзиньш, а рядом с ним какая-то красивая женщина.

Берзиньш увидел меня, злобно погрозил кулаком из салона своей роскошной машины и что-то эмоционально стал кричать. Что именно – не было слышно из-за дальности расстояния до его машины. Потом экс-президент громко погудел клаксоном своего мерседеса, надавил на газ и промчался мимо, подняв облако пыли и сильно подпортив воздух выхлопными газами. То ли он вспомнил, что я враг Латвии, как меня ему представляла полиция безопасности, то ли случай с поездкой в Алуксне – трудно сказать.

Выступления партийно-хозяйственного актива перед трудовыми коллективами имели важный политический смысл: во-первых, они позволяли нацелить массы на выполнение поставленных партией задач, и, во-вторых, позволяли народу как-то контролировать деятельность высокопоставленных бюрократов. Простые рабочие могли на встречах задать любые вопросы министру или его заместителю, потребовать решения накопившихся проблем. Эти вопросы не повисали в воздухе. Обычно по итогам организованных выступлений мне приходилось составлять аналитическую записку по тематике задаваемых аудиторией вопросов. Эти записки рассматривали на заседаниях партийных комитетов различного уровня, и по итогам обсуждений принимались организационные решения.

Цели поддержания связи с народом служили также обязательные личные приемы руководителями посетителей и рассмотрение письменных

жалоб трудящихся. Мне, как имевшему научную степень, обычно доставались письма, содержащие в себе какие-либо теоретические вопросы.

Однажды пришлось разбираться с пространным докладом, который назывался «Двадцать три ступени коммунистического соревнования». Автор предлагал внедрить систему имитации капиталистической конкуренции, которая бы позволила повысить эффективность производства при социализме. Идей была благая, но в рамках монопольной государственной собственности нереализуемая. Я встречался с автором доклада трижды, прежде чем убедил его описать механизм воплощения его идеи в практику. Автор ушел подумать и больше не возвращался.

Мои коллеги по аппарату разбирались с более прозаическими проблемами – несправедливым распределением жилья, незаконным увольнением с работы, с аморальным поведением мужа-руководителя. Жалобы на использование служебного положения в личных целях или на коррупцию, в случае их обоснованности, передавались партийными органами в прокуратуру.

Первого президента независимой Латвии Гунтиса Ульманиса я тоже хорошо помню по советским временам. Он работал руководителем Рижского районного комбината бытового обслуживания, и я как-то привез к нему большую делегацию аргентинских коммунистов, приехавших для ознакомления с опытом строительства социализма в Латвии. Г. Ульманис тепло нас принял, угостил кофе с пирожками, начиненными шпеком, а по ходу дела рассказал о том, как под его руководством развиваются предприятия бытового обслуживания района. Потом показал, точно не помню уже, то ли прачечную, то ли мастерскую по ремонту радиоаппаратуры, оборудованную новой техникой. Мне он показался достаточно толковым специалистом, пользующимся уважением трудового коллектива. В пирожках со шпеком он тоже хорошо разбирался – мы эту тему подробно обсудили, поскольку моим хобби было печь булки и пироги. Бабушки передали мне по наследству много секретов кулинарного искусства.

В составе аргентинской делегации было пару троцкистов, и они все время задавали каверзные вопросы тем людям, с которыми мы встречались. Руководителя Рижского комбината бытового обслуживания

они настойчиво пытали, почему СССР никак не начнет ядерную войну с США и не покончит разом с порочной капиталистической системой. Г. Ульманис на этот вопрос ответа не знал, сильно растерялся, и мне пришлось его выручать. Я с троцкистами спорил уже пятый день и аргументацию в пользу необходимости проведения политики мирного сосуществования разных общественных систем наработал весомую.

На посту президента независимой Латвии Г. Ульманису, несомненно, пригодились навыки управления коллективами предприятий бытового обслуживания и опыт дискуссий с аргентинскими товарищами по партии.

У меня до сих пор сохранилась памятная медаль в честь 70-летия со дня создания компартии Аргентины, которую мне подарил руководитель делегации. Иногда я смотрю на нее и думаю: «*А может быть, правы были аргентинские товарищи и зря я защищал от них американский империализм и будущего президента независимой Латвии?*»

Последняя зарисовка на выбранную тему. Одной из моих функциональных обязанностей было посещение партийных собраний в первичных организациях. Прямо лекторская группа никого не курировала, и я мог выбрать для посещения любую организацию.

Раз увидел в списке для посещений партсобраний Комитет по труду и социальным вопросам. Поскольку десять лет тому назад проходил в этом комитете студенческую практику, решил сходить в него. Старых знакомых в комитете уже никого не оказалось, но меня хорошо принял секретарь парторганизации Андрис Берзиньш. Это не тот, кто стал президентом, а тот, кто был премьером в «белой» Латвии в 2000-2002 гг.

Андрис угостил меня кофе, я расспросил его о судьбе работников комитета, которые уже уволились. Потом А. Берзиньш сделал доклад о задачах парторганизации по обеспечению ускорения социально-экономического развития республики. Доклад был неплохой, но достаточно «застойный» по содержанию. Я немного покритиковал секретаря парторганизации и дал пару советов, исходя из указаний, полученных самим на совещании в аппарате ЦК. Покритиковал не злобно, по-товарищески. Андрис Берзиньш очень расстроился и после партсобрания быстро ушел домой.

Потом знакомый инструктор из экономического отдела, который курировал Комитет по труду и социальным вопросам, мягко попенял мне,

что я пугаю его национальные кадры. А я вовсе не хотел пугать будущего премьера, просто хотел помочь ему в работе по ускорению социально-экономического развития республики. Этого требовали решения компартии, и мы все вместе должны были их честно выполнять.

Я рассказал о своих непродолжительных встречах с Г. Ульмансом и обоими Берзиньшами для того, чтобы дать представление о типичных номенклатурных работниках, которые руководили республикой в то время. Все трое были неплохими людьми, умело направляли деятельность подконтрольных им прачечных, бань, ателье по ремонту телевизоров и радиоприемников, способствовали ускорению социально-экономического развития республики. Однако все трое пришли в компартию не от станка или от сохи для защиты интересов трудящихся, а выбрали карьеру чиновников, чтобы продвинуться по службе, обеспечить личное материальное благополучие. Поэтому, когда появилась возможность перейти в ряды антикоммунистов, где было больше карьерных перспектив и материальных благ, они не раздумывая сделали это.

На роль *удерживающих* эти три человека никак не годились, хотя и к *людям греха* их в советский период нельзя было отнести. Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь писал о таких людях: «*Так себе человек, ни рыба, ни мясо, ни богу свечка, ни черту кочерга…»*

В латышских народных сказках людей такого типа олицетворял образ мальчика-с-пальчика Спридитиса (дословно по-русски– фитюлька). Он сначала на белом коне геройски пограцует ради того, чтобы королевскую дочку заполучить, добьется желаемого и тотчас бросит королевишну из-за несоразмерности телесных элементов. А потом наймется служить другому королю, на белом коне скакать и другие материальные блага зарабатывать. Получит что-то материальное и опять короля и королевишну бросит.

Партийная работа: взгляд изнутри

Второй праздник песни в Советской Латвии

С приезжими делегациями братских компартий мне приходилось работать довольно часто. Помимо ознакомительных поездок с ними по районам, организации выступлений перед трудовыми коллективами, на меня ложилась обязанность сопровождать их вечером по развлекательным мероприятиям. Это были вечерние походы в театр, на концерты, какие-то спортивные соревнования. Представление Рижского варьете в ресторане гостиницы «Латвия» я посмотрел с гостями, которых водил на ужин, раз двадцать и уже знал всех артисток шоу по именам. Познакомился и с руководителем Рижского эстрадно-концертного объединения (РЭКО) Михаилом Йоффе, которому подчинялось варьете.

Работавшие в нашем отделе женщины старались переложить такого рода вечерние походы на меня как на самого молодого сотрудника, мужчину, да еще и болтающего немного по-английски. Жена мужественно сносила эти мои развлекательные походы. Взять ее с собой я не мог, даже если бы купил ей билеты на варьете за свои деньги. Это на партийной работе расценили бы как использование служебного положения в личных целях.

В музее Красных латышских стрелков мне с делегациями гостей также пришлось побывать раз двадцать. Председатель общественного совета музея Янис Калниньш с гордостью рассказывал членам привозимых мною делегаций о выдающейся роли красных латышских стрелков в Великой Октябрьской революции и Гражданской войне, демонстрировал их личные вещи и документы. Ежегодно музей посещало тогда свыше полутора сотен тысяч человек.

Коммунисты-интернационалисты заботились о латышской национальной культуре. В советское время, например, регулярно проводились массовые Праздники песни. На них исполняли не только латышские народные песни, но и государственный гимн, песню «Ленин всегда со мной», кантаты, посвященные юбилеям Октябрьской революции. Эти произведения исполнялись на латышском языке хорами, которые насчитывали огромное количество людей. Среди певцов русских практически не было. Авторов этих песен, режиссеров и ведущих исполнителей-латышей награждали советскими орденами и медалями, почетными званиями, солидными денежными премиями. Участники Праздников песни, а их были многие тысячи, освобождались от работы на несколько дней с сохранением заработной платы, их бесплатно привозили в Ригу, размещали на ночлег по школам, кормили и поили за счет предприятий и организаций.

В подростковом возрасте я как-то задал вопрос своему классному руководителю, коммунисту Т. П. Егоровой, преподававшей биологию и в красках расписывавшей нам на уроках борьбу хлеборобов за урожай, невзирая на плохие погодные условия: «*Тамара Павловна, а почему приехавшие с хуторов участники Праздника песни так долго живут в нашей школе, а не убирают хлеб, хотя стоит солнечная погода? Ведь может наступить ненастье и урожай погибнет?*» Классная дама сильно смутилась, немного подумала и авторитетно ответила: «*Так надо нашей партии*». Она была абсолютно права. Действительно, так надо было республиканской партийной организации, поскольку ее руководство занимало национал-коммунистические позиции в данном вопросе, а интернационалисты в Москве все эти действия высочайшим повелением благословляли. Москва думала, что таким образом она привязывает к себе руководство национальных республик.

Праздников русской песни в республике не проводилось, у русских художников были проблемы с выставками, талантливые русские артисты уезжали для продолжения своей карьеры в Москву или Ленинград, поскольку в республике им хода не давали. Моя знакомая балерина Ирина Тимофеева, например, переехала в Москву и стала танцевать в кордебалете Большого театра. Я ее даже однажды видел по телевизору, как она танцевала в «Жизели».

В круг обязанностей работников партийного аппарата входило участие в различных пропагандистских компаниях. Мне больше всего запомнилась кампания по борьбе с пьянством. В Латвии пьянство было очень серьезной общественной проблемой. В 1983 г. в республике на душу населения потреблялось почти 11 литров абсолютного алкоголя. Если пересчитать этот объем на взрослых мужчин, то выходило, что каждый выпивал бутылку водки раз в два-три дня. Республика занимала одно из первых мест в мире по потреблению алкоголя, причем потребляли в основном не слабоалкогольные пиво и вино, а крепкие напитки – водку, настойки и ликеры. Пьянство вело к серьезным потерям рабочего времени, порождало высокий производственный и бытовой травматизм, преждевременные смерти, разрушающе действовало на семью.

Партийное руководство развернуло антиалкогольную компанию. Замысел был неплохой: прекратить пьянство на работе и убедить население перейти к более здоровому образу жизни. Я подготовил материалы по пропаганде такого здорового образа жизни, стал читать соответствующие лекции. Несколько раз меня посылали в районы контролировать, как продвигалась антиалкогольная кампания на местах. Потребление алкоголя в республике вскоре сократилось более чем на треть. В целом это было совсем неплохо.

Однако по инициативе некомпетентных руководителей и в центре, и на местах кампания вскоре приняла совершенно несуразные формы: стали вырубать виноградники, уничтожать запасы марочных вин, резко сократили объемы производства водки, ввели талоны на продажу алкоголя, которые стали распределять профсоюзы на работе.

Народ ответил на это головотяпство властей тем, что стал гнать самогон, употреблять разбавленный технический спирт, выносимый с производства. Участились случаи отравления некачественным алкоголем и его заменителями. Главное же, что бюджет лишился значительных налоговых поступлений, поскольку в составе цены на вино и водку основную часть занимал акцизный налог. Возникли трудности с выплатой зарплаты государственным служащим, пенсий и пособий старикам, матерям с детьми, инвалидам.

Антиалкогольную кампанию стали потихоньку сворачивать. Это была единственная пропагандистская кампания, которая мне пришлась не по душе.

Оперируя символами и мифами

Открытие памятника Красным латышским стрелкам, 1971 г.

Любая идеологическая работа связана не столько с выработкой и распространением смыслов, сколько с оперированием символами и мифами. Простому человеку некогда разбираться в тонкостях идеологических доктрин – он ориентируется на символы, которые означают ту или иную систему духовных ценностей. Наиболее распространены такие символы, как герб, гимн, флаг, праздники, галерея героев, памятники. Простой человек действует также под воздействием эмоциональных образов, наполняющих талантливые фильмы, книги, картины, песни, даже танцы. Идеологи только стараются увязать эти эмоциональные образы в какую-то систему, превратить их в мифы.

Остановлюсь подробнее на том, как компартия использовала в своей идеологической работе материальные памятники культуры и мифы, поскольку эту тему обычно обсуждать избегают, а она имеет первостепенное значение.

В центре коммунистической доктрины была организация символического поклонения вождю революции и основателю советского государства В. Ленину. Главным местом поклонения, как я уже упоминал, был Мавзолей В. Ленина на Красной площади в Москве. В Риге в 1950 г., к десятилетней годовщине восстановления советской власти в Латвии, был установлен памятник В. Ленину архитектора Э. Шталберга. Он стоял на перекрестке улиц Ленина и Кирова, между зданием Христорождественского собора и зданием Совета министров и был обращен лицом на восток, к Москве.

На советские праздники руководители республики возлагали к подножью памятника В. Ленину цветы, а на День знаний – 1 сентября – цветы возлагали ученики рижских школ. Выглядело все это очень торжественно и солидно. Во всяком случае, мною это так воспринималось, когда я, будучи школьником, несколько раз участвовал в возложении цветов к подножью памятника основателю советского государства.

Доктрина «белой» латвийской государственности воплощалась, казалось бы, в памятнике Свободы (1934 г), который стоял в пятистах метрах ближе к Западной Двине, на перекрестке улицы Ленина и бульвара Райниса, и смотрел на запад. Это творение архитектора Карлиса Зале, представляющее собой фигуру женщины, которая держит на вытянутых руках три соединенные вместе золотые звезды. Эти звезды символизировали политическое объединение этнографических регионов Курземе, Видземе и Латгале. Поскольку это объединение произошло при Первой Латвийской республике – Исколате, то памятник имел значительную «красную» нагрузку. На памятнике были барельефы, которые изображали историю борьбы латышей за свободу, начиная от Лачплесиса и заканчивая красными стрелками. Наконец, в группу скульптур на памятнике входило изображение мифического языческого жреца Вайдолитиса с кокле в руках. Это было совсем другое дело, чем какой-то христианский святой с крестом в руках. Именно поэтому интернационалисты сразу после войны не снесли памятник Свободы, хотя такие предложения и звучали. Во всяком случае, именно такую, «красную», трактовку истории памятника я услышал от старших товарищей в аппарате ЦК КПЛ.

Они рассказывали также о пьяных латышских легионерах Ваффен СС, которые любили приезжать после расстрелов евреев в Шмерли на мотоциклах и кружили вокруг памятника Свободы, горланя бодрые песни и беспорядочно паля в воздух из шмайссеров. Таким образом они приносили в символическую жертву души убиенных евреев у подножья памятника. Именно по этой причине в годы советской власти не разрешалось возлагать цветы или проводить другие акции возле памятника Свободы: у оставшихся в живых свидетелей преступлений это вызывало воспоминания об эксцессах, совершаемых легионерами войск Ваффен СС в годы немецкой оккупации.

Смысловой ряд рижских памятников коммунистического содержания продолжали фигуры трех красных латышских стрелков, которые установили в 1971 г. у Октябрьского моста через Двину. Памятник был делом рук архитектора Д. Дриба. Площадь перед памятником служила местом, где обычно в торжественной обстановке принимали в пионеры и в комсомол, там стоял караул из детей и подростков в форме красных латышских стрелков. К этому памятнику 7 ноября возлагали цветы руководители партии и правительства. Участвовать в возложении цветов к памятнику Красным стрелкам считалось в аппарате очень престижным, и каждый старался принять участие в этой церемонии. У меня душа к церемониям почитания красных стрелков не лежала, поскольку во времена юношеского диссидентства я прочитал пару белоэмигрантских книг об их роли в подавлении восстаний русских рабочих и крестьян. Правда это или нет, я точно не знал, но старался придумать всякие поводы для того, чтобы избежать участия в возложении цветов. Например, просился дежурить на октябрьские праздники по аппарату ЦК КПЛ – все равно на какие-то праздники надо было дежурить.

Наконец, заканчивался ряд рижских советских памятников монументом Освободителям в Задвинье работы архитектора А. Бугаева. Он был возведен в 1985 г. на народные деньги организационными усилиями тогдашнего председателя Рижского горисполкома Альфреда Рубикса. Монумент представлял собой колонну из пяти пилонов с навершием из бронзовых звезд (по числу лет войны), окруженную фигурами Матери-Родины с одной стороны и воинов-освободителей с другой. Памятник задумывался как место празднования Дня победы, но в советское время стать местом массового народного поклонения не успел.

Памятники В. Ленину, советским воинам-освободителям, латышским революционерам устанавливались в каждом районном городе. Здесь возлагались цветы на праздники, это было местом генерации визуальных образов коммунистических ценностей.

На момент моего прихода на службу в аппарат с инструментами эмоционального воздействия на массы у коммунистов-интернационалистов дела обстояли неважно. В отрочестве я смотрел фильм по повесть Николая Островского «Как закалялась сталь» и, само собой разумеется, становился на сторону Павки Корчагина. В юности я смотрел фильм «Коммунист», и игра актера Евгения Урбанского

вдохновляла меня повторить трудовой подвиг героя, которого он играл – Василия Губанова. Просмотр же снятого в конце 70-х годов фильма Эльдара Рязанова «Гараж» вызывал только желание вынудить подчиненных дать взятку.

Рижская киностудия снимала фильмы, в которых не было места коммунистическим идеям. Как-то во время обеда в цэковской столовой я заметил своей коллеге из отдела культуры Зенте, что неплохо было бы заказать на Рижской киностудии какой-то патриотический художественный фильм о нашей жизни к приближающемуся семидесятилетнему юбилею Октябрьской революции. Она горестно мне ответила: «*Какой там патриотический фильм! Мне бы справиться с постоянными антисоветскими выпадами на партсобраниях Союза писателей!*» И это притом, что по требованию отдела культуры ЦК можно было сменить руководителя Союза писателей, определить, на какой фильм выделять деньги из бюджета, а на какой нет, повлиять на выбор режиссера.

Антисоветски настроенную творческую интеллигенцию старались не трогать, ассигнования из бюджета на ее содержание не сокращали. Большие деньги выделялись, например, на детективы, которые снимал Алоиз Бренч. В этих сделанных достаточно профессионально кинофильмах антисоветских выпадов не было, но ни одного русского персонажа в них тоже не было. Не было русских и в книгах латышских писателей, и на картинах латышских художников. В советский период в общественном сознании латышей русских не существовало.

У латышских национал-коммунистов с распространением мифов и «продажей» эмоций массам дела обстояли много лучше. Одно регулярное проведение в республиканских масштабах Праздника песни чего стоит, когда масса людей надевала национальные костюмы, пела и танцевала в них. А еще были праздники городов и поселков с исполнением местными вокально-инструментальными ансамблями латышских шлягеров и массовыми танцами. А еще было празднование Лиго с распеванием дайн.

Именно из-за упущений в идеологической работе в советское время в «новое время» латышей легко удалось убедить не замечать лишения русских элементарных человеческих прав. Русских не было в общественном сознании латышей. А на нет и суда нет.

Номенклатурные традиции

«Атака русских мертвецов»

Как у всякой служилой корпорации, у номенклатурных работников существовала своя этика. Она не была прописана в каком-либо регламенте, но ее твердо придерживались. Это была этика служения коммунистическим идеалам. В самые сложные моменты жизни страны соблюдение правящей коммунистической элитой этой этики позволяло удерживать вместе составные части советского народа, обеспечивало его выживание.

Традиции коммунистической элиты основывались на лучших качествах элиты русского народа, элиты реальной, а не только статусной, вроде дворян. Эти качества хорошо иллюстрирует одна история времен Первой мировой войны.

В начале войны германские войска осадили небольшую пограничную крепость Осовец. По военным нормативам крепость должна была продержаться 48 часов, а русские обороняли ее полгода. Немцы несли большие потери. Обстрелы тяжелыми пушками не помогали. Тогда они пустили хлор из баллонов и удушили большинство защитников крепости.

После применения газа немецкая дивизия двинулась зачищать территорию крепости. То, что случилось потом, описывает публицист В. Воронов. «*Когда германские цепи приблизились к окопам, из густо-зеленого хлорного тумана на них обрушилась… контратакующая русская пехота. Зрелище было ужасающим: бойцы шли в штыковую с лицами,*

обмотанными тряпками, сотрясаясь от жуткого кашля, буквально выплевывая куски легких на окровавленные гимнастерки. Это были остатки 13-й роты, чуть больше 60 человек. Но они ввергли противника в такой ужас, что германские пехотинцы, не приняв боя, ринулись назад, затаптывая друг друга и повисая на собственных проволочных заграждениях. И по ним с окутанных хлорными клубами русских батарей стала бить, казалось, уже погибшая артиллерия. Несколько десятков полуживых русских бойцов обратили в бегство три германских пехотных полка! Ничего подобного мировое военное искусство не знало. Это сражение вошло в историю как «Атака русских мертвецов»

Что заставило простых русских солдат идти в ту отчаянную атаку? Воспитываемый тысячелетиями архетип национального сознания и основанная на нем военно-служилая этика. Солдаты следовали евангельскому принципу «*Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя*». Причем русские уже тогда были понятием надэтническим. Например, комендантом крепости Осовец был поляк генерал-лейтенант Николай Алесандрович Бржозовский мой однофамилец по второму деду Станиславу Томшевичу.

Русский корпоративный служилый дух придавал советской номенклатуре большую силу в моменты социального напряжения, например, во время войн. В годы Великой Отечественной войны немцы не зря уничтожали в первую очередь комиссаров и коммунистов – боялись их смертельно.

В мирные периоды служилый люд расслаблялся и требовалось его искусственное взбадривание. Именно этим, например, занимались Иван Грозный, Петр I, Иосиф Сталин. Как только властители теряли контроль над служилой корпорацией, так она начинала своевольничать. Это случилось в Российской империи, например, в Смутное время, потом в 30-50 гг. XVIII века. В СССР Л. Брежнев советскую номенклатуру распустил, и М. Горбачев должен был ее вновь ввести в рабочее состояние, но не сделал этого.

Мне представляется, что начавшееся в период перестройки разложение коммунистический номенклатуры во много было обусловлено тем, что из ее сознания последовательно «вытравливали» русскую компоненту. Никто из руководства страны не обращался после смерти И.Сталина к образцам верного служения Отечеству и народу в дореволюционный период, не включал русских в общую галерею героев, не использовал традиционные

русские символы, не опирался на духовные ценности Православия. На эту тему власть предержащие не заказывали книги и картины, не снимали фильмы, не создавали памятники. Коммунистический же идеологический инструментарий оказался недостаточно мощным для удержания единства номенклатурной корпорации.

Расскажу о тех нормах этического поведения номенклатуры, которые я застал во время работы в партийном аппарате.

Внутри партийного аппарата существовали жесткие правила поведения. Следовало действовать в соответствии с коммунистическими ценностями, решениями партийных съездов, пленумов и собраний. В конечном счете все эти решения были реально направлены на защиту интересов трудящихся.

Номенклатура образовывала закрытую корпорацию, поддерживающую своих членов. На сослуживцев нельзя было повышать голос, негативно высказываться в их адрес, выставлять в дурном свете. Нельзя было хвалиться своими званиями, должностями, заработками, связями. Не следовало делиться информацией с посторонними о положении дел в отделе, аппарате, в партийной организации в целом, нельзя было задавать коллегам лишние вопросы. Зато следовало помогать коллегам по отделу, аппарату, парторганизации в решении производственных вопросов, в трудоустройстве.

В среде партийных работников поощрялась личная скромность, умеренность в еде, а тем более в употреблении алкоголя. Выпить можно было только в выходные дни или на праздники. Размер потребления алкоголя не регламентировался, но надо было уметь «держать», то есть не хмелеть. Если кадровый партийный работник хоть раз напивался до потери контроля над собой в присутствии коллег, начинал нести пьяную околесицу, то сразу попадал в категорию «слабаков», и путь ему был после этого в лучшем случае в профсоюзы, которые рассматривались как место почетной ссылки.

Супружеские измены тоже могли стоить карьеры, но это только если жены начинали писать жалобы на мужей в партком. Некоторые жены успешно использовали этот рычаг давления на своих любвеобильных мужей. Для тех, кто женился во второй раз, путь на высшие ступени служебной лестницы был затруднен – их определяли в «морально

неустойчивые» или, что еще хуже, в «морально разложившиеся» элементы.

На работу никто не опаздывал, уходили с нее, только если выполняли все поручения начальства. К торжественным собраниям, пленумам, съездам готовились напряженно, часто по ночам: писали доклады, составляли требующиеся по регламенту документы. Я от организационной работы по подготовке партийных мероприятий был избавлен, разве что разделы докладов начальству писал, но на лекции мог поехать в район и в субботу, и в воскресенье, если этого требовало дело.

На службе надо было выглядеть в соответствии с некими негласными стандартами. Мужчинам следовало одеваться в костюмы темных тонов, носить светлые рубашки и неброские галстуки. Женщины надевали платья или костюмы неярких тонов, причем обязательно юбки ниже колена. Ходить женщинам на работу в брючных костюмах считалось плохим тоном. Прически у мужчин приветствовались короткие, у женщин – скромные и аккуратные. Номенклатурная прическа «воронье гнездо» уже отошла в прошлое, и преобладали стрижки по форме лица. Много косметики женщинам употреблять не рекомендовалось, сильно душиться – тоже. Категорически осуждалось использование массивных украшений из золота – их тогда носили только недобросовестные работницы торговли и общественного питания. Серебряные браслеты и броши в национальном стиле мои латышские коллеги по партии носили, русские – нет.

Эти негласные нормы, регламентирующие внешний вид номенклатурного работника, имели свой смысл – ни к чему руководству было раздражать народ своим внешним видом.

Культурный уровень у всех работников аппарата был достаточно высокий. Коллеги ходили в театры, на концерты, посещали художественные выставки. По пятницам после работы в зале ЦК устраивали просмотр последних кинофильмов, как советских, так и западных. Несмотря на большую занятость, партийные работники находили время почитать последние литературные новинки, и за обедом с коллегами можно было их обсудить.

Два раза в неделю по вечерам мы с коллегами ходили играть в баскетбол. Время от времени проходили турниры баскетбольных команд

управленческих структур республики – ЦК, Совмина, Госплана, крупных министерств и ведомств.

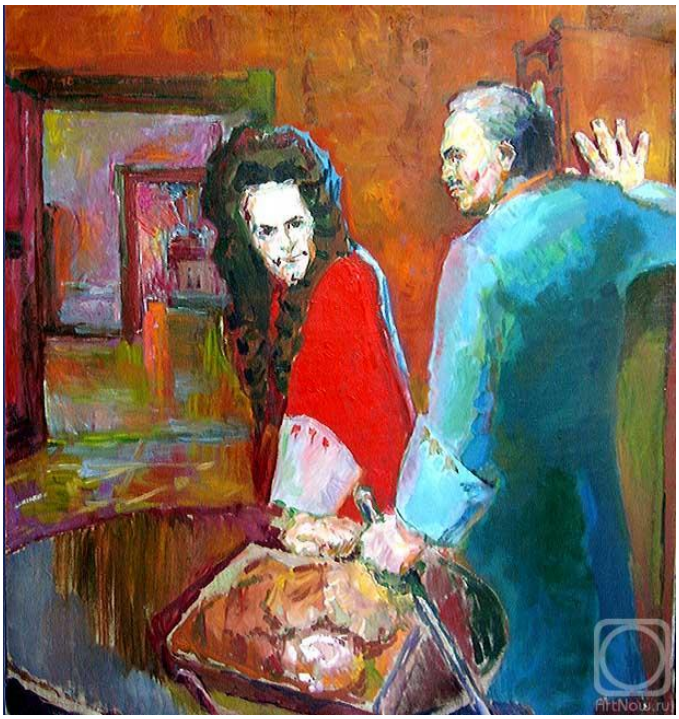
На тренировках и соревнованиях по баскетболу я тогда впервые столкнулся со спортсменами, которые старались толкнуть соперника, нанести ему исподтишка травму. Ясно было, что это у них в игре прорывается наружу внутренняя подлость, желание добиться результатов нечестным путем. От такой игры я поначалу опешил, а потом стал давать жесткий отпор. Мог в порядке сдачи заехать локтем в бок зампреду Госплана или заведующему отделом Совмина. От такого отпора они входили в ступор и выясняли потом у моих коллег, не сын ли я командующего Прибалтийским пограничным округом генерал-полковника В. Гапоненко. Те отвечали, что из семьи военного точно, а какое звание у отца, не знают – не спрашивали. Рекомендовали на всякий случай со мной не связываться.

Карьерным повышением для инструктора идеологического отдела ЦК считалось перейти на должность секретаря райкома партии по идеологии. По военной табели о рангах это соответствовало вроде как полковничьей должности. Лектор по статусу приравнивался к инструктору отдела, и это была, следовательно, должность подполковника. Однако карьера меня не интересовала и партийным генералом я стать не мечтал. Как-то мне предложили должность секретаря райкома по идеологии, но я отказался.

Более просторную квартиру к концу третьего года службы я таки получил. Это была кооперативная квартира, и за нее надо было платить приличную денежную сумму. Старую двухкомнатную кооперативную квартиру надо было сдать. Такого рода обмен был легален и возможен для сотрудника любого крупного промышленного предприятия, а не только для партработника.

После отказа от продолжения партийной карьеры я начал готовиться к возвращению в Академию наук – продолжать исследовательскую работу. Однако тут события в обществе стали разворачиваться таким образом, что стало, как говорится в русской пословице, «*не до жиру, быть бы живу*».

Дыхание частной собственности



С. Кисилева. Конфликт Петра I и А. Меншикова – «За воровство»

В середине 80-х в СССР возникли серьезные проблемы с экономическим ростом, а соответственно и с ростом объемов материального потребления народа. Связано это было с тем, что накопили достаточно большие объемы производственных фондов, а рабочей силы для приведения их в движение не хватало. Требовалось значительное повышение эффективности использования наличных производственных ресурсов. Особенно повышение эффективности производства было необходимо на мелких и средних предприятиях, которые не могли обеспечить нормальное качество и нужный ассортимент требующихся населению товаров и услуг. На этих предприятиях также наблюдались хищения, и для надзора над ними требовался большой контрольный аппарат. Встал вопрос о предоставлении руководителям малых и средних предприятий большей самостоятельности в распоряжении трудовыми и материальными ресурсами, о расширении материального стимулирования этого руководства. Если говорить политэкономическим языком, то надо было перевести малые и средние предприятия из государственной в частную собственность. Тем более что в скрытой форме частная собственность в СССР уже давно существовала.

В РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР рост частного сектора еще удавалось сдерживать, а вот в Средней Азии, Закавказье он развивался бурными темпами. У всех на устах было «хлопковое дело» конца 70-х о коррупции в высшем руководстве Узбекистана, реально – о превращении в этой среднеазиатской республике многих государственных предприятий в частные. Однако «хлопковое дело» было только малой, видимой частью айсберга распространения частной собственности на средства производства в СССР.

Летом 1987 г. мне довелось поехать с женой к ее родственникам в Ереван. Родственники нас очень тепло приняли, угощали вкусным шашлыком и пахучим коньяком, рассказывали о том, как живут, расспрашивали о нашей жизни. Один из родственников, работавший на каком-то большом заводе начальником химической лаборатории, узнав, что я лектор ЦК КПЛ, спросил, сколько я заплатил за эту должность. Я удивился и сказал, что нисколько, что у нас в республике партийные должности не продаются. Тут пришла очередь удивляться ему. Завлаб рассказал, сколько в Армении стоит должность инструктора ЦК, сколько – первого секретаря райкомом партии. На мой искренний вопрос о том, зачем покупать должность в партийном аппарате, он ответил, что это дает возможность собирать потом деньги с руководителей государственных предприятий и за счет этого «окупать» сделанные вложения. Директора же государственных предприятий получают доходы от продажи неучтенной продукции. Отдельно партийным работникам платят взносы работники правоохранительных органов, которые получают мзду от владельцев подпольных предприятий – «цеховиков».

Тогда я подумал, что это все досужие вымыслы моего армянского родственника. Теперь мне понятно, что завлаб говорил абсолютную правду.

Эта ситуация, кстати, вполне достоверно отражена в известной комедии советского кинорежиссера Леонида Гайдая «Кавказская пленница». Помните, там советский работник среднего звена, явно член партии, товарищ Саахов (Владимир Этуш) покупает себе невесту Нину (Наталья Варлей)? При этом он отдает за нее стадо баранов, новый финский холодильник и благодарственную грамоту. Скрыть совершенное преступление ему помогают руководитель милиции и руководитель

медицинского учреждения города. Очевидно, что они находились в деловых отношениях с ответственным номенклатурным работником.

У Саахова в фильме были подручные, которым он платил деньги – Трус (Юрий Никулин), Балбес (Георгий Вицин) и Бывалый (Евгений Моргунов). Помимо городской квартиры, этому отрицательному герою фильма принадлежал загородный дом, который походил на небольшой замок. Все это было явно не по карману простому советскому чиновнику с окладом где-нибудь в районе 200-220 рублей. Выходило, что деньги он должен был получать от руководителей подконтрольных ему предприятий.

Мы при просмотре этого фильма смеялись над комедийной ситуацией, а она-то на Кавказе тогда была не комедийной, а трагедийной – с точки зрения реализации коммунистических идеалов.

Гайдай придумал в сюжете кинофильма, что Саахова и его подручных хорошие парни поймают и отдадут под суд. А прокурор-то на деле был в одной компании с такими товарищами, как Саахов, и до суда дело бы никогда не дошло, если в роли жалобщика выступал какой-то московский студент Шурик (Александр Демьяненко).

Кстати, о подпольном частном предпринимательстве было большинство фильмов Л. Гайдая: «Самогонщики», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Бриллиантовая рука», «12 стульев». Мы просто не понимали, что в них показывают не отдельные негативные явления, а нашу повседневную жизнь.

О массовом взяточничестве в номенклатурной среде в Латвии я ни тогда, ни потом не слышал. Никогда не говорили об этом и директора предприятий, которых я лично знал. Не говорили мне о нем и бывшие коллеги по учебе, которые пошли работать в МВД Латвийской ССР.

Взяточничество, по-русски правильно воровство, не была проблемой собственно социалистического общества – оно существовало и существует во всех социальных системах, где распределение общественных благ ведется бюрократией. И методы борьбы с воровством давно известны. Император Петр I, например, регулярно бил своего ближайшего помощника Алексашку Меншикова за этот грех и не давал ему переходить известную черту. Существуют и более цивилизованные методы поддержания социальной справедливости в обществе.

ГЛАВА VII.ПАРТИЙНАЯ СЛУЖБА:ПЕРЕСТРОЙКА

Ускорение через хозрасчет и аренду

В. Хитряков. «Творчество»

Партия длительное время не решалась поднять вопрос о введении частной собственности, а пыталась усовершенствовать механизм управления производством в государственном секторе. Решать эту задачу она поручила в марте 1985 г. новому генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Он провозгласил курс на *ускорение* социально-экономического развития страны.

Для обеспечения ускорения партия попыталась внедрить в государственном секторе так называемый полный хозрасчет – установленный сверху механизм нормативного распределения всех доходов предприятий. Кроме того, были расширены права руководителей производственных предприятий, создавались интегрированные по вертикали объединения, принимались комплексные программы исправления межотраслевых перекосов, вводился механизм приемки качества продукции на гражданских предприятиях государственными комиссиями по образцу госприемки военной продукции. Наконец-то приняли новую тарифную систему, которая несколько ослабила перекосы в оплате труда работников простого и сложного труда.

Итак, появился запрос на экономические реформы. Какие реформы надо проводить и каким образом это делать, в партийном аппарате никто толком не понимал. Коллеги начали активно спрашивать моих советов, но

ответов на некоторые вопросы я сам не знал – экономика наука достаточно многогранная, во всех деталях быть специалистом трудно.

Придумал провести несколько республиканских семинаров и обсудить на них, как совершенствовать механизм хозяйствования. Пригласил на эти семинары ученых-теоретиков, идеологов, экономистов-практиков. Молодые ученые вроде меня, Сергея Диманиса, Михаила Гаврилова пытались на этих семинарах как-то осмыслить происходящие перемены, сформулировать какие-то рекомендации. Политэкономы старшего поколения помалкивали, поскольку ориентировались больше на классиков марксизма-ленинизма, а у них про перестройку ничего написано не было. Георгий Яковлевич Либерман на одном таком семинаре даже заявил, что я с тезисом о том, что «рабочая сила при социализме является товаром и ее нанимает государство», несколько погорячился. Кто-то из университетских преподавателей стал читать идеологические заклинания о том, что производственные отношения при социализме должны полностью соответствовать производительным силам. Практики-экономисты наши теоретические споры на семинаре выслушали, но сказали, что им нужны четкие инструкции, что и как делать.

При всем разнобое мнений и интересов семинары оказались весьма полезными – подтолкнули людей к самостоятельному поиску решений назревших экономических проблем. Я организовал публикацию материалов семинаров в нескольких номерах журнала «Коммунист Советской Латвии». Этот журнал выпускался на русском и латышском языке и распространялся по всем первичным парторганизациям и библиотекам.

Однако принятые в стране меры по совершенствованию механизма хозяйствования не решали проблему повышения эффективности производства в государственном секторе. Интенсивность труда в нем была невысока, материальные ресурсы использовались неэффективно, связи между производителями устанавливались нерационально.

Тогда партийное руководство в Москве приняло решение передать часть накопленных производственных фондов в собственность трудовым коллективам. Сделать это предполагалось путем сдачи части фондов в аренду с правом выкупа из заработанной трудовыми коллективами прибыли. Надо было дать простор творчеству работников и материально их стимулировать.

Чтобы как-то структурировать наемных работников, разработчики этой реформы не стали использовать уже существовавшие, достаточно косные профсоюзные организации, а придумали избирать в ходе демократических выборов Советы трудовых коллективов (СТО). Советы создавались на всех предприятиях, и они должны были контролировать действия руководителей. В целом это была попытка построить кооперативный социализм по югославскому образцу.

Идея была неплохая, и я активно подключился к ее реализации. Вспомнил теорию кооперативного социализма, о которой ранее читал в книгах, спрятанных в спецхране, изучил уже наработанный в стране опыт и написал два толстых тома методических рекомендаций по внедрению аренды для руководителей государственных предприятий. Потом стал читать лекции по этой тематике. Лекции пользовались большой популярностью.

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Члены трудовых коллективов действия своих управляющих реально контролировать не могли – не было соответствующих правовых механизмов, да и не было у людей навыков демократического контроля. Расскажу об одном негативном случае внедрения аренды из своей собственной практики.

Уже упоминавшийся М. Йоффе попросил меня помочь перевести на аренду трудовой коллектив подчиненного ему варьете. Я изучил нормативную документацию РЭКО, написал договор аренды, устав, различного рода регламентирующие документы. День сидел с симпатичным и весьма компетентным бухгалтером объединения Марите – определял, как отражать костюмы и балетные тапочки актрис варьете в договоре аренды, как их выкупать. Потом обговаривал с артистками порядок оплаты их труда в новых условиях. Словом, подошел к делу со всей душой, а еще и отрабатывал свои бесплатные походы на красочные выступления варьете в гостинице «Латвия».

Арендное предприятие РЭКО было создано и успешно проработало три месяца. Затем М. Йоффе поехал с варьете на гастроли в США, и я потерял его из виду.

Проходит какое-то время, и я случайно встречаю на улице Вальню Марите. Пригласил ее выпить кофе в находившееся рядом кафе «Вецрига»

и поболтать. Тогда там готовили прекрасные пирожные со взбитым творогом, которые тоже назывались «Вецрига». За чашкой ароматного кофе Марите рассказала мне, что гастроли артистов проходят в Нью-Йорке с успехом и выручка ожидается очень приличная – где-то двадцать тысяч долларов. Выгодно прокатать в Нью-Йорке программу рижского варьете было большим творческим успехом. Порадовался, что мой скромный консультационный труд что-то дал для покорения латвийскими артистами Бродвея, что девочки из кордебалета, певцы и музыканты, которые жили в Риге совсем небогато, получат приличные деньги по составленным мною трудовым договорам.

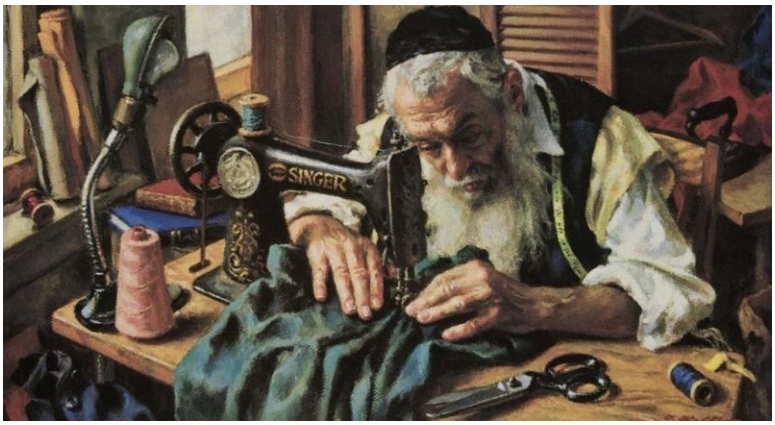
Проходит неделя. Марите звонит мне на работу и расстроенным голосом просит зайти к ней в контору. Захожу в бухгалтерию, сажусь пить кофе, которое уже был сварен, заедаю его сдобным домашним печеньем. И тут хозяйка кабинета рассказывает мне страшную историю. Миша Йоффе в последний день гастролей забрал себе всю валютную выручку и сбежал с ней. Артисты сидят в неоплаченной гостинице, голодные, без цента в кармане, обратных билетов у них нет. Марите спрашивает совета, что делать. В договоре аренды трудового коллектива, конечно, такой случай прописан не был. Мы все предполагали, что в приближающейся рыночной системе предприниматели будут вести себя так же честно и порядочно, как директора социалистических государственных предприятий.

Помог написать заявление в милицию о том, что М. Йоффе совершил мошенничество. Надежд на его поимку в США, конечно, не было никаких. Стали мы с Марите стучаться в разные инстанции. Коллектив варьете в конце концов вызволили из далекой Америки с помощью советского МИДа и за государственный счет.

Зачем М. Йоффе украл 20 тыс. долларов у своих артистов и скрылся на бескрайних просторах Америки? Этого я понять не могу до сих пор. Деньги эти были для США небольшие, а он превратился в преступника, которого когда-нибудь обязательно поймают. Гастролируя же с рижским танцевальным шоу по миру, Миша мог честно заработать много больше. *Сыны погибели* не могут поступить иначе, что ли?

Таких людей, как М. Йоффе, на первых этапах развития рыночных отношений появилось великое множество.

Кооперативы и рыночная стихия



И.Хольц. Старый портной в мастерской

В развитие концепции югославского социализма членам трудовых коллективов разрешили объединяться в кооперативы. Предполагалось, что члены кооперативов через принадлежащие им в уставном капитале паи будут сообща контролировать действия своих руководителей и распределение полученных доходов. Предполагалось также, что это позволит замедлить развитие системы наемного труда. Однако предприимчивые люди быстро нашли пути обхода несложных законодательных ограничений в деятельности кооперативов и стали настоящими частными предприятиями.

В Латвии тогда наибольшую известность получил кооператив «Пардаугава», созданный отсидевшими в тюрьме за контрабанду немалый срок В. Лесковым, А. Лавентом и Э. Лавентом. В отличие от М. Йоффе, они организовывали производство различного рода промышленных и сельскохозяйственных товаров, которые сбывали по всему Союзу. Наибольшую известность получило производство кооперативом металлизированной нити «люрекс», которая применялась при изготовлении особых сортов трикотажа. Однако производились и коготки, и обувь, и швейные изделия, выращивали свиней. Полученную прибыль «пардаугавцы» вкладывали опять в производство, тратили на благотворительность. В частности, они предоставили моему хорошему знакомому художнику Юрию Даниловичу, который занимался изготовлением портретов в технике интарсии в безвозмездное пользование столярную мастерскую. Так, в порядке меценатства. Они тратили заработанные деньги также на поддержку спорта, прессы,

кинофестивалей. Словом, были настоящими предпринимателями, энергию которых как раз и пыталась пробудить своими реформами компартия.

Накопив капиталы в производственной и торговой деятельности, владельцы «Пардаугавы» учредили банк, который назывался «Банк Балтия». Он действовал по принципу финансовой пирамиды: принимал деньги под безумно большие проценты, рассчитываясь со старыми вкладчиками за счет привлечения новых. «Банк Балтия» вскоре стал самым крупным в Латвии кредитным учреждением. Однако предлагаемую банком ставку по депозитам в 90% не могла обеспечить даже торговля наркотиками, и поэтому в 1993 г. жульническое кредитное учреждение разорилось. А. Лавент и другие владельцы своевременно вывели остатки денег из банка в офшорные компании, а более ста тысяч человек, польстившихся на легкие заработки, свои вклады потеряли. Горе банкиров посадили в тюрьму на несколько лет, но украденные деньги они так и не вернули.

Поговаривали, что в торпедировании поиска украденных из «Банка Балтия» денег был заинтересован лично Э. Репше, поскольку все банкиры тогда носили дипломаты и чемоданы с наличными в возглавляемый им Банк Латвии. Конечно, взносы делались на нужды беспризорных детей. Как иначе?

Да, «пардаугавские» взяли под контроль часть криминального мира, а потом стали подкупать политиков, но это уже другая тема. Не надо было милиции упускать контроль над криминалитетом, а компартии – контроль над политическими процессами. Конкуренция в экономической сфере закономерно порождала конкуренцию в сфере политической, и к ней надо было готовиться.

Учреждались в Латвии и вполне порядочные кредитные учреждения. Например, в сентябре 1988 года Володя Кулик ушел из аппарата ЦК, собрал 100 тыс. долларов с нескольких государственных предприятий и создал Рижский коммерческий банк. Мы дружили с ним, и он пригласил меня на открытие своего банка. Банк тогда размещался в трех арендованных комнатах в центре города, в нем работало только четыре человека, но на открытие счетов уже стояла очередь клиентов. Я пожелал работникам банка успехов, выпил с ними шампанского. Володя имел экономическое образование, наработал за время партийной работы связи, неплохо разбирался в людях, и возглавляемый им банк скоро превратился

в очень крупное учреждение, облегчавшее движение денежных средств в экономике и дававшее работу большому числу людей.

Однако основная часть кооперативов старалась зарабатывать на перепродаже дефицитного сырья, закупленного на госпредприятиях, на продаже втридорога привезенных из-за границы дефицитных товаров, на валютных спекуляциях. Они не создавали новой стоимости, а только перераспределяли доходы в обществе в свою пользу. Наладить нормальное налогообложение этих спекулятивных кооперативов советским финансовым работникам не удавалось в силу их низкой компетентности.

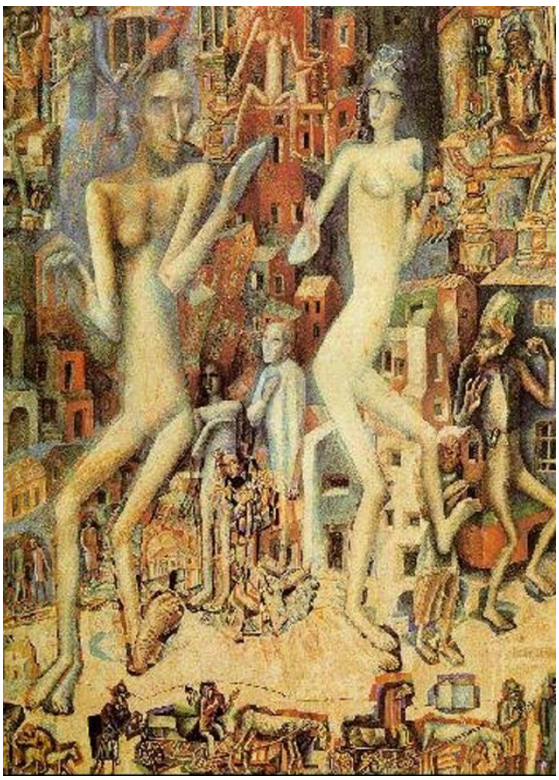
Дешевые товары стали исчезать из государственной торговой сети, а цены в кооперативной сети были для большинства населения неподъемны. Возник дефицит товаров первой необходимости, их начали распределять по талонам. Сталкиваясь с постоянным дефицитом, люди старались закупить товары впрок в больших количествах. Этот ажиотажный спрос нарушал снабжение населения теми товарами, которые производились в достаточном количестве.

Поддавшись всеобщей панике, мы с женой, например, закупили по государственным ценам ящик детского мыла и два ящика тушеной говядины. Перепродавать эти товары не стали, поскольку, как и большинство советских людей, таких навыков не имели. Тушенку мы ели года четыре, детское мыло так и не использовали полностью до сих пор, и оно валяется на даче в подвале, поскольку появились более совершенные моющие средства.

Один мой хороший знакомый, Алик, купил в период разгула дефицита двенадцать ящиков водки «Московская» и заставил ими доверху комнату в «двушке» в спальном районе Риги. Этот немалый стратегический запас у него почему-то израсходовался много быстрее, чем наша тушенка.

Из-за неконтролируемого роста цен начали обесцениваться сбережения населения. У меня на сберегательной книжке было отложено на отпуск около 350 рублей. Этой суммы вполне хватило бы на поездку всей семьей на юг, к теплому морю. Однако мы ждали ребенка и на юг решили не ехать – арендовали дачу на Рижском взморье. Так за полгода цены на все выросли настолько, что накопленных сбережений едва хватило на покупку коляски для родившегося сына.

Перестройка и гласность



Павел Филонов. «Мужчина и женщина»

Внедрение компартией элементов капиталистических отношений в СССР получило стыдливое название *политика перестройки*. Для идеологического обеспечения этой политики использовалась весьма странная, прямо-таки масонская, терминология.

Главным проводником политики перестройки выступал М. Горбачев. Его можно было назвать масонским термином *гроссмейстер*. Гроссмейстеру помогали *мастера* – секретари ЦК КПСС Александр Яковлев, Вадим Медведев, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, министр внутренних дел Вадим Бакатин, ряд других высокопоставленных фигур. *Мастера* командовали *прорабами* перестройки, в круг которых, например, входили: писатели Виталий Коротич и Георгий Бакланов, журналист Егор Яковлев, историки Дмитрий Волкогонов и Юрий Афанасьев, экономист Гавриил Попов и им подобные.

Прорабы дружно и, надо признать, весьма квалифицированно ругали в СМИ «командную» экономику, «массовый террор», осуществлявшийся в

30-е гг. «сталинистами», отсутствие демократии. «Сталинистами» называли национал-большевиков, которые отстаивали интересы русского этноса. Все эти диверсии против коммунистической идеологии назывались политикой *гласности.*

Некоторые произведения *прорабов* были сделаны достаточно талантливо и оказывали сильное воздействие на публику. Таким был, например, фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», который в фантасмагорической форме рассказывал о репрессиях 30-х гг. в Грузии. Мне сразу после просмотра этого фильма захотелось разрушить все прошлое, хотя что и как разрушить было из просмотренного материала не совсем ясно.

Советские люди с интересом читали романы, повести, статьи, слушали выступления *прорабов перестройки*, поскольку в них давалась альтернативная, ранее неведомая точка зрения на все происходящее вокруг.

Потом критике стала подвергаться галерея советских героев. Били по самому больному. Мол, и Зоя Космодемьянская была сумасшедшей, продалась фашистам, и герои-панфиловцы Москву не защитили, а у немцев просто смазку колес в танках мороз схватил. В качестве нового же идеала преподносилась западная, то есть капиталистическая, модель общественного устройства: погоня за деньгами, неумеренное потребление материальных благ, свобода от всяких нравственных норм.

На экранах появились фильмы, заполненные телами обнаженных женщин, иногда красивых, но чаще всего нет. Такими фильмами были, например, «Маленькая Вера» Василия Пичула и «Интердевочка» Петра Тодоровского. В моду вошли художники-примитивисты вроде Павла Филонова и Марка Шагала. На их полотнах тема убогого обнаженного человеческого, прежде всего женского тела тоже доминировала. Не возвышенного, как у Сандро Боттичелли, не соблазнительно приземленного, как у Питера Рубенса, а именно убогого.

Наконец, *прорабы* направили идеологический огонь по кадровым партийным работникам, государственным служащим высокого ранга, военным, правоохранителям. Их обвиняли, например, в получении каких-то особых льгот и привилегий. Простые советские люди очень болезненно

реагировали тогда на всякую социальную несправедливость и проникались ненавистью к «партократам» и «коммунякам».

Что это были за привилегии? Был недавно на экскурсии в санатории «Янтарный берег», что в Кемери. В советское время там отдыхали члены Политбюро ЦК КПСС. Обшитые стандартными деревянными панелями стены. Советская мебель самых простых форм. Вэфовские телефоны. Немецкая сантехника белого цвета. Простенькая посуда Рижского фарфоро-фаянсового завода. И верх роскоши – свисающие с потолка чешские хрустальные люстры. Снять такой гостиничный номер не в сезон, где-нибудь в Италии, обошлось бы сейчас в 35 евро в сутки.

Мне многое не нравилось в том, что тогда публиковалось в СМИ, лилось с экранов телевизоров и из радиоприемников. Во время своих публичных выступлений я критиковал зарвавшихся *прорабов*-антикоммунистов. В экономических, социальных вопросах мне это было делать достаточно просто. Сложнее было с трактовкой советской истории, которую я тогда знал много хуже, чем они.

Мои попытки обсудить вопросы ведения контрпропаганды на сборах лекторов, который ежегодно проводил ЦК КПСС в Москве, результатов не дали. А критика политики *гласности* во время одной из публичных лекций в Риге закончилась тем, что на меня написали две анонимные жалобы. В этих жалобах бойкие «перестройщики» обвинили меня в непонимании политики партии на современном этапе и в защите «сталинизма». В. Мокроусов вызвал меня к себе в кабинет, дал прочитать анонимки и попросил впредь быть аккуратнее в высказываниях. С моими оценками сложившейся ситуации он был полностью согласен.

Гласность имела только одностороннюю направленность: социалистические порядки критиковать было можно, а защищать их было нельзя. Когда я попросил нашего нового начальника идеологического отдела Иманта Даудиша дать мне возможность выступить в передаче на республиканском телевидении, он пообещал решить этот вопрос. Однако до эфира меня так и не допустил, как и латышей, которые стояли на интернационалистских позициях. Экраны телевизоров заполняли разные инкенсы и рубенисы из программы «Лабвакар». А партия тогда еще контролировала СМИ – в секторе прессы ЦК КПЛ регулярно проходили совещания с главными редакторами всех республиканских телеканалов, газет и журналов.

Сейчас, оценивая итоги перестройки, многие винят во всем Горбачева, в крайнем случае еще его ближайшее окружение – *мастеров* и *прорабов*. Не соглашусь с этим. М. Горбачев выполнял заказ абсолютного большинства членов партийной номенклатуры по разгосударствлению экономики. Все партийные работники хорошо понимали, к чему ведет *перестройка*.

Кто публично выступил против этой политики? Только мало кому известный доцент провинциального технического института Нина Андреева, которая опубликовала в марте 1988 г. в газете «Советская Россия» статью «Не могу поступиться принципами». В этой статье она дала оценку *перестройке* как политике отказа от коммунистических идеалов. И кто поддержал принципиального доцента в партии, численность которой составляла на тот момент более 18 млн человек? Да никто. Значит, все члены партии молчаливо согласились с проводимой М. Горбачевым политикой. Я тоже согласился с необходимостью продолжать политику перестройки, поскольку не видел ей альтернативы.

Михаила Сергеевича мне довелось видеть лично, когда он приезжал в Латвию и выступал перед республиканским партийно-хозяйственным активом. Тогда он произвел на меня неплохое впечатление: говорил с трибуны убежденно, без бумажки, легко вступал в контакт с аудиторией. В сравнении со старыми, больными и некоммуникабельными генеральными секретарями партии последнего десятилетия он сильно выигрывал. Однако уже тогда по ответам на вопросы аудитории было ясно, что четкого плана действий у лидера партии нет и отсутствие такого плана заменяется красивыми, но пустыми словами.

Тогда всем в номенклатурной среде казалось, что М. Горбачев сможет провести необходимые реформы и что в случае ошибки его поправят другие товарищи по Политбюро. А вот с этим все обстояло совсем плохо.

Для того чтобы провести реабилитацию частной собственности, инициаторам перестройки надо было ослабить влияние тех руководящих партийных работников, которые жили в соответствии с коммунистическими идеалами.

Первоначально избавились от старых, в прямом смысле этого слова, брежневских кадров. На пенсию было отправлено огромное количество кадровых партийных и советских работников в центре и на местах. В

основном это были убежденные коммунисты-интернационалисты, подтвердившие свою идейность участием в Великой Отечественной войне, обеспечившие победу советского народа в ней, а потом послевоенное восстановление экономики. Когда я посмотрел недавно во всезнающей Википедии биографии членов Политбюро ЦК КПСС тех лет, то увидел, что все они начинали свой трудовой путь, в прямом смысле этого слова, у станка или за сохой, а потому защищали интересы трудового народа.

На место старых кадров в высшие эшелоны власти продвинули людей, которые поддерживали идеи перестройки, то есть идеи трансформации социалистических отношений в отношения капиталистические. Это были люди, у которых вся трудовая деятельность прошла в рамках партийного или советского аппарата. Для них главным было не отстаивание интересов рабочих и крестьян, а реализация своих собственных, бюрократических по социальной природе, интересов.

Этот же вывод я могу сделать, правда, только теперь, задним числом, по результатам смены кадров в аппарате латвийской компартии. Лекторская группа ЦК, сформированная из приглашенных преподавателей и ученых, была исключением из общей практики.

На втором этапе перестройки допустили создание некоммунистических партий и провели выборы в законодательные органы власти на альтернативной основе. Этот элемент перестройки получил название *демократизация*.

В 1989-1990 гг. на альтернативной основе прошли выборы депутатов сначала на Съезд народных депутатов СССР (Съезд избрал Верховный Совет СССР), а потом в местные советы и в Верховные советы союзных республик.

В Союзе после этих альтернативных выборов власть осталась в руках коммунистов-интернационалистов. А во всех союзных республиках она перешла к национал-коммунистам. Произошло это и в Латвийской ССР.

Национал-коммунистическое пробуждение

Национал-коммунисты еще таятся

На первых этапах перестройки компартия полностью контролировала все общественные процессы в Латвийской ССР.

В 1987 г. в Риге прошло несколько небольших публичных собраний оппозиционеров из числа латышской интеллигенции, которые поминали жертвы депортаций 1940-го и 1949 гг. С участниками этих собраний коммунисты вступали в дискуссии, вели полемику в прессе. Участвовал в этих публичных дискуссиях и я. Большой опасности для власти компартии такого рода дискуссии не представляли.

Но уже были и первые серьезные идеологические поражения. Например, группа студентов-латышей из Рижского политехнического института стала требовать отказаться от имени Арвида Пельше в названии своей alma mater. Студенты самовольно сорвали каменную мемориальную табличку в честь А. Пельше со стены административного корпуса вуза на ул.Ленина, 1 и под улюлюканье толпы зевак выбросили ее в воды протекавшей рядом Двины. Это событие в восторженных тонах расписали все латышские средства массовой информации.

Коммунистическое руководство республики на эти действия студентов, явно подпадающие под определение группового хулиганства, никак не отреагировало. Я поднял на одном из совещаний в нашем отделе этот вопрос, но А. Горбунов сказал, что он обсуждался на заседании Бюро ЦК

КПЛ и было принято решение не привлекать виновных к правовой ответственности. Это было явное поощрение деструктивных антисоветских действий латышской молодежи.

Попробовал бы кто-то сейчас сорвать и утопить в реке табличку с могилы группенфюрера СС Рудольфа Бангерскиса, что похоронен на Братском кладбище. Без разговора получил бы пять лет тюрьмы за оскорбление памяти выдающегося героя Латвии. Но «красного» героя тогда никто защищать не стал, как сейчас защищают «коричневого» героя.

В июне 1988 г. в центре коммунистической идеологии – Доме политпросвета – состоялся пленум работников творческих союзов республики. На этом пленуме интеллигенция яростно ругала социализм, критиковала компартию и требовала большей самостоятельности республики от СССР. В рядах бунтующей интеллигенции преобладали латыши, однако были и русские «творческие» деятели. Выступления участников пленума передавали по республиканскому телевидению и радио. Многие выступающие грубо оскорбляли русских жителей республики, называли их малокультурными мигрантами, «перекати-поле», призывали принудительно выдворить в другие республики тех, кто недавно приехал.

Мои родители, да и все ближайшее русское окружение, естественно, оскорбились из-за такого отношения к себе какой-то группки «образованцев» – людей, получивших образование, но не получивших образованности. Отец прямо сказал, что это нацистский переворот, что мы, там, в ЦК, предали русских и что надо вновь освобождать Прибалтику, что без участников войны мы сами не справимся. Я как мог успокаивал отца, хотя в глубине душе понимал, что он абсолютно прав. Отец к этому времени уже ушел в отставку с военной службы, но работал, мать была пенсионеркой. Стало ясно, что пришла моя очередь становиться тем самым мужиком, который за все отвечает и должен защищать детей, женщин и стариков.

Сигнал от интеллигенции дошел до партийного аппарата. В нем подняли голову латышские национал-коммунисты. Внешне это проявлялось первоначально в достаточно смешных формах. Например, две мои коллеги из отдела науки и образования – Элга и Нора – пришли на работу в одежде красно-бело-красной расцветки, демонстрируя так свою приверженность цветам флага «белой» Латвии. Мало этого! Посудите

сами: Элга и Нора надели брючные костюмы и массивные золотые украшения! Похоже, что это было главное, что делало ранее невыносимым их существование в партийном аппарате.

Пока недалекие партийки демонстрировали свой патриотический гардероб, серьезные национал-коммунисты боролись за отстранение от власти коммунистов-интернационалистов, как русских, так и латышей.

Первый секретарь ЦК КПЛ Б. Пуго вначале принимал меры по «усилению интернационального воспитания» в республике. Например, на базе одной из латышских школ отрыли суворовское училище. В нашем идеологическом отделе создали сектор по борьбе с буржуазным национализмом. Его возглавил Оярс Скудра – свежеиспеченный выпускник Академии общественных наук. Его диссертационную работу потом долго не хотели нострифицировать в Латвийском университете, в который он перешел работать после провала «красного» латышского проекта. Однако Оярс стал квалифицированно ругать коммунистов и русских, за что был прощен и выбран на должность профессора.

Как назло, осенью 1988 г. интернационалиста Б. Пуго направили работать в Москву на освободившийся пост председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. На его место на пленуме ЦК избрали бывшего председателя Президиума ВС Латвийской ССР Яниса Вагриса.

Новый глава республиканской парторганизации стал активно подыгрывать национал-коммунистической группировке. Под его руководством эта группировка начала формировать из активизировавшейся латышской интеллигенции массовое движение в свою поддержку – Народный фронт Латвии (НФЛ). План у них был такой: на плечах народофронтовцев въехать в законодательную власть, трансформироваться из национал-коммунистов в национал-демократы и реализовать «белый» латышский проект.

План стали втихую воплощать в жизнь силами партийного аппарата. В это время я видел, как в соседних кабинетах в здании ЦК КПЛ ведутся систематические инструктажи будущих руководителей НФЛ: председателя Союза писателей Яниса Петерса, журналиста Дайниса Иванса, других знаковых деятелей латышских культуры. Меня, как русского, до общения с будущим руководством Народного фронта не допускали.

Главную роль в формировании НФЛ играл секретарь ЦК КП Латвии Анатолий Горбунов и заведующий идеологическим отделом Имант Даудиш. В кабинет А. Горбунова часто приходил заместитель глава КГБ Латвийской ССР Эдмунд Йохансон с толстым кожаным портфелем в руках. Было ясно, что он согласовывает внедрение в состав руководства Народного фронта своих агентов влияния.

Формирование НФЛ шло по прямому указанию из Москвы. В здании ЦК КПЛ постоянно находился инспектор из аппарата ЦК КПСС, который контролировал все действия латвийского руководства. Его звали Алексей, фамилию уже не помню.

Готовились к смене власти и в КГБ республики. Как мне рассказывали потом бывшие сотрудники этой организации, в Москву заранее были вывезены все архивы, все материалы на действующих сотрудников. Оставили только специально подготовленные карточки на тех агентов, которые захотели выйти из-под контроля кураторов. Эти карточки были помещены потом в так называемые «мешки КГБ» и их до сих пор боятся опубликовать. Умели работать парни из дома на углу улиц Фридриха Энгельса и Ленина.

Национал-коммунисты умело захватывали рычаги управления в новом общественном движении. Читаю недавно опубликованный в интернете протокол заседания оргкомитета по созданию НФЛ от 1 сентября 1988 г. Из 19 членов оргкомитета 9 человек – коммунисты высокого ранга или сотрудники КГБ республики, с которыми я был лично знаком. Знаком по совершенно случайному поводу –участвовали вместе с ними в соревнованиях по слалому на байдарках. В протоколе также фамилии нескольких диссидентов для маскировки, вроде правозащитников Владимира Богданова и Юриса Видиньша. По человеку от Верховного Совета ЛССР и ЦК КПЛ. Фамилии этих людей в протоколе не указаны. Но кто был на этом собрании, я знал по рассказам самих инкогнито. Это были ушлые ребята из соседнего со мной кабинета, и ни богдановы, ни видиньши не могли объехать их на кривой козе.

В октябре 1988 г. состоялся первый съезд НФЛ. Съезд избрал председателем организации Дайниса Иванса. Это был честный, но ограниченный и совершенно неискушенный в политике журналист. Представители номенклатуры и агенты КГБ легко направляли его

действия. Заместителем Д. Иванса стал любимец первого отдела и мастер игры на кокле Ивар Годманис.

Наряду с НФЛ в республике стихийно образовалось и более радикальное латышское националистическое движение – Конгресс граждан. Организация выступала за восстановление довоенного гражданства, и в ней было сильно влияние латышских эмигрантов, которые уже начали постепенно возвращаться в Латвию. Потом Конгресс граждан трансформировался в национал-радикальную партию «Отечеству и свободе».

Опальный национал-коммунист Э. Берклавс создал партию «Движение за национальную независимость Латвии». Она первой публично выдвинула идею восстановления довоенной буржуазной республики. Семена, посеянные национал-коммунистами в 1958 г., «проросли» буйным цветом в 1988 г. Я пару раз сталкивался тогда с Эдуардом Берклавсом на различных публичных дискуссиях. Он был энергичен, профессионально зажигал латышскую аудиторию своими речами, сознательно натравливал ее на русских.

А. Горбунов нервничал, когда на совещаниях в отделе пропаганды кто-то вспоминал о деятельности Конгресса граждан. Он давал понять, что с ним борется Э. Йохансон и его люди, но что у вернувшихся из-за границы коллаборационистов есть сильная материальная и организационная поддержка из-за рубежа. Тогда я впервые услышал цифру – 5 млрд долларов. Столько США потратили на организацию свержения советской власти в Прибалтике. Эти деньги пошли на содержание активистов народных фронтов, снабжение их оргтехникой, оружием, оплату услуг средств массовой информации, подкуп чиновников, оплату работы всевозможных консультантов, которыми была наводнена Латвия. Много позже появилась информация, что в наших краях активно работал небезызвестный Джинни Шарп – специалист по организации ненасильственного сопротивления и устройству «оранжевых» революций. Про штатных агентов западных спецслужб я и не говорю.

На первом съезде НФЛ большинство выступлений носило ярко выраженный антикоммунистический и антисоветский характер, звучали требования выйти из состава СССР, восстановить довоенное гражданство, было много русофобской риторики. Однако руководство НФЛ пообещало

предоставить всем русским права гражданства для того, чтобы заручится поддержкой русской интеллигенции, недовольной властью коммунистов.

Заседание съезда НФЛ также широко транслировалось по республиканскому телевидению и радио. За публичные высказывания русофобского содержания многих ораторов запросто можно было подвергнуть уголовному преследованию по действовавшим на тот момент законам. Однако власти сознательно не обращали внимания на русофобию выступавших ораторов. Я. Вагрис и А. Горбунов, которые были на тот момент главными политическими руководителями республики, обошлись лишь мягкими замечаниями в партийной прессе, вроде того, что на съезде прозвучали «*не в меру эмоциональные выступления народофронтовских ораторов*».

Руководство НФЛ мобилизовало в состав НФЛ огромное количество латышей и уже настраивало их не только против коммунистов и советской власти, но и против русских. Все мое русское окружение было в шоке от русофобских выступлений лидеров НФЛ. Однако часть интеллигенции, для которых русский был рабочим языком, продолжала оказывать НФЛ поддержку. Среди них были Людмила Азарова, Роальд Добровенский, Юрий Абызов, Марина Костенецкая, Владлен Дозорцев. Антикоммунистические и антисоветские настроения разделял достаточно широкий круг «русскоязычной» интеллигенции. Одновременно они предпочитали не слышать русофобский тон народофронтовского руководства, оправдывая себя тем, что это безобидная реакция на притеснения, которым коммунисты подвергали латышей в годы советской власти. Кто, кого, как притеснял? Эти вопросы никто не задавал как неудобные.

Как национал-коммунисты ящик Пандоры открывали

Каванаба Кесай. «Ящик Пандоры»

В июле 1988 г. Верховный Совет Латвийской ССР принимает Декларацию о государственном суверенитете Латвии. Практически это было решение о выходе Латвийской ССР из состава Союза. Декларацию о независимости депутаты приняли при председателе Президиума Верховного Совета Янисе Вагрисе, бывшем первом секретаре Рижского горкома партии.

В феврале 1989 г. Верховный Совет меняет три статьи Конституции Латвийской ССР, принятой в 1978 г. Советский гимн со словами о дружбе латышского и русского народов сменился на гимн Второй республики «Боже, храни Латвию!». Советский герб с восходящим над морем солнцем в обрамлении снопов колосьев, звездой и серпом с молотом поменяли на немецкий орденский щит с восходящим над морем солнцем наверху, красным шведским львом и серебряным польским грифоном внизу. Красный советский флаг с голубой полоской внизу был заменен на красно-бело-красный флаг довоенной республики.

В мае 1989 г. Верховный Совет придает латышскому языку статус государственного. Я. Вагрис дает указания в течение месяца перейти в партийном аппарате на латышский язык в качестве рабочего. Правда, наполовину русский, аппарат саботирует это решение. В Совмине республики русских из аппарата поголовно увольняют. Руководителем народного хозяйства республики тогда был бывший вожак республиканской комсомольской организации Вилнис Бресис.

Таким образом, все формальные условия для установления власти латышских национал-коммунистов были утверждены Верховным Советом Латвийской ССР, избранном еще при генсеке Константине Черненко. Значит, эти условия были изначально близки и понятны депутатам, значит, они уже тогда были настроены национал-коммунистически, а вовсе не интернационалистски.

Символика «красного» проекта легко поменялась народными депутатами на символику «белого» проекта. Это произошло тогда, когда пост председателя Президиума ВС ЛССР занял Анатолий Горбунов, бывший до этого секретарем ЦК КПЛ по идеологии.

Все перемены в символике утвердили 325 депутатов, которых народ избрал для того, чтобы они отстаивали «красный» проекта. Большинство из этих депутатов были коммунистами и комсомольцами. Читаю краткие биографии депутатов парламента того созыва: слесарь-наладчик, доярка, водитель автомашины, полевой звеньевой, мастер механического цеха. Что же это вы, избранники народа, дали национал-коммунистам загубить столь выгодный для рабочего человека общественный строй, отказались от «красного» проекта?

Насколько я помню, против изменения конституции возражал только председатель Верховного Совета ЛССР академик Александр Арвидович Дризул – местный М. Суслов. Он был убежденным коммунистом-интернационалистом, крупным исследователем латвийского революционного движения, а основной работой у него было руководство Отделением общественных наук в Президиуме АН Латвийской ССР. За нежелание предавать «красный» проект строптивого академика национал-коммунисты вскоре поменяли на А. Горбунова. Потом А. Дризула вынудили уйти с поста секретаря Отделения общественных наук на пенсию. Сразу за его увольнением последовали чистки в руководстве структурных подразделений отделения – Институте экономики, Институте философии и права, Институте истории, даже Институте латышского языка и литературы. Идеологическими чистками руководил председатель Совмина, коммунист с двадцатилетним стажем Вилнис Бресис.

Сняли с поста директора и И. Х. Киртовского. Имант Христианович свои убеждения под влиянием плохо пахнущих политических ветров менять не стал. Вскоре вслед за директором из нашего института были вынуждены уйти Ю. Нетесин, В. Павук и целый ряд других талантливых

ученых. Коммунистов-интернационалистов стали лишать ученых степеней и званий. Например, И. Киртовского лишили звания члена-корреспондента и степени доктора экономических наук за то, что темой его диссертации было исследование общественно-политических взглядов П. Стучки, Я. Райниса и К. Печека. И это притом, что Имант Христианович был внесен в Кембриджский список 2000 выдающихся ученых мира.

В описываемое время у меня не было полной ясности в отношении всех происходивших в обществе процессов. Не все так однозначно было и в поведении высших партийных чиновников из числа национал-коммунистов. А. Горбунов, например, после избрания его руководителем Верховного Совета позвонил мне по правительственной связи и предложил занять у него в аппарате пост руководителя отдела экономики, назвал очень приличную сумму зарплаты и перечислил привлекательные социальные льготы, которые можно будет получить. Видимо, ему нужен был человек, который хорошо разбирался в том, как провести в республике приватизацию, – я его ранее консультировал по этой проблематике, поскольку он был моим прямым начальником. В разговоре Анатолий Валерьянович намекнул на то, что от защиты интересов русского населения на этой должности придется отказаться. Я предложение выслушал, но вежливо отказался, сославшись на то, что не могу предать интересы близких мне людей. Хотел упомянуть про 30 сребреников, но удержался – номенклатурная этика не позволяла. Больше А. Горбунов мне не звонил, а при случайных встречах на разных публичных мероприятиях делал вид, что мы с ним незнакомы.

Зато в аппарат Президиума Верховного Совета перебрались Имант Даудиш, мои коллеги Элга с Норой – любительницы гардероба красно-бело-красного цвета, ряд других аппаратчиков из числа национал-коммунистов.

Народный фронт еще только начинал вести шумные пропагандистские акции перед выборами в парламент, а все принципиальные символические инструменты, которые могли мобилизовать латышей на поддержку «белого» проекта, уже были использованы национал-коммунистами.

НФЛ оставалось только организовывать достаточно беззубые в пропагандистском плане мероприятия. Например, Дайнис Иванс организовал народное шествие против строительства в Риге

метрополитена и символический заплыв по Двине на байдарках против строительства Даугавпилсской ГЭС.

Помню, встречаю на улице бывшего коллегу по Институту экономики Михаила Гаврилова. Он идет, весь распаленный, с горящими глазами. «*Что случилось*?» – спрашиваю. «*Иду с митинга против строительства метро. Коммунисты хотят разрушить нашу Ригу*», – говорит. Возражаю: «*Так ты же сам коммунист!*» Он отвечает: «*Я из компартии вышел в знак протеста против сталинских репрессий*». Думаю, что же ты раньше не выходил из компартии, когда членство в ней позволяло преподавать политэкономию в Латвийском университете? Ведь о репрессиях 30-х гг. Хрущев говорил еще в 1956 г. на XX съезде. Однако эту тему не поднимаю и задаю другой вопрос: «*Хорошо, добьетесь запрета на строительство метро, а как будете разгружать транспортные потоки в Риге, население которой приближается к миллиону человек?*» Ответ был убийственным: «*Ты ничего не понимаешь в экономике и экологии!*» И это кандидат экономических наук, который знал, что деньги на метро идут в республиканский бюджет централизованно из Москвы, что в городе назревает транспортный коллапс и что метро – самый экологически чистый вид транспорта.

Два десятка лет спустя, когда у тогдашнего министра регионального развития, а ныне президента Латвии Р. Вейониса спросили, а нужно ли было строить в Риге метро, он ответил, что однозначно нужно. Это решило бы все транспортные проблемы города. Даже сейчас, когда численность населения столицы упала почти на треть.

Так что борьба НФЛ против метрополитена была дешевым популистским трюком, необходимым только для того, чтобы прийти к власти. Трюк этот совершили *сыны погибели,* а лишенный символа веры народ им поверил – и латыши, и русские.

В целом все, что творили тогда национал-коммунисты, очень напоминало мне попытки открыть ящик Пандоры, из которого потом могут выскочить бесчисленные темные националистические демоны.

Оборонительные бои интернационалистов

Б. Тарелкин. «Товарищи»

В ответ на активность народофронтовцев и стоящих за ними национал-коммунистов коммунисты-интернационалисты в январе 1989 г. основали Интернациональный фронт трудящихся Латвийской ССР (ИФТЛ). Это уже не была инициатива высокопоставленных партийных работников. Во главе Интерфронта стали простые коммунисты Анатолий Алексеев и Игорь Лопатин. В роли главных идеологов выдвинулись преподаватели Латвийского университета Татьяна Жданок и Сергей Диманис, а также проректор Рижского института инженеров гражданской авиации (РКИИГА) Анатолий Белайчук.

ИФТЛ был в основном русской по своему этническому составу организацией. В социальном плане его образовали отставные военные, управленцы среднего звена, инженерно-технические работники, промышленные рабочие, служащие. После учредительного конгресса и избрания руководства стали создаваться первичные ячейки на промышленных предприятиях и в учреждениях республики. Они работали в тесной связи с советами трудовых коллективов предприятий, появившимися незадолго до этого. Это были многочисленные и достаточно боевитые общественные организации. Интерфронтовцы проводили собрания, пикеты, митинги, печатали и распространяли газету

«Единство», а потом даже организовали работу радиостанции «Содружество».

Большинство членов Интерфронта и СТК резко выступало против приватизации государственной собственности в любой форме, против ликвидации монополии на власть КПСС и против открытой борьбы идей. Русскую национальную идею они никогда не озвучивали и поэтому не могли мобилизовать на свою поддержку такую же массу народа, как латышские национал-коммунисты. Например, на самом большом митинге, проходившем на стадионе СКА, интерфронтовцам удалось собрать около пятнадцати тысяч человек, а латышские национал-коммунисты однажды собрали на митинге на набережной Двины сто пятьдесят тысяч человек.

Я в это время продолжал работать в аппарате ЦК и питал надежды, что компартия еще сможет восстановить свое влияние и среди русских, и среди латышей. Поэтому в руководство ИФТЛ не вошел, а сосредоточился на разработке программных материалов для него и на ведении пропаганды. Программу для этой организации мы готовили вместе с преподавателем философии РКИИГА Сергеем Соколовым. Потом я начал писать под псевдонимом пропагандистские статьи в газете «Единство». Что и как писать, я знал хорошо. Разрабатывал аргументацию для других пропагандистов, готовил для них подборки статистического и фактурного материала. Приобретенный на партийной работе опыт мне в этом весьма пригодился.

Помню, как под воздействием одной моей статьи Верховный Совет Латвийской ССР даже поменял ключевую статью конституции. Этим достижением я горжусь до сих пор.

Однако вскоре выяснилось, что новой правящей элите совершенно наплевать на законы и конституцию, и действует она исходя из своих шкурных интересов, совершенно не считаясь с мнением оппонентов, тем более инородцев.

Обстановка в аппарате ЦК КПЛ из-за того, что в нем верховодила группировка национал-коммунистов, сложилась совершенно нетерпимая. Работа в нем становилась бессмысленной.

Помню, командование Прибалтийского военного округа пригласило меня прочитать для офицеров лекцию о текущем политическом положении в республике. В актовом зале штаба собралось человек пятьсот

генералов и старших офицеров. Я рассказал собравшемуся активу военных о сложившейся в республике обстановке, о Народном фронте и Интерфронте, о вмешательстве во внутреннюю политическую борьбу американцев, о позиции Москвы. Ответил на вопросы офицеров, присутствовавших на лекции. Генералы вопросов не задавали.

После лекции начальник Политотдела округа пригласил меня к себе в кабинет попить чаю. За чаепитием радостно говорит: «*Хорошо выступили! Правильные оценки дали. Эта позиция решением Бюро ЦК КПЛ закреплена?*» Честно отвечаю: «*Нет, это моя личная позиция, товарищ генерал. Бюро такие вопрос сейчас не рассматривает. Во всяком случае, на открытых заседаниях*». Пожилой генерал потемнел. «*Да? А я обрадовался, дурак старый, что руководство республиканской парторганизации понимает, что происходит, и борется за социалистические идеалы*». Про предательство национал-коммунистов из высшего руководства я промолчал, но мой собеседник и сам все понял.

Как после этого можно было оставаться работать в партийном аппарате? Я уволился и стал заниматься тем, что умел делать – оказывать консультации руководителям предприятий по тому, как им действовать в новых, рыночных условиях. Ведь мне надо было как-то кормить свою семью.

Из партии не выходил и даже остался на партийном учете в аппарате ЦК КПЛ. Партийные собрания к этому времени в аппарате уже не проводились.

В апреле 1989 г. прошел пленум Компартии Латвии. На этом пленуме интернационалисты дали бой национал-коммунистам и победили. Первым секретарем республиканской парторганизации был избран Альфред Петрович Рубикс. Знакомые предлагали мне войти в состав ЦК, но я отказался – у меня были уже другие замыслы в отношении разворачивавшейся политической борьбы.

Национал-коммунисты во главе с Янисом Вагрисом вышли из КПЛ и образовали свою – Латвийскую независимую компартию, которая поддерживала выход республики из состава СССР. Вскоре ее переименовали в Латвийскую демократическую рабочую партию. Однако основная часть латышских национал-коммунистов уже перебралась в НФЛ, который вовсю разыгрывал националистическую карту. Социальной

опоры у латышских коммунистов-демократов не оказалось, и эта партия вскоре ушла в небытие.

Я. Вагрис, несмотря на все заслуги перед НФЛ, оказался в роли изгоя. Как мне рассказывали знакомые, он длительное время нигде не мог потом устроиться на работу, пока кто-то из бывших сослуживцев не принял его чернорабочим в железнодорожное ремонтное депо. Так поступить с человеком, активно помогавшим национал-коммунистам прийти к власти, могли только *люди греха.*

Не лучшей, чем у Я. Вагриса, были судьба многих других высокопоставленных латышских национал-коммунистов, которые лишь исподволь поддерживали народофронтовцев. Прорвавшиеся во власть более бойкие товарищи стали уничтожать их различными иезуитскими способами: лишили персональных пенсий, доступа к льготному медицинскому обслуживанию, льгот и выплат, полагавшихся за советские государственные награды и звания. Попробовали даже выселять бывших высокопоставленных членов номенклатуры из квартир, но потом побоялись поднятого шума и остановились – у самих рыло было в пуху.

ГЛАВА VIII. УПУЩННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Пробуждение русской общественной жизни

Ю.Курако. « Христорождественский собор в Риге»

На каком-то этапе работы в аппарате ЦК КПЛ я понял, что сохранить ориентацию партии на принципы социальной справедливости, коллективизма и гуманизма уже не удастся. Причиной этого было то, что она раскололась на латышскую национал-коммунистическую и интернационалистскую части, а последняя не собирается защищать интересы русских. При этом национал-коммунистам удалось мобилизовать на свою поддержку массы латышской интеллигенции, а интернационалистское крыло компартии масса русской интеллигенции не поддерживала – поддалась на антикоммунистическую пропаганду, лившуюся два года из центральных и республиканских СМИ. Нужна была хотя бы общественная организация, которая представляла бы интересы русских. Особенно остро такая задача встала после пленума работников творческих союзов Латвии.

Первой самодеятельной русской общественной организацией в республике стало Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества (БСО). Мы создали его в 1988 г. вместе с журналистом Володей Стешенко и преподавателем музыки Олегом Ильенковым. Потом кто-то из них привел врача Виктора Васильевича Попова. Это был

настоящий русский интеллигент, человек глубоко верующий, хорошо знающий историю Латвии и имеющий широкий круг знакомств в «старой» русской культурной среде. На меня в этом обществе легла преимущественно административно-организационная работа.

Учредительное заседание БСО мы провели в здании Христорождественского собора, в котором в то время находился Дом знаний. Здание тогда стояло без крестов, в нем на первом этаже размещался зал для чтения лекций и показа кино, а на втором – планетарий, где детям показывали звездное небо и рассказывали об устройстве Вселенной. Дом знаний славился еще своим кафе, которое постоянные посетители прозвали «Божье ухо». Там обычно собиралась пить кофе с бальзамом местная латышская богема. О том, чтобы нас пустили в зал, я договорился с директором Дома знаний, которого хорошо знал по своместной работе.

Виктор Васильевич сказал, что неплохо было бы пригласить кого-то из руководства Русской православной церкви. Недолго думая я обратился за помощью к Янису Тимпе, с которым тогда сидел в одном кабинете в здании ЦК – он курировал от компартии религиозные объединения. Янис посоветовал пригласить архимандрита Александра (Кудряшова). Сказал, что архимандрит планируется на роль руководителя Русской православной церкви республики. Кем и каким образом планируется, Я. Тимпа не сказал, а я и не стал спрашивать, поскольку это было не принято в наших кругах.

Народу на учредительное собрание набрался полный зал. В основном русские, но были и латыши. Заседание вел я, как самая опытная в этих делах персона, рядом сидел В. Попов и подсказывал, кто из местной русской интеллигенции может толково выступить, а кто способен только испускать эмоции. Обсудили цели, задачи, утвердили устав общества, избрали руководителя. Естественным образом им стал Виктор Васильевич.

Главным лейтмотивом всех выступлений на учредительном собрании было сохранение межэтнического мира через обмен культурой и языком между русскими и латышами.

В президиуме собрания я еще посадил рядом с собой архимандрита Александра. Во время собрания я все время вставал, чтобы управлять аудиторией, в которой кипели нешуточные эмоции. Когда садился, все

время попадал на полы рясы архимандрита. Извинялся, но как правильно его назвать, по малограмотности не знал и величал сначала по имени-отчеству, а потом перешел на «батюшка». Он не обижался. Архимандрит Александр на собрании хорошо выступил, призвал присутствующих к взаимной любви и уважению. Это выступлению придало учредительному собранию БСО налет благости, несмотря на то, что оно происходило в оскверненном храме.

Потом Александр стал епископом, архиепископом, митрополитом. Он смог придать православной церкви в Латвии статус автокефальной, но сохранил ее в составе Русской православной церкви Московского патриархата, не допустил раскола на русскую и латышскую части. В заслугу Александру надо поставить также то, что он прославил в лике святого рижского архиепископа Иоанна Поммера.

Отец Иоанн самоотверженно отстаивал интересы РПЦ и русского населения во времена довоенной Второй республики, хотя сам был этническим латышом. Для расширения своих возможностей влиять на ситуацию он пошел в депутаты и провел в Сейме ряд важных для жизни православных приходов законопроектов. Архиепископ требовал возврата приходам незаконно отобранного у них властями имущества. В том числе, он требовал возврата Петропавловского храма, Свято-Алексеевского монастыря и резиденции православного епископа, здания Семинарии. Очевидно, что все это стало причиной его зверского убийства латышскими нацистами сразу по приходу к власти К. Ульманиса.

Александр вскоре после учредительного собрания БСО принял Христорождественский собор от Совета министров и провел его реконструкцию – вернул зданию внутренний и внешний вид храма.

На роспись стен храма были приглашены художники из Москвы – братья Васильевы. Они расписали его в неорусской традиции. Одного их братьев я попросил написать мне небольшие образы Спасителя, Божьей Матери и Николая-угодника так же, как они были изображены на стенах храма. Эти иконы я вставил в специально заказанный для этих целей деревянный иконостас и повесил его дома над кроватью, как у бабушки Марьи Ивановны.

БСО стало активно работать: организовывать концерты русской музыки, выступления русских артистов, проводить выставки русских художников,

отмечать православные праздники, взяло шефство над Покровским кладбищем. Виктор Васильевич Попов начал выпускать газету «Церковь и мир». Освящение учредительного собрания архимандритом Александром сыграло свою положительную роль.

По материалам дискуссии в Доме знаний БСО выпустило первый сборник материалов в республике, который не надо было утверждать в Главлите. Я специально позвонил по поводу издания по вертушке руководителю этого учреждения В. Брокану, но он сказал, что по пришедшим из Москвы инструкциям такие материалы больше не литируются, то есть выпускаются без согласования. Правда, спросил, не призывали ли мы там народ к насилию. Я ответил, что не призывали, что мы не какие-то там члены творческих союзов.

Сборник выступлений участников учредительного собрания БСО выпустил, как сейчас помню, член нашего общества Олег Михалевич. Он стал потом известным издателем латышской литературы. На обложке нашего сборника был изображен Христорождественский собор с крестами.

Маме очень понравился этот сборник, и она показывала его с гордостью своим коллегам по работе, вот, мол, что сын сделал. Когда готовил материалы для этой книги, искал сборник в своей библиотеке, но найти не смог.

Преодолеть рознь между латышами и русскими, которую разжигали национал-коммунисты и народофронтовцы, БСО не удалось, но значение его для становления русской общины республики переоценить сложно. Я со временем отошел от работы в организации, поскольку боялся навлечь неприятности со стороны властей своей активной политической деятельностью. Общество БСО действует до сих пор.

Русская демократическая альтернатива

В. Худяков. «Новгородское вече»

В связи с тем, что возникшие проблемы в обществе с помощью общественной организации решить было нельзя, у меня родилась идея создать новую партию. Эта партия должна была выступать за допущение частной собственности при сохранении большого государственного сектора, защищать интересы нарождающегося класса предпринимателей, действовать в условиях политической конкуренции, уметь мобилизовать людей с помощью идей, а не административного давления. Предполагалось, что эта партия будет защищать русских и возьмет в союзники коммунистов-интернационалистов.

Поскольку из аппарата ЦК КПЛ я к тому времени уже уволился, то действовать решил на свой страх и риск. Раз вечером собрал друзей на кухне в нашей двухкомнатной квартире в Плявниеках(новую кооперативную квартиру еще не достроили) и рассказал о своей задумке. На нашей кухне часто принимались судьбоносные для республики решения. Мы определили, что будем создавать партию под названием Центр демократической инициативы (ЦДИ). Это название придумал Олег Вовк, с которым мы продолжали дружить.

На всех «кухонных» собраниях присутствовала моя жена. Она активно участвовала в теоретических дискуссиях, но сама в политику не шла – говорила, что ей надо воспитывать детей. Тогда у нас как раз родился сын.

Группа личных друзей быстро стала обрастать единомышленниками. Наибольшую активность в нашей компании проявляли Виктор Попов, Владимир Бузаев, Станислав Бука, Сергей Диманис, Михаил Гаврилов, Сергей Снегирев, Виктор Котов, Сергей Залетаев, Константин Матвеев, Игорь Соловьев, Михаил Родин, Люба Пшенникова. Вышло прямо как на новгородском вече – народ выдвинул своих лучших представителей в состав власти.

Помню, как на учредительный съезд нашей партии приехали из Москвы Владимир Вольфович Жириновский и еще пара начинающих российских политиков. Они с восторгом смотрели на то, как мы ловко учреждали новую партию, и завидовали тому, что уже наладили выпуск своей партийной газеты «Вперед».

Как московские гости узнали о нашем учредительном съезде – ума не приложу. Разве что из газеты «Советская молодежь», в которой сообщалось о нашей инициативе. Тираж этой газеты превышал тогда миллион экземпляров, ее распространяли по территории всего СССР. Главным редактором газеты в то время был Александр Блинов, и он наши идеи поддерживал, хотя сам в ЦДИ не вступил.

После учредительного съезда мы зарегистрировались как партия и стали готовиться к приближающимся выборам в местные советы.

Я к тому моменту хорошо ориентировался в политических вопросах и имел обширные связи в среде номенклатуры. Поэтому нашел без труда деньги на выборы, привлек консультантов из разбиравшихся в современных избирательных технологиях людей, организовал печатание агитационных материалов. Помог ЦДИ даже обзавестись своим собственным офисом в полуподвальном помещении на улице Кирова, 2а. Зал для общих собраний нам предоставлял Рижский коммерческий банк, который вырос к этому времени до очень приличного размера и размещался в помещениях бывшего института «Запрыба» в Старой Риге.

В ЦДИ собрались очень грамотные люди – русские ученые, преподаватели вузов, специалисты из министерств и предприятий. Все имели, что называется, личный авторитет и опору в массах.

В конце 1989 г. наша партия приняла участие в выборах в Рижский горсовет. На выборах основная борьба у нас шла с кандидатами от НФЛ. С

Интерфронтом и компартией мы распределили избирательные участки и друг с другом не конкурировали.

Новый подход к организации выборной компании позволил нам провести в депутаты столичного совета полтора десятка человек. Больше кандидатов просто не успели подобрать за короткое время с момента создания партии. Параллельно мы провели еще несколько человек в депутаты районных советов народных депутатов г. Риги.

Замысел создать партию, признающую частную собственность, выступающую за демократию и плюрализм, одновременно поддерживающую идеи социальной справедливости, оказался плодотворным. Хотя выборы шли по одномандатным округам, многие весьма достойные кандидаты, которых на выборах поддерживали компартия и Интерфронт, проиграли кандидатам, которых поддерживал НФЛ.

От компартии и Интерфронта в горсовет прошли также очень достойные люди – бойцы. Помню Арнольда Клауцена, Анатолия Белайчука, Дмитрия Жилина, Татьяну Жданок, Геннадия Павлюченко. Геннадий, например, совершил маленький подвиг: когда в республике пала советская власть и начали уничтожать все советские символы, он забрался на крышу здания Горсовета, в которым мы заседали, и снял флаг Латвийской ССР. Дело это было небезопасное, и он обернул флаг вокруг тела, закрыв его рубашкой и пиджаком. Что твой боец, выносящий флаг полка с поля боя.

В сумме блок ЦДИ, компартии и Интерфронта получил 49 голосов из 100. Часть русских депутатов избралась по спискам НФЛ. Причиной этого были чисто карьерные соображения: кто-то хотел сохранить пост директора поликлиники, кто-то – работу на городском предприятии, кто-то – получить выгодные заказы от города на свою фирму, а власть в республике явно уходила в руки латышских национал-коммунистов. Были и просто дезориентированные в политическом плане персоны – например, диссидент Игоренок, который и латышского языка не знал даже, а голосовал всегда за НФЛ. Его некоторое время использовали для борьбы с нами, а потом из всех властных структур выкинули – инородец он и есть инородец.

Бои в Рижском горсовете

Джакомо Кварнеги. Колонна в честь победы в войне 1812 г. в Риге

На первой сессии Совета народных депутатов г. Риги в ходе тайного голосования мы избрали своим председателем народофронтовца Андриса Тейкманиса. Он был в советское время судьей, известным тем, что преследовал латышских диссидентов, но потом вовремя переметнулся в НФЛ.

Следующим на сессии встал вопрос о том, кто возглавит реальное управление городом. До этого председателем Рижского горисполкома длительное время был Альфред Петрович Рубикс. Он был сильным хозяйственником, к тому же хорошо разбирался в том, как применять символику и памятники в идейной борьбе. Например, Альфред Петрович ввел в обращение старинный флаг Риги в противовес красно-бело-красному флагу. При нем же заложили сквер и поставили фундамент для установки колонны Победы 1812 г. напротив здания Арсенала в Старой Риге. Однако латышская творческая интеллигенция выступила против восстановления памятника рук самого Джакомо Кваренги. Им ближе был памятник Теодора Залькалнса «Свинья». Тогда его установку мы в Рижском горсовете приостановили, но сейчас Министерство культуры республики решило, что бессмертное произведение Т. Залькална должно ласкать взоры горожан на Центральном рынке..

Заботясь об интересах горожан, я на нашей объединенной фракции предложил поддержать кандидатуру Альфреда Петровича на пост председателя горисполкома.

От НФЛ на вакантное место набивался руководитель фракции Янис Диневич. Из-за небольшого численного перевеса фракции НФЛ была большая опасность, что в ходе тайного голосования Я. Диневич пройдет на пост руководителя города, так же как А. Тейкманис прошел на пост председателя Совета народных депутатов.

Перед выборами кандидаты на сессии представляли свои программы и отвечали на вопросы депутатов. Первым выступил А. Рубикс и внятно изложил, что он хочет сделать в городе в ближайшие четыре года. Потом выступил Я. Диневич и говорил о необходимости переименовать улицы и продолжить, таким образом, борьбу за независимость.

После выступления Диневича с такой программной речью я подошел к установленному в зале микрофону и стал задавать кандидату вопросы, как полагалось по регламенту. «*Вот вы собираетесь руководить городом. Для этого надо знать его экономику, финансы и кредит. Так?*» «*Так*», – отвечает не ожидающий подвоха кандидат. Он уже примерял под себя кресло руководителя города и на мои вопросы серьезно не реагировал. «*Тогда поясните депутатам, чем отличаются финансы от кредита. Ведь вам же придется решать, в какой форме осуществлять привлечение ресурсов для нужд города*», – задал я, казалось бы, простой вопрос. Имея десятилетний преподавательский опыт, я знал, как поставить на место любого не выучившего предмет студента такого рода простыми вопросами. Диневич опешил, стал что-то невнятно мямлить, потом сообразил, что поплыл, и понес от испуга полную чушь.

«*Да, господин кандидат на пост главы города. Своим студентам за такой ответ я обычно ставлю кол. Посмотрим, что вам поставят другие депутаты, которых народ выбрал защищать их интересы*», – оборвал я профессорским тоном народофронтовского кандидата, отошел от микрофона и сел на свое место.

Началось тайное голосование, и по его результатам выяснилось, что голоса распределились поровну. Кто-то из противоположной фракции понял, что пришествие во власть столь недалекого человека кончится катастрофой для города, и проголосовал против него. Однако и кандидатура А. Рубикса при тайном голосовании не прошла.

Мы посовещались в нашей фракции и решили выдвинуть на пост главы горсовета кандидатуру Андрея Инкулиса из фракции НФЛ. Как сказали

работавшие с ним ребята из фракции коммунистов, он был хорошим специалистом и интернационалистом, а к НФЛ прибился потому, что хотел сохранить руководящий пост в системе общественного питания.

Иезуитское предложение раскололо фракцию НФЛ, и А. Инкулис в следующем туре голосования прошел благодаря нашим голосам. Он оказался нам обязанным своим избранием, мы же могли его и отозвать. Это назначение подорвало монополию народофронтовцев на принятие кадровых решений и позволило отложить на четыре года массовые кадровые русофобские чистки в Рижском горисполкоме.

Более того, следуя номенклатурной этике, я помог устроиться на работу ряду бывших коллег по партийному аппарату: Т. Тверийонису, С. Долгополову, А. Баркансу. Удавалось поддержать и незнакомых мне порядочных людей из числа коммунистов-интернационалистов. Например, на утверждение горсовета поставили кандидатуру руководителя городской милиции В. Бугая. Я помнил его по вечернему университету марксизма-ленинизма, где он проходил обязательный на то время курс обучения руководителей, а потому попросил нашу фракцию поддержать его.

В других властных структурах республики народофронтовцы сразу начали снимать латышей-интернационалистов и русских чиновников, заполнять освободившиеся места своими родственниками и знакомыми, все достоинство которых заключалось в правильном пятом пункте в кадровой анкете, в котором фиксировалось этническое происхождение соискателя.

Карьера Диневича после провала на выборах в Рижском горсовете не задалась. Он, правда, пристроился в Совет министров, но после смены премьера потерял свой пост. Его назначили руководителем компании «Латавиа», но из нее скоро уволили из-за каких-то махинаций. Потом был процесс о взятках в Рижском самоуправлении, в котором он опять стал депутатом. Однако Диневич и из этого скандала выпутался. Потом он вообще исчез с политической сцены. Очень важно все же задать человеку вовремя правильный вопрос.

Вообще-то в Рижском горсовете мы занимались больше хозяйственными, а не политическими вопросами: утверждали Генеральный план развития города, городской бюджет, списки объектов

капитального строительства, транспортную схему. Мне досталось руководить экономической комиссией, и я познакомился со всеми директорами хозяйственных подразделений города. Это были честные и порядочные люди, независимо от их этнического происхождения.

В моей депутатской работе были, конечно, и просчеты. Например, в список объектов капитального строительства включили достройку нового здания 14-й поликлиники. Этот объект во фракции НФЛ проталкивала главный врач этой поликлиники – уже не помню ее фамилию. Денег в бюджете не хватало даже на содержание школ, и я настаивал на замораживании стройки до лучших времен. Новое здание поликлиники, конечно, было микрорайону необходимо, и меня депутаты нашей фракции уговорили проголосовать за включение объекта в список.

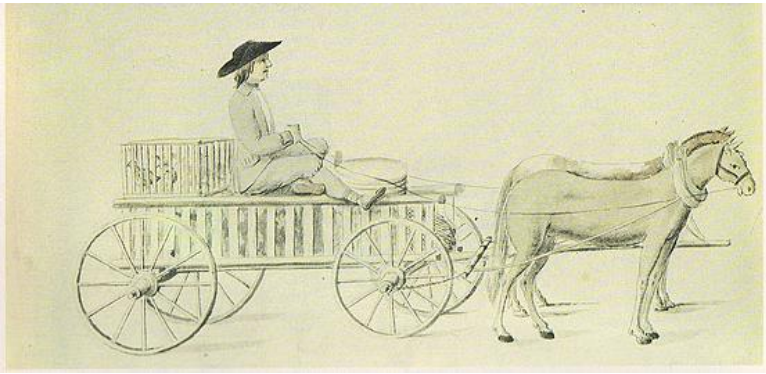
На следующий год построили три этажа поликлиники и заморозили ее из-за нехватки средств. Прошло больше четверти века, а скелет недостроенного здания все еще стоит на улице Э. Смилтена, ныне Прушу. Когда я еду на машине по этой улице, то стараюсь не смотреть на недостроенную поликлинику – стыдно за проявленную в свое времмя слабость.

Работали мы в горсовете честно, взяток не брали. Изредка ругались с народофронтовцами по каким-то политическим вопросам, которые они пытались нам навязать. Так, ими было предложено переименовать половину улиц и площадей Риги. Проводилась эта акция под предлогом возврата им исторических наименований. Хорошо, можно было отказаться от улиц, названных в честь К. Маркса, Ф. Энгельса, С. Кирова – эти деятели к Риге особого отношения не имели. Но зачем надо было переименовывать улицу Феликса Дзержинского в улицу Андрея Сахарова? Он-то тоже не имел к Риге никакого отношения! Улицу имени известного и, замечу, талантливого латышского писателя Андрея Упита переименовали в Школьную, названную так когда-то немцами-остзейцами. Что, Упита надо было подвергнуть люстрации за то, что он сотрудничал с коммунистами? А кто из живших в Латвии в советское время латышей не сотрудничал с коммунистами, вы мне скажите?

Кое-каких топографических глупостей тогда в Рижском горсовете удалось не допустить. А вот следующий депутатский созыв дал проспекту Космонавтов имя Джохара Дудаева – террориста, ответственного за геноцид десятков тысяч русских в Чечне. Переименовали улицу в честь

террориста только для того, чтобы насолить живущим в Латвии русским. Произошло это при мэре Марисе Пургайлисе. Марис в первый депутатский созыв работал в моей комиссии, но регулярно прогуливал ее заседания, поскольку ездил на международные соревнования по бриджу. С экономикой он был не в ладах и поэтому, став мэром, специализировался больше на переименовании улиц, возложении цветов в честь легионеров латышских батальонов Ваффен СС, обещал своим избирателям снести памятник Освободителям в Задвинье. Избиратели вскоре отказали ему в доверии, и пришлось мэру переквалифицироваться в деканы экономического факультета Латвийского университета. Там игроки в бридж и антисоветчики были нарасхват.

Двоевластие



Иоганн Бротце. «Курземский крестьянин на двуколке»

В марте 1990 г. состоялись выборы в Верховный Совет Латвийской ССР. На этих выборах НФЛ и его союзники получили 138 из 201 места, то есть большинство, необходимое для внесения поправок в Конституцию.

Результаты выборов были явно сфальсифицированы в пользу кандидатов от НФЛ. Об этом говорило выкраивание избирательных участков особым образом – джерримендеринг по-научному; колоссальный разброс голосов, отданных за кандидатов по различным участкам; «вброс» неучтенных бюллетеней, зафиксированный наблюдателями от нашей партии, и т. д.

Мы в ЦДИ создали «следственную группу», и я стал пробиваться в Центральную избирательную комиссию, чтобы оспорить результаты голосования по некоторым участкам. Начальником этой комиссии был мой недавний коллега по ЦК КПЛ, достаточно известный юрист. Он долго не хотел меня принимать, но через неделю встреча с ним все же состоялась. На официальное требование от имени партии ЦДИ провести пересчет голосов по ряду участков он ответил, что после выборов прошла неделя и все бюллетени уже уничтожены. «*Как уничтожены?* – воскликнул я. – *На каком основании*?» «*В соответствии с утвержденной неделю назад инструкцией для ЦИК*», – был ответ. *«Кто утвердил инструкцию?* – не унимался я. «*Президиум Верховного совета Латвийской ССР*», – парировал бывший коллега. А президиум тогда, напомню, возглавлял А. Горбунов. На высших номенклатурных должностях простаков не держали – все бумаги были составлены, что называется, комар носа не подточит. Я проверил ту инструкцию – не поленился.

ЦДИ на этих выборах провело в Верховный Совет 5 человек. Они вошли вместе с депутатами, избранными по спискам коммунистической партии во фракцию «Равноправие».

В составе депутатов парламента от НФЛ было много бывших ответственных партийных работников и бывших работников КГБ: Ояр Кехрис, Альфред Чепанис, Вилнис Бресис, Юрис Боярс, Айвар Лембергс, Петерис Лакис. Была и латышская коммунистическая интеллигенция рангом пониже: Валентина Зейле, Андрис Плотниекс, Артур Кодолиньш, Валдис Биркавс, Маврик Вульфсон. Всех этих людей я неплохо знал по университету, работе в Академии наук или аппарате ЦК КПЛ. С О. Кехрисом мы просидели два года в одном кабинете в ЦК КПЛ, В. Зейле была куратором моей учебной группы в университете и секретарем парторганизации факультета, с А. Кодолиньшем мы длительное время работали вместе в Институте экономики.

Маврик Вульфсон в свое время приглашал меня еще в бытность научным сотрудником преподавать политэкономию на кафедру марксизма-ленинизма, которую он возглавлял в Академии художеств. Перед походом на собеседование к М. Вульфсону я поинтересовался у знакомых в Московском райкоме партии, что за человек этот заведующий кафедрой и откуда появился. А профессиональные партийные работники, я вам скажу, знали биографии абсолютно всех членов номенклатуры прямо с момента занятия ими поста члена школьного комитета комсомола, а то и председателя пионерской дружины. Так вот, по оценкам знакомых, Маврик был агентом НКВД еще со времен ульманисовской Латвии – помогал устанавливать в ней советскую власть в июне 1940 г. В те времена это было не преступление, а свидетельство личного героизма, и я спокойно пошел на собеседование в Академию художеств. На должность преподавателя М. Вульфсон меня не взял – знание латышского языка у меня было слабое.

Все знакомые мне депутаты, о которых я пишу, были достаточно грамотными политиками и, как на первый взгляд казалось, неплохими людьми. Однако попав в рамки «белого» проекта, они превратились в его слепых исполнителей, ненавидевших тех, кто продолжал защищать «красный» проект. Еще больше они невзлюбили русских, которые могли претендовать на места в составе правящей элиты.

Помню, как А. Горбунов добивался поддержки народных масс перед выборами в Верховный совет Латвийской ССР. Он обрядился в костюм курземского крестьянина конца XIX века, состоявший из белой рубахи, черных брюк, серого длиннополого сюртука и сапог. На голову надел шляпу-канотье (я узнал ее по иллюстрациям к книге Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч», печатавшейся в журнале «Пионер»), сел на запряженную двумя лошадьми телегу и в таком виде разъезжал по центральным улицам Риги. Памятник В. Ленину перед зданием Совета министров тогда еще не снесли, и улица продолжала называться именем вождя мирового пролетариата, а он в канотье агитировал за «белую» Латвию. Латышам-избирателям прием с переодеванием в народный костюм очень понравился, они распевали народные песни и бросали в телегу кандидата в депутаты цветы. Анатолий Валерианович светился от радости от такой искренней народной любви.

Я представил себя на месте А. Горбунова, мобилизующим русских избирателей на выборах. Сижу в телеге, запряженной тройкой лошадей, на мне красная рубаха-косоворотка, синие галифе и сапоги дудочкой. На голове шестиугольный картуз, а из-под него выбивается непослушный чуб. В руках гармошка, на которой я играю и пою частушки скабрезного содержания. Уверен, что русские забросали бы меня не цветами, а тухлыми яйцами. Не любят русские таких ряженых с гармошками. Если ты берешься руководить страной, то и показать должен свое умение руководить, а не руками водить, раздвигая и сдвигая меха гармошки.

Наверное, моя нелюбовь к красной рубахе и неумение играть на гармошке сыграли главную роль в том, что сам я на выборы в Верховный Совет ЛССР не пошел.

Зато А. Горбунова избрали главой Верховного Совета, секретарем стал И. Даудиш. Председателем Совета министров парламент назначил Ивара Годманиса.

Много позже, в 1998 г., возник скандал в связи с появлением на свет учетной карточки агента Ивара Годманиса в пресловутых «мешках КГБ». Видимо, фигурант скандала не выполнил какие-то просьбы своих бывших кураторов. Суд не смог доказать причастность И. Годманиса к работе на советскую политическую полицию. Напомню, что судьи в Латвии назначаются парламентом по представлению минюста, который подчиняется премьер-министру.

На посту премьера независимой Латвии И. Годманис прославился тем, что разрушил своими некомпетентными действиями крупную промышленность республики. Заводы при нем массово закрывались, рабочих выбрасывали на улицу, дорогостоящее, зачастую новое, оборудование промышленных предприятий сдавалось на металлолом.

На этом фоне премьер смог придумать только проект снабжения населения республики печками-буржуйками для спасения от холода. Эти печки централизованно закупили в России и продавали потом во всех хозяйственных магазинах много лет подряд. Впрочем, кое-кого они действительно спасли от холода, поскольку централизованное отопление в многоквартирных домах многих городов отключили из-за того, что правительство не закупило необходимые энергоресурсы в России. Руководить экономикой республики – это вам не струны на кокле перебирать.

4 мая 1990 года Верховный Совет Латвийской ССР повторно принял Декларацию о восстановлении Латвийской Республики. Та декларация о независимости, которую приняли коммунисты в октябре 1988 г., в зачет не пошла – не те люди принимали. Государственные символы «переприниматъ» не стали, поскольку не нашли для этого достаточных юридических оснований.

Русских стали массово увольнять с постов в министерствах и ведомствах, снимать с должностей на предприятиях республиканского подчинения. Однако союзные предприятия еще не трогали, не подчинялись новым властям и военные, милиция, спецслужбы, пограничники. В обращении продолжал оставаться советский рубль, Госбанк Латвии был всего лишь отделением Госбанка СССР. В республике сложилось двоевластие.

Простаки и шулеры

Микеланджило Караваджо. «Шулеры»

Политика политикой, а надо было зарабатывать чем-то на жизнь. Некоторое время я с бывшим замминистра бытового обслуживания Александром Тетюхиным организовывал платные курсы для руководителей предприятий по тому, как им переходить на арендные отношения. В Латвийской ССР это уже становилось неактуальным, а из других республик на курсы с удовольствием приезжали директора предприятий, главные экономисты и бухгалтеры.

Я сам читал лекции на курсах и приглашал ведущих специалистов народного хозяйства республики. В рекомендациях уже учитывал возможность жульничества руководителей, с которым столкнулся при работе с М. Йоффе.

В целом работа на курсах была интересна в профессиональном отношении и требовала высокой квалификации, поскольку одно дело политические призывы к реформированию экономики на республиканском уровне, а другое – воплощение этих призывов в жизнь на уровне предприятий.

Доходы от чтения лекций на курсах позволили заработать хорошие деньги, и я полностью расплатился за кооперативную квартиру и даже смог приобрести дачу. Когда приходил в первичную организацию платить партийные взносы, наш секретарь, бывший помощник Пуго Петр Антропов удивлялся суммам, которые я вносил в партийную кассу, и

спрашивал, точно ли я хочу состоять в партии с такими доходами. Я отвечал, что точно хочу.

На курсах по внедрению аренды я познакомился с рядом директоров латвийских предприятий. Они пригласили меня консультантом в только что созданную Ассоциацию промышленных предприятий Латвии (АППЛ). Это был союз руководителей крупных предприятий союзного подчинения, который возглавлял директор объединения «Радиотехника» Владимир Мартинсон. Членами правления были директор «Дзинтарса» Илья Герчиков, «Саркана звайгзне» – Павел Максимов, «РВЗ» – Валентин Савин.

Руководство госпредприятий тревожилось о судьбе своих трудовых коллективов, которые стали испытывать большие трудности, и решило отстаивать их интересы в органах власти, в СМИ. Вместе с другими консультантами, С. Диманисом и М. Гавриловым, мы писали для Ассоциации манифесты, статьи, рекомендации по совершенствованию механизма хозяйственной деятельности предприятий, готовили проекты законов экономического содержания для Верховного Совета Латвийской ССР, а потом Верховного Совета Латвийской Республики.

Многие экономические вопросы тогда решались только на союзном уровне. Поэтому на каком-то этапе работы пришлось обращаться с предложениями в Верховный Совет СССР. Там мы перезнакомились с работниками аппарата и начали участвовать в подготовке общесоюзных законодательных актов. Часть подготовленных с нашим участием законов была принята. Такого рода работа доставляла большое профессиональное удовлетворение.

Однако все, кто что-то делал своим трудом на государственных предприятии или в учреждениях на фоне глобальных перемен, выглядели откровенными простаками.

Новое руководство республики стало реализовывать меры по ускоренному переходу к капиталистическим отношениям. В ноябре 1990 г. было принят закон о приватизации земли в сельской местности. В соответствии с этим законом земля возвращалась тем собственникам, которые владели ею до 1940 г. Крупные и высокопроизводительные совхозы и колхозы в результате принятого решения лишались основной части земли. На их месте образовывалось множество мелких земельных

собственников, большинство – без навыков ведения фермерского хозяйства и без техники.

Известный колхоз «Адажи» распался, например, на 126 фермерских хозяйств. Летом на выходные я ездил мимо поселка Адажи на дачу. Цветущие поля этого колхоза уже через год после принятия закона о реституции земли перестали обрабатываться и густо заросли сорняками. Здание непрерывно шумевшей ранее лесопилки у дороги пустовало, в нем были выбиты окна. Все люди с улиц поселка, где жили колхозники, куда-то пропали.

В целом по республике сельскохозяйственное производство сократилось за два года после принятия упомянутого выше закона ровно наполовину.

В октябре-ноябре 1991 г. в республике приняли законы о возврате бывшим собственникам домовладений и земли в городах. Вскоре новоявленные собственники стали повышать квартирную плату и выселять бедных жильцов на улицу.

При реституции собственности было много шулерства. Например, недвижимость возвращали тем, кто был ее собственникам по состоянию на момент установления советской власти. Имущество возвращалось в том числе тем, кто взял его в свое время в кредит и должен был выплачивать за него выкупные платежи банкам. Таких людей было немало. Прежде всего это были люди, получившие дома и земли 100 тысяч депортированных К. Ульманисом в 1939-1940 гг. остзейских немцев.

Точно так же было массовое жульничество при реституции собственности 90 тысяч латвийских евреев, уничтоженных нацистами в период немецкой оккупации. Родственников этих жертв не осталось в живых, и их дома и земли возвращали близким к власти людям по подложным справкам из госархивов. Мне тоже предлагали поучаствовать в такого рода аферах, поскольку я занимал пост председателя экономической комиссии горсовета и мог повлиять на принятие определенных решений, но я отказался. Мама в детстве рассказывала мне, что людей, которые во время войны грабили погибших, называли мародерами, а мне такое имя получить не хотелось.

После принятия законов о реституции появился обширный социальный слой, поддерживающий власть национал-коммунистов, поскольку они наделили его собственностью.

Попытка спасти социализм

Гелий Коржев. «Поднимающий знамя»

В условиях сложившегося в республике двоевластия победить мог тот, кто предложит массам более привлекательный социально-экономический проект. Национал-коммунисты предложили проект реституции мелкой частной собственности и на его основе получили поддержку большого числа сельских жителей и части горожан. У латвийских коммунистов-интернационалистов такого проекта вначале не было. Однако они выдвинули на апрельском 1990 г. пленуме ЦК в руководство партии не только А. Рубикса, но и бывшего преподавателя политэкономии и секретаря парткома ЛГУ О. Потреки.

Ояр Потреки пришел в партийное руководство с идеей предложить привлекательные формы приватизации для работников крупных предприятий, а также создать механизм, обеспечивающий нормальное взаимодействие союзного центра и национальных республик. Он понимал, что только материальный интерес может мобилизовать трудящихся на защиту завоеваний социализма. Под этот проект Потреки стал набирать единомышленников. Пригласил и меня, поскольку мы с ним были знакомы уже много лет по работе в области политэкономии. Теоретическая часть исполнения задуманного легла по большей части на меня, поскольку я уже имел опыт написания подобного рода проектов. Вместе с коллегами (не буду называть их фамилии, поскольку это может повредить им до сих пор) мы обсудили предложенную мною теоретическую модель, и я изложил ее в толстой брошюре.

Смысл предлагаемой концепции заключался в следующем. Проводилось акционирование всех предприятий союзного подчинения. Четверть выпущенных акций сохранялась в собственности Союза, четверть

передавалась в собственность республики, а оставшаяся половина распределялась среди членов трудового коллектива предприятий. Между работниками предприятий акции распределялись в зависимости от их трудового вклада, который исчислялся на основании размера получаемого ими заработка и трудового стажа. Часть акций резервировалась за теми, кто уже уволился с предприятия или ушел на пенсию.

В предлагаемой концепции были и другие важные элементы. Создавался управляющий финансовый холдинг, который распоряжался акциями предприятий, паевой банк, страховая компания, товарная биржа.

Мы долго думали, как назвать задуманный нами финансовый холдинг, и Ояр Потреки предложил RHL – сокращение от Riga-Holding-Latvia, по-русски РХЛ. Нам, участникам его команды, это название понравилось.

На основании предложенной мной теоретической модели были разработаны все необходимые документы и инструкции. Потреки показал документы руководителю правительства СССР Валентину Сергеевичу Павлову, и тот подписал постановление о проведении в Латвии экономического эксперимента. Как сейчас помню, постановление было за номером 908 и называлось «О проведении эксперимента по акционированию предприятий союзного подчинения в Латвии и создании управляющего ими холдинга РХЛ».

На основании решения правительства СССР наша команда провела акционирование 124 союзных предприятий республики. Схема действий была такова. Трудовой коллектив на общем собрании принимал предлагаемую схему акционирования, директора согласовывали ее в союзном министерстве, потом принималось решение о вхождении акционерных обществ в объединение РХЛ.

Практически нами было задумано создание финансового холдинга по образцу тех, что существовали на Западе. Объединение РХЛ выпустило акции и стало распределять их по акционерам. Предполагалось, что 25% акций будут переданы Совету министров Латвийской Республики. Руководство республики с большой ревностью отнеслось к нашему проекту. Мы попробовали вести переговоры с представителями Совета министров на уровне специалистов, но И. Годманис не давал добро на их включение в работу. Ясно было, что он имел другие замыслы, но какие – в описываемое время не было понятно. Потом стало ясно, что у него был

заказ от западных кураторов просто уничтожить промышленность республики или сделать ее неконкурентоспособной.

Однако мы вели переговоры с директорами крупных предприятий республиканского подчинения, с тем чтобы аналогичную схему реализовать и на них, только уже с вовлечением городов и районов.

Таким образом, мы хотели осуществить цивилизованный переход к рынку и частной собственности при сохранении командных высот за государством. Часть акций холдинга была выставлена на продажу на только что учрежденной Московской товарной бирже. Для осуществления торговли акциями нам даже пришлось купить брокерское место на этой бирже.

Практически был реализован проект приватизации большей части государственной собственности в Латвии, причем он позволял сохранить крупные предприятия и передать собственность членам трудовых коллективов.

Наша команда выступала с интернационалистских позиций: предполагалось, что все мы будем латвийцами. Такая установка была настолько очевидна, что люди, участвующие в работе, даже не считали необходимым обсуждать эту проблему. Это и было самым слабым местом проекта – национал-коммунисты уже соблазнили массу латышей идеей их национального превосходства. В общество был вброшен лозунг «*Будем голодными, но свободными*». Первую часть лозунга новые власти воплотили в жизнь в полной мере, вторую реализовать не удалось. Голодные не могут быть свободными, они могут только пресмыкаться перед теми, кто дает им чечевичную похлебку.

ГЛАВА IX. НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Заочное знакомство с новым гроссмейстером

Символ Нового мирового порядка

Понятно, что спасти социализм в отдельно взятой союзной республике было нельзя. Было очевидно также, что коммунистические элиты в СССР уже не в силах удержаться длительное время, и поэтому я попытался поделиться нашими теоретическими и практическими наработками по РХЛ с теми, кто планировал и проводил экономические реформы в самой близкой мне союзной республике – России. Вышел на руководителя комиссии по межреспубликанским связям Верховного Совета РСФСР академика Александра Григорьевича Гранберга. Его я знал по публикациям в научных журналах, встречался на конференциях и семинарах, да еще и знакомые депутаты дали мне рекомендации.

Академик внимательно выслушал мой рассказ об опыте создания холдинга РХЛ в Латвии, задал несколько толковых вопросов по теме и взял брошюру с нашей разработкой. Брошюру он быстро пролистал, заинтересовался предложенной схемой приватизации госсобственности и пообещал ответить немного позже. Ответа от него я не дождался.

Однако некоторое время спустя, когда СССР уже распался, я ознакомился с концепцией разгосударствления российской экономики через ваучерную приватизацию, которую продвигал Анатолий Борисович Чубайс. Он тогда занимал пост председателя Госкомитета Российской

Федерации по управлению государственным имуществом. Чубайса я тоже немного знал по его выступлениям в клубе оппозиционно настроенных ленинградских экономистов «Перестройка», но лично на контакт с ним не выходил. Чубайсовская концепция ваучерной приватизации очень сильно была схожа по форме с тем, что предлагали мы в своей разработке. Только нацелена она была не на обеспечение собственностью трудящихся, а на прикрытие расхищения государственного имущества жуликами и спекулянтами.

Конечно, сходство в предлагаемом механизме приватизации могло быть случайным. Но нельзя забывать, что А. Гранберг был в то время экономическим советником Ельцина, которому напрямую подчинялся Чубайс.

Позже выяснилось, что в госкомитете у А.Чубайса всем заправлял агент ЦРУ Джонатан Хэй. Так что нужные правки в концепцию приватизации мог внести и он. Сам-то Анатолий Борисович никогда чего-то путного выдумать не мог, писать не умел, а специализировался на аппаратных интригах. За счет этих интриг он умел постоянно удерживать ключевые посты в российском истэблишменте и жестоко убирал чужими руками всех своих конкурентов. Например, смог уволить сразу главу президентской службы безопасности Александра Коржакова, директора ФСБ Михаила Барсукова и первого вице-премьер Олега Сосковца, когда в 1996 г. они пытались помешать ему совершить очередное жульничество. Это было после скандала, когда на выходе из Госдумы задержали людей с картонной коробкой, доверху набитой долларами. Деньги предназначались на выборную кампанию Ельцина и, похоже, шли напрямую от Джонатана Хэя.

Поговаривают, что после распада СССР и ухода в политическое небытие М. Горбачева Чубайс был назначен Мировым правительством новым гроссмейстером России. Он регулярно принимал участие в заседаниях Бильдербергского клуба и прочих масонских встречах. Именно поэтому его не могли привлечь в России за все прошлые и настоящие преступления к уголовной ответственности.

Мировое правительство строило Новый мировой порядок, порядок, по которому место на Земле было только для избранного «золотого миллиарда», а все остальные люди подлежали уничтожению как

неполноценный элемент. Советская цивилизация во главе с СССР мешала установлению этого порядка и поэтому была разрушена.

Подобного рода мысли я публично высказывал, и меня за это обвиняли в приверженности конспирологическим теориям. Однако нет других объяснений тому, что происходит сейчас в мире. Не зря говорится: *«Самая большая заслуга дьявола в том, что он убедил мир, что его не существует».*

Мне потом еще не раз приходилось косвенно сталкиваться с А. Чубайсом. Например, руководимая им компания РАО ЕС длительное время поставляла фирме, принадлежащей латышским национал-радикалам, электричество, а те втридорога продавали его потом компании «Латвэнерго». За это националы возили в Москву чемоданы с наличными. Чего тут было удивляться, что русские общественные организации не могли найти поддержки у высшего российского руководства? От изложения подробностей этой преступной схемы я воздержусь, поскольку тягаться с Гроссмейстером и стоящими за ними *носителями мировой тайны беззакония* пока не под силу даже высшему российскому руководству.

Зачем я рассказываю здесь о Гроссмейстере, поставленном для присмотра за российскими олигархами? А потому, что Латвия никогда не была самостоятельным государственным образованием и судьба ее всегда находилась в руках иностранцев. Первое время после крушения СССР многое зависело от А. Чубайса, потом рычаги управления Латвией напрямую взяли на себя американцы. Они стали назначать управляющими своих мастеров-масонов.

Какова была судьба РХЛ в новой Латвии? После провала «красного» проекта мне казалось, что все просто забыли о нашем финансовом холдинге. Оказалось, это не так. Курирующие республику американские эксперты сочли, что приватизация союзных предприятий в республике проведена на совершенно законных основаниях, и долго размышляли, что теперь делать. Ждали, когда мы начнем защищать права собственности трудовых коллективов в международных судах. Из-за этого приватизация имущества союзных предприятий в Латвии была отложена на несколько лет. Так истек срок исковой давности по правам членов трудовых коллективов на свою долю акций. Однако где нам было судиться: О. Потреки арестовали, В. Павлова в России посадили в тюрьму.

Война войной, а обед по расписанию

Камиль Писсарро. «Бульвар Монмартр»

Консультационная работа приносила неплохой доход, и наша семья не очень пострадала от перехода экономики на рыночные отношения. Несмотря на мое увлечение политикой, после работы оставалось время почитать книжку, сходить в театр или посмотреть кино. Тогда только что появились видеомагнитофоны, и мы все бросились смотреть недоступные ранее западные кинофильмы.

Вначале мне попадались фильмы самого низкого пошиба, вроде «Робокопа» и «Красного рассвета». Потом нашел видеопрокат, где была собрана классика западной кинематографии: «Бонни и Клайд», «Бешеные псы» и «Крепкий орешек». Все достоинство главных героев этих фильмов заключалось в умении грабить или ловко убивать грабителей. Я стал сожалеть, что Всесоюзная комиссия по закупкам фильмов за рубежом была распущена. На пути хлынувшей с Запада видеохалтуры обязательно должны были стоять какие-то заградительные барьеры.

В СССР в это время продолжали снимать неплохие кинофильмы. Мне запомнились «Холодное лето 1953-го» А. Прошкина о людях, прошедших лагеря, но сохранивших человеческое достоинство; фильм про борьбу донских казаков против турок «Дикое поле»» Н. Гусарова; правдивый видеорассказ В. Чеботарева о войне – «Батальоны просят огня». Наверное, многие позабыли, но знаменитая серия телефильмов «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» тоже была снята во времена

перестройки. Часть съемок, кстати, проходила в Старой Риге. Я как-то раз случайно проходил мимо дома № 22 на улице Яуна и видел, как режиссер Игорь Масленников заставлял актеров Василия Ливанова и Виталия Соломина бесконечное число раз проходить вдоль псевдо-Бейкер-стрит.

Теперь на месте прогулок героев Конан Дойля рижские энтузиасты ежегодно проводят праздники в честь дня рождения Шерлока Холмса. Пара сотен человек обряжаются в костюмы той эпохи и расхаживают по улице Яуна. Потом оргкомитет праздника награждает участников, лучше всех передавших дух эпохи в костюмах и атрибутах Выходит достаточно весело, несмотря на то, что дело происходит в начале января и обычно тогда случаются страшные морозы.

Это я к тому пишу, что советское искусство в целом и киноискусство в частности вполне могло конкурировать с производимыми на Западе культурными продуктами.

Однажды старые московские друзья, что из диссидентов-либералов, позвонили и предложили поехать вместе с ними в паломническую поездку во Францию, в монастырь Тезе. Монастырь этот был образован экуменической общиной в Бургундии.

Меня экуменическое учение совсем не привлекало, но была возможность остановиться на несколько дней у друзей друзей в Париже. Посмотреть Париж мне очень хотелось, и я согласился сначала поехать с другими паломниками в монастырь.

Загранпаспорта еще надо было оформлять в МИД СССР. Я боялся, что меня могут не выпустить из-за моей военной службы, но формально 15-летний срок запрета на выезд в капиталистические страны уже прошел и паспорт мне дали.

Сел на поезд в Москве с друзьями, добрались до Парижа, а там на перекладных до городка Тезе, возле которого располагался монастырь. Тогда еще был жив основатель и настоятель монастыря брат Роже. Настоятель принял нашу небольшую паломническую группу из СССР и рассказал на английском языке, для чего в монастыре собираются верующие, – постигать евангельские истины, а потом распространять их дальше в обществе. Замысел был, несомненно, благородный.

Технология постижения евангельских истин в монастыре заключалась в участии представителей разных конфессий в общих, то есть

экуменических, богослужениях, песнопениях, молитвах и тематических семинарах. Паломников кормили в монастыре на поступавшие отовсюду пожертвования. Живи себе спокойно и напитывайся духовными ценностями.

Семинары в нашей паломнической группе проводил молодой католический священник. Он пытался вызвать нас на обсуждение евангельских сюжетов и пробудить в ходе дискуссий благие чувства.

Отправляясь в паломничество, я неплохо к нему подготовился: прочитал заново Евангелие, «Введение в православное богословие» и еще пару богословских книг православного толка – других под рукой просто не оказалось. Поэтому во время семинаров я с ксендзом все время спорил о Символе веры и пытался перетащить его в Православие, хотя сам был тогда не очень-то и верующим.

Наши горячие споры возмущали моих московских друзей, нашедших в экуменизме новую форму диссидентства. Они не знали, что я имею приличный опыт партийной работы и десять лет преподавательского стажа на кафедре общественных наук. Я им сказал, что в настоящее время занимаюсь бизнесом, что было правдой, а историю своей жизни подробно не рассказывал.

На богослужениях я тоже чувствовал себя весьма неуютно, поскольку надо было по дюжине раз повторять нараспев одни и те же сточки из библейских псалмов. Это был способ введения неофитов в религиозный транс, и меня он сильно раздражал.

Внешний вид экуменического храма к душевному обновлению также совсем не располагал, поскольку он находился в большом деревянном сарае и больше походил на языческое капище. Сарай прямоугольной формы был беспорядочно наполнен не только иконами, но и разными идолами, палками с ленточками, повсюду горели свечи разного размера.

На третий день паломничества я не выдержал общения с экуменистами и сбежал от них в Париж.

Какая-то духовная связь с настоятелем Роже у меня все же тогда установилась. Десять лет спустя после визита в монастырь что-то неожиданно толкнуло меня включить за ужином телевизор. Диктор как раз сообщал о том, что какая-то румынка прямо во время службы зарезала брата Роже кухонным ножом. Мне было жаль этого милого улыбчивого

старика, который пытался сеять в мире добро и лично много для этого сделал. Ведь у общины Тезе были сотни тысяч последователей по всему миру. Я помолился за душу убиенного по православному обычаю.

Париж меня покорил своим обаянием. Я побродил по Монмартру и Елисейским полям, зашел в Собор Парижской Богоматери, забрался на Эйфелеву башню. Полдня провел в Лувре, полдня в д´Орсе. Жадно рассматривал в этих музеях картины, с которыми был ранее знаком только по репродукциям. Особенно сильное впечатление на меня произвела коллекция картин импрессионистов и постимпрессионистов в Д´Орсе – Ван Гога, П. Гогена, Э. Дега, К. Моне, К. Писсарро, О. Ренуара, П. Синьяка, А. Сислея. Я могу прямо сейчас закрыть глаза и очень живо представить все изображенное на этих картинах.

Денег с собой было мало, и пойти в музеи второй раз я не мог себе позволить. Музей Ж. Помпиду с его дадаистами и абстракционистами мне ужасно не понравился, и я очень жалел двадцати франков, потраченных на приобретение входного билета.

Французы друзья друзей, которые поселили в своей пятикомнатной квартире в центре Парижа, уехали к родителям в деревню на Рождество и оставили мне полный холодильник еды – сказали, чтобы все доел, иначе испортится. Я покупал только белые французские булки и вино в дешевых магазинах. И то и другое можно было купить всего за пять франков. Вместе с оставленными хозяевами сыром, ветчиной и оливками можно было составить очень приличное меню на обед.

Через неделю иностранные деньги у меня закончились, и я вернулся в Москву, а потом в Ригу. Обед по расписанию подошел к концу, и надо было возвращаться на духовную войну.

Что я вынес из этой первой поездки в капиталистическую страну? Во-первых, то, что Париж стоит обедни. Во-вторых, то, что Владимир Высоцкий сказал стихами за дюжину лет до моей поездки во французскую столицу:

«Ваня, мы с тобой в Париже
Нужны – как в бане пассатижи»

Январские события

П. Шемякин. «Карнавал»

Построению «белой» Латвии мешали находившиеся у власти в Москве коммунисты-интернационалисты. Поэтому национал-коммунистам надо было вывести республику из состава СССР. Обстановка для этого складывалась благоприятная. Российские «демократы» тоже боролись с коммунистами-интернационалистами за власть и собственность, и им были нужны союзники. Национал-коммунистам надо было придумать благовидный повод для выхода Латвии из состава Союза, а «демократы» бы их в этом поддержали.

В Риге такой повод попытались сначала устроить путем целой серии взрывов динамитных шашек в конце 1990 г. Заряды взрывали возле здания Московского райкома партии, потом ЦК КПЛ. К счастью, никто не погиб, но ощущение, когда взрывают динамит под окнами твоего кабинета, я вам скажу, малоприятное.

Я еще читал лекции и проводил семинары в военном училище. Так там тоже взрывали заряды у забора как раз тогда, когда шли мои занятия. Для курсантов отменили увольнительные в город, хотя многие старшекурсники уже были женаты и жили за пределами училища. Офицерам и курсантам выдали для защиты от возможного нападения народофронтовцев на училище автоматы с тремя рожками патрон.

После «динамитной» подготовки в январе 1991 г. Народный фронт заявил о возникшей опасности независимости Латвии и призвал всех как один встать на ее защиту. Вокруг здания Верховного Совета Латвийской Республики в старой Риге стали возводить баррикады из вывернутых из мостовой булыжников и выпачканных известкой строительных досок с вбитыми в них ржавыми гвоздями. Из села в город пригнали для укрепления баррикад большое количество тяжелой сельскохозяйственной техники. Той самой, на которую мы когда-то в школе собирали металлолом. Просто так взять технику из хозяйств никто не позволил бы – распоряжение прошло по линии новой власти, от И. Годманиса и других засевших в Совете министров национал-коммунистов и их помощников из дома на углу Ленина и Ф. Энгельса.

Организаторы действа постаили несколько сотен сельских жителей и кучку местной интеллигенции на круглосуточное дежурство на возведенных на скорую руку баррикадах. Селяне на баррикадах воевали уже за свой кусок земли, которую им в порядке реституции дали новые власти. Латышская интеллигенция, крутившаяся там же, довольствовалась постными националистическими идеями. Русская интеллигенция, хотя их и было немного среди защитников баррикад – идеями антикоммунизма.

Позже я побывал на венецианском карнавале, и он мне очень напомнил происходящее в январе 1991 г. в Риге. Люди тут и там одинаково возводили бутафорские сооружения, жгли символические костры, надевали национальные костюмы, фантастические маски, пели песни. Единственным отличием было то, что у нас благообразные тетушки раздавали участникам действия пирожки со шпеком и наливали горячий чай в граненые стеклянные стаканы бесплатно, а в Венеции за еду надо было платить.

Очевидно, что подтолкнули руководство НФЛ к попытке государственного переворота те силы, которые группировались вокруг президента РСФСР Б. Ельцина, то есть силы, которые выступали за развал СССР. Ведь 13 января 1991 г. президент Ельцин срочно приехал в Таллин и подписал там с председателем Верховного Совета ЛР А. Горбуновым договор «Об основах межгосударственных отношений». По пункту третьему этого договора все жители Латвии могли свободно выбрать себе российское или латвийское гражданство. 14 января этот договор ратифицировал Верховный Совет ЛР. Верховный Совет РСФСР этот закон

не ратифицировал, поскольку у его составе было много комунистов-интернационалистов.

Много позже я спрашивал у некоторых высокопоставленных руководителей Верховного Совета РФ, а потом и Госдумы РФ, а почему бы не решить проблему массового безгражданства в Латвии путем ратификации договора 1991 г.? Они сначала говорили: «*Отличная мысль!*». Однако потом, видимо, проконсультировавшись с грамотными юристами, ничего не делали. Как мне теперь стало ясно, ратифицировать этот договор было нельзя потому, что Ельцин не имел права на его заключение. РСФСР же на момент его заключения была всего лишь республикой в составе СССР, а не субъектом международного права. Таким образом, Ельцин совершил должностное преступление, подписав договор с Латвийской Республикой. А потом он ввел в обман всех граждан России и тех русских, которых бросил за ее пределами. Однако поднимать вопрос о преступлениях Б. Ельцина в России никто не хочет, поскольку он успешно совершил «белый» переворот и тем самым обеспечил приватизацию государственной собственности в интересах ныне правящей российской элиты.

Возвращаюсь к баррикадам, которые возвели вокруг Верховного Совета ЛР. Рижане спокойно ходили мимо бутафорских баррикад на работу и с работы, дети бегали из дома в расположенную неподалеку школу и обратно, бесперебойно работали прилегающие к стратегическому «оборонному объекту» магазины и рестораны. В кафе «Аллегро» продолжали выступать музыканты и вечером попасть туда было нельзя. Обстановка в городе была абсолютно спокойная.

В Прибалтике тогда располагалась группировка советских войск численностью более 150 тыс. человек, тысяча танков, две сотни самолетов, тяжелые орудия без счета. Разнести бутафорскую баррикаду и разогнать ее защитников мог всего лишь один батальон мотопехоты численностью в триста человек, но никому это даже в голову не приходило.

Для поддержания духа защитников баррикад организаторы карнавального действия стали раздавать деньги. Знакомая народофронтовка Лиля хвасталась потом, что получила за стояние на баррикадах возле Верховного Совета сто долларов и смогла приобрести на них шикарную шубу. Шуба у Лили была действительно что надо – рыжая, как она сама, из лисьего меха.

Стояла суровая зима, было холодно, защитники грелись у костров. Настроение у них было унылое, и для его поднятия многие пили водку, которую там вдоволь наливали. Несколько подвыпивших защитников было задавлено зачем-то передвигаемой организаторами баррикад сельскохозяйственной техникой. Задавленным защитникам баррикад потом установили памятник недалеко от здания Верховного Совета.

Однако эти жертвы были совсем не героическими, сплотить массы они никак не могли. Поэтому национал-коммунисты задумали организовать показательную акцию героической борьбы народа за независимость. Для освещения этой акции в Ригу заранее пригласили большое количество иностранных корреспондентов. Одному из них, присланному компанией BBC, 19 января я, как представитель ЦДИ, дал интервью. В интервью я высказал большие сомнения в необходимости баррикад в условиях, когда на наш парламент никто не собирается нападать. Корреспондент таинственно намекнул на какие-то важные события, которые ожидаются в ближайшее время. Я тогда не придал значения его словам.

А 20 января бойцы штурмового отряда НФЛ организовали провокацию против частей рижского Отряда милиции особого назначения (ОМОН), поддерживавшего конституционный порядок в республике. Машины с омоновцами обстреляли из автоматического оружия в центре города. Огонь вели с Бастионной горки и из здания МВД республики. Омоновцы захватили здание МВД и арестовали там несколько вооруженных автоматами народофронтовцев. Все они были пьяными. Следствие по тому, откуда у них автоматы и стреляли ли они в сторону парка, никто проводить не стал, поскольку это могло разрушить миф о героической борьбе народных масс за независимость. Устанавливать, кто стрелял с Бастионной горки, не стали по той же причине. Однако в результате проведения этого демонстративно-символического мероприятия пролилась кровь, погибли пять невинных человек. Впрочем, в таких случаях всегда гибнут невинные люди. Это тактика утверждения власти *сынов погибели*.

В эту ночь я, как депутат, дежурил в здании Рижского горсовета. Стрельбу в городе начали показывать по телевизору, который я включил на своем рабочем месте – в приемной председателя Горисполкома. Я позвонил оперативному дежурному в штаб Прибалтийского военного округа и спросил, что происходит. Находившийся на том конце провода

полковник сказал, что это чья-то провокация и командующий уже приказал выслать спецназ для ее пресечения.

Обеспокоенный происходящим, я пошел к Бастионной горке, благо она находилась в трех сотнях метров от здания горсовета. Там еще шла стрельба – стреляли почему-то трассирующими пулями. Пригибаясь под пулями, зашел в парк у Бастионки и увидел там, под мостом через городской канал, молодого солдатика с автоматом, в бронежилете и каске. Показал ему свое удостоверение депутата и спросил, кто стреляет и откуда. Он ответил, что стреляют снайперы с Бастионной горки, а кто – непонятно. Сам он стрелять не может, поскольку у него нет на это приказа командира.

Я подождал немного и пошел прочь от опасного места опять звонить оперативному дежурному по ПрибВО. Тут мимо меня пробежала пара темных фигур в сторону Бастионной горки. У одной фигуры на плече была телевизионная камера, на которой мигал красный огонек индикатора. Потом я узнал, что это операторы Андрис Слапиньш и Гвидо Звайгзне из телевизионной группы Юриса Подниекса. Видимо, они слишком близко подобрались к типам, стрелявшим с Бастионки, узнали их, и те прикончили операторов, чтобы остаться инкогнито.

Через пару дней после этих событий я разговаривал с командиром омоновцев Чеславом Млынником. Он сказал, что атака на его бойцов была ничем не спровоцирована, предположил, что это была акция приехавших из-за рубежа спецназовцев. То, что в Латвии действует группа американских аналитиков и агентов влияния, я знал по информации, которая приводилась на совещаниях в ЦК КПЛ, а то, что были еще и боевики, стало для меня новостью. Млынник потом в каком-то интервью упомянул, что омоновцы знали о наличии иностранных боевиков и были готовы их нейтрализовать, но Москва не давала на это разрешения.

Видеоматериал из камер погибших на Бастионной горке операторов попал в руки Ю. Подниекса. Он попытался его опубликовать, однако власти ему всячески в этом препятствовали. Юрис не хотел отдавать отснятый материал в руки тех, кто покрывал организаторов провокации, и спрятал его. Ему угрожали, подожгли его квартиру, чтобы запугать. Это мне рассказала позже его жена, с которой мы длительное время работали вместе в ЦК. Потом Подниекс при весьма странных обстоятельствах утонул в озере при погружении в воду с аквалангом. Похоже, что его

утопили, поскольку слишком много знал и был честным человеком. Как говорится, и концы в воду. *Люди греха* никому не позволяют открывать свои тайны.

Недавно в прессе появилась информация о том, что в событиях на Бастионной горке замешан главнокомандующий ВС Латвии Раймонд Граубе. Правда это или нет, сказать не могу, но то, что он совершил после января 1991 г. головокружительную карьеру и стал двухзвездочным генералом, не имея военного образования и даже просто высшего образования, было очень подозрительно.

В январе 1991 г. попытка Народного фронта организовать в Латвии государственный переворот провалилась. В республике находились советские вооруженные силы, которые не дали возможности внешним игрокам поддержать эту попытку. Во главе Прибалтийского военного округа тогда стоял умный и волевой командующий – генерал-полковник Федор Михайлович Кузьмин.

Одновременно советские военные не дали возможности развернуть штурмовым отрядам народофронтовцев репрессии против коммунистов-интернационалистов, выступавших за сохранение республики в составе СССР. Равновесие политических сил, выступавших за «красную» и за «белую» Латвию, на время было сохранено.

Тяжелую технику с баррикад вскоре увезли обратно по селам, булыжники уложили в мостовую, старые доски с ржавыми гвоздями вернули на стройки. Защитники баррикад за свое картонное мужество получили, помимо денежного вознаграждения, медные медали. Награжденных медалями почему-то было раз в двадцать больше, чем тех, кто мерз на бутафорских баррикадах.

На месте гибели операторов и случайных прохожих от пуль снайперов на Бастионной горке установили памятные камни, к которым в январские дни руководители республики возлагают цветы. Народ на эти мероприятия не ходит. Чувствует, видимо, какой-то подвох. Однако январские события *люди греха* все же преподносят как элемент «героической» борьбы народа за независимость.

ГКЧП и крах «красного» проекта

К. Петров-Водкин. «Смерть комиссара»

Основанием для отделения Латвии от СССР стала неудачная попытка высшего руководства страны вернуть ее обратно на социалистический путь развития. В августе 1991 г. коммунисты-интернационалисты во власти в Москве заявили о введении чрезвычайного положения с целью прекращения дальнейшего развала страны и ее неуправляемого сползания к дикому капитализму. Для этого разыграли следующую схему действий, которую иначе как трагическим спектаклем назвать сложно.

Был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). Возглавил этот комитет вице-президент страны Геннадий Иванович Янаев. ГКЧП заявил, что прекращает политику перестройки и берет курс на восстановление социалистических порядков. А президент, мол, заболел, и когда поправится, то к нам присоединится. На самом деле М. Горбачев побоялся ответственности за реализацию совместно принятого всеми решения закончить перестройку и спрятался на государственной даче в маленьком городке Форос, что в Крыму.

Почему я говорю о том, что М. Горбачев тогда просто струсил? Да потому, что именно в эти дни мы с товарищами проводили отпуск в доме отдыха по соседству с дачей президента. 15 августа, когда на свою дачу приехал М. Горбачев, напротив нашего дома отдыха встали на дежурство в море военные корабли. Я спросил тогда у нашей дежурной по этажу,

почему на рейде появились сторожевые корабли, а она ответила, что это обычный порядок при приезде первого лица государства.

Практически каждый день мы ездили компанией на нашем микроавтобусе РАФ за свежими фруктами и игристым крымским вином на ближайший базар, и маршрут пролегал как раз мимо дачи Горбачева. Никакого движения охраны в эти дни мы не видели вплоть до 20 августа, когда в стране уже объявили чрезвычайное положение. То есть никто свободу Михаила Сергеевича не ограничивал, он просто ждал на даче исхода развития событий в Москве.

Во время одной из поездок на форосский базар, кажется, 18 августа, я заметил из окна нашего транспортного средства, что к президентской даче подъезжает черная правительственная «Волга» и на заднем сидении в ней сидит Борис Карлович Пуго. Я толкнул локтем в бок своего товарища по отпуску Сергея Данилина, который раньше работал со мной в аппарате ЦК КПЛ, показал на «Волгу» и сказал: «*Смотри, Пуго сидит в машине!*» «*А, это Борис Карлович приехал к президенту на доклад,* – лениво отреагировал Сергей. – *Он же теперь министр внутренних дел. Наверное, опять где-то «горячая» точка в стране образовалась*». О том, что в стране скоро будет объявлено чрезвычайное положение, мы, конечно, не знали.

События в Москве развивались тем временем следующим образом. Члены ГКЧП объявили о восстановлении конституционного порядка, но действенных мер по его обеспечению не приняли. Главных разрушителей социалистических порядков не арестовали. Дали свободно действовать своему основному политическому противнику – президенту РФ Б. Ельцину. Руководство большинства союзных и автономных республик, областей, крупных городов, видя эту неуверенность в действиях членов ГКЧП, его решение не поддержало.

Коммунисты-интернационалисты из высшего руководства страны не отважились обратиться к народу с призывом выйти на улицу и защитить завоевания социализма. Поэтому сам народ воспринял происходящее как попытку верхушечного переворота и отстаивать свои материальные интересы не стал – голову ему забили россказнями о том, как хорошо всем будет жить при капитализме, что у них будет не четыре, а двадцать четыре сорта колбасы.

Тут политическую инициативу перехватил Борис Николаевич Ельцин. Он дал команду подчиненным ему силовикам арестовать высших руководителей СССР, предпринявших попытку восстановить социалистические порядки. Так что именно Ельцин со товарищи совершил государственный переворот и захватил власть в СССР. Для того же, чтобы скрыть этот переворот, Ельцин обвинил членов ГКЧП в попытке совершить путч. Их арестовали и посадили в тюрьму.

Б. Пуго, который в это время был министром внутренних дел СССР, застрелили на его квартире, поскольку он выступал в роли координатора действий Горбачева и членов ГКЧП, знал всю подоплеку событий и мог рассказать правду о подлинной роли в них и президента СССР, и президента РСФСР. В публичное пространство была вброшена версия о самоубийстве Б. Пуго. Однако то, что Борис Карлович был убит, подтвердили мне потом близкие друзья его семьи.

Горбачев прилетел из Фороса в Москву, но оказался не у власти. Она была уже в руках президента РФ. Б. Ельцин был в курсе всех политических игр Михаила Сергеевича и, видимо, пообещал раскрыть их содержание СМИ, а затем отправить президента СССР в тюрьму Матросская Тишина, в которой сидели другие гэкачеписты.

Тогда М. Горбачев стал играть новый спектакль под названием «Борьба за сохранение СССР». Он созвал V Съезд народных депутатов. Этот съезд мог принять программу действий по сохранению СССР, поскольку только недавно состоялся всесоюзный референдум, на котором 78% всех граждан выразили желание жить вместе в одной стране. Однако 5 сентября на съезде приняли неконституционное решение о создании нового органа союзной власти – Государственного Совета СССР. Новый орган власти состоял из президента СССР и глав союзных республик. На тот момент в состав Госсовета вошли руководители только десяти союзных республик из пятнадцати. Кабинет министров СССР упразднили, вся власть в стране формально перешла в руки Горбачева. Эту власть он использовал для того, чтобы придать видимость законности дальнейшему развалу СССР.

На первом заседании Государственного Совета 6 сентября было принято решение о признании независимости прибалтийских республик. Только после этого решения началось международное признание Латвии как самостоятельного политического образования.

В. Илюхин и другие удерживающие

Илья Глазунов. «Святитель Гермоген»

Захват власти в СССР коммунистами-демократами и распад страны не были неизбежны. 4 ноября 1991 г. начальник управления Генпрокуратуры СССР по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Виктор Иванович Илюхин возбудил уголовное дело против М. Горбачева по статье 64 УК РСФСР (измена Родине). Дело было возбуждено в связи с принятием Госсоветом СССР постановления о признании независимости республик Прибалтики. В подготовленном обвинительном документе Виктор Иванович утверждал, что М. Горбачев, подписав документы о признании независимости республик Прибалтики, нарушил Конституцию СССР и закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР», и тем самым нанес ущерб территориальной неприкосновенности и государственной безопасности СССР.

Генеральный прокурор СССР Николай Семенович Трубин закрыл возбужденное В. Илюхиным дело в связи с тем, что решение о признании независимости прибалтийских республик принимал не лично президент, а Госсовет. Этот ход был всего лишь формальной юридической оговоркой в деле о преступлении по разрушению СССР. После этого Илюхин был уволен из Генеральной прокуратуры СССР, однако продолжал отстаивать свое утверждение в том, что М. Горбачев и Б. Ельцин совершили государственные преступления, разрушая СССР.

С Виктором Ивановичем я познакомился, когда он стал депутатом Верховного Совета РФ, председателем комиссии по безопасности. Сотрудничали мы с ним по линии Конгресса русских общин, в котором он был заместителем председателя – Юрия Владимировича Скокова. Илюхин был человеком принципиальным, высокообразованным и готовым отстаивать до конца свои убеждения. Потом мы несколько раз встречались по разным поводам, обсуждали вопросы жизни русского рассеяния.

Умер В. Илюхин очень странно: по официальным данным – от инфаркта, но до этого на свое здоровье он никогда не жаловался. Руководство компартии РФ, от которой он избирался в Думу, даже создало специальную комиссию по расследованию обстоятельств его смерти. Странным было и то, что как раз перед смертью он работал над проблемой фальсификации при Б. Ельцине ряда документов по так называемому «Катынскому делу». По просочившейся в прессу информации выходило, что материалы по «Катынскому делу» были сфальсифицированы группой историков под руководством *мастера* перестройки А. Яковлева. Он же якобы был причастен к подделке знаменитых секретных приложений к договору Молотова – Риббентропа. А ведь именно этими документами в Верховном Совете Латвийской ССР размахивал в свое время Маврик Вульфсон, обосновывая право выхода республики из состава СССР.

После решения Государственного Совета СССР в декабре 1991 г. о роспуске СССР собрался Верховный Совет СССР, который подтвердил это решение, хотя не имел на это права, поскольку оно относилось к исключительному ведению Съезда народных депутатов СССР. Все это нельзя расценить иначе как предательство депутатов, которых избрали советские люди для того, чтобы они представляли их интересы. Только Виктор Имантович Алкснис и еще несколько депутатов Верховного Совета выступили против решения о роспуске СССР. Потом В. Алкснис активно и последовательно выступал против линии на разрушение Союза, а затем России. Добился с единомышленниками отставки министров В. Бакатина и Э. Шеварднадзе за предательство интересов страны.

С Виктором Имантовичем я познакомился в 1990 г., когда помогал ему избираться в Верховный Совет Латвийской ССР. Дружеские отношения поддерживаю до сих пор.

Членов ГКЧП новые власти РФ были вынуждены освободить через некоторое время по амнистии. Командующий сухопутными силами генерал Валентин Иванович Варенников, который был в числе арестованных коммунистов-интернационалистов, отказался принимать амнистию, поскольку отрицал свою вину. Над ним состоялся суд, который признал его полностью невиновным. Это означало, что невиновны были и все остальные члены ГКЧП, которые защищали тот общественный строй, который доверил им советский народ, стояли на страже единства СССР.

Все остальные члены номенклатуры забыли о партийной клятве приложить все силы к строительству коммунистического общества. Все остальные военные забыли о воинской клятве «*до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине… защищать ее мужественно, не щадя своей крови и самой жизни*».

Поэтому большинство членов нового правящего класса как нарушившие партийную и воинскую клятву должны быть подвергнуты *всеобщей ненависти и презрению советского народа*».

Значительное число коммунистов в России трансформировалось в «демократов». Эта новая элита представляла уже интересы социального слоя, который стремился любым путем поучаствовать в разграблении общественного капитала. Они заняли активные антикоммунистические позиции.

Другая часть коммунистов стала позиционировать себя как «государственников». «Государственники» отражали интересы старой номенклатуры, которая понимала, что есть объективные границы приватизации, что надо сохранять производственный потенциал страны, заботиться о поддержании общественного порядка, защищать национальные интересы. О своем коммунистическом прошлом они тоже предпочли забыть.

Вся коммунистическая номенклатура не выдержала испытания властью и богатством, отказалась от своей веры и стала стремиться к личному богатству. Лишенные духовных поводырей, массы трудового населения оказались крайне пассивными, и новый правящий класс принялся их безнаказанно обирать.

Была ли возможность сохранить социалистический строй в том виде, в котором он существовал в брежневский период? Однозначно нет.

Требовалось при сохранении мощного государственного сектора допустить развитие частного капитала в ряде отраслей производства. Так, как это сделали коммунисты в Китае в это же время. Опыт их экономических реформ был хорошо известен высокопоставленным партийным чиновникам. Я, например, знал о нем из закрытых рефератов, которые готовило ТАСС. Только во главе партии нужен был человек типа Дэн Сяопина, а не Михаила Горбачева. Дэн Сяопин, например, железной рукой подавил бунт студентов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., который грозил потерей партией власти и распадом КНР. Напомню, что КНР полиэтничная республика – также, как полиэтничным был и СССР.

Кто мог тогда удержать вместе советскую нацию? Те же В. Илюхин, В. Варенников, В. Алкснис. Тот же В. Скоков, который пошел наперекор Б. Ельцину в марте 1993 г. и не допустил тогда незаконного роспуска Верховного Совета РФ. Было среди членов советской нации еще множество других *удерживающих*. Просто они еще не успели выработать свою, модернизированную в русском духе систему коммунистических ценностей и провести надлежащую мобилизацию масс.

Кого напоминают мне все эти люди? Патриарха Гермогена, которого пленили польские захватчики, когда в царстве Московском было Смутное время. Поляки держали его в плену и, пугая смертью, требовали, что бы он призвал русское ополчение снять осаду кремля. Святитель на запугивания захватчиков твердо отвечал: «*Что вы мне угрожаете? Боюсь одного Бога. Если все вы, литовские люди, пойдете из Московского государства, я благословлю русское ополчение идти от Москвы, если же останетесь здесь, я благословлю всех стоять против вас и помереть за Православную веру*».

Гермоген не дождался освобождения кремля – поляки заморили его голодом, однако рассылаемые им патриотические письма к народу сыграли в деле освобождения Москвы от польских интервентов не меньшую роль, чем действия народного ополчения. Патриарх удержал вокруг ценностей православной веры большую часть русского народа.

«Белый» переворот в Латвии

Франсиско Гойя. «Шабаш ведьм»

Попытка восстановления конституционного строя и социалистических порядков в Москве 21 августа вызвала панику среди национал-коммунистов в Латвии. Я в это время уже прилетел из Крыма в Ригу.

Командование Прибалтийского военного округа вывело на улицы Риги танки и бронетранспортеры. По городу ходили вооруженные патрули солдат Советской армии. Над зданиями Верховного Совета и Совмина барражировали тяжелые вертолеты. Улицы Риги мгновенно опустели – сопротивляться законной власти никто из штурмовых отрядов народофронтовцев не осмелился. Бутафорских баррикад никто не сооружал.

По приезде из отпуска в Ригу я сразу заглянул в здание ЦК КПЛ для того, чтобы выяснить, что происходит в республике. От знакомых ребят, которые работали в аппарате, узнал, что в Москве восстанавливаются социалистические порядки. Мне сказали также, что А. Горбунов звонил в ПрибВО В. Кузьмину и обещал восстановить власть компартии в течение

недели. А председатель совмина И. Годманис прячется у себя на хуторе, и связи с ними нет.

Созвонился с депутатами ЦДИ из Рижского горсовета, чтобы определиться, что нам делать. Быстро собрались, посовещались и решили, что реально воздействовать на силовые движения в республике мы не в состоянии, а потому от активных действий пока воздержимся. Установили дежурство депутатов в горсовете, хотя большой пользы от него и не было. Председатель Рижского горсовета Андрис Тейкманис на хутор не убегал, но ходил за мной по коридорам и упрашивал позвонить в Москву и сказать, что в Латвии никто не будет оказывать вооруженное сопротивление законным властям. Что бы он отстал, я ядовито спросил: «*Кому звонить – Борису Карловичу Пуго или Дмитрию Тимофеевичу Язову?*»

Из-за отсутствия убежденности в правоте и низких морально-волевых качеств высшего руководства страны попытка восстановить социалистические порядки в Москве провалилась. Руководители республики вернулись с хуторов, где они прятались, и начали разворачивать репрессии против руководства компартии, стоявшей на интернационалистических позициях.

Утром 23 августа на моих глазах в здании на ул. Кирова, 2, арестовали первого секретаря ЦК КПЛ А. Рубикса. Ребята из аппарата были готовы еще 21 августа вывезти его на машине в Белоруссию, но он отказался – сказал, что будет бороться за правду в судах. А на какую правду в судах можно было рассчитывать, если они полностью контролировались национал-коммунистами?

Альфреда Петровича осудили за попытку совершения государственного переворота, хотя он действовал в рамках никем не отмененного на тот момент союзного законодательства, защищал «красный» проект и основанную на нем Латвийскую ССР. Никакой независимой Латвии до 25 декабря 1991 г. – момента распада СССР – не существовало, ведь Латвия не выполнила существовавшие на тот момент процедуры выхода из СССР. Даже признания независимости Латвии со стороны России, а тем более других стран на момент ареста А. Рубикса еще не было. Латвия была на тот момент тем, что сейчас называется самопровозглашенной республикой.

А. Рубикса осудили по тем законам, которые приняли в республике спустя год, и он отсидел в тюрьме целых шесть лет. В тюрьме он не сломался и продолжал отстаивать коммунистические идеи. Это был настоящий *удерживающий*.

Здесь надо отметить, что А. Рубикс не призвал людей к силовой защите «красного» проекта. Между тем сторонников этого проекта в Латвии оставалось достаточно много и среди русских, и среди латышей. В республике еще находился отряд рижского ОМОНа, который был готов к вооруженной борьбе. В случае призыва А. Рубикса народ, несомненно, поднялся бы защищать завоевания социализма. НФЛ пришлось бы бороться за власть с оружием в руках. В их планах было развернуть террор против коммунистов-интернационалистов и активистов русского движения. Мне об этих планах народофронтовцев рассказывали потом бывшие сотрудники КГБ ЛССР, имевшие своих агентов в правлении этой организации. Они говорили, что в лесах проходят военную подготовку боевики, составляются списки «нелояльных» националистической верхушке коммунистов и русских активистов.

Если бы развернулся террор против русских со стороны штурмовых отрядов НФЛ, то в конфликт вмешались бы советские военные, поскольку у офицеров здесь находились семьи. Все бы закончилось так же, как в Молдавии, когда молдавские националисты начали уничтожать русских жителей Приднестровья и террор был остановлен силами офицеров и прапорщиков, расквартированных в этом регионе воинских частей. В результате Приднестровье отошло от Молдавии и превратилось в самостоятельную республику. Так бы и Латвия раскололась по Двине и образовалась бы русская «Придвинская народная республика».

А. Рубикс тогда промолчал и тем спас Латвию от раскола. Его национал-коммунистам надо было не в тюрьму сажать, а присваивать статус латышского национального героя и памятник ставить напротив Совета министров еще при жизни.

Руководство НФЛ очень боялось рижского ОМОНа, и поэтому разрешило его личному составу вместе с семьями выехать в Россию, в Тюмень. Важную роль в эвакуации отряда сыграл Сергей Диманис, который вел переговоры на эту тему с правительством России.

И. Годманис запомнил 21 августа часы страха перед ОМОНОМ и потом отомстил за это С. Диманису. Против него была подстроена провокация, потом возбуждено уголовное дело, и нашему депутату пришлось уехать в Россию. Несколько лет назад я созвонился с ним и встретился в Госдуме РФ, в которой он работал консультантом. Сергей был доволен жизнью, но сожалел, что вынужден был покинуть Латвию.

Арестовали еще помощника А. Рубикса, пару других партийных функционеров высокого ранга. Как далеко развернуться репрессии, было непонятно. Ожидая возможного ареста, я сжег с коллегой в ночь на 24 августа в лесу множество документов, которые могли быть использованы против меня и других лиц, задействованных в проекте РХЛ. Костер был до небес и горел несколько часов, но никто из боевиков НФЛ не появился. Несколько дней ночевал вне дома, у своих близких друзей. В тот раз все обошлось.

23 августа 1991 г. компартию Латвии решением Верховного совета ЛР запретили, ее имущество конфисковали. Членов партии, которые остались в ней после 13 января 1991 г., пожизненно лишили права на получение гражданства. Конечно, реально ограничению прав подверглись только те, кто остался в КПЛ, стоящей на интернационалистских позициях, да и то из состава руководящих работников. Впрочем, даже если ты был руководящим партийным работником, но начинал критиковать коммунизм и советский строй, а еще лучше – проклинать русскую оккупацию, то тебя прощали и доступ к государственной кормушке открывали.

Пришедшие к власти в Латвии латышские национал-коммунисты очень боялись, что они будут свергнуты латышскими интернационалистами. Поэтому они и посадили А. Рубикса в тюрьму. Потом в тюрьму посадили О. Потреки. При невыясненных обстоятельствах за границей погиб Ивар Кезберс, которым Москва заменила в свое время А. Горбунова на посту секретаря ЦК по идеологии. Все эти люди могли стать в борьбе за «красный» проект *удерживающими* и для латышей, и для русских.

Для того чтобы окончательно покончить с «красным» проектом, латышские национал-коммунисты запретили под угрозой уголовного наказания использование советской символики: флага, гимна, герба. Снесли памятник В. Ленину в Риге и его близнецов во всех других городах республики. На памятнике красным латышским стрелкам написали «Латышские стрелки». Звезды на фуражках и ордена Красного Знамени на

шинелях каменных стрелков сбивать не стали. Наверное, опасались, что рабочие собьют звезды неаккуратно и на хорошо отполированном гранитном теле стрелков образуются корявые дыры.

Именно такие корявые дыры образовались, например, на бюсте академика Мстислава Всеволодовича Келдыша, что установили в последние годы советской власти в скверике напротив Латвийского государственного университета имени П. Стучки. М. Келдыш был за свои большие достижения в науке трижды награжден званием Героя социалистического труда с вручением ордена в форме золотой звезды на колодке. Так эти три позолоченные латунные звезды на бюсте в период борьбы с «проклятым коммунистическим прошлым» отковыряли. Произошло символическое «лишение наград» М. Келдыша под руководством ректора, математика по специальности Юриса Закиса. Он что, позавидовал славе своего более талантливого коллеги и решил тайком сорвать у него все звезды Героя?

Ректора в его варварстве поддержала профессура. Она коллективно выступила за отказ от имени Петра Стучки в названии университета. А ведь именно П. Стучка, будучи главой советского правительства, открыл первую высшую школу, в которой преподавание шло на латышском языке. Зачем надо было поддаваться влиянию кучки неденафицированных в советское время преподавателей и делать это?

А почему глава Союза писателей Латвии Янис Петерс не протестовал против лишения Государственной библиотеки имени великого латышского писателя Вилиса Лациса? Рассчитывал на то, что сможет выпустить в «белой» Латвии больше книг, чем его соперник в «красной» Латвии и претендовал на то, что библиотеку назовут его именем? Или возражал, но его коллеги национал-коммунисты купили постом посла в России? Какая там зарплата у посла тогда была? Не 30 ли серебрянных монет, отчеканенных незадолго до 15 дня ниссана 33 г. нашей эры?

Вышло так, что «белые» латыши интеллигенты вычеркнули из истории «красных» латышей. Поступили, как обычно действуют *люди греха* – стали навязывать своим соплеменникам ложную систему духовных ценностей, иначе *беззаконие*. Создали ложных *кумиров* и заставили всех им поклоняться.

ГЛАВА X. «БЕЛО-КОРИЧНЕВЫЙ» ПРОЕКТ

«Белая гвардия, черный барон...»

В. Перов. «Герои произведений Н. Гоголя»…

Долгое время я пытался понять, что же на самом деле произошло в августе 1991 г. Наконец сформулировал следующую мысль. В результате верхушечного переворота к власти в стране пришли «белые».

Помните, в песне времен Гражданской войны, написанной композитором Самуилом Покрассом, пелось:

Белая армия, черный барон

Снова готовят нам царский трон

Но от тайги до британских морей

Красная армия всех сильней…

Так вот Красная армия, правильнее – красная гвардия, оказалась всех слабей, и к власти в СССР в целом, и в нашей республике в частности, пришла белая армия, точнее – белая гвардия и черный барон. В Латвию они принесли с собой не царский трон, а более современную форму управления – этнократическую республику.

Национал-коммунисты с помощью латышской творческой интеллигенции достаточно быстро очистились от своего коммунистического прошлого и превратились в глазах масс в национал-демократов, то есть в людей, которые строят свое собственное национальное государство демократическими методами, без открытых

репрессий против инородцев. Национал-демократы и образовали новую «белую» гвардию.

Национал-демократы изначально концентрировались в общественной организации «Клуб-21». Эта организация состояла из бывших номенклатурных работников, предпринимателей, спортсменов, журналистов. Вначале в нее принимали и латышей, и русских – надо было только иметь высокий социальный статус или большие деньги. Туда первоначально приняли, например, Пашку Стабников, Володю Кулика, Виталия Гаврилова. Последнего даже сделали вице-президентом клуба. А президентом там был Янис Круминьш, выпускник философского факультета ЛГУ, с которым мы ходили на военную кафедру три года и получали вместе нагоняй от офицеров за то, что носили слишком длинные волосы.

Потом на базе «Клуб-21» была создана партия «Латвияс цельш». В эту партию брали уже только тех русских, которые соглашались забыть свои этнические корни.

При выборах в 1993 г в V Сейм партия «Латвияс цельш» получила более трети всех голосов избирателей. Это позволило ей возглавить правящую коалицию и назначить на пост председателя Сейма опять А. Горбунова, а секретарем сделать опять И. Даудиша. Премьером тогда стал экс-номенклатурщик Валдис Биркавс. Министры были подобраны соответствующие.

Все правительства республики на протяжении последующих десяти лет тоже возглавляли члены «Клуба-21». С большинством из них мне приходилось сталкиваться в период службы в партийном аппарате.

Валдис Биркавс, например, часто заходил в гости в кабинет поболтать с моей коллегой по службе. Он работал тогда заведующим организационным отделом Московского райкома КПЛ и имел за специфическую улыбку кличку Череп. Валдис отличался неукротимым стремлением продвинуться вверх по карьерной лестнице и делал это, ни с чем и ни с кем не считаясь. За это его в номенклатурной среде сильно недолюбливали.

Следующий премьер, Марис Гайлис, стал известен широкой публике после проведения кинофестиваля «Арсенал», профинансированного кооператорами из «Пардаугавы». До этого он занимал должность начальника отдела Комитета по кинематографии Латвийской ССР. За идеологические промахи он пару раз получал в отделе пропаганды «фитили» от моих коллег.

Четвертый премьер независимой Латвии, Вилис Криштопанс, был профессиональным тренером по баскетболу. Он пускал к себе в зал бесплатно играть баскетболистов из ЦК КПЛ и КГБ. Я был членом цэковской баскетбольной команды и сталкивался с ним на ежегодных турнирах работников органов республиканского управления и на тренировках. В баскетбол он играл хорошо – слов нет. Про его управление экономикой республики у меня тоже слов нет, но совсем по прямо противоположной причине.

Андриса Берзиньша, как я уже отмечал, я встречал на партийных собраниях в Госкомитете по труду и социальным вопросам. Он был тогда секретарем партийной организации комитета. Потом он был со мной депутатом в Рижском горсовете. Я тогда оценил его как безобидного флегматика, который никак не мог устроиться в жизни. Ничего, устроился: сначала мэром столицы, потом занимал ряд министерских должностей и, наконец, дослужился до должности премьера.

Ничего плохого об этих, а также об остальных членах «Клуба 21» сказать не могу. Однако именно они инициировали и принимали законы, которые превратили русских в Латвии в людей второго сорта как в политическом, так и в социально-экономическом отношении. При этом они совершенно не сожалели о содеянном и презрительно относились к тем, кого удалось так легко обмануть в период бурных народофронтовских митингов и массовых демонстраций.

«Латвияс цельш» была партией бывшей городской партийной номенклатуры. Бывшая сельская партийная номенклатура образовала партию «Крестьянский союз», которая потом, после ряда трансформаций, стала именоваться «Союзом зеленых и крестьян». Во главе «Крестьянского союза» изначально стоял Айварс Беркис.

Кроме этих двух национал-демократических партий, в V Сейм прошли латышские национал-радикальные партии «Движение за национальную независимость» и «Отечеству и свободе». Они стабильно занимали в парламенте 10–15% мест во всех созывах. Эти партии отражали интересы мелких латышских предпринимателей, служащих, фермеров, маргиналов, словом, тех социальных слоев, которые были готовы пойти на применение силы против инородцев ради получения каких-то материальных благ и социальных статусов. Наиболее заметными фигурами в рассматриваемых партиях были Эдуард Берклавс, Марис Гринблатс, Петерис Табунс, Юрис Добелис, Эйнарс Цилинский, Эйнарс Репше. Большое влияние на национал-радикалов оказывали латышские эмигранты, которые стали возвращаться в Латвию.

Коалиция национал-демократов и национал-радикалов сохранялась и в VI Сейме. Влияние национал-радикальных партий в этом Сейме даже возросло.

Очень показателен был выбор Сеймом президента. Депутаты V Сейма избрали руководителем государства внучатого племянника довоенного диктатора Карлиса Ульманиса – Гунтиса. По их мнению, он должен был олицетворять и для народа, и для заграницы силу и могущество только что восстановленной Второй Латвийской республики. Точнее, он должен был выполнять роль *черного барона,* поскольку К. Ульманис разогнал Сейм, установил нацистский режим власти, незаконно присвоил президентское звание, а потом предал «белый» проект и сдал ослабленную диктаторским переворотом страну «красным». Поскольку президент в Латвии выполняет только представительские функции, то и внучатый племянник должен был только освящать происходившее своим внешним обликом и родственными связями.

Гунтис Ульманис оправдал ожидания правящей национал-демократической элиты. Именно при нем воплощалось в жизнь решение о лишении прав гражданства двух третей русского населения, русских выгоняли из государственного аппарата, закрывали группы с обучением на русском языке в государственных вузах.

Мог ли я подумать за десять лет до этого, что коммунист, директор советского районного комбината бытового обслуживания, специалист по стиральным машинам и любитель пирожков со шпеком смело пойдет по

пути своего именитого двоюродного деда и возобновит строительство этнической иерархии, в которой инородцам будет место только в на низших ступенях социальной лестницы?

Народный фронт не смог преодолеть предвыборный барьер, и в V Сейм никто по его списку не попал. Ивар Годманис, Дайнис Иванс и множество других латышских интеллигентов оказались на улице в прямом смысле этого слова. Творческая интеллигенция во власти бюрократам была больше не нужна – и от нее безжалостно избавились.

Русский электорат поддержал на выборах в V Сейм список «Согласие — Латвии, возрождение — народному хозяйству» и список «Равноправие». Выборы тогда еще шли по одномандатным округам, и фракции образовывались по итогам выборов из депутатов-единомышленников. Первую фракцию составили бывшие национал-коммунисты, работавшие в Народном фронте, но ушедшие из него из-за того, что он скатился на националистические позиции. Вторую фракцию в Сейме образовали бывшие коммунисты-интернационалисты, которые в НФЛ из принципа не входили.

На выборах в следующий, VI Сейм надо было идти уже по партийным спискам. Русские избиратели поддержали Партию народного согласия, которую возглавлял бывший народофронтовец Я. Юрканс и Социалистическую партию, во главе которой стоял бывший секретарь Лудзенского райкома компартии Филипп Строганов.

В Янисе Юркансе я изначально разглядел позера с непомерными амбициями, который любил только себя в политике. С ним мне приходилось несколько раз сталкиваться в публичных дискуссиях по «русскому» вопросу. Русских он равными латышам не считал, но когда ему об этом публично говорили, смущался и уходил от дальнейшего обсуждения проблемы.

Первоначально Соцпартия насчитывала почти тысячу членов и руководил ей Филипп Строганов. В партии состояли и латыши, и русские. Однако ее потенциал был невысок из-за того, что она лишилась традиционных коммунистических инструментов мобилизации сторонников и не подкорректировала свою программу в соответствии с новыми обстоятельствами. Кроме того, наиболее активные элементы

русской части общества пытались реализовать себя в предпринимательской деятельности, а латышской – устремились на теплые чиновничьи места, благо такого строгого отбора, как раньше, при назначении на эти места не было. Этих людей идея установления в обществе социального равенства больше не зажигала.

«Равноправие» после образования Соцпартии превратилось в правозащитное общество во главе с Татьяной Жданок. Татьяна Аркадьевна чуть позже разошлась с социалистами и образовала собственную парию с названием «Равноправие». Эта партия вначале проводила по несколько депутатов в Сейм и крупные муниципалитеты, а потом вступала в них в тактические союзы с социалистами.

В V, VI и всех последующих Сеймах партии, которым отдавали голоса русские избиратели, неизменно оказывались в оппозиции.

После лишения гражданства я поддерживал тех членов партии ЦДИ, которые имели право пойти на выборы, однако наша партия в Сейм не прошла. ЦДИ переименовали в Русскую партию, и она в 1997 г. провела на выборах в Рижскую думу только двух депутатов. Там они вошли в коалицию с другими партиями, ориентирующимися на защиту интересов русских избирателей.

Предприниматели поддержки Русской партии особо не оказывали, и она превратилась скоро в небольшой политический клуб. Возглавлял партию тогда Михаил Гаврилов. Офис партии перекочевал сначала в маленькую квартирку дворника на ул. Лачплеша, 52/54, а потом в старую прачечную на Таллинас, которую отремонтировали и превратили в Русский дом.

Вокруг Русской партии концентрировался ряд русских культурных организаций, она выпускала небольшим тиражом газету «Русское слово». Поскольку я в те времена прилично зарабатывал, то жертвовал деньги на поддержку партии и на ее культурные проекты. Однако было ясно, что получить большой поддержки избирателей партии не удастся, поскольку основную часть русских лишили права голоса. Ситуацию можно было сравнить с соревнованиями по бегу, в которых некоторым участникам связали ноги, а потом определили, что в победители вышли самые быстрые.

Русский избиратель стал отдавать голоса ПНС, Социалистической партии, партии «Равноправие». Руководство этих партий привлекло основную часть актива ЦДИ к себе. Это был справедливый результат политической конкуренции за голоса избирателей – русские национальные идеи в их среде особой популярностью не пользовались, поскольку мы все еще были советскими людьми, которые только говорили на русском языке. Русские духовные ценности нам всем еще только предстояло обрести.

На каком-то этапе М. Гаврилов приватизировал партию ради личной победы на муниципальных выборах в Риге, и из нее вышло большинство активистов. Одним из первых ушел я. Вскоре Русская партия слилась в Рижской думе с правой Первой партией и превратилась в ее Русский центр. Интересов русской части населения этот центр больше не отражал.

Вы здесь никто и звать вас никак

Средневековая миниатюра «Наказание еретиков»

Захватив власть, национал-коммунисты приложили все усилия, чтобы решить две основные задачи: во-первых, сохранить эту власть как можно дольше и, во-вторых, употребить ее для разворовывания накопленного трудящимися при социализме государственного имущества. В наилучшей степени для решения этих задач подходила модель этнической иерархии, во главе которой стояла всесильная бюрократия, в середине – подкупаемая подачками и натравливаемая на инородцев масса титульного населения, а в основании – бесправная масса инородцев.

В мировой истории модели этнической иерархии хорошо известны. В Древней Греции бесправных инородцев называли метеками, в Древнем Риме – перегринами. В книге «Моя борьба» небезызвестного Адольфа Шикльгрубера подробно описывается план введения этнической иерархии в Третьем рейхе. Автор называл бесправных инородцев «подданными» и относил к ним евреев и прочий расово неполноценный элемент.

Идея негражданства была позаимствована американскими спецслужбами у Третьего рейха и после войны тщательно проработана в их подрывных аналитических центрах. Именно американцы привнесли уже готовые наработки по этому вопросу в Латвию и вооружили ими латышскую властную элиту. Об этом, подвыпив, любил рассказывать в дружеской компании бывший национал-коммунист Андрей Пантелеев. А он-то знал истинное положение дел, поскольку длительное время был руководителем комиссии по национальной безопасности Сейма, а потом продолжил свою деятельность в местной разведке.

Строили этническую иерархию латышские национал-демократы достаточно примитивным образом. Постановлением Верховного Совета Латвийской Республики от 15 октября 1991 г. было решено восстановить гражданство Второй Латвийской республики. Все лица, приехавшие в Латвийскую ССР после июня 1940 г., лишились гражданства и объявлялись негражданами, то есть они теперь не могли избирать и быть избранными в Сейм и муниципалитеты.

В итоге около 876 тыс. русских были насильно лишены гражданства – более двух третей всего русского населения республики. Русских в полном соответствии с рекомендациями А. Шикльгрубера и его американских почитателей признали расово неполноценным элементом и на этом основании лишили прав гражданства.

Самое поразительное при этом заключалось в том, что Верховный Совет Латвийской Республики был избран людьми, которых он потом лишил прав гражданства. Ведь 4 мая 1990 г. в результате принятия Декларации о независимости все граждане Латвийской ССР превратились в граждан Латвийской Республики. Пробыть гражданами большинству русских Латвии удалось только полтора года.

Превращение русских из «граждан» в «неграждане» происходило неспешно. Надо было всех сначала зарегистрировать в Регистре населения и разделить на «чистых» и «нечистых», потом выдать новые гражданские и негражданские паспорта.

После принятия приснопамятного постановления и превращения меня в «негражданина» я даже оставался депутатом Рижского горсовета и полноценно выполнял свои обязанности вплоть до середины 1993 г. Рижский горсовет в это время трансформировали в Рижскую думу. В ее состав включили часть депутатов районных советов депутатов, поскольку в них у НФЛ было большинство. С помощью такой двухэтажной правовой конструкции блокировали деятельность русской оппозиции в горсовете.

Мы во фракции ЦДИ попытались противодействовать нововведениям, написали протестное письмо, отослали его в Верховный Совет Латвийской Республики, однако успеха не достигли. Нам ответили в духе известной русской поговорки: «Неча лезть со свиным рылом в калашный ряд».

Горсовет Даугавпилса за оппозиционность центральным властям вообще был разогнан, и для управления городом назначили наместника – Валдиса Лаускиса. Как мне рассказывали местные жители, был он из национал-коммунистов, человек малограмотный и нечистый на руку.

Оба юридических выверта НФЛ с местными органами власти никак не вписывались в Конституцию, но законность в Латвии после ее выхода из состава СССР больше никого не волновала.

161 тыс. неграждан изначально даже не вносились в Регистр жителей, им не выдавали новых паспортов, а ставили в советский паспорт круглую печать и пытались выдавить за пределы Латвии. На «круглопечатников» вела охоту миграционная полиция, ловила их на улице, врывалась в квартиры и принудительно выдворяла за пределы Латвии.

Слава Богу, появились люди, которые помогали попавшим в беду «круглопечатникам». Помощь в борьбе за легализацию им стал оказывать тот самый диссидент Владимир Богданов из Народного фронта. Он не отказался от советского гражданства вплоть до своей смерти в 2016 г. и был в этом абсолютно прав – в русском духовном мире СССР остался жить, несмотря на юридические увертки крючкотворов вроде Горбачева. Позже к В. Богданову присоединился Володя Бузаев и Татьяна Жданок, которые создали Центр по правам человека. Этот Центр действует до сих пор и помогает простым людям, попавшим в беду.

Среди «лишенцев» были демобилизованные военные и их семьи. Мои отец и мать также получили при записи в Регистре населения в паспорте круглый штамп. Это означало, что они должны были в ближайшем будущем выдворены с территории Латвии, а пока лишались доступа к услугам здравоохранения, социального обеспечения, ряда льгот. Куда родители могли уехать, если они сорок лет прожили в Латвии? Отец и мать мужественно вели битву за право на жизнь в Латвии в течение нескольких лет. Пенсия у них в это время из-за инфляции приблизилась к нулю, то есть власти их просто обокрали. Поскольку родителей принудительно лишили латвийского гражданства, они взяли гражданство России. Из-за моральных оскорблений и искусственно созданного бытового давления родители тяжело заболели и вскоре ушли из жизни в достаточно молодом возрасте.

Как я должен был относиться к тому, что моих родителей обокрали, лишили базовых гражданских прав, а потом довели до преждевременной смерти? Благодарить пришедших к власти *людей греха* за их преступные деяния?

Много русских не выдержали унижений и лишений, выпавших на их долю только по причине их «неправильного» этнического происхождения, и уехали из страны. Всего с 1989 по 2000 гг. численность нетитульного населения Латвии сократилась с миллиона трехсот тысяч до одного миллиона человек.

Из военного городка, в котором я жил в детстве, в Россию уехала моя первая любовь Наташка. Уехала одна, с маленьким ребенком – ее бросил муж-латыш, а родители скоропостижно скончались, как и мои. Татьяна Минаева потеряла работу, вышла замуж за еврея и уехала с ним в Израиль. Не выдержав атмосферы, создавшейся в Институте экономики, ушли из жизни Ю. Нетесин и В. Павук. В США уехали друзья семьи Одынцы. В. Мокроусов уехал к родственникам в Подмосковье. Каждый может назвать имена десятков близких ему людей, пострадавших только из-за того, что их угораздило родиться русскими.

В результате превращения основной массы русских в неграждан они были исключены из политического процесса. Для меня начался период жизни, когда на происходящее в обществе политические перемены пришлось смотреть со стороны. Суть же происходящих перемен была однозначна: правящая элита перешла от «красного» сразу к «бело-коричневому» проекту.

Лишение русских базовых человеческих прав в идеологическом плане обставлялось очень бедно. Русских объявили виновными в том, что они осуществили оккупацию Латвии в советский период и поэтому должны нести за это наказание вполть до времен полного исчезновения их рода. За то, что вы отрицали советскую оккупацию или подвергали критике теорию исключительности прав латышей на территории Латвии, вас могли подвергнуть жестокому уголовному наказанию. Все это очень походило на действие Святой инквизиции по подавлению инакомыслия – ереси.

Чиновничье иго

Сбор дани татарскими баскаками (илл.к Житию св. кн. Д. Донского)

Правящая национал-демократическая латышская элита легко освоила искусство разворовывания государственной собственности, но не смогла организовать эффективное производство, обеспечить рост материального благосостояния населения. За первые три года независимости объемы материального производства в республике упали ровно в два раза. Соответствующим образом снизилось материальное потребление простого люда. Неплохо жили только чиновники и предприниматели. При этом благосостояние чиновников во многом держалось на подношениях, которые делали им предприниматели: за разрешение на ведение тех или иных видов деятельности, за помощь в приватизации, за распределение государственных и муниципальных заказов. Латышские чиновники собирали дань как с русских, так и с простых латышей. С русских старались содрать побольше.

Например, во время приватизации государственной собственности был применен следующий жульнический прием. Всем жителям выдали приватизационные сертификаты по числу отработанных ими в республике лет. Однако гражданам выдавалось сертификатов много больше, чем негражданам. В результате такого порядка распределения сертификатов я, имея на тот момент производственный стаж в 25 лет, но будучи негражданином, получил сертификатов меньше, чем мой сын, которому

было только пять лет, но он был гражданином. Гражданство сын получил по моей жене, мать которой жила в Латвии до 1940 г.

А еще негражданам при назначении пенсии не учитывали стаж, заработанный за пределами Латвии, а еще им платили пособие по безработице в меньших размерах, чем гражданам. Способов материально ущемить русских было великое множество.

Все годы после установления власти национал-демократов шло вытеснение русских из аппарата государственного управления. Требования к знанию латышского языка становились все строже и строже, выгоняли высококвалифицированных специалистов и на их место набирали родственников, друзей, одноклассников. Вслед за собственно государственными служащими антирусские чистки распространились на государственные предприятия и учреждения. Наконец, процесс затронул высокодоходные интеллигентские профессии: адвокатов, нотариусов, судебных исполнителей, архитекторов, землемеров. Русские в их среде стали редким исключением.

Чиновничья гвардия пошла на тотальное разрушение всех крупных промышленных предприятий вроде ВЭФа, «Радиотехники», РАФа, «Альфы», РВЗ. Главной целью при этом было разрушение крупных трудовых коллективов наемных работников, которые могли оказать сопротивление процессу жульнической приватизации. Бывшие национал-коммунисты во власти хорошо помнили, какое давление на них оказывали совсем недавно организованные массы рабочих, как они отстаивали свои материальные интересы. Побочной целью было решение задачи построения этнически чистого общества. Предполагалось, что работающие на крупных предприятиях русские, потеряв работу, уедут из страны. Однако после закрытия крупных промышленных предприятий работы лишились и русские, и латыши.

Как процесс разрушения латвийской промышленности выглядел в лицах?

На ВЭФ директором латышские этнократы назначили инженера Петериса Лаускиса. Он выдвинулся на объединении на народофронтовских протестах, даже депутатом из-за этой активности стал в Рижском горсовете. На депутатском посту ничем не выделялся, даже ни

разу с трибуны не выступил – только послушно голосовал на сессиях, как указывало руководство фракции НФЛ. Видимо, за эту послушность он и заслужил пост директора ВЭФа. Через пару лет объединение было полностью разорено, его разделили на 14 маленьких фирм. Численность работников на предприятии сократилась в 50 раз.

Другой пример – «Радиотехника». На этом объединении директором работал уже упоминавшийся мною Владимир Мартинсон. Из-за преступной денежной реформы И. Годманиса, предприятие потеряло все оборотные средства, численность работников тоже пришлось значительно сократить. Однако профессиональный управленец В. Мартинсон сумел сохранить профиль производства и предприятие успешно работает до сих пор.

Илья Герчиков сохранил завод «Дзинтарс» и его трудовой коллектив, продолжал выпускать косметику вплоть до 2016 г. В этом году правительство задушило предприятие налогами и подвело под банкротство.

В результате закрытия крупных предприятий в Латвии установился чрезвычайно высокий уровень безработицы. Безработица носила преимущественно «русское» лицо. Приведу данные по итогам пятнадцати лет правления инициаторов «белого» проекта.

По данным специального обследования латвийского статистического бюро в 2004 г., из 91 тыс. безработных 47 тыс. (51,4%) составляли латыши, а 37,0 тыс. (40,8%) – русские, украинцы и белорусы. При этом удельный вес латышей в общей численности населения в этом году составлял 58,6%, а русских, украинцев и белорусов, в совокупности – 35,3%. То есть уровень безработицы среди латышей был на 7 процентных пунктов ниже, чем их удельный вес в общей численности населения, а у русского населения (в широком смысле этого слова) уровень безработицы был на 5 процентных пунктов выше, чем их удельный вес в составе населения. В более ранний период ситуация была еще хуже, но данные об этническом составе безработных тогда не публиковались.

Не все чиновничество имело возможность прямо выжимать деньги из предпринимателей и простого люда. Поэтому генералы «белой» гвардии старались подкормить своих солдат за счет бюджетных средств. В 2007 г.

средний заработок чиновника составлял более тысячи латов, тогда как минимальная заработная плата – только 120 латов, то есть была в восемь раз ниже. Чиновников на тот момент насчитывалось почти 55 тысяч человек, а с членами семей их было почти двести тысяч. Именно этот социальный слой и поддерживал сложившийся в стране этнократический режим.

В первые годы независимости, когда русских руководителей и специалистов массово увольняли из государственного аппарата и с закрываемых промышленных предприятий, они устремились в частный бизнес и стали предпринимателями. Численность русских предпринимателей первоначально превышала численность предпринимателей-латышей. Русские стали накапливать капиталы. Латыши предпочли тогда остаться работать в государственном аппарате.

В ходе развернувшейся приватизации государственного имущества бизнесмены–латыши получили поддержку от латышей–чиновников. Это позволило им быстро догнать и перегнать русских бизнесменов и по численности, и по размеру капитала. В последующие годы возникла этнически ориентированная государственная система поддержки частного бизнеса.

Задачу разрушения социальных структур наемных работников чиновничья гвардия достаточно быстро решила. Профсоюзное движение в республике охватывает сейчас только около 10% всех занятых, и распространено оно только среди госслужащих и на принадлежащих государству предприятиях. Хозяева мелких фирм не позволяют своим наемным работникам объединяться в профсоюзы. В силу этого члены профсоюзов в своем большинстве служащие латыши.

Надо отдать должное латвийскому профсоюзному руководству – оно сохранило в своем движении принципы интернационализма. Заслуга в этом принадлежала несменяемому руководителю латвийских профсоюзов Петерису Кригерису – моему старому знакомому по движению студенческих отрядов.

Волки-оборотни

Гравюра XIX века. «Волк, пожирающий женщину»

Главным инструментом давления на русских был «Закон о языке», принятый национал-коммунистами еще в 1989 г. Он требовал от всех занятых в народном хозяйстве знания латышского языка в совершенстве. Знания эти должны подтверждаться удостоверениями, которые выдавались специальными языковыми комиссиями на основании результатов экзаменов. Уровень знания языка и наличие удостоверений постоянно проверялись на предприятиях и в организациях языковыми инспекторами. Работников, не имеющих удостоверений о знании латышского языка или показавших его плохое знание, при проверке штрафовали, либо увольняли. Штрафовали и работодателей, которые не проявляли достаточной строгости при отборе людей на работу по языковому, а на деле – по этническому принципу. Занимались поисками жертв специально обученные языковые инспекторы. Они любили прикидываться клиентами и пыталась таким образом разузнать, кто в магазине или в офисе плохо знает латышский язык. По городу бродили целые стаи таких голодных волков-оборотней.

Помню, раз на мою фирму пришел старушка – по виду вроде недавно с глухого хутора приехавшая. А я один в офисе сидел и входную дверь

закрыть забыл – бандиты уже «наезжать» перестали, а про «наезды» языковой инквизиции я не думал, что это дело серьезное. Заходит эта визитерша ко мне в офис и про зерновой кофе подробно так расспрашивает на государственном языке. Мы в фирме кофе оптом торговали, но от жадности я решил его в офисе в розницу продавать. Я, думая, что невинная на вид старушка родом из налоговой инспекции, на корявом государственном языке объясняю, что мы не продаем здесь что-нибудь в розницу. Она не унимается и у меня удостоверение на знание латышского языка спрашивает – «аплиецибу». Тут я соображаю, что обмишурился, и старушка из языковой инспекции. А у меня этой самой «аплиецибы» отродясь не было, поскольку считал для себя неприемлемым кому-либо доказывать, что у меня в расовом отношении все в порядке. Цена расового вопроса для первого раза была 50 латов штрафа.

Я тогда говорю представительнице языковой инспекции на чистом русском языке словами Остапа Бендера: «*Скажите, кундзе, а пакет кофе в зернах за 12 латов не могут спасти гиганта мысли и отца демократии?*» Про гиганта мысли моя собеседница по малообразованности не очень поняла, но про пакет кофе сообразила и тут же промолвила, тоже на чистом русском: «*Ну, если это от чистой души, а не как взятка…*» «*Конечно, от чистой души! Исключительно как помощь бедным детям*», – отвечаю я уже на государственном языке и сую ей в руки большой пакет.

Инспекторша, получив пакет кофе, тотчас спрятала его в подозрительно большую хозяйственную сумку, которая была при ней и, повернувшись ко мне спиной, гордо прошествовала к выходу. Процесс передачи пакета с кофе незваной гостье проходил в присутствии моей секретарши Лены, вернувшейся с обеда.

Старушка из языковой инспекции распробовала вкус хорошего итальянского кофе и пришла к нам в офис ровно месяц спустя. Видимо, решила «крышевать» нас в вопросах государственного языка. Когда старушка зашла ко мне в кабинет и нагло заявила, что ей нужен еще один пакет кофе, я попросил у нее удостоверение, вызвал секретаршу и задал ей, нарочито расставляя смысловые ударения на словах, вопрос: «*Лена, помните, как мы с вами месяц назад жалобу в государственную полицию писали про рэкет со стороны языковой инспекции и не знали фамилии вымогательницы*?» «*Отлично помню*», – отвечает моя Лена, зная, что я в

таком тоне говорю, когда какие-либо хохмы устраиваю. «*Так, пишите на государственном языке, которым я плохо владею, что сегодня случай рэкета повторился, и кундзе инспектор вновь вымогала пакет кофе стоимостью 12 латов. Ее фамилия имярек*», – продолжаю я играть спектакль и передаю Лене удостоверение инспекторши.

Лена кивает головой, уходит в приемную и начинает что-то там шлепать на электрической печатной машинке – компьютеры тогда были в новинку.

У старушки с хутора был достаточно трезвый подход к делу. Она безразмерную хозяйственную сумку на плечо накинула, свое удостоверение у Лены из-под носа выхватила и из офиса без скандала ушла. Больше мы ее никогда не видели. Другие инспекторши к нам тоже не заглядывали. Видимо, по сарафанному радио внутри языковой инспекции пошла весть о том, что в нашем офисе засели удивительные свиньи, которые не хотят делиться своими доходами, да еще и жалобы пишут на государственном языке в государственную полицию.

Ладно, я случай со старушкой-мздоимкой вспоминаю с юмором, а сколько людей было реально оштрафовано на большие суммы и лишилось работы! Ведь не все языковые инспекторы ходили по фирмам рэкетирами – были и те, кто штрафовал русских из принципа. Как верно сказал один национально озабоченный депутат Сейма: «*Нам не надо, чтобы вы знали латышский язык. Нам надо, чтобы вы знали свое место*».

Составной частью этнической политики латышских национал-демократов было уничтожение русских социальных институтов и маргинализация русской интеллигенции.

В Латвии из государственных учебных заведений выгоняли русских преподавателей, из государственных учреждений теле- и радиовещания – русских редакторов и журналистов, из учреждений культуры – русских библиотекарей, музейных работников, руководителей творческих коллективов.

Мы стали жить в театре абсурда. Русские родители платили налоги, из этих налогов финансировалось высшее, среднее специальное и профессиональное образование, но русские дети не могли получить образование на родном языке. Русские родители были вынуждены платить дополнительные средства за обучение детей в частных вузах на русском языке. В нормальных странах это называется культурный геноцид, в

Латвии это назвалось заботой о конкурентоспособности русских детей. Мол, дети инородцев должны знать государственный язык для того, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда. Однако русских в государственный аппарат и на государственные предприятия не брали не из-за плохого знания латышского языка, а из-за их этнического происхождения, ведь это была «латышская Латвия».

Из государственных библиотек в рассматриваемый период начинают массово изымать и уничтожать книги на русском языке. Раз я собирал в Республиканской библиотеке материалы для своей очередной книги. Сижу недалеко от стола дежурного библиотекаря и вдруг слышу, как молодой русский парень, по внешнему виду студент, спрашивает у дежурной, как найти книгу И. Тургенева «Записки охотника». Слышу вполне доброжелательный ответ библиотекаря на государственном языке: «*А у нас нет этой книги. Один экземпляр есть в Рижской центральной библиотеке. Можете там на месте почитать*». «*Да, дожили*! – думаю. – *Один экземпляр «Записок охотника» в государственной библиотечной сети на один миллион русских читателей*».

Русские книжные фонды были изъяты и уничтожены не только в государственных библиотеках. Закрыли многочисленные библиотеки крупных промышленных предприятий и их фонды выбросили на помойку – сбором макулатуры больше никто уже не интересовался. Мне звонили знакомые директора предприятий и слезно умоляли забрать хоть сколько-то томов русской и советской классики, которые им негде было больше хранить. Забрал несколько сотен книг классики – большего количества дома негде было разместить.

Музеи в описываемое время спешно избавлялись от артефактов, которые свидетельствовали о том, что русские испокон веков жили на территории Прибалтики. Помню, как сам в юности посещал Музей истории г. Риги и мореходства, с большим интересом разглядывал экспозиции, посвященные пребыванию Петра Первого в Риге, революционному движению (выставлялись пистолеты и самодельные бомбы латышских революционеров), достижениям народного хозяйства советского периода. Потом ходил в середине 90-х в этот же музей с дочкой и обнаружил, что, оказывается, территория нынешней Латвии не входила 200 лет в состав Российской империи и 50 лет в состав СССР, что не было «красного»

латышского проекта. Люди, жившие на этой территории, видимо, через волшебный портал времени переместились из Курляндского герцогства сразу во Вторую Латвийскую республику, а потом опять совершили скачок через пятьдесят лет и оказались в современной Латвии.

Аналогичную трансформацию я наблюдал и с экспозицией Музея красных латышских стрелков. Все экспонаты из этого музея, свидетельствующие о латышском «красном» проекте, были изъяты и, по моим сведениям, уничтожены. На освободившихся площадях поместили материалы, которые рассказывают о немецкой и «советской» оккупации. Конечно, «советская» оккупация в этом музее выглядит много страшнее, чем немецкая. Саласпилсский концлагерь был по мнению авторов экспозиции вовсе не лагерем смерти, а лагерем труда и отдыха. И так далее.

Подводя итоги, отмечу, что беззаконие в Латвии в тот период совершалось под эгидой партии «Латвияс цельш» и ее руководство несет полную ответственность за все происшедшее. Записным русофобом оказались бывшие национал-коммунисты Анатолий Горбунов, Гунтис Ульманис и целый ряд других известных мне лично людей.

Такого рода резкая смена внешнего облика и поведения человека хорошо известна в народной мифологии. У всех народов таких людей называют оборотнями. Сегодня он человек, а завтра – кровожадный волк. Превращение человека в зверя происходит в мифах обычно магическим путем, когда он говорит заклинание и «ударяется о землю». Волшебное заклинание в современной обработке звучало следующим образом: «Латвия была оккупирована русскими. Поэтому их потомков надо лишить всех прав. Латвию – латышам». «Ударение о землю» заключалось в принесении символической жертвы цветами нацистам, воевавшим в рядах латышских легионов войск Ваффен СС.

Народ по простоте своей считал, что оборотни – это вероотступники, душа которых «проказит поневоле». Тут с народной мифологией не соглашусь: национал-коммунисты очень даже сознательно обернулись в волков и прочих кровожадных животных.

Дикий капитализм

Гендрик Пот. «Колесница Флоры»

Пришедшие к власти национал-демократы первое время сосредоточились на возврате имущества довоенным собственникам и кормились от взяток при принятии решений в пользу того или иного заявителя. Позже началась приватизация мелких объектов государственной и муниципальной собственности, которая позволяла чиновникам кормиться так же сытно. В этот период принципиальных различий между русскими и латышскими предпринимателями чиновники особо не делали. Главное, надо было вовремя принести им запрошенную мзду.

Основная масса активных русских людей, которые не могли рассчитывать на наследство в виде доходного дома, большого участка земли в сельской местности или делянки строевого леса, ринулась в мелкий бизнес. Этот бизнес был основан на напряженном личном труде и сопровождался серьезными рисками. Кто только не становился предпринимателем.

Моя хорошая знакомая Вика Соколова, по мужу Пориня, работала референтом в Совмине и заочно училась в аспирантуре Ленинградского университета – исследовала язык корабейников – феню. Она была натуральной блондинкой, красива лицом, обладала точеной фигурой и удивительно длинными ногами. Своего мужа – министерского работника,

Вика бросила за то, что он стал запрещать дома разговаривать с ребенком на русском языке и ругался, когда она ходила петь в хор при церкви св. Александра Невского. Это был своеобразный акт *удержания* права на родной язык и родную культуру. Потом Вику выгнали с работы, хотя она в совершенстве знала латышский язык – была не того этнического происхождения. В силу этих двух обстоятельств она вынуждена была стать коробейницей или, иначе, офеней. Соколова ездила в Польшу и продавала там произведенные в Резекне электродрели и перфораторы. В двух сумках она умудрялась упаковать двадцать единиц этих, крайне тяжелых строительных инструментов. Я с трудом смог поднять только одну такую сумку, когда Вика однажды попросила поднести ей товар к рейсовому автобусу. В польской столице у нее резекненскую продукцию забирали прямо на автовокзале какие-то местные мужики и расплачивались злотыми. На вырученные за электроинструмент деньги Соколова закупала где-то на оптовой базе в пригороде Варшавы женскую обувь и везла ее в Ригу. Когда я встречал оборотистую офеню на рижском автовокзале, то тоже еле поднял одну сумку с этим деликатным товаром, а таких сумок было четыре. Привезенную обувь Вика распихала по комиссионным магазинам.

Когда моя знакомая таскала свои неподьемные сумки, она весело напевала песню на слова Н.Некрасова «Ой, полна, полна моя коробушка» и время от времени повторяла, как заклинание, пословицу на фене: «*Кчон не мастырит, тот не бряет*». В переводе на современный русский язык это значило: «*Кто не работает - тот не ест*».

В следующий раз Соколова попросила съездить с ней на рынок Гарюнай под Вильнюсом, где она собралась продать в розницу, приобретенные оптом на заводе «Аусма» резиновые коврики для салонов автомашин. Однако узнать сколько весит упаковка резиновых ковриков мне не довелось. В Ригу неожиданно приехал американец по имени Сэм, с которым моя офеня случайно познакомилась на автовакзале в Варшаве. Сэм был много старше, чем Вика, страшен, как дьявол, без волос на голове, но богат как Крез и очень деловит. Он в течение недели развел Вику с мужем, женился на ней и увез с дочкой прочь из Латвии. Дальше я след Соколовой потерял, поскольку их семья жила на крейсерской яхте и все время путешествовала из одного порта в другой. Ветер Фортуны мог надувать паруса не только деревянной тележки, сооруженной для девочки Элли одноногим дядюшкой Чарли, но и паруса крейсерской яхты,

приобретенной для Вики лысым дядюшкой Сэмом. Знаю только наверняка, что дочка Вики сохранила и русский язык и русскую культуру.

Усилиями таких корабейников, как Вика в рижских магзинах в продаже появлялись сладкие немецкие ликеры неестественно яркого цвета, спирт «Рояль», растворимый индийский кофе, китайские пуховики, американские платья с распродаж и множество других нужных, не очень нужных и совсем не нужных товаров.

На вырученные от продажи импортного ширпотреба деньги предприниматели открывали собственные торговые киоски. Один, два, пять, десять. Нанимали в киоски продавцов и превращались в мелких капиталистов. Наиболее удачливые приватизировали помещения бывших советских магазинов и общепитовских точек. Делать это иногда приходилось по нескольку раз.

Мне, например, пришлось иметь дело с председателем самоуправления Видземского предместья Андрейсом Ручсом. Он позволил приватизировать одной из моих фирм офисные помещения, получил в бюджет самоуправления выкупной платеж, выдал о переходе помещения в частную собственность официальное свидетельство. Взятку я ему не носил – оформлял приватизацию через юриста - бывшего «красного» латыша.

Проходит пара лет, и мне приходит письмо из Рижской думы, что ручевская приватизация была незаконной, а потому предлагают приватизировать помещения заново. А-а-а! Оказалось, что председатель все деньги от приватизации в самоуправлении присвоил себе. А. Ручса арестовали, но вскоре выпустили. Выяснилось, что он присвоенными деньгами делился с вышестоящим начальством и то не хотело огласки материалов, возбужденного было уголовного дела. Пришлось мне приватизировать офисные помещения по второму разу. Во второй раз взятку в самоуправление тоже не носил. Подумал, что опять могут признать приватизацию незаконной – чего зря деньги тратить.

Многие предприниматели из полученной выручки приобретали драгоценности для своих женщин, ездили по шесть раз в год на Канары или в Турцию. Начинали строить особняки площадью под 1000 кв. метров. Разорялись из-за того, то проедали и пропивали только что сколоченный капитал. Начинали все заново. Словом, в республике расцвел дикий

капитализм, царствовавший в Европе в XVIII веке, со всеми его неприглядными атрибутами.

Те люди, которые не шли в бизнес, оказывались в роли наемных работников – торговали в киосках, служили официантами, охранниками. Многие инженеры, конструкторы, врачи, ученые вынуждены были пойти торговать на базар. В новом обществе, управляемом взяточниками и жуликами, их высококвалифицированный труд был никому не нужен. Крупные предприятия в республике закрывались одно за другим, был очень высокий уровень безработицы.

Консультирование руководства крупных промышленных предприятий вскоре стало никому не нужным, поскольку эти предприятия разорялись одно за другим. Из исследовательских институтов всех русских выгнали, из государственных вузов тоже. Небольшой капитал у меня уже был, и я решил, как и все, заняться торговлей. Стал закупать оптом продовольственные товары и отдавать их потом на реализацию по киоскам, мелким магазинчикам, кафе и ресторанам.

Со временем вышел на зарубежных поставщиков, поскольку разбирался в системе международных торговых связей и знал английский язык. Торговал кофе, пряностями, сырьем для пищевой промышленности. Открыл фирму, набрал в нее несколько человек. Постепенно нарастил капитал. Бизнес был достаточно простой, но позволял неплохо кормиться.

Мало кто знает, например, что на приготовление чашки кофе нужно всего 9 граммов молотого кофе. При оптовой покупке кофейных зерен эта порция стоит всего 6 центов. А чашка кофе сейчас продается минимум по 120 центов. «Подъем», что называется, в 20 раз. Конечно, надо еще купить кофейный аппарат, снять помещения, выплатить зарплату бармену, уплатить налоги. Но прирост цены к стоимости главного сырьевого материала все равно оставался очень приличным.

Другой пример. Разница между стоимостью упаковки молотого перца в магазине и таким же количеством молотого перца, приобретенным на оптовой торговой базе в Голландии, составляет более чем 10 раз. На этой разнице есть возможность неплохо заработать вполне законным путем.

Заработав денег, я вошел вместе со знакомыми в капитал рыбоперерабатывающего завода «Коралл плюс». Завод производил шпроты и другие рыбные консервы, и мы отправляли всю эту продукцию

по бывшим советским республикам. Дела шли в целом очень неплохо, пока в 1998 г. в России не случился экономический кризис. Из-за кризиса мы потеряли основной рынок сбыта нашей продукции.

Наряду с рыбопереработчиками рынок сбыта потеряли и другие предприятия пищевой промышленности республики. Надо было искать другие сферы приложения своей предпринимательской активности. Обычное дело в условиях «дикого» капитализма.

Новоявленные предприниматели, по моим наблюдениям, были все люди большой энергии, волевые, неплохие организаторы. Со знаниями у них, конечно, все обстояло не так благополучно, но они старательно учились. Причем не на каких-то курсах, а в ходе «терок» – коллективного обсуждения текущих производственных ситуаций, взаимоотношений с банками, таможней, налоговой и другими государственными инспекциями.

Мои попытки организовать какие-либо курсы повышения предпринимательского мастерства результатов не принесли. Ответ на предложение прийти на лекцию или семинар, даже бесплатные, обычно был таким: *«Чему вы там можете научить?»* В плане оперативной деятельности, конечно, этих людей научить чему-либо было трудно. А фундаментальные знания им были тогда не нужны.

К концу 90-х молодой предпринимательский класс уже почувствовал недостаток знаний и массово потянулся к высшему управленческому, экономическому, финансовому, юридическому образованию. Я стал сталкиваться с директорами фирм в Балтийском русском институте. Предприниматели учились истово, старались получить фундаментальные знания, которые можно было использовать потом в работе. Тут возникла проблема с преподавателями, которые знали теорию, но не имели собственного опыта предпринимательской деятельности.

В целом новый класс мало интересовался общественной и политической жизнью. Он привык решать все возникавшие вопросы с помощью подношений чиновникам. Длительное время этот подход давал неплохие результаты. В силу этого предприниматели не принимали участия в работе политических партий, разве что приходили на предвыборные встречи с кандидатами в депутаты.

Бандиты с большой дороги

Питер Брейгель-старший. «Мизантроп»

В розничной торговле, с которой мне приходилось работать, постоянно крутились бандиты, которые требовали платить им деньги за так называемую «крышу», то есть за то, что они не взрывали вашу машину и не сжигали принадлежавшие вам киоски. Приезжали пару раз бандиты и ко мне в офис.

Раз дело было так. Сижу за столом, веду переговоры по телефону с итальянским партнером на предмет поставки большой партии кофе. Разговор идет на английском. Тут в офис врываются три мордоворота, явно бывшие спортсмены с отбитой головой, и один, грубо прерывая мою деловую беседу по телефону, спрашивают громким таким голосом: «*Ты под кем ходишь*?» В переводе на русский язык это означало: «Ты кому деньги платишь за обеспечение безопасности?» Я перед итальянским партнером извиняюсь, трубку на телефонный аппарат кладу и отвечаю, не задумываясь: «*Под Виктором Федоровичем Бугаем – начальником полиции Риги*». «*Врешь!* – рявкает главный мордоворот. – *Нам платить будешь – триста долларов в месяц*». «*На, видишь у меня удостоверение депутата Рижского горсовета*, – отвечаю ему. – *Я член президиума*

Рижского горсовета. Сейчас позвоню Виктору Федоровичу, и он тебе расскажет, кто кому платить должен!»

Достаю телефонную книжку с гербом горсовета и спокойно листаю ее страницы в поисках телефона начальника рижской полиции. Главный мордоворот дает задний ход. «*Ладно-ладно, не звони. Я пробью поляну насчет Бугая и потом вернусь*», – говорит громила уже примирительным тоном. А потом боком-боком и как бы даже извиняясь все три спортсмена из офиса выскальзывают на улицу.

Да простит меня Виктор Федорович! Он никого никогда не крышевал, а честно боролся с бандитизмом в городе и боролся достаточно успешно. Вот эта его принципиальная позиция и защитила меня от бандитского наезда в тот раз.

В другой раз дело было посерьезнее. Ко мне в офис заходит явный уголовник и тоже требует дань ему платить. Те же 300 долларов. Такса была такая стандартная, что ли? Как я потом выяснил, у бандита была кличка Мясник, поскольку он раньше на Центральном базаре свиные туши топором рубил на части. А я уже депутатом не был, да с таким и разговор про мифическую полицейскую крышу не прошел бы. Договорился, чтобы он приходил через три дня, пока я наличных денег достану.

Поискал за выторгованное у бандита время связи в полиции. Нашел. Переговорил с высокопоставленным полицейским офицером. Тот выслушал мой рассказ и заключил: «*Мы его арестуем, как только он реальный ущерб твоему здоровью или твоему имуществу нанесет, а по одному заявлению об угрозе сделать ничего не можем*».

Ожидать реального ущерба здоровью или имуществу я не стал и попросил полицейского офицера дать мне вооруженного бойца для охраны. Он порекомендовал обратиться к двум своим оперативникам, и те в свободное от работы время по очереди всюду со мной на автомашине ездили. За эту услугу я, конечно, платил. Немного, кстати, выходило – те же 300 долларов в месяц. Но на душе было намного спокойнее, чем если бы платить их надо было Мяснику. Оперативники были очень приличными ребятами, а с одним из них, Костей, я даже подружился.

Потом я купил пятнадцатизарядный итальянский пистолет Beretta 92 и походил с ним в тир подтянуть свое мастерство в стрелковом искусстве. В армии я стрелял неплохо, но потом долго не тренировался. Пистолет я

засунул сзади за брючный ремень и прикрыл его пиджаком что твой Брюс Уиллис из увиденного мною недавно фильма «Крепкий орешек».

Пока дежурили полицейские, Мясник не появлялся. Спустя неделю после моего отказа от охраны он объявился в офисе – видимо, кто-то из его подручных следил за мной. За поясом у Мясника на видном месте торчал старенький пистолет ТТ, взятый, как можно было понять, для моего устрашения. Убивать бизнесменов, которые не платили за «крышу», тогда не было принято, но поставить синяк под глаз парализованному страхом человеку вполне могли.

Когда Мясник начал кричать по поводу моего обращения в полицию и требовать обещанные ему деньги, я молча достал свою «беретту», передернул затвор и направил ствол прямо на бандита. «*Давай посчитаем, у кого в магазине патронов больше!*» – говорю. Сказано это было таким тоном, что Мясник понял, что я, не раздумывая, в него выстрелю, если он дернется. Я действительно намеревался прострелить ему ногу, если бы он потянулся за своим ТТ. У меня даже было заранее написано заявление в полицию, что пистолет я нашел на улице и собрался сдать его властям. Так меня мой друг Костя из полиции подучил сделать, когда я с ним за дежурство расплачивался. Мол, шел по улице, нашел пистолет, хотел отдать в полицию, зашел в офис пописать, а тут бандит напал. Пальнул сдуру в потолок, но попал ему в ногу. Даже и не знал, что найденный пистолет заряжен.

Видя мою брюсуиллисовскую решимость, Мясник отступил, как-то весь сник и стал просить у меня взаймы 50 долларов, поскольку у него нет денег на еду. 50 долларов я ему тоже не дал.

Спустя полгода Костя рассказал, что Мясника посадили за совершенно глупую кражу из магазина, где он под носом у продавщицы тем самым ТТ размахивал, требуя дать ему ящик водки. Потом он напился украденной водкой, уснул в ста метрах от места разбойного нападения и был задержан полицией. Суд оправдал Мясника, но вскоре его пристрелили свои же бандиты за беспредел, то есть за бессмысленно злобное поведение. «Беретту» после известия о смерти Мясника я продал, ведь неграждане не имели права на оружие.

Алчность власть имущих

Иероним Босх. «Алчность»

Однако главными бандитами были в то время не бывшие спортсмены и мясники, а национал-демократы во власти. Расскажу в связи с этим еще об одной, пусть заочной, встрече с И. Годманисом.

Моя хорошая знакомая Людмила работала в банке «Олимпия» на достаточно высокой должности. Для одной выгодной торговой сделки мне срочно нужна была крупная сумма денег. Залога для банка под кредит у меня, конечно, не было. Я попросил Людмилу подсказать, где можно занять приличную сумму на пару месяцев под хорошие проценты. Она долго отнекивалась, а потом согласилась познакомить меня для этих целей с президентом банка Львом Кремером. Только предупредила, что тип он очень мутный и с ним ухо надо держать востро.

Л. Кремер действительно вид имел мутный, но был человеком деловым и, узнав о характере моей сделки, сказал, что готов дать мне без залога кредит в полмиллиона долларов из средств государственного фонда G-24. Только условием была передача лично ему из полученных средств половину обратно наличными. Вторую половину денег я мог пустить в оборот и вернуть весь кредит через три года. Вся эта афера оформлялась простеньким бизнес-планом для прикрытия.

В принципе это было выгодное предложение, поскольку прибыли на торговый капитал в те времена были бешеными. Однако дело было рисковое с точки зрения закона и процент «отката» был уж очень большой. Я начал жаловаться Леве на то, что отдавать половину полученной суммы это много, и стал уточнять, кто же эту сделку «прикрывает», если можно получить кредит без залога. Мой собеседник возмущенно ответил, что большую часть полученных от меня наличных денег ему надо отдать тому, кто подписывает разрешение на выделение кредита. Право подписи имел по кредитам G-24 только премьер Ивар Годманис.

Мама в детстве учила меня, что воровать нехорошо, и я от кредита, который предлагал Лев Кремер, отказался. Хорошо сделал, между прочим. Спустя пару лет Льва пристрелили. Видимо, не донес долю тому, кому обещал, за получение подписи под разрешением на выдачу кредита.

О криминальных ситуациях, с которыми мне приходилось сталкиваться в период расцвета «дикого» капитализма в Латвии, можно рассказывать бесконечно. Упомяну здесь еще только один случай.

Получив формально независимость в декабре 1991 г., Латвия еще долго поддерживала тесные торговые связи со всеми другими союзными республиками. Осуществлять межреспубликанскую торговлю позволяли советские рубли. На территории республики они были в обращении до мая 1992 г. Потом советские рубли стали обменивать на латвийские рубли. Их в народе прозвали «репшиками», по имени председателя Госбанка Эйнара Репше, ставившего свою подпись на новых денежных знаках. Обмен российских рублей на «репшики» проходил с большой помпой, поскольку это было свидетельством перехода к более высокому уровню суверенизации республики.

Изъятые из обращения советские рубли латвийские власти должны были вернуть Госбанку России, который стал правопреемником Госбанка СССР. Однако премьер Латвии И. Годманис придумал следующую аферу. Собранные российские рубли сдавались в Госбанк России только в небольшой части. Вторая, большая их часть, ввозилась в Россию неофициально, и продавалась там за валюту коммерческим банкам со значительной скидкой к существующему курсу. Контакты между латвийским премьером и российскими коммерческими банками, как

можно было предположить, осуществляли ребята, организационно помогавшие Ивару защитить диссертацию по физике в Академии наук.

Операцией по сбору российских рублей в Латвии руководил некий Александр. Он снял в Задвинье огороженную высоким и крепким забором базу, поставил охранять ее вооруженную автоматами охрану и завозил туда собранные из всех банков на территории республики российские рубли. С этого склада мешки с рублями на самолетах вывозились в Россию и сдавались там доверенным лицам для развозки по тамошним коммерческим банкам.

В этой афере участвовал только круг особо близких к премьеру людей. Одним из них был Эйнарс Репше. В советский период он сделал стремительную карьеру: поднялся от мало кому известного диссидента до депутата Верховного Совета Латвийской ССР, а затем председателя Госбанка. В аппарате ЦК в свое время поговаривали, что Эйнарс часто заглядывал в дом на углу ул. В. Ленина и Ф. Энгельса, в котором начальником был С. Зукулс. Впрочем, что не скажут злые языки.

Прибыль от торговли российскими рублями была столь велика, что ее учуяли непосвященные члены властной латвийской элиты и стали поднимать в парламенте вопрос о правомерности этих сделок. По этой причине вышеупомянутый Александр получил сверху команду как можно скорее избавиться от нигде не учтенных наличных российских рублей. А их было, как рассказывали знакомые мне охранники, около 6 миллиардов. Самолетом вывести такие объемы денежных знаков было невозможно. Поэтому их загрузили в специально заказанный железнодорожный вагон, посадили в него вооруженных пистолетами охранников и повезли в Россию.

В Резекне вагон неожиданно отцепили от состава и загнали в тупик. После этого к вагону подступились земессарги с карабинами и попробовали отобрать ценный груз – якобы в интересах латышского народа. Охранники, а они были из МВД, просто так отдавать охраняемые ими мешки с деньгами не хотели. Одному из них удалось дозвониться до Риги и сообщить о попытке ограбления вагона земессаргами начальству.

Приехал большой милицейский генерал и показал бумагу, подписанную самим И. Годманисом о законности перемещения этого

ценного груза через границу. Против распоряжения премьера земессарги «бычиться» не стали. Вагон, полный советских денежных купюр, прицепили обратно к составу и отправили в Москву, а там благополучно передали в руки ожидавших его российских банкиров. В деле участвовали настолько высокие правительственные чины и работники спецслужб, что досмотра вагона на российской границе не было.

От проведенной премьером и руководителем Госбанка аферы пострадали не только простые граждане и неграждане, но и большинство латвийских предприятий. Выручка от поставленных ими в Россию товаров была принудительно номинирована в дешевых «репшиках», а это означало, что все экспортно ориентированные предприятия одномоментно лишились большей части своих оборотных средств. Как говорил весьма уважаемый мною с детства русский ученый Михайло Ломоносов: «*Если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого*». В данном случае количество денег поубавилось у простых латвийцев, независимо от их этнического происхождения, и прибавилось в карманах чиновников во главе с И. Годманисом.

Наплыв советских рублей из бывших союзных республик оказался тогда настолько велик, что власти России были вынуждены провести в августе 1993 г. свою собственную денежную реформу – выпустили российские рубли. Кормушка для высокопоставленных аферистов из бывших советских республик закрылась. Однако ее место заняли десятки другихк, ведь исполнительные власти в новых национальных республиках были полностью бесконтрольны – парламенты существовали только для прикрытия процессов разграбления общенародной собственности.

Русская духовная жизнь 90-х гг.

Юлиус Карольсфельд. «Иллюстрация к Ветхому Завету»

Уничтожение властями институтов, воспроизводящих русскую культуру, отчасти компенсировалось развитием русских самодеятельных хоров, театров, танцевальных ансамблей, библиотек, кружков. Они возникли практически во всех городах республики.

Активисты организовывали концерты, проводили празднование Масленицы, Святок, Татьянина дня, других праздников. Наиболее активными среди русских культурно–просветительских организаций были те, которые действовали в составе русских общин Риги, Лиепаи, Вентспилса, Резекне, Даугавпилса, Екабпилса, Елгавы, Лудзы.

Передо мной лежат сильно выцветшие номера еженедельной газеты «Русское слово» за 1998 г. На страницах этой газеты рассказы об истории русских в Латвии, сведения из жизни общин православных и староверов, материалы дискуссий о судьбе русской нации, объявления о лекциях, концертах, театральных представлениях.

В одной газете нашел список действовавших при Русской партии общественных организаций: Балто-славянское общество во главе с Виктором Поповым, культурное общество «Илья», руководимое Евгением Шумковым, театральное общество «Артмост» во главе с Владимиром Рыбаковым, частный вуз Институт социальных технологии, который

представляла Наталья Дергунова, русский фольклорный ансамбль «Кривичи» под руководством Владимира Березина, Латвийская ассоциация русских художников во главе с Виталием Ермолаевым и множество других.

Ряд русских общественных организаций действовал при партии «Равноправие» или самостоятельно, например, Русская община Латвии, которую возглавлял сначала Гарольд Астахов, а потом Вячеслав Алтухов, Общество К. Барона, руководимое Маргаритой Туной. Большую просветительскую работу вело Пушкинское общество во главе со Светланой Видякиной и Леонидом Ленцем.

В республике действовало также несколько белорусских и украинских народных коллективов. Все рассматривали их как коллективы, представлявшие русскую культуру наряду с великорусскими коллективами. «Свидомых» украинцев и белорусов в республике тогда не было.

Все активисты поддерживали русские традиции и обряды, воспроизводили культуру на свой страх и риск, за свои личные, прямо скажем, небольшие средства. Благодаря колоссальным усилиям всех этих людей и выкристаллизовывалась Русская община Латвии.

Свою незаметную, но важную работу вело достаточно большое количество самодеятельных русских интеллигентов. Из художников я поддерживал связь с Николаем Уваровым. Он был профессионалом высокого уровня, воспитывал молодежь. Многим он запомнился по ядовитым карикатурам, которые печатались в газетах. Серия назывались «дебилки», и в ней высмеивались постсоветская бюрократия и люди, которые шли за ней, увлеченные идеей жить в обществе, где продается двадцать четыре сорта колбасы. Однако Уваров писал и серьезные картины. У меня, например, хранится несколько его картин, объединенных общим названием «Старая Маскачка». Это изображение старых домов в начале Московской улицы. Среди этих домов прошла моя жизнь и жизнь многих русских рижан.

В описываемые времена я познакомился и стал общаться с Олегом Пухляком, Игорем Гусевым, которые писали книги об истории русских в Латвии. Профессор историк Александр Валентинович Гаврилин собирал и

распространял сведения об истории православия в Латвии, Арнольд Подмазов, Илларион Иванов – об истории староверов. Филолог Борис Федорович Инфантьев работал над темой истории русско-латышских культурных связей. Анатолий Ракитянский составлял библиографию книг на русском языке, изданных в Латвии. Историки Александр Гурин, Татьяна Фейгмане также писали об истории русских в республике. Все эти русские писатели много публиковались в периодической прессе.

В условиях этнического давления возродилась тяга русских людей к своей традиционной вере. По данным центрального статистического бюро, в 2008 г. в Латвии насчитывалось 119 тыс. православных и 69 тыс. староверов. В праздники храмы посещало в два–три раза больше людей, чем показывала статистика. Власти страны официально придерживались протестантства и католичества, и потому православные и староверы не имели возможности получить, как другие конфессии, выходные на Рождество и Великую пятницу.

Поскольку больших художественных талантов у меня не было, свой вклад в русскую культурную жизнь я пытался внести посредством проведения организационных мероприятий.

В 90-е годы в республике кто-то стали массово распространять изданные на Западе Библии. Хотя я тогда не был особо верующим, но посмотреть их содержание удосужился и выяснил, что текст сильно отличается от православного канонического. В этом был какой-то подвох, но какой, сообразить я не мог. Обратился к знакомому староверу Петру. Тот стал разъяснять тонкости в толковании Библии староверами и нововерами – никонианцами. Чем грозит западная трактовка библейских текстов, он не знал, но сказал, что оттуда исходит подрыв основ русской духовной жизни. Это мне было и так понятно, и я не удовлетворился объяснением. Знакомый свел меня тогда с протоиереем Иоанном Миролюбовым, возглавлявшим Гребенщиковскую старообрядческую общину. Он проводить со мной богословские дискуссии не стал, а просто сказал, что надо ориентироваться только на канонические тексты, и попросил организовать издание и распространение «Библии в иллюстрациях». Канонический текст он мне дал. Дело было мне уже знакомое.

Я за свой счет издал книгу in folio, то есть самого большого формата. Она была снабжена иллюстрациями гениального художника Юлиуса Карольсфельда. Это было первое издание в Риге иллюстрированной

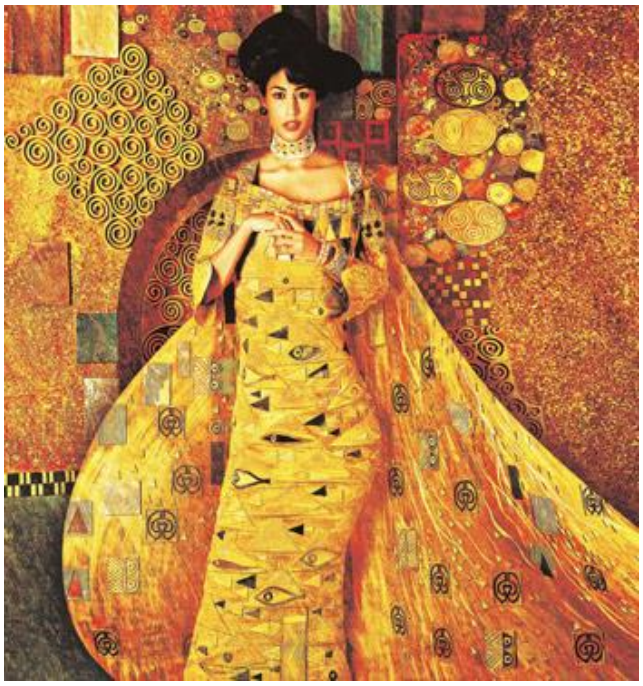
Библии на русском языке в постсоветское время. Маршу двигавшихся с Запада протестантских текстов богомерзкого содержания был поставлен небольшой барьер. Один экземпляр этой книги до сих пор хранится у меня в личной библиотеке.

Внутри Гребенщиковской общины вскоре начался конфликт, И. Миролюбов вынужден был оставить пост наставника и уехать в Россию. Там он сейчас возглавляет комиссию по старообрядчеству Московского патриархата, старается объединить никонианцев и староверов.

После ряда бесед с И. Миролюбовым я пришел к убеждению, что староверие и есть настоящая русская вера. Только она была модернизирована при царе Алексее Михайловиче патриархом Никоном под потребности адаптации казаков присоединенной в 1654 г. к Московскому царству Окраины. Петр I продолжил эту духовную модернизацию насильственными методами и сильно повредил русскую составляющую в православии. Теперь надо было эту компоненту восстанавливать, но ни священники никонианской православной церкви, на наставники староверов каких-либо перемен не хотели.

Латвийские власти оказывали сильное давление на издаваемые в республике на русском языке газеты, пытались их закрыть, но это им не удалось. Наиболее популярной среди читателей была газета «Советская молодежь», которая после 1990 г. стала именоваться «СМ». Коллектив газеты продолжал возглавлять Александр Сергеевич Блинов. Это был талантливый редактор, который долгие годы сохранял издание в нелегкой экономической ситуации тех лет. Газета имела свой, русский, взгляд на все происходящее в республике и поэтому пользовалась большой популярностью у своих читателей. Время от времени мы с Блиновым пересекались по общественным делам, и он всегда оказывал бесплатную информационную поддержку всем русским общественным инициативам. Блинову удалось собрать вокруг себя уникальный коллектив журналистов: Наталью Севидову, Элину Чуянову, Юлию Александрову, Ирину Литвинову. Они потом длительное время определяли лицо русской прессы республики.

Клуб Splendid palace



Густав Климт. «Золотая Адель»

Однако русская культурная жизнь теплилась не только в кружках творческой интеллигенции и религиозных общинах. Возникали различные частные клубы, объединяющие русскую интеллигенцию. В один из таких клубов ходили и мы с женой. Клуб назывался Splendid palace – по имени кинотеатра, в помещениях которого мы первоначально собирались. В советское время этот кинотеатр назывался «Рига».

Основную работу по организации культурной жизни членов клуба выполняли Людмила и Виталий Ермолаевы. Виталий был достаточно известный художник и архитектор, с Людмилой мы вместе раньше работали в Институте экономики.

Ермолаевы разрабатывали программу наших заседаний, которые проходили обычно раз в месяц, составляли смету затрат на их проведение, и мы делали соответствующие денежные взносы. Потом проводилась большая организационная работа по проведению наших собраний.

Заседания нашего клуба были приурочены к Новому году, Старому Новому году, 23 февраля, 8 марта, Дню Победы, Дню влюбленных, к 1 сентября. Обычно во время наших заседаний выступали приглашенные певцы и музыканты, потом устраивался небольшой фуршет, танцы. После этого следовало хоровое пение. Запевалой и душой компании был Юра

Зубарев. Он играл на гитаре и пел песни на французском языке, чем вызывал неописуемый восторг у всей женской половины клуба. Через год после знакомства с ним я случайно узнал, что он служит подполковником в государственной полиции. Очень удивился – оказывается, на госслужбе были еще умные, порядочные и талантливые люди.

Всего в клубе состояло человек 50–60. Это были предприниматели средней руки, банковские служащие, вузовские преподаватели, творческие работники. На заседания приходили парами, многие с детьми. На каком-то этапе клуб перебрался в Дом Рейтерна, что на улице Марсталю в Старой Риге. В этом старинном особняке мы снимали для заседаний клуба сразу три этажа. На первом этаже устраивали танцы, на втором накрывали шведский стол, на третьем играли дети. Часть публики уединялась в отдельную комнату играть в преферанс по копеечке и курить сигары.

В клубе царила дружеская атмосфера, всегда было очень весело. Стать членом клуба можно было только по рекомендации. Многие приходили на наши собрания только в статусе гостей членов клуба.

Нашим любимым занятием была постановка самодеятельных театральных представлений. Обычно мы сами писали сценарии, проводили репетиции, готовили декорации. Для создания соответствующего антуража спектакля брали напрокат костюмы в театрах или на Рижской киностудии – она к этому времени уже прекратила свою деятельность и охотно давала костюмы и реквизиты напрокат. Постановщиками наших самодеятельных спектаклей выступали профессиональные режиссеры, которые были членами клуба – Ю. Долгов, А. Герцбах. Наиболее популярны были спектакли на исторические темы.

Несколько сценариев для наших «капустников» довелось написать мне. Помню, как однажды писал сценарий по мотивам русских народных сказок для новогоднего вечера. Главной героиней пьесы там была королева. Так ко мне подошли на одном из заседаний клуба одна за другой сразу пять знакомых дам и доверительно попросили дать им роль королевы. Хотя причин этой просьбы они мне не объясняли, я понял, что каждая хотела продемонстрировать свой новый наряд.

Чтобы никого не обидеть, пришлось срочно перекраивать сюжет и строить его на игре четыре карточных королев и одной Золушки. Пьеска вышла так себе, но зато все знакомые дамы смогли продемонстрировать свои наряды, а дама, игравшая Золушку, еще и новые туфли.

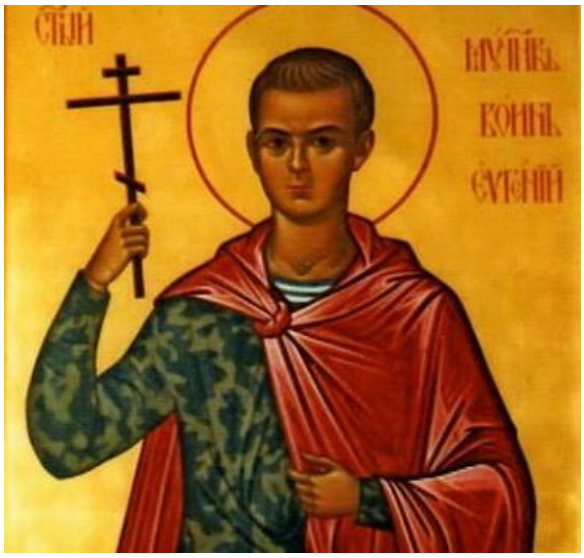
Мужу дамы, которая создавала образ Золушки, досталась роль Принца. Он был очень рослым мужчиной, и для него никак не удавалось найти подходящий камзол и панталоны. Потом гардероб подобрали, но актер никак не мог выучить свою роль. Мы ему разрешили читать текст по шпаргалке, но на премьеру муж Золушки забыл очки и не мог прочитать текст. «Принцу» пришлось импровизировать, что он сделал блестяще, и пьеса имела большой успех. Так что тот новогодний вечер вышел на славу, как, впрочем, и все другие праздники, которые мы устраивали.

Наш клуб собирался несколько лет подряд, но потом как-то сам себя изжил. Кто-то уехал из Латвии в эмиграцию, для кого-то стали неподъемными клубные взносы. Но со всеми участниками клуба мы сохранили дружеские отношения на все оставшиеся годы.

Что было еще в центре нашей духовной жизни, помимо клубных развлечений? Пожалуй, кинофильмы. Российский кинематограф переключился на обслуживание запросов новой элиты. Элита эта была по природе своей бандитско-шулерская, а потому и фильмы снимали такого же плана. Таким фильмом был, например, «Бандитский Петербург» Владимира Бортко, в котором главным героем выступал злодей и убийца «Барон». «Менты» Валерия Наумова показывали людей по другую сторону баррикады. Попадались и неплохие кинематографические работы, вроде «Брат» и «Брат-2» Алексея Балобанова. Главный герой Данила Богров(Сергей Бодров) в этих фильмах пытался один восстановить попранную справедливость, но сделать это мог только с помощью оружия. Мы смеялись над забавными героями фильма «Особенности национальной охоты» Александра Рогожкина. Это была визуализация серии охотничих баек про медведя, баню, водку, настоящих мужиков. Фильм публике понравился и режиссер снял еще несколько фильмов на эту же тему. Из исторических фильмов я бы отметил сериал «Тайны дворцовых переворотов» Светланы Дружининой. А вот «1612» Владимира Хотиненкова не удался. Сергей Урсуляк снял фильм «Ликвидация» и Давид Гоцман вошел в нашу жизь со своей «картиной маслом». В.Бортко поставил «Идиота» Ф.Достоевского с талантливым Е.Мироновым в главной роли. Федор Бондарчук попытался раскрыть тему патриотизма в своем фильме «9 рота» об афганской войне, но не смог этого сделать.

В целом, выбор был весьма небольшим. Российский кинематограф мало что мог дать для душе русского человека и в России, и в рассеянии.

Газета «Завтра» и другие



Воин-мученик Евгений Радионов

Национал-демократы предпринимали неоднократные попытки запретить распространение в Латвии российских журналов, газет, книг, в которых высказывалась критика латвийского этнократического режима. Неугодные печатные издания конфисковали латвийские пограничники, их распространителей штрафовали и даже арестовывали.

В 1993 г. в Латвии была очень тяжелая духовная атмосфера. Российские войска из республики уже вывели, защищать русских стало некому. Как я уже писал, из-за введения института неграждан в Сейме русские были представлены только в совершенно безопасной пропорции. Российские власти признали результаты выборов в Латвии, несмотря на массовое безгражданство русского населения. Они продемонстрировали таким образом желание наладить деловые отношения с этнократическим режимом. В латвийских русскоязычных СМИ по этой причине царила атмосфера безнадежности.

И тут мне на глаза попался номер российской газеты «Завтра». Газету продавал около Рижского центрального вокзала пожилой изможденный мужчина. Экземпляры «Завтра», как я понял, ему тайно доставляли проводники поезда из Москвы. Я стал регулярно покупать у распространителя газеты несколько экземпляров – сам читал и раздавал экземпляры знакомым. Эта газета была как глоток свежего интеллектуального воздуха в затхлой атмосфере всеобщей погони за

материальными благами и удовольствиями на постсоветском пространстве.

Главным редактором газеты «Завтра» был, как я вычитал, Александр Андреевич Проханов. Он не смирился с распадом СССР и крахом «красного» проекта, собрал вокруг себя сторонников идей коммунизма, православия, «белой» империи, русского национализма. В своих передовицах в газете он пытался синтезировать воедино все эти весьма противоречивые направления патриотической мысли.

Газета жестко критиковала ельцинскую власть в России за ее антинародную направленность, однако не скатывалась в критиканство, а пыталась найти новые ориентиры движения общества, связать прошлое и будущее.

Однажды в «Завтра» я прочитал о подвиге молодого солдата-пограничника Евгения Радионова, совершенном им в Чечне. Солдат попал в плен к бандитам. Те долго пытали его, а затем потребовали, чтобы отрекся от православия и принял мусульманство. Евгений отказался изменять вере предков, и бандиты отрезали ему голову. Останки Евгения обнаружила мать, которая искала его после похищения с боевого поста. Сына она опознала по нательному кресту, так и оставшемуся на шее. Об обстоятельствах гибели сына матери рассказали потом его убийцы.

В опубликованной в «Завтра» статье автор предлагал причислить Евгения Радионова к лику воинов-мучеников. После прочтения этой статьи я ясно осознал, что если русский народ способен в самые тяжкие времена рождать таких героев духа, то он непобедим.

Православный люд начал почитать останки воина, с его облика стали писать иконы, устанавливать их в храмах. Через какое-то время состоялось заседание синоидальной комиссии РПЦ по вопросу о признании Евгения мучеником. Однако канонизация не состоялась, поскольку не было прямых свидетелей его духовного подвига, не удалось собрать факты чудодейственного воздействия его мощей или икон.

«Завтра» оказалось близким мне по духу изданием, и я с жадностью читал в газете статьи самого А. Проханова, Э. Лимонова, Д. Рогозина, Ю. Мухина, Г. Зюганова, С. Кургиняна, И. Шафаревича и многих других политиков, общественных деятелей, журналистов, писателей, деятелей культуры. Статьи были полемическими, авторы мыслили весьма

оригинально, писали доказательно и образно. Мне открылся новый подход к анализу важнейших событий в мире и в России. По существу, газета была лабораторией марксистской мысли, которая билась над решением проблем осмысления жизни восстававшей из пепла русской нации. В газетных статьях я находил новые имена русских общественных деятелей, информацию о новых книгах, фильмах, исполнителях патриотической направленности. По подсказке «Завтра» я прочитал романы А. Проханова «Последний солдат империи» и «Красно-коричневый», «Русофобию» Игоря Шафаревича. Из газеты я узнал имена скульптора Вячеслава Клыкова, актера и поэта Михаила Ножкина, кинорежиссера Владимира Бортко, певиц Жанны Бичевской и Татьяны Петровой, композитора Георгия Свиридова.

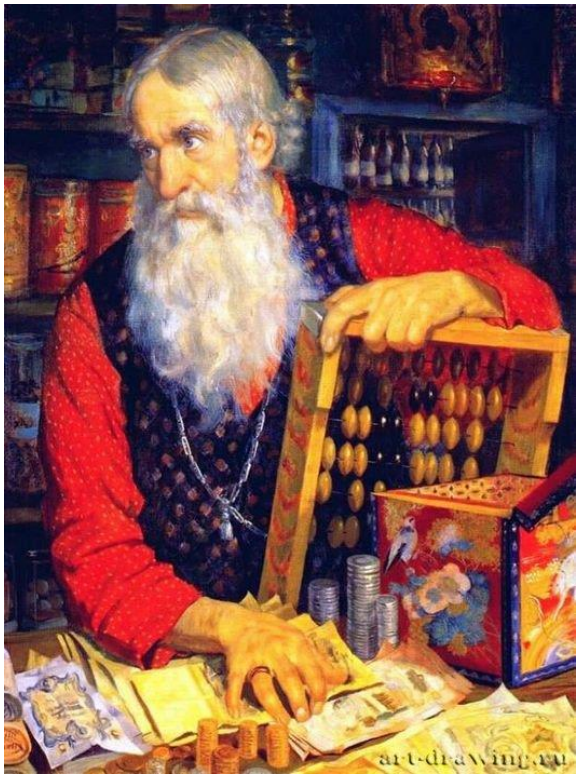
В это время мне на глаза также попался издаваемый А. Сениным еженедельник «Русский вестник». Он выходил под лозунгом «За веру, царя и отечество» и носил православно-самодержавно-патриотический характер. Статьи в нем публиковались правильные, но очень большие. Позже в общественном пространстве появился журнал Александра Крутова «Русский дом». Это был православный и очень добрый журнал, хорошо изданный. Когда получил развитие интернет, все эти издания появились в электронном виде, и я больше не покупал бумажные версии.

Редакторы, авторы перечисленных изданий взяли на себя роль *удерживающих*. Только удерживающих уже не коммунистические, а русские духовные ценности. Выработка русских духовных ценностей шла непросто, часто отдельные положения новой доктрины не очень стыковались друг с другом. Однако то, что удавалось осмыслить и воплотить в подходящее словесное облачение, быстро впитывалось массами русского населения.

Отмечу роль в становлении русского самосознания двух важных духовных фигур того времени. Во-первых, это митрополит Иоанн (Сычев) с его трудом «Самодержавие духа. Очерки русского самосознания» и рядом других. В этих трудах давалось глубокое освещение русской истории с православной точки зрения. Во-вторых, это русский мыслитель Олег Платонов. В книгах этого ученого я впервые нашел «русский» взгляд на историю России. Особо сильны были его книги из серии «Терновый венец России. История русского народа в XX веке».

ГЛАВА XI. ОБЩЕСТВО ЗРЕЛОЙ ЭТНОКРАТИИ

Купец



Б. Кустодиев. «Купец»

К концу 90-х латвийскому мелкому и среднему бизнесу удалось поднакопить немного капиталы, приобрести более цивилизованный вид. Я сам перешел от мелкой оптово-розничной к крупной оптовой торговле зпшеницей, кукурузой, подсолнечным шротом, рыбной и мясной мукой – всем тем, что нужно для производства комбикормов. Моя фирма установила деловые связи со многими предприятиями Прибалтики, Украины, Белоруссии, Западной Европы. В этом бизнесе уже важны были доверительные отношения между партнерами, а не навыки выбивания скидок на товары и отсрочки по их оплате.

В Бельгии я нашел предприятие, производящее мясную муку, познакомился с его директором Яном ван Альтеном. Мне он понравился в личностном плане. Заключил с бельгийским предприятием контракт, сделал предоплату в 25 тыс. долларов, получил товар, продал его по частям производителям кормов для животных и немного на этом заработал.

Тут мой бельгийский партнер звонит и спрашивает, а не возьму ли я у него еще четыре контейнера с мясной мукой, которые отказались принимать белорусские покупатели из-за проблем с конвертацией их рублей -«зайчиков» в валюту. Надо сказать, что белорусский президент, а доверительно «батька» А. Лукашенко все время «кошмарил» белорусский бизнес и были большие проблемы с валютными платежами из Белоруссии. Однажды мне даже пришлось забирать от белорусской птицефабрики взамен поставленного сырья несколько фур яиц и распродавать их по оптовым базам, благо связи в этой сфере были. Намучился тогда, поскольку товар скоропортящийся, надежных покупателей не было, все розничные торговцы норовили взять товар на реализацию и потом не возвращать деньги за него.

Я Яну ван Альтену говорю по телефону: «*Выручить могу, но деньги верну только в течение двух месяцев – они у меня сейчас заплачены за кукурузу, которую еще не поставили*». Бельгиец соглашается и шлет мне под честное слово товар на сто тысяч долларов. Конечно, я сделал все возможное, чтобы оплатить поставку в оговоренные сроки. Бизнесом с такими партнерами было заниматься легко и приятно.

На Украине у меня тоже был надежный бизнес-партнер – Александр Стеценко. Он многие годы отправлял по моему заказу подсолнечный шрот, кукурузу, пшеницу и ни разу не подвел.

Но много было на родной Украине и жуликов. Как-то я заплатил аванс в 10 тыс. долларов за два вагона подсолнечного шрота поставщику из-под Одессы. Он деньги взял, а товар не поставил. Стал разбираться, нанял детектива для поиска жулика, нашел его, написал заявление в украинскую милицию, нанял адвоката для представления своих интересов. А у этого жулика мать оказалась прокурором и его из-под ответственности все время выводила.

Стеценко посоветовал нанять местных бандитов для «решения проблемы», нашел мне «решальщиков». По телефону выяснил, что бандиты хотят половину вытрясенной ими из должника суммы. На вопрос, какие гарантии возврата денег могут дать, они ответили, что убьют жулика, если тот не отдаст полученный за товар аванс. Подумал пару секунд и отказался: счел, что бессмертие моей души стоит дороже пяти тысяч долларов.

Обещание украинских бандитов пристрелить жулика не было пустой угрозой. К этому времени у меня уже человек пять знакомых бизнесменов пристрелили. Одним из них был Игорь Цонда. Я с ним вместе провел пару торговых сделок, когда он работал наемным менеджером в компании «Латинтрейд». Игорь тогда пытался меня обмануть, но был пойман за руку и пошел на попятную. Больше работать с ним я не стал. Потом Цонда сам занялся бизнесом и на каком-то этапе своей карьеры начал строить на улице Краста первый в Риге крупный торговый центр «Молс». Во время строительства он, по устоявшейся традиции, украл у инвесторов большие деньги. Инвесторы наняли московских бандитов для восстановления справедливости, но Игорь стал хитрить и украденное не вернул. Тогда по устоявшейся в бизнес среде традициям бандиты его пристрелили. Помогло ли это инвесторам вернуть ураденное я не знаю, но «Молс» достроили и сейчас это один из самых удобных для покупателя торговых центров в столице.

В своем бизнесе я старался проверять партнеров и больших потерь из-за воров и обманщиков все же не нес. Большие потери были при простое вагонов с зерновыми. Если везешь железнодорожный эшелон с зерном и его задерживают на границе для проверки, то надо платить штраф за сверхнормативный простой вагонов. За сутки штраф может составить тысячу долларов с состава. После двух-трех суток простоя вагонов сделка становится убыточной, и уже начинаешь думать о том, как избежать банкротства фирмы.

Таможенники знали об этих особенностях оптовой торговли зерновыми и старались использовать свои знания в корыстных интересах. Сначала приходилось постоянно возить им на границу коньяк, кофе, конфеты для ускорения бюрократических процедур. Потом таможенники стали жаловаться на тяжелую жизнь и поднимать ставки за свою благосклонность. На таможенных пунктах стали певуче звучать слова художника-авангардиста Мухина из бессмертного произведения Е. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Этот герой романа рисовал портреты ответственных советских работников зерновыми и на вопрос, почему картины стоят так дорого, обычно отвечал: «*Овес нынче не укупишь. Он дорог, овес-то!*» Из-за жадности таможенников хороший бизнес терял всякий смысл.

Пришлось самому искать «крышу» во властных структурах. Вышел через знакомых на руководителя самой страшной латвийской спецслужбы, встретился с ним в кафе, рассказал о своих бедах и попросил помощи. Он на меня так проницательно посмотрел и сказал только одну фразу: «*Из сложившейся ситуации есть два выхода*». Поскольку в бизнесе я работал уже давно и мог с первого раза определить, кому и сколько надо платить в госсекторе за услуги, то сразу ответил: «*Мне больше подходит второй выход*». Глава всех латвийских джеймсбондов назвал имя человека, которому надо было платить абонементную плату за оказываемые услуги. Недорого, кстати, те же 300 долларов в месяц, что и у бандитов.

К услугам латвийской спецслужбы пришлось обращаться только один раз – в самом начале сотрудничества. После этого таможенники узнали, кто меня «крышует», и больше грузы на границе не задерживали никогда, они обрабатывались даже быстрее положенных нормативов. Абонементную плату я ежемесячно вносил несколько лет подряд. Потом у меня зерновой бизнес закончился, поскольку комбикормовая промышленность в республике приказала долго жить. К этому времени и начальника той самой страшной спецслужбы сняли. Говорили, за то, что он не разрешал вести транзитом через Латвию наркотики в американских военных грузах из Афганистана в Европу. Может, врали, а может, и нет.

Мой близкий знакомый Александр основал предприятие по производству пластиковых бутылок. Он имел хорошее инженерное образование, освоил технологию выдувания бутылок различного типа, закупил необходимое для производства оборудование. День и ночь проводил на своем предприятии, налаживая оборудование и обучая работников. Дело у него пошло, он нанял на предприятие несколько десятков человек. Понемногу завоевал весь прибалтийский рынок. Я ему по-хорошему завидовал, когда видел предприятие, производящее нужную продукцию и дающее заработок многим людям.

Откуда есть пошли латвийские олигархи

Квентин Массейс. «Меняла с женой»

Пока мы по-мелкому торговали и производили небольшие партии товаров, расторопные парни из кругов, близких к партии «Латвияс цельш», приватизировали за гроши еще действовавшие промышленные предприятия. Кто-то перепродал эти предприятия за большие деньги иностранцам, кто-то стал сам управлять полученными практически задарма экономическими ресурсами.

Наиболее хитрые парни стали вкладывать полученную прибыль в политику для того, чтобы иметь возможность получить новые возможности для приватизации, а также выгодные государственные заказы. Произошло сращивание экономической и политической власти в руках небольшого числа людей. Таким образом, появились латвийские олигархи. Наиболее известными олигархами в республике были В. Каргин, В. Красовицкий, А. Шкеле, О. Степанов, А. Шлесерс, А. Лемберг, В. Калнозолс, В. Мельник, В. Козиолс.

Мне постоянно приходилось сталкиваться с деятельностью В. Каргина и В. Красовицкого в «Парэкс банке». В 1993 г. я открыл в этом банке счет одной из моих фирм, и поэтому внимательно следил за его надежностью.

В банке работало несколько моих знакомых, и я регулярно получал от них неофициальную информацию.

От своих знакомых я узнал, что первоначально банк назывался очень претенциозно – Pasaule REX – «Царь мира» на латышско-латинском. Отсюда появление масонского логотипа банка – короны из золотых монет. Какой-то не самый глупый человек во власти неплохо разбирался в символике и заставил владельцев переименовать банк в Parex.

Банк специализировался на проведении сомнительных сделок по обслуживанию высокопоставленных резидентов из СНГ, прежде всего из России. Они перечисляли украденные государственные средства в Parex, и там они исчезали на офшорных счетах. В случае надобности похищенные деньги обналичивались и выдавались клиентам безо всякой уплаты налогов. Дело дошло до того, что банк открыл свой филиал на территории латвийского посольства в Москве и, прикрываясь дипломатической неприкосновенностью, раздавал из этого филиала клиентам дипломаты и даже чемоданы с «черным» налом.

В Латвии основным источником доходов банка было обслуживание государственных и муниципальных учреждений, государственной кассы. За право хранить остатки государственных и муниципальных средств на своих счетах руководство банка платило немалые деньги высокопоставленным чиновникам.

Полученные денежные ресурсы использовались банком для приватизации привлекательных объектов недвижимости, находившихся в государственной и муниципальной собственности. Не брезговали банкиры и отъемом собственности у мелких и средних предпринимателей. Для этого держали специальную команду юристов и бывших кагэбешников.

Поскольку все эти виды деятельности имели весьма сомнительную законность, то владельцам банка приходилось для обеспечения безопасности своего бизнеса постоянно жертвовать немалые деньги латвийским политикам. Жертвовать приходилось всем партиям, а отдельно еще руководящим чинам в прокуратуре, в МВД, в судах. Словом, владельцы Parex были настоящими олигархами.

Тесные связи с власть имущими позволили В. Каргину и В. Красовицкому реализовать целый ряд «культурных» проектов весьма сомнительного содержания. Так, они выстроили огромный офисный центр прямо в охраняемом историческом культурном центре Риги – Цитадели. Огромное здание банка совершенно закрыло и Петропавловский собор, и расположенные рядом с ним старинные здания военной комендатуры. В результате прекрасный архитектурный ансамбль Цитадели превратился в некое подобие ярмарочной площади малого провинциального городка где-нибудь в черте оседлости.

Крайне безвкусные культурные проекты реализовывали в Риге и другие олигархи. Безмерно хвалившиеся своей латышской рафинированностью главные архитекторы столицы разрешили построить в центре набережной стеклянную уродину под названием Триангулярный бастион. Недалеко от этой уродины построили здание, крайне похожее на огромную голубую сахарницу с пирамидальной крышкой. В настоящее время на углу улицы Марсталю и набережной строят гостиницу из стекла и бетона, крайне похожую на средневековый паровой утюг для глажки белья. Похоже, что за приличную взятку столичные архитекторы позволили бы снести Орденский замок и возвести на его месте пафосный «Макдональдс». В здании Сейма же они запросто разрешили бы устроить салун «Золотая подкова» с представлениями из жизни коренных жителей, по образцу того, что сейчас открыт во всех Диснейлендах. Нельзя же отставать от прогрессивных мировых архитектурных традиций!

Ни один национал-радикал во власти не выразил своего возмущения по поводу уничтожения малокультурными олигархами «латышского» облика Риги. Причиной этого было то, что олигархи регулярно платили латышским националистам за их молчание.

На определенном этапе Каргин, Красовицкий и другие олигархи сочли, что бюрократы берут с них за свои услуги слишком большую долю прибыли, и решили, что лучше создать свои собственные партии, провести с их помощью депутатов во власть и назначать менее жадных чиновников. Что из этого вышло, я расскажу в следующем сюжете.

Пожиратели собственных детей

П. Рубенс. «Сатурн пожирает своих детей»

В результате вмешательства олигархов в формирование органов власти латвийский политический ландшафт существенным образом изменился.

Первым олигархом во власти стал Андрис Шкеле. Сначала он был «наемным» премьером у коалиции, возглавляемой парнями из партии «Латвияс цельш». Сумел приватизировать в это время большое количество предприятий пищевой промышленности за небольшие деньги, однако управлять ими не смог и перепродал иностранцам за приличную сумму. Налоги с полученных доходов не заплатил, придумав, что получил за проданные заводы не деньги, а вексель. Потом Шкеле создал собственную – Народную партию, и провел с ее помощью в VII Сейм 24 депутата.

Бюрократы из «Латвияс цельш» попервоначалу воспротивились созданию правящей коалиции под руководством Народной партии, вошли в сговор с Союзом зеленых и крестьян и поставили премьером спортсмена Вилиса Криштопанса, близкого к А. Лембергу. Однако к лету 1999 г. Шкеле удалось «свалить» соперника и опять занять пост премьера.

На посту премьера Шкеле совершенно перестал делиться доходами с бюрократами, и те решили наказать его с помощью своих людей в

спецслужбах. Местные джеймсбонды вытащили на свет материалы о причастности премьера и ряда других высокопоставленных лиц из его ближайшего окружения к сексуальному использованию детей. Всплыло имя министра юстиции Валдиса Биркавса, министра внутренних дел Марека Сеглиньша, людей из прокуратуры.

Что такое сексуальное использование детей, или педофилия? Это принуждение детей к сексу. Обычно воины-победители насиловали побежденных мужчин и их женщин для того, чтобы показать свою власть над ними, лишить воли к сопротивлению. Детей же поверженного противника завоеватели насиловали для того, чтобы лишить их плодородия и таким образом свести со света вражеский род.

В том случае, когда облаченные властью лица совершают половое насилие не над детьми врага, а над детьми своих соплеменников, то это становится символическим актом демонстрации готовности свести со света членов своего собственного рода. Властители таким жестоким образом хотят вызвать страх у подчиненных, лишить их воли к сопротивлению.

Практика принесения в жертву собственных детей широко распространена в язычестве. Она даже нашла свое отражение в библейском сюжете о принесении Авраамом в жертву своего сына Исаака. В Библии ангел останавливает руку Авраама с ножем, занесенную над сыном и в жертву приносят животное – барана. Но Латвия не стала христианской страной и детей баранами не заменили.

Педофилы во власти – это не просто *люди греха*. Они уже не словом, но силой распространяют свой инфернальный образец поведения, губящий других людей. Педофилы – это уже *отцы греха – демоны*.

Материалы «педофилгейта» высшей латвийской элиты озвучивал в СМИ бывший кадровый советский офицер-пограничник, депутат Сейма Янис Адамсон. За эти разоблачения на Яниса накинулись те правоохранители, которые были под контролем у премьера, а скорее всего, и участвовали в его оргиях. Адамсона хотели лишить депутатского мандата, угрожали убить. Но Капитан Акула, как за глаза звали Я. Адамсона, «держал», как говорят в спорте, эти удары и продолжал разоблачать преступления демонов во власти.

Демоны оказались в нашей стране недосягаемы для закона. Обвинения с высших должностных лиц вскоре сняли и перевели стрелки на мелких сошек, персон, которые поставляли им на утеху детей. Однако из-за разразившегося скандала правительственный кабинет все же пал.

Я был знаком с Янисом Адамсоном и с большим уважением относился к нему за мужество, проявленное в борьбе с демонами. Пару раз мы обсуждали с ним накоротке тему «педофилгейта», и у меня сложилось однозначное убеждение в том, что высшее руководство страны действительно состоит из педофилов.

Адамсону победить в республике педофилию не удалось. Грех просто укрылся в густой тени политической власти. Спустя некоторое время с носителями этого греха мне пришлось встретиться самому. Произошло это при следующих обстоятельствах.

У одной моей хорошей знакомой муж на длительный срок увез за границу маленького ребенка, и она попросила помочь его вернуть. Я стал разбираться в возникшей ситуации. Оказалось, что у нас в республике есть большой риск того, что государство может изъять ребенка из семьи, если сочтет, что родители не могут избежать конфликтов при его воспитании. Чтобы отобрать ребенка у родителей, достаточно заявления соседей, которым не нравится плач заболевшего ребенка за стеной, жалобы учителя, который невзлюбил за что-то своего ученика. Занимается изъятием детей специальная государственная служба, которая называется Ювенальная юстиция. Дети, изъятые из семьи этой службой, попадают потом в приюты, в семьи содомитов, их отдают на потеху педофилам. В некоторых западных странах через руки Ювенальной юстиции проходит до половины всех детей.

Выяснил, что защитой нормальных семей в республике занимаются малочисленные энтузиасты – Елена Корнетова, Саулюс Шейкис, Оксана Белецкая. Постарался им помочь. Пригласил несколько раз выступить на Радио РІК – у меня там была своя передача. Потом нашел деньги и снял на «зацепившую» тему документальный фильм «Ювенальная юстиция». Фильм рассказывал о том, как Мировое правительство ведет свою дьявольскую работу по сокращению населения Земли: насильственно стерилизуя людей, проводя над ними химические и радиологические эксперименты, пропагандируя содомитство, внедряя Ювенальную

юстицию. Походя затронул в фильме тему педофилии высокопоставленных латвийских политиков и олигархов.

Стал я распространять свой фильм в социальных сетях. И неожиданно получил эффект, схожий с тем, когда засовывают палку в муравейник. На меня в СМИ неожиданно напал начальник полиции безопасности Нормунд Межветс. Он стал призывать всех людей доброй воли не смотреть мой фильм как идеологически вредный. Его сотрудница Инга Сприньге разразилась серией статей и телевизионных интервью, в которых объявила традиционные семейные ценности, которые я защищал в фильме, опасным идейным «оружием Кремля». Наконец, корпорация BBC опубликовала гневную статью в адрес моего многострадального фильма. Все это вызвало на моем ютубовском канале Rusbalttv необычайный рост просмотров. Оказалось, схватил демонов, что называется, за живое. Иначе зачем Н. Межветсу было в истерике биться из-за этого фильма, весьма далекого по качеству от творений Федерико Феллини или Стивена Спилберга? Явное дело, прикрывал сеть педофилов в республике.

Возвращаюсь к теме борьбы олигархов за власть. Падение кабинета А. Шкеле позволило опять усилить во власти позиции бюрократии из «Латвияс цельш» – они продвинули в премьеры Андриса Берзиньша – того самого, что расстроился в начале перестройки из-за моей критики его плохого понимания курса компартии на ускорение социально-экономического развития.

Но песенка парней из «Латвияс цельш» была уже спета: на следующих выборах эта партия вообще не прошла в парламент.

Зато в 2002 г. взошла звезда другой бюрократической партии – «Новое время». Эту партию возглавил Эйнарс Репше, который провел на выборах в VIII Сейм больше всего депутатов и стал премьером. Шкеле занял в этом правительстве пост вице-премьера. Тут же нашел себе место другой олигарх – А. Шлесерс, создавший чуть ранее Латвийскую первую партию. Эта партия была создана на базе протестантских общин различного толка, а потому ее иногда называли «партией священников». В новую правящую коалицию вошел также Союз зеленых и крестьян, который оставался под контролем олигарха А. Лембергса. Нашлось место во власти и для всех латышских национал-радикальных партий.

Перемены в политической жизни Латвии были связаны с тем, что в нее стали активно вмешиваться американцы. В середине 1999 г. Вашингтон продвинул на пост президента Латвии канадскую гражданку Вайру Вике-Фрейбергу, падчерицу высокопоставленного латышского коллаборациониста и, как можно было прочитать из ее официальной биографии, человека, плотно сотрудничавшего со спецподразделениями НАТО по ведению психологической войны с «Советами».

Новый президент сильно посодействовал образованию партии «Новое время» американскими деньгами. В прессе называлась сумма в один миллион латов, которая досталась лично Э. Репше. В. Вике-Фрейберга предложила пост премьера Э. Репше потому, что американцы имели на него какие-то «крючки с веревочками», за которые можно было дергать. Скандальную историю про кражу вагона с российскими рублями с согласия главы Банка Латвии знал же не только я один.

С В. Вике-Фрейбергой мне как-то раз пришлось столкнуться лично. Я уже упоминал, что одно время был совладельцем консервного завода «Коралл плюс». Предприятие размещалось в Мазсалаце и было достаточно заметным по масштабам Валмиерского района.

Раз звонит директор предприятия Лео Столс и испуганным голосом говорит, что по решению районных властей на наш завод должна приехать для общения с народом президент, а он ее принимать не может. Почему не может, я знал: Лео был должен всей Латвии, проходил за это обвиняемым не по одному уголовному делу и в прессе светиться не хотел.

Пришлось мне за тридевять земель тащиться в Мазсалацу, показывать Вике-Фрейберге и сопровождающей ее делегации наш завод, рассказывать, как из салаки делают шпроты. Рассказал я все обстоятельно, но на корявом латышском языке и безо всяких приседаний с произнесением почтительного «ку». Президент мой рассказ высокомерно выслушала, с трудовым коллективом общаться не стала и наших шпрот отведать не захотела. Даже пива, привезенного с собой ее челядью, не отведала, хотя дело было под Лиго. Причиной такого поведения Вайры Вике-Фрейберги была ее стратегическая установка на то, что русские должны в Латвии быть как можно скорее ассимилированы. А тут «русские» завод в самом центре латышского Видземского края построили, работу полусотне местных жителей дали, да еще и немалые налоги в

бюджет платят! Бывшие с президентской делегацией журналисты посещение «русского» завода освещать в своих изданиях не стали.

Зато мы мило поболтали с мужем президента Имантом. Он живо интересовался тем, что такое «каляная» рыба и почему коптить салаку лучше ольховыми чурками, попробовал шпроты, запил их пивом и рассказал о своей работе инженером в Канаде. Разговор шел на английском языке, но Имант на мое плохое произношение внимания не обращал и маску высокомерия на лицо не надевал, как его супруга.

Возвращаюсь от каляной салаки снова к политике. Э. Репше на посту премьера продержался лишь чуть более полутора лет, а после этого его «съели» олигархи. Всплыли дела о коррупции и психической неадекватности руководителя партии «Новое время». В суде и одно, и другое обвинение Эйнарсом были отбиты, но ему пришлось уйти в отставку. Объяснить, почему премьер любит лазить на крышу по пожарной лестнице во время официальных приемов и все время носит кожаный костюм в обтяжку, даже изобретательные американские советники не смогли.

Премьерский пост после отставки Э. Репше перешел к ставленнику А. Лембергса Индулису Эмсису. Этот премьер продержался полгода, а после этого кресло Мидаса, позволявшее все превращать в золото, перешло к ставленнику Шкеле народнику Айгарсу Калвитису.

На выборах в IX Сейм правящую коалицию опять составили партии олигархов вместе с национал-радикалами. Во главе кабинета вновь встал А. Калвитис. Потом между олигархами обострились противоречия из-за дележки оставшейся государственной собственности и бюджетных средств, и на пост премьера в 2007 г. назначили «наемника» – Ивара Годманиса.

Кабинет И. Годманиса продержался чуть более полутора лет, до начала 2009 г., пока его не свергла новая группировка бюрократов, но об этом – в следующей главе.

Под железной пятой

Л.Кранах-старший. «Сожжение запрещенных книг перед правителем»

Олигархов заботили только прибыли, которые можно было получить за счет использования возможностей государственного аппарата. Вызываемые экономическим давлением на население социальные протесты им были совершенно не нужны. Поэтому олигархи в полной мере стали использовать изобретенный национал-коммунистами механизм разделения и сталкивания между собой латышей и русских. Этот механизм позволял им отвлекать наемных работников от насущных социально-экономических проблем.

Прямо подконтрольные А. Шкеле, А. Лембергсу, А. Шлесерсу, В. Красовицкому и В. Каргину партии с русофобскими инициативами не выступали, а предпочитали отдавать пальму первенства в этом вопросе национал-радикалам. Для этого им помогали деньгами перед выборами, постоянно брали в состав правящей коалиции. В знак признательности национал-радикалы из партий «Отечеству и свободе», «Движение за национальную независимость», «Все – Латвии!» честно отрабатывали полученный заказ на укрепление этнократического строя в республике. Отметим наиболее значимые действия союза национал-демократов и национал-радикалов по разжиганию этнической ненависти в обществе.

В 1998 г. Сейм принял Закон об образовании, который предусматривал перевод обучения во всех государственных школах, профтехучилищах и вузах на латышский язык обучения, несмотря на то, что почти у половины учащихся родным языком был русский, а русская школа на этой территории насчитывала более чем двухсотлетнюю историю. Обучение в

государственных вузах на русском языке к этому времени уже полностью прекратили, латышизация учащихся средней школы и первых курсов профтехучилищ была намечена на 2004 г.

Почему началась такая ожесточенная атака на русский язык? Потому, что для выстраивания этнической иерархии в обществе нужен был четкий критерий деления людей на «своих» и «чужих». Самым простым критерием в таких случаях бывают родоплеменные связи, однако восемьсот лет правящую элиту в стране образовывали инородцы и проследить «свои» кровно-родственные связи не представлялось возможным. В развитых обществах в качестве критерия сепарации членов общества используется набор духовных ценностей, зафиксированный в какой-то религии. Однако и с этим была большая проблема. Восстановившие Вторую Латвийскую республику национал-коммунисты не определили, какая религия будет государственной, поскольку все их принесли инородцы. Протестантство в страну принесли немцы и шведы, католичество – поляки, православие – русские. Язычество, как национальная религия не получило должного развития. А вот язык был тем критерием, который позволял легко идентифицировать «своих». Он также создавал у правящих элит иллюзию, что человек освоивший латышский язык и выучивший гимн страны становился латышом.

В 1999 г. Сеймом принимается новая редакция Закона о государственном языке. В этой редакции русский язык признается иностранным. Русский изгоняется практически из всех сфер общественной жизни, за его использование назначаются более высокие штрафы, которые накладывает специальная языковая комиссия. В это же время было практически прекращено вещание на русском языке на государственных каналах телевидения и радио, введена квота в 25% на вещание на частных теле- и радиостанциях на русском языке.

В 2001 г. власти лишили лицензии на вещание радиостанцию «Русское радио», которое учредило издательство Владимира Гурова «Бизнес Балтия». Предлогом для закрытия было то, что радиостанция превысила квоту вещания на русском языке. В самом издании «Бизнес Балтия» начались проверки налоговых и правоохранительных органов. Закономерным результатом этих проверок стало банкротство издания. После банкротства В. Гуров перешел в Балтийскую международную

академию служить проректором по науке. Однажды он пригласил меня к себе на работу, и мы обговорили возможность совместного ведения исследовательской деятельности, он перезнакомил меня со многими своими деловыми партнерами. Через пару дней я узнал, то Володя погиб в автоаварии. Те, кто публично выступал в защиту русских интересов, обычно долго не жили в нашей республике.

В 1998 г. был принят закон о том, что 16 марта – день памяти латышских легионеров войск Ваффен СС – станет государственным праздником. Этот закон имел своей целью «перевоевать» Вторую мировую войну и показать местным русским, что развернутый нацистами в этой войне геноцид может повториться. Чествование нацистских преступников на государственном уровне шло два года, но потом, под давление мирового общественного мнения, статус государственного праздника для 16 марта был отменен. Однако почитание идей нацизма в этот день у главного национального символа – памятника Свободы – продолжалось. Праздничные колонны к памятнику 16 марта возглавляли депутаты и министры от национал-радикальных партий, входящих в правящую коалицию.

После принятия русофобских законов о языке и образовании активисты русских общин подняли шум в СМИ. Достаточно активно выступал в прессе и я. В Латвию несколько раз приезжал комиссар Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) Макс ван дер Стул. Видимо, европейцы боялись, что в преддверии вступления в Европейское сообщество, намеченного на мая 2004 г. могут возникнуть бунты. По этой причине они продавливали послабления в Законе о гражданстве.

Во время одного из своих приездов, кажется осенью 1997 г., Макс ван дер Стул пожелал встретиться с русской общественностью. Пригласили на эту встречу меня и Вячеслава Алтухова из Русской общины Латвии. Встреча проходила республиканской библиотеке – там был какой-то европейский центр. Мы как могли рассказали о сложившейся ненормальной атмосфере в республике и попросили помощи у Европы. Я говорил эмоционально и долго – минут двадцать.

Комиссар послушал меня минут пятнадцать, потом встал, подошел к окну и стал рассматривать, как падает листва с деревьев в Кировском парке, что напротив здания библиотеки. Я со своего места тоже видел, как

на деревья в парке лился противный моросящий дождь, который ускорял листопад. Выглядело все это, конечно, красиво и весьма меланхолично. Но на лице комиссара была не умиротворенность, а неизбывная скука. Я интуитивно почувствовал, что помощи из Европы ждать не стоит и свою пламенную филиппику сразу прервал.

Моя интуиция оказалась верной. В июне 2012 г. эстонский президент Томас Ильвес разоткровенничался и сообщил СМИ, что институт неграждан в Латвии и Эстонии предложил ввести как раз ван дер Стул. Был ли комиссар человеком греха? Скорее всего, надо считать его одним из главных демонов, скрывавшимся под овечей шкурой защитника прав человека.

Приезд комиссара ОБСЕ все же повлиял на позицию латвийских властей. С 1998 г. русские неграждане получили возможность натурализоваться. Надо было сдать экзамен по латышскому языку, озвучить официальную версию историю о страшной «советской оккупации» и поклясться на верность «латышской Латвии». Кто-то воспользовался этой возможностью, поскольку с гражданством можно было легче выжить. Большинство русских отвергло эту подачку властей.

Европа выделила немалые деньги на пропаганду выгод натурализации и увод русских от требования вернуть им украденное гражданство. Идеологами доктрины увековечивания этнического неравенства была даже разработана специальная идеологическая формула в пользу натурализации. Звучала она следующим образом: «*Вы что, не можете выучить латышский язык и сдать экзамены по истории? Это же так просто*».

В ответ на эту сакраментальную формулу защитников этнократии я обычно рассказывал случившуюся со мной историю. Осенью 1991 г. у меня прямо из под носа на работе украли недавно купленный новенький автомобиль марки «жигули». Поездил я на нем всего неделю. Через день после кражи воры позвонили на работу по телефону и предложили выкупить моего железного коня за полцены. Я сказал звонившему тогда типу, что с ворюгами переговоры не веду, и бросил трубку.

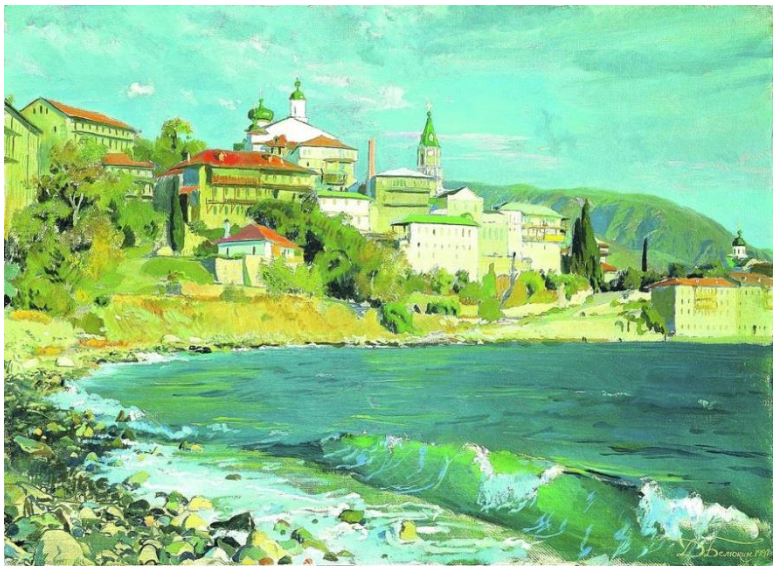
Случившаяся практически в тоже время история с кражей гражданства была много хуже, чем история с кражей «жигулей». Этнократические

власти украли у нас гражданство, а потом предложили выкупить его не за половину, а за три цены: во-первых, признать, что факта воровства гражданства не было; во-вторых, признать, что родной русский язык не имеет права на существование; в-третьих, признать, что мы дети оккупантов и поэтому добровольно соглашаемся занимать низшие ступени социальной лестницы. Как не вел я переговоры с автовоюгами, так не стал вести и переговоры с ворами из латышской властной элиты – остался негражданином из принципиальных соображений.

Тут надо отметить, что в описываемое время власти республики стали спустя рукава относиться к оболваниванию русского населения и сосредоточились только на идеологической обработке латышской общины. Для закрытия образовавшихся идеологических дыр американцами были присланы собственные «инженеры человеческих душ».

Одним из таких «инженеров» был Нил Муйжениекс. Сперва он трудился в Латвийском центре по правам человека, вел замеры этнического напряжения в республике и информировал о нем своих хозяев. Об этом я знал со слов работавшего по заказу Муйжениекса русских социологов. В середине 90-х я сам познакомился с Нилом. Пересекались мы на общественных площадках и спорили о массовом безгражданстве, дискриминации русских. Муйжниекс был, несомненно, умный и квалифицированный специалист в области межэтнических отношений. Он железной рукой направлял работу правительства Латвии по ассимиляции русского населения. За эффективную работу хозяева продвинули Нила на следующую ступень общественной иерархии – он стал министром по делам общественной интеграции. После руководил Институтом социальных и политических исследований Латвийского университета. В 2010–2012 годах американцы продвинули Муйжниекса на пост главы Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью в Совете Европы. В этой международной организации Муйжниекс представлял Латвию, поскольку прямо из США кандидатуру руководителя продвинуть было нельзя. В 2012 году его избрали комиссаром СЕ по правам человека на шесть лет. Опять от Латвии. Сейчас он ведет активную антироссийскую и русофобскую деятельность под прикрытием заботы о правах человека. Жалуйтесь, русские, на ущемление своих прав, жалуйтесь. Вам ответят, что дискриминации в Латвии подвергаются только геи и лесбиянки.

Святая гора Афон



Д. Белюкин. «Русский Святопантелеймонов монастырь на Афоне»

Занятие бизнесом позволило мне заработать немного денег и решить основные личные материальные проблемы. У меня появилась возможность брать отпуск, хотя он и был в два раза более коротким, чем в советское время.

Бабушка и дедушка, жившие на Украине, к этому времени ушли из жизни, и ехать туда в отпуск уже было не к кому. Мы с семьей стали ездить на в Италию, Испанию, Францию. Там можно было позагорать, покупаться, а заодно ознакомиться с богатым европейским культурным наследием.

Однажды поехали летом в Грецию, в маленький курортный городок на полуострове Халкидики. Провели несколько дней в отеле на берегу моря, отдохнули, а потом решили взять в аренду машину и посмотреть близлежащие культурные достопримечательности. Первым для посещения выбрали город Салоники. Это город с хорошо сохранившимися с античных времен православными церквями и богатыми музеями.

Салоники были переполнены машинами, и по приезде в него мы часа два не могли нигде припарковаться. Наконец я увидел, как какая-то машина отъезжает со стоянки и тотчас же занял ее место. Выхожу из

салона и вижу надпись на стене дома, возле которого остановился: «Автономное монашеское государство Святой горы». А я в то время уже в церковь ходил, крест нательный носил и про Святую гору Афон читал в журнале «Русский дом». Вот, думаю, хорошо было бы на Афон съездить – посмотреть, как там православные монахи живут. А то в экуменическом Тезе жил, а в православном монастыре побывать не удосужился.

Только так подумал, как мне навстречу идет гид, который нас встречал в аэропорту и в отель отвозил. Откуда он там взялся? Подходит и спрашивает (он говорил по-русски): «*На Афон хотите попасть? Заполните вот эту анкету и давайте паспорт для визы. Через два дня получу визу, заеду и завезу вас на Афон. Женщинам на Афон вход запрещен под угрозой уголовного наказания*». Последняя фраза относилась к жене, которая проявила интерес к предполагаемой паломнической поездке.

Я тут же заполнил анкету, дал паспорт и какие-то деньги за визу и услуги по трансферу. Через два дня гид забрал меня из отеля и отвез в городок Уранополис, от которого, уже один, я добрался на катере по морю до места назначения – пристани возле монастыря.

Монашеские общины на горе Афон появились еще в конце VII века, и с тех пор здесь находится центр мирового православия. Русские стали селиться на Святой горе с XI века. В 2016 г. исполнилось 1000 лет со дня обоснования русских монахов на Афоне. Сохранились сведения, что тогда монашеский постриг принял Антоний Печерский – святой Русской православной церкви, основатель Киево-Печерской лавры. Он считается покровителем всего монашества на Руси. Теперь русским православным принадлежит Святопантелеймонов монастырь. В этот монастырь я и приплыл на катере. На руках у меня было особое разрешение на пребывание в монастыре четыре дня – диамонитирион.

Для православных всего мира Афон – одно из самых главных святых мест. Согласно христианскому преданию корабль, на котором плыла Богородица вместе с апостолом Иоанном Богословом, попал в бурю, и его прибило к берегу Афона. Дева Мария так была поражена красотой этого места, что попросила у Бога это место себе в удел. На что получила ответ: «*Да будет место сие удел твой и сад твой и рай и пристань спасения желающих спастись*».

По прибытии в монастырь меня принял эконом, объяснил распорядок жизни монастыря, но сказал, что мне, как гостю, соблюдать все правила общежития необязательно. Устав братии был очень строгим – большую часть времени надо было проводить в работе и молитвах, в том числе стоять на ночных богослужениях. Никаких обязательных душеспасительных бесед со священником, как в Тезе, не полагалось, петь односложные псалмы тоже не надо было.

Решил попробовать настоящую монашескую жизнь. Днем мостил из дикого камня дорожку на территории монастыря вместе с одним пожилым насельником из России. Питались с ним в общей трапезной, под чтение монахами глав из Евангелия. Кормили вкусными, здесь же выращенными овощами, а запивали их разбавленным виноградным вином. Жил я в келье один.

Мой напарник по мощению дорожки сказал, что монахи в монастыре живут по правилам исихазма, но внятно объяснить, что это такое, не мог. Хотел отвести меня к старцу, который разбирался в богословских премудростях, но тот, как назло, заболел и никого не принимал.

Позже я уже сам разобрался, что главное в доктрине исихазма можно выразить цитатой из Священного Писания: «*Царствие Божие внутрь вас есть*» (Лк. 17:21). Следовало постигнуть свой духовный мир и на этой основе творить добро в тварном мире. Исихаты говорили так: «*Скажи сей горе сдвинуться, и если истинно веруешь – сдвинется*». Мне такая религиозная доктрина понравилась много больше, чем учение брата Роже, основанное на вхождении в транс посредством повторения псалмов.

Четыре раза за сутки я ходил на богослужения. Ночное богослужение в первый раз было утомительно, но я проникся атмосферой истинной веры, которая царила среди монахов, и попробовал подражать их действиям. Попросил молитвенник и стал повторять по нему слова службы, которые произносил священник. На вторую ночь стало стыдно, что все читают молитвы на память, а я нет, и выучил пару десятков молитв. В памяти они сохранялись как бы сами собой.

В храмах монастыря было множество реликвий, которым монахи поклонялись. Одной из них была честная глава святого великомученика Пантелеймона. Приложился устами к этим мощам и вошел в незнакомое

мне ранее состояние интуитивного постижения какой-то важной духовной тайны.

К концу третьего дня я настолько проникся атмосферой монастырской жизни, что захотел в нем пожить более длительное время. Тем более что обнаружил в монастыре библиотеку с огромным количеством неразобранных еще фолиантов и рукописей на древнерусском языке. Библиотекарь сначала охотно рассказывал мне об охраняемых им сокровищах и показал огромное книгохранилище. Потом, узнав, что я имею академическое образование и читаю тексты на древнерусском языке, испугался вероятности потерять свое место и под каким-то благовидным предлогом библиотеку мне для посещения закрыл.

Я хотел попросить настоятеля разрешить мне остаться в монастыре подольше и поработать в библиотеке, но он оказался в отъезде. А ночью у меня было видение. В ореоле яркого света в келью явилась Богородица и сообщила, что у нее есть замысел в отношении меня. Надо возвращаться в мир и делать то, чему я хорошо обучен во благо православных христиан. Так, мол, за тебя бабушка Мария Ивановна просила много лет тому назад, ее молитвами ты и попал в мой Удел.

После этого я свои попытки пристроиться на теплое местечко в монастырской библиотеке прекратил и стал собираться обратно в мир. Перед самым отъездом случилось вот еще что.

Каким-то неимоверным образом в монастыре оказался рижанин Алексей. Он сказал, что молил Бога прислать к нему человека, чтобы тот передал епископу Александру несколько дощечек, выпиленных из сухого сука, что отпал от святой маслины. Эта маслина выросла от косточки, посаженной одним русским монахом сто лет тому назад, а косточка была от плода того самого дерева, возле которого был обезглавлен святой Пантелеймон.

Дощечки, которые предназначались для написания на них икон, я привез в Ригу и передал по назначению. Одну дощечку с разрешения Алексея я оставил себе. Она до сих пор лежит у меня среди разных важных ценностей и источает смолистый запах сухой древесины. Еще я привез с Афона образ своего ангела св. благоверного князя Александра Невского. Когда совсем плохо приходится, молюсь ему и прошу поддержки.

Балтийский русский институт

Здание Иверской церкви Видземского полка

В последний год работы в ЦК КПЛ я понял, что русским в Прибалтике в случае ее отделения от России грозит ассимиляция и что идти она будет прежде всего путем прекращения подготовки гуманитарной интеллигенции. Поэтому у меня созрел в голове проект создания частного гуманитарного института, который готовил бы юристов, журналистов, экономистов, историков, культурологов для нужд местных русских общин.

Я написал проект учреждения Рижского гуманитарного института (РГИ) на дюжине страниц и пошел пробивать его в Министерстве образования и науки Латвийской ССР. Министр, который был лектором в моей группе, принял меня, идею одобрил и отослал к начальнику управления вузов Станиславу Анатольевичу Буке. Тот идею тоже поддержал и вызвался помочь ее реализовать, но предупредил, что поддержку из бюджета вряд ли удастся получить и надо искать частных спонсоров. Идти к таким частникам, как В. Лесков, не хотелось, и мы реализацию идеи на время отложили.

Мы были со Станиславом Анатольевичем знакомы ранее по совместной научной и преподавательской деятельности, но тут сошлись ближе, и я пригласил его участвовать в выборах от ЦДИ в Сейм, и он прошел в депутаты.

Потом произошла «белая» контрреволюция. С. Бука про идею не забыл и вместе с философом В. Никифоровым они смогли пробить в Совмине у И. Годманиса разрешение на создание Балтийского русского института (БРИ) примерно с такими же целями, как РГИ. Произошло это в 1992 году.

Новый вуз приютил ректор Рижского краснознаменного института инженеров гражданской авиации (РКИИГА) Владимир Анатольевич Ходаковский. Он сдал в аренду здание институтского Клуба. Раньше это здании было Иверской церковью Видземского полка.

БРИ стал набирать преподавателей, которые потеряли работу в государственных вузах из-за «неправильного» этнического происхождения. Сложился очень сильный преподавательский коллектив. Пошел набор студентов. Институт открыл свои филиалы в других городах республики, в Литве и Эстонии. Как рассказывал В. Никифоров, он договорился даже с ректором МГУ им. М. Ломоносова Виктором Антоновичем Садовничим о том, что БРИ будет реализовывать программы этого ведущего вуза мира в Латвии. Однако И. Годманис испугался, что БРИ будет готовить первоклассную русскую элиту, и прийти в республику МГУ не разрешил.

Интеллектуального доминирования русской интеллигенции испугались и власти Литвы и Эстонии. Под надуманными предлогами они вскоре закрыли у себя филиалы БРИ. Пришлось убрать из названия института слово русский – он превратился в Балтийскую международную академию. Однако академия продолжала свою работу и готовила специалистов гуманитарного профиля. В лучшие времена в ней училось до 10 тысяч студентов и работало до 300 преподавателей. Вуз стал центром русской культурной жизни республики. Вскоре он стал реализовывать программы на латышском и русском языках. Заслуга создания и работы БРИ принадлежала С. Буке и В. Никифорову. Они выступили в роли *удерживающих* ценностей русского образования.

На первых этапах создания БРИ я не пошел преподавать в него, поскольку был занят своим бизнесом, да и отнял бы рабочее место у тех, кто не мог себя прокормить другим способом. Зато в БРИ нашли себе работу Константин Матвеев, Владимир Багиров, Ояр Потреки, Юрий Нетесин, Имант Киртовский, Владимир Стрельчонок, Инна Стеценко,

большое число других первоклассных преподавателей из РВВПКУ, РКИИГА, Латвийского гуниверситета.

Когда институт немного разросся, я начал читать в нем курс лекций по предпринимательству, вести курсовые и дипломные работы студентов, принимать выпускные экзамены.

Общая беда всех постсоветских вузов заключалась в том, что в них недоставало преподавателей с опытом практической работы. Иногда студентам вдалбливали в голову то, что не имело в практической деятельности какого-либо значения. На выпускных экзаменах и защитах дипломов я старался защитить студентов от таких преподавателей-теоретиков. Студенты чувствовали это и относились ко мне с уважением.

Вообще уровень подготовки школьников за постсоветское время сильно упал, и на занятиях приходилось много времени уделять повышению уровня общей культуры молодежи. Студенты иногда хитрили, приносили на защиту дипломы с большими кусками текста, скаченного из интернета. Опытным взглядом это легко было заметить. Такие работы приходилось заворачивать прямо на защите. Руководство вуза доверяло мне и давления в случаях отстранения соискателей от защиты не оказывало. Так что можно и в частном вузе быть требовательным к студентам и не вестись на их аргумент: «*Я же заплатил за учебу*». Заплатил – это одно, а выучил и получил соответствующую квалификацию – другое.

Отмечу, что и программы в современных вузах существенным образом стали отличаться от советских программ. Из них исчезли многие теоретические компоненты, чрезвычайно важные для гуманитарного образования. Например, от изучения курса политэкономии отказались и заменили ее эклектическим курсом «экономикс». От изучения истории экономических учений и экономической истории также отказались. Перестали полноценно изучать философию.

Помимо БРИ, в республики открылись и другие частные вузы. Например, Борис Куров основал RISEBA. РКИИГА из-за запрета обучения в нем на русском языке выжить не смог. А была реальная возможность перепрофилировать этот институт на подготовку инженеров для обслуживания западной авиационной техники. Но кто из находящихся во власти хуторян понимал, что такое самолет и почему он летает?

Штаб защиты русских школ

Ф. Ходлер. «Выступление йенских студентов в 1813 г.

Вскоре после моей поездки на Афон в Латвии началась так называемая реформа русских школы. Замысел этой реформы заключался в постепенном переводе обучения в государственных русских школах на латышский язык, отрыве русских детей от их этнических корней и ассимиляции их.

Активисты-общественники выступили против этой реформы. Они стали проводить родительские собрания в школах, потом республиканские родительские конференции, на которых критиковали псевдореформу. После этих акций русские родители стали склоняться к тому, что не надо дозволять переводить обучение их детей на чужой язык.

Я столкнулся впервые с протестующими родителями в 34-й рижской школе, в которой училась моя дочка. Наиболее заметной фигурой среди них была Лидия Потемкина. Она познакомила меня с другими активистами.

В 2003 г. несколько русских общественных организаций создали общественную организацию Штаб защиты русских школ. Члены Штаба собирались в полуподвальном помещении на ул. Дзирнаву, 102, которое принадлежало партии «Равноправие». Активисты Штаба организовывали пикеты, митинги протеста, массовые демонстрации. В первой половине 2004 г прошло несколько протестных мероприятий, в которых участвовали многие тысячи школьников и их родителей.

Видя благородные цели «штабистов», я стал им помогать организационно и материально, благо опыт предпринимательской деятельности и какие-то денежные средства у меня были. Стал ходить на собрания Штаба. На первый взгляд, это были шумные и бестолковые заседания, но в результате их проведения собиралось огромное количество протестующих детей, на массовых мероприятиях поддерживался идеальный порядок, откуда-то появлялись майки, кепки, наклейки с символикой Штаба, готовились плакаты с правильными надписями. Кто-то придумал гениальный лозунг: «Русские школы – наш Сталинград!».

Присмотрелся и определил, что есть группа людей, которая особо не шумит, но спокойно делает свое дело. Среди «деятелей» я отметил Бронислава Зельцермана, Владимира Бузаева, Эдуарда Гончарова, Людмилу Смирнову, Якова Плинера, Владислава Рафальского, Юрия Петропавловского, Виктора Котова.

О проблематике русского образования во время работы Штаба много писали в республиканской прессе журналисты Юля Александрова, Элина Чуянова, Лена Слюсарева, Николай Кабанов.

Наиболее деловито в Штабе вел себя журналист Александр Казаков. Он выступал в роли главного мотора всех протестных акций. В помещениях на Дзирнаву появлялась руководитель партии «Равноправие» Татьяна Жданок, но на собраниях Штаба выступающей я ее не видел.

Было еще множество людей, которые на заседания Штаба не ходили, но всячески поддерживали борьбу за сохранение русскими своей идентичности. Например, мои хорошие знакомые сняли клип про министра образования, а на деле – министра мракобесия, желавшего уничтожения русское образование, Карлиса Шадурскиса. Клип назывался «Черный Карлис» и базировался на видеоряде, в котором условные нацистские молодчики разоряли школу и сжигали учебники на русском языке. Видеоряд сопровождался музыкой из песни «Стена» группы «Пинк Флоид», а за кадром звучали переиначенные слова русской народной песни «Черный ворон». Там был, например, такой замечательный куплет:

Черный Карлис, что ты вьешься
Над моею головой?!
Ты реформы не добьешься.

Слышишь, Карлис, я не твой.
Эй, Карлис, русской школе быть!
Только так мы сможем
Свой язык сохранить.

Этот клип имел необычайную популярность в интернете и поднимал людей на борьбу за родной язык не хуже, чем массовые митинги. Клип, как и все оперативные данные о готовящихся протестах, распространялись через интернет сайт Штаба. Этот сайт вел Дмитрий Катемиров. Сайт можно до сих пор найти в интернете по адресу www.shtab.lv. Еще Дима снимал на камеру всю деятельность штабистов.

К двадцатилетию начала деятельности Штаба я взял у Катемирова отснятые им кадры и «собрал» из них часовой документальный фильм «Русским школам быть». Он был презентован в рижском кинотеатре «КСунс»» и распространен в интернете. Фильм хорошо передал атмосферу героической борьбы русских детей за право на сохранение своей идентичности и тем вызвал ненависть у полиции безопасности. Доморощенные джеймсбонды выжидали некоторое время, а когда я поехал презентовать фильм на международный кинофестиваль в С. Петербурге, арестовали меня. Презентация была сорвана, но количество просмотров фильма в интернете в результате этой карательной акции полицейских душегубов только возросло.

Возвращаюсь ко времени борьбы русских с ассимиляционной реформой образования. Протесты шли не столько со стороны родителей и учителей, сколько со стороны школьников. Во всех русских школах выявились активисты-старшеклассники, которые мобилизовали своих товарищей, формировали местные штабы борьбы с реформой, поддерживали порядок во время массовых мероприятий, придумывали и создавали наглядную агитацию. Это была борьба детей за право на собственное достоинство, подобная той, которую когда-то мы с друзьями вели в нашем классе. Только тогда это была борьба с неумной и амбициозной учительницей литературы, а сейчас дети боролись с настоящими *людьми греха*, которые хотели погубить их души. Я запомнил школьников Юру Зайцева из Даугавпилса, Евгения Осипова из Лиепаи, Антона Зеленкевича из Вентспилса, Свету Савицкую, Анну Искандерову, Киру Савченко, Олега Парменкова из Риги, но таких активистов было

очень много. Они удерживали вокруг себя десятки и сотни своих сверстников.

Власти засылали в ряды штабистов своих информаторов, спецслужбы установили в школах видеокамеры для наблюдения за детьми и учителями. Латышские СМИ сначала игнорировали движение русского сопротивления, но затем развернули кампанию очернения его активистов в глазах членов латышской общины. Явно шла подготовка к массовым арестам. Репрессии сдерживало только то обстоятельство, что в мае 2004 г. Латвия должна была вступить в Европейский союз, и руководство последнего не желало совмещения праздничных мероприятий с этническими чистками.

После вхождения в состав ЕС в июне 2004 г. в республике состоялись выборы в Европейский парламент. От оппозиции в этот орган власти прошла только Татьяна Жданок, которая озвучивала идеи борьбы за русскую школу. Татьяна Аркадьевна, надо отдать ей должное, смогла быстро организовать поездки детей из движения против ассимиляционной реформы в Страсбург, где они выступили перед европарламентариями и прессой. Однако «просвещенная Европа» поддерживать борьбу русских за сохранение своей идентичности даже не намеревалась.

В середине августа русские родители пошли на многодневную голодовку протеста против лишения их детей права на сохранение этнической идентичности. Это была мужественная акция, которую вели доктор Виктор Дергунов и предприниматель Михаил Тясин. Была среди голодающих и женщина – учительница Людмила Смирнова. Акция освещалась в латвийских и российских СМИ. Ее поддерживала партия «Равноправие», а Соцпартия и ПНС демонстративно отстранились от участников голодовки. Похоже, руководство последних двух партий решило, что русские не дружат с головой и все равно проголосуют за них на приближающихся муниципальных выборах.

Я пытался привлечь православных священников для духовной поддержки голодающих, но они отказывались идти в полуподвал, ссылаясь на то, что нет благословения от епископа Александра. Зато в помещения на улице Дзирнаву зачастили какие-то сектанты, пытавшиеся ментально повлиять на участников акции. А человек в период голодания очень сильно подвержен духовному внушению. Не зная, что делать,

принес в зал, где постоянно находились голодающие русские родители, икону Спасителя, окропил помещения святой водой и прочитал молитву «Отче наш». Вышло все это достаточно неуклюже, но от души. Сектанты после этого ходить в полуподвал перестали.

Подошло 1 сентября. Перед началом нового учебного года в Задвинье Штаб провел большой митинг. После митинга протестующие родители приковали себя цепями к металлической решетке дверей Кабинета министров. Участниками этой акции были М. Тясин, Э. Гончаров, А. Гамалеев, С. Петров. Полицейские из спецназа долго не могли снять стальные цепи, потом перекусили их большими слесарными ножницами, арестовали и увезли в участок участников протестной акции. Арестованных активистов пришлось быстро выпустить, поскольку у Кабинета министров собралось большое количество протестующих и власти испугались обострения обстановки.

В это время я сблизился с А. Казаковым и вошел в руководство протестного движения, стал помогать организовывать акции. Латышские националисты во власти решили обезглавить протестное движение. Вечером 1 сентября полиция безопасности вызвала при мне по телефону А. Казакова на очередной допрос. А он был российским гражданином и недавно из-за личных обстоятельств лишился юридического основания для нахождения в Латвии. Я ему говорю: «*Саша, не ходи на допрос, или хотя бы оставь мне свой паспорт, ведь тебя могут депортировать из страны, а без паспорта этого сделать нельзя»*. Он ответил: «*Нет, пойду, не имеют права депортировать – должен быть сначала суд*».

А. Казакова в этот вечер арестовали и депортировали в Россию. Выкинули в одной курточке, без денег, через российскую границу в районе Гребнево, и ему на попутках пришлось потом добираться до Москвы, как-то там обустраиваться у друзей.

Молодой юрист Лиза Кривцова взялась защищать А. Казакова в суде, потратила на это более пяти лет, но выиграла дело. Казаков получил право вернуться в Ригу, поскольку его депортация была действительно незаконна. Однако что толку – русофобы в руководстве страны могли в любую минуту принять новое решение о депортации, и тогда потребовался бы новый судебный процесс длиной в пять лет.

Русским трудно добиться правды в этнократических постсоветских странах. Поэтому когда меня депортировали из Эстонии с запретом на въезд на 15 лет, я даже и не пытался оспорить это решение. Не стал спорить и с решением руководства Молдавии запретить мне въезд в страну на 5 лет. В обоих случаях основанием для внесудебных репрессий были съемки фильма «Ювенальная юстиция». Русофобы во власти этих стран еще оказались и защитниками педофилии.

После ареста Казакова школьники стояли всю ночь у Кабинета министров, скандировали: «*Дядя Саша, победа будет наша!*» Однако начавшаяся на другой день школьная забастовка без пассионарного руководителя не задалась.

Партия «Равноправие» в это время прекратила поддержку акций протеста русских детей и их родителей – она готовилась к предстоящим муниципальным выборам, а власти грозили ее закрыть поскольку якобы обнаружили нарушения в порядке финансирования. Руководитель МВД Эрик Екабсон публично намекал на то, что в распоряжении властей есть информация о незаконном финансировании партии и Штаба из Москвы.

Помимо Казакова, пострадали и другие организаторы протестных акций: частную школу Б. Зельцермана «Иннова» выдворили из арендованных помещений в разгар учебного года, М. Тясина стали преследовать по делам бизнеса и вынудили эмигрировать в Россию. Несколько активистов Штаба потеряли работу. У меня прошли финансовые проверки на фирме и на нее необоснованно наложили большой штраф. Я пытался оспорить его в административном суде – да где там! Как говорил главный сталинский прокурор Андрей Януарьевич Вышинский: «*Был бы человек, а статья найдется*».

Зато право наших детей учиться на родном языке мы отстояли. Власти ввели только 60% обязательных уроков на латышском языке в старших классах средней школы. Победа была заслугой активистов, которые не допустили проведения ассимиляционной реформы. Я горжусь, что тоже внес маленький вклад в это большое дело.

Становление русской общины

Андрей Рублев. «Рождество Христово»

Борьба со школьной реформой не прошла даром для русской общины республики. На волне протестов был организован Объединенный конгресс русских общин Латвии (ОКРОЛ). В поддержку его создания было собрано более 50 тыс. подписей русских жителей Латвии. В правление ОКРОЛ на съезде избрали представителей всех общин республики. Я тоже стал одним из членов правления. Мы начали координировать деятельность региональных русских общин. Наибольшую активность проявляли общины в Даугавпилсе, Резекне, Елгаве, Лиепае, Риге, Екабпилсе.

Мне больше пришлось заниматься организацией мероприятий нашего общества в Риге. Главной цель я считал активизацию деятельности как можно большего числа людей и поэтому сосредоточился на проведении массовых общинных мероприятий.

Таким мероприятием стало, например, празднование Старого Нового года. Мы несколько лет подряд организовывали эти празднества в Доме Рейтерна. Собирали деньги, заказывали фуршет, нанимали оркестр,

приглашали выступать русские самодеятельные коллективы. Мероприятия выходили очень впечатлительными, на них в Риге собиралось по 200–300 человек. Единственной проблемой было то, что основная часть членов общины были людьми небогатыми и не могли покрыть стоимость всех затрат на проведение мероприятия.

Были среди участников мероприятий и не бедные люди, но привыкшие все получать, что называется, на халяву. Например, некоторые бизнесмены приходили на наши праздники, ели, пили, танцевали, а денежный взнос сделать «забывали». Приходилось покрывать убытки из собственного кармана, а потом напоминать «забывчивым» о взносе. Так они еще и обижались на меня за эти напоминания. Мол, пожалел бутербродов и чая. Словом, от больших и дорогостоящих праздников пришлось через некоторое время отказаться.

В проведении всех культурных мероприятий мне помогал предприниматель Андрей Шмаков. Он научил меня многим премудростям работы с символическими инструментами влияния на людей с целью их консолидации в общину. Деятельность эта была очень интересной, но тоже требовала большого напряжения сил и определенных материальных затрат.

Вместе с Андреем мы, например, организовали выставку икон «Наши праздники: от Рождества до Крещения». На выставке впервые за долгие десятилетия были представлены иконы из собраний Художественного музея, частных коллекций, из староверческих храмов. Выставка проходила в Доме Москвы, была бесплатной и пользовалась большой популярностью.

На открытие выставки пришли архиепископ Александр, староверческие наставники. Архиепископ нас отругал за то, что мы покусились на его прерогативу использовать православные образы и знаки на светских мероприятиях. Мы смиренно промолчали, но отказываться от работы в этом направлении не стали, поскольку эти образы и знаки принадлежали русской нации, а не одному из ее социальных институтов.

Нашим следующим мероприятием стало проведение концерта «Пасхальные песнопения». На организованном светском концерте впервые прозвучали уникальные православные песнопения и

старообрядческие распевы в исполнении русских певцов. Как вы думаете, где проходил концерт духовной музыки? Правильно, в храме Петра и Павла. Архиепископ Александр уже не пришел, но присутствовал присланный им священник – отец Олег, который и благословил мероприятие. Потом в помещениях храма стали проводить православные службы. Пусть так, явочным порядком, мелкими шажками, храм возвращался православной общине.

С Андреем мы задумали и провели еще одно важное мероприятие. В газете «Завтра» мы вычитали, что в Москве подготовлена Русская доктрина, в которой на серьезном теоретическом уровне излагается современный взгляд на проблему возрождения русской нации. Мы списались с авторами этой доктрины и пригласили их в Ригу. По нашему приглашению приехали философ Виталий Аверьянов, экономист Андрей Кобяков и православный публицист Кирилл Фролов. Для гостей была организована презентация их труда на общем собрании членов общины, а также на заседании Рижского бизнес клуба. Оказалось, что коллектив авторов Русской доктрины сначала работал на самодеятельной основе, потом получил поддержку от митрополита Кирилла, ставшего впоследствии патриархом РПЦ. Мы узнали также, что у русской нации в России те же проблемы, что и у нас, в рассеянии, увидели, что в рядах русской нации есть новые *удерживающие*, работающие над выработкой нового, светского Символа веры. С приезжавшими москвичами у нас установились тесные личные связи.

Все перечисленные мероприятия были ориентированы на актив общины. А требовалось найти такие инструменты, которые могли бы сплотить на ценностной основе более широкие круги русского населения. Стал читать книжки по управлению социальными процессами на английском языке. Выяснил, что англосаксы создали целое научное направление по этой проблематике, и решил применить сделанные ими наработки на латвийской практике. Прежде всего я обратил внимание на то, как англосаксы используют символические средства идентификации участников массовых мероприятий.

Русские к тому времени отошли от празднования «красных» памятных дат – 7 ноября, 1 мая, 21 июля – дня восстановления советской власти в Латвии. Советская символика была властями запрещена. Материальные

символы советской власти – памятники В. Ленину, советским и революционным деятелям были снесены.

Главным праздником для русских стал День Победы. Он был связан с советским временем, но символизировал не столько коммунистические идеи, сколько победу русских в войне по защите своего Отечества и своей нации.

На 9 мая русские в Латвии проводили праздничные собрания и митинги около памятников победителям в Великой Отечественной войне. Праздники организовывали политические партии, претендовавшие на голоса русских избирателей. Эти партии объединились тогда в союз «За права человека в единой Латвии», коротко – ЗаПЧЕЛ. На вопросе о латышизации русских школ союз распался. Партия «Равноправие» под тем же брендом ЗАПЧЕЛ провела в Рижскую думу 9 депутатов. В основном это были активисты Штаба. Партия народного согласия, дистанцировавшаяся от решения «русского» вопроса, в столичный муниципалитет вообще не попала. Ее руководитель Янис Юрканс был вынужден уйти в отставку. Ему на смену пришел Янис Урбанович, который стал реформировать партию и придавать ей более русский профиль. Вместе с несколькими другими мелкими партиями ПНС создала чуть позже объединение «Центр согласия».

Русские общины обычно присоединялись к праздничным мероприятиям, которые устраивали на День Победы ЗаПЧЕЛ и «Центр согласия». В крупных городах в этот день, обычно силами русских общин, проводились концерты, организовывались поздравления ветеранов, устраивались салюты. В Риге праздник отмечали возле памятника Освободителям в Задвинье.

Требовалось найти инструменты, которые могли сплотить членов общины вокруг значимого для них праздника Победы. Таким инструментом я увидел георгиевскую орденскую ленточку, которая символизировала принадлежность человека и к советским, и к русским духовным ценностям. Использовать георгиевскую ленточку как символ незадолго до этого придумали российские журналисты, они же начали ее распространять в своей стране.

На правлении ОКРОЛА я предложил распространить георгиевские ленточки в Латвии. Мы провели презентацию нашего проекта перед республиканскими СМИ. Было это весной 2006 г. «Центр согласия» и ЗаПЧЕЛ поддержали наш проект.

Встал вопрос, где взять сами георгиевские ленточки. В Латвии за их производство бизнесмены запросили неподъемную цену. Скинулись деньгами, закупили небольшую партию, стали раздавать по городским общинам – все ленточки улетели в мгновение ока. У меня на работе телефон, который я дал в качестве дежурного при проведении акции, разрывался от звонков. Все требовали георгиевских ленточек.

Тогда я вытащил из заначки отложенные на отпуск деньги и пошел к знакомому еще по борьбе с реформой русских школ парню, тоже Андрею, в типографию. Спрашиваю: «*Сколько можешь вот таких бумажных ленточек напечатать на 200 долларов?*» И показываю матерчатую георгиевскую ленточку. Он отвечает: «*Тысяч 10 можно отпечатать. А тебе зачем?*» «*Для сплочения членов русской общин*», – отвечаю и про значение символических инструментов мобилизации людей объяснять начинаю. Он про символические инструменты не очень понял, но отпечатал 20 тыс. бумажных ленточек. Мы их все раздали у памятника Освободителям на День Победы.

С этого момента георгиевские ленточки стали символом русской общины республики. Традиция ношения ленточек закрепилась, и через несколько лет я уже даже перестал участвовать в их распространении.

Как-то спустя лет восемь после этой истории встретил у памятника Освободителям свою одноклассницу Татьяну Танайлову. Расспросили друг друга о том, кто как живет, повспоминали общих знакомых. Тут Татьяна и говорит мне: «*А помнишь, как ты дал мне бумажную георгиевскую ленточку в 2006 г.? Мы с дочкой до сих пор ее храним как напоминание о том, что русских поработить никому не удавалось*». Было очень приятно это услышать. Вот ради того, чтобы слышать такие слова, и стоило заниматься хлопотной и небезопасной общественной работой.

Русская община проводила акции и более радикального характера. Так, 18 ноября 2004 г., на день провозглашения Второй Латвийской республики, русские активисты вышли к памятнику Свободы в майках

Штаба и с головными повязками с надписью «Aliens» (негражданин). Мы возложили к главному символу независимости страны цветы фиолетового цвета – цвета паспортов неграждан. А затем стали перебивать праздничную речь президента во время проходившего у памятника праздничного митинга громкими возгласами «Позор!» и «Русской школе быть!». Так мы хотели напомнить властям о дискриминации русских.

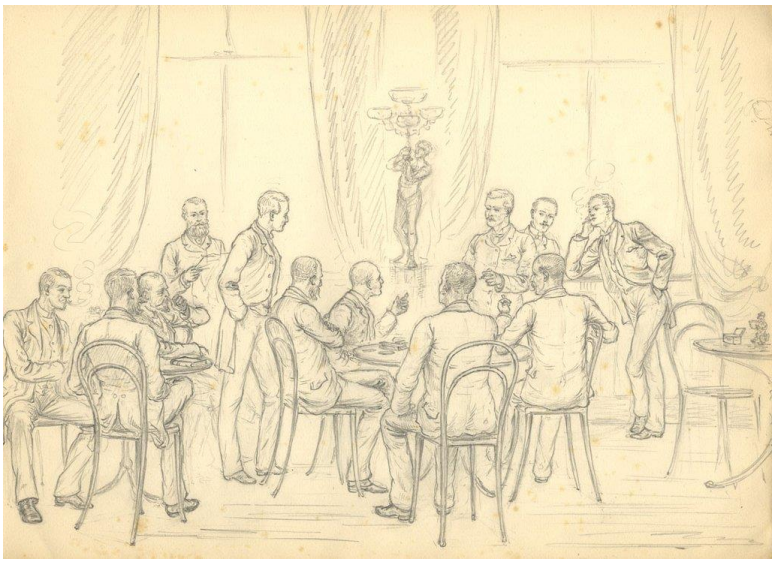
Президент В. Вике Фрейберга не нашла ничего лучшего как обозвать тогда русских «собаками», которые лают на идущий караван. Она, очевидно, имела в виду караван латышской этнократии, нагруженный украденными у русских правами.

4 мая 2005 г., на пятнадцатилетний юбилей принятия Декларации о независимости, общинники опять вышли к памятнику Свободы. Дюжина активистов во главе с М. Тясиным, Э. Гончаровым и Й. Кореном надела на себя робы узников немецких концлагерей. Эти робы символизировали рабское положение, в котором находились русские в Латвии. Полиция задержала участников протестной акции, хотя они вели себя вполне миролюбиво. Фотографии со сценами жестокого обращения полиции с протестующими антифашистами попали в мировые СМИ. Полиция вынуждена была отпустить протестовавших активистов.

В республике работали также русские организации, не входящие в ОКРОЛ. Заметной среди них была, пожалуй, только Русская община Латвии, которой руководил Вячеслав Алтухов.

Наиболее радикальными защитниками русских интересов выступали активисты общества «Родина». В руководстве этого общества выделялись Эдуард Гончаров, Влад Андреев, Георг Куклис-Рошманис и Александр Жгун. Одной из форм их деятельности были Русские марши. На День Победы ребята под Андреевскими флагами шли колонной от Ратушной площади к памятнику Освободителям. За эти марши полиция регулярно задерживала ребят, привлекала их к административной ответственности и штрафовала. Однако ребята выходили снова и снова, свидетельствуя о существовании русского духа в республике.

Рижский бизнес-клуб



Н. В. Т. «Мужской клуб. Курительная комната»

Строительство русской общины шло не только по линии консолидации русских общин. Осенью 2004 г. наиболее активные русские предприниматели образовали Рижский бизнес-клуб. Главную роль в его создании сыграли бизнесмены Василий Рогозин, Евгений Волошин и Владимир Соломатин. Они собрали в клубе около сотни предпринимателей, которые придерживались русских духовных ценностей независимо от своего этнического происхождения. Прием в члены клуба шел по рекомендациям, попасть в него можно было только если кандидат имел безупречную репутацию.

Ребята пригласили меня в клуб и попросили курировать Русскую общину республики. Я как мог старался выполнять это поручение.

Рижский бизнес-клуб начал помогать Русской православной церкви. Мы собирали средства на строительство православных храмов. Как-то сам собой клуб выбрал своим духовником наставником отца Феофана. Регулярно на праздник Покрова мы ездили к Феофану в его приход в Елгаве, а также приглашали его на наши мероприятия.

Клуб взял шефство над памятником петровским воинам, погибшим на острове Луцавсала, восстановил его, проводил каждое лето поминальные мероприятия в честь этих героев.

На День Победы мы собирались «под березой» около памятника Освободителям, поминали предков, погибших в Великой Отечественной войне, поднимали чарки за «нашу Победу».

На заседаниях клуба можно было проконсультироваться у коллег по разным вопросам, попросить их вывести на нужные связи, подискутировать по различным проблемам. Часто на заседания клуба приглашали политиков, высокопоставленных чиновников, которые рассказывали о последних изменениях в законодательстве.

Сбором средств на избирательные кампании в клубе занимался было нельзя, поскольку в нем состояли люди с разными политическими взглядами.

Большинство членов клуба были связаны в советское время с комсомолом. Это обусловило то, что мы отмечали день рождения комсомола. Мероприятия в честь юбилеев комсомольской организации организовывал обычно Сергей Лапшин. Он пятнадцать лет собирал сотни бывших комсомольцев и партийцев вместе, создавал для них атмосферу праздника. Никто из «бывших» не стеснялся своего прошлого, никто не чурался своих товарищей, не было даже намека на рознь между русскими и латышами. Я с удовольствием ходил на эти собрания, хотя был связан с республиканской комсомольской организацией только по линии стройотрядов, да сталкивался с выходцами из комсомола, уже работая в партийном аппарате. С. Лапшин недавно ушел от нас в вечность, традиция отмечать комсомольские праздники прервалась.

Клуб изначально решили организовать как мужской. Сначала жены ревновали и пытались проникнуть на наши заседания, но потом, разобравшись, что на него не ходят женщины вообще, успокоились. С женами мы собирались только на Старый Новый год. Это были масштабные мероприятия, в которых участвовало несколько сотен человек, приглашались послы, видные политики.

Клуб заботился о своих членах, защищал их, если требовалось. Когда меня сильно прессовали в республиканских СМИ за защиту русских интересов, ни один из членов клуба не отвернулся, многие выразили мне личную поддержку.

«Сироты»

В. Перов. «Дети-сироты на кладбище»

В России, как и в Латвии, в описываемое время к власти пришли олигархи. Они занимались разграблением государственной собственности и делали это с широким русским размахом. Возглавлял страну тогда президент Борис Николаевич Ельцин. Для прикрытия грабежей правящей элиты он организовал в 1993 г. разгон Верховного Совета РФ и даже дал команду демонстративно расстрелять из танков здание парламента – «Белый дом». Депутатов, защищавших принципы социальной справедливости и заботившихся о сохранении дееспособного государства, *люди греха* в России отстранили от власти.

После расстрела «Белого дома» мои связи с московскими друзьями на время прервались. Однако после выборов нового парламента – Государственной думы, оказалось, что я знаю множество депутатов и даже руководителей комитетов – кого-то по старым партийным связям, кого-то по научной работе, кого-то по патриотическим организациям. В России сохранилась сильная компартия, действовала активная группа патриотов.

Многие сейчас обвиняют во всех бедах России Б. Ельцина. Самого Бориса Николаевича я не знал, но с его ближайшим окружением был неплохо знаком. Наиболее точную характеристику российскому президенту дал мой товарищ, работавший в его аппарате: «*Борис Николаевич, он как железная бочка, наполовину наполненная камнями, – куда его толкнешь, туда и покатится с горы, да еще будет при этом сильно грохотать*».

Окружающие пользовались этой особенностью характера президента и постоянно толкали его с построенной коммунистами горы власти по склону вниз то в одну, то в другую нужную им сторону. Так что несправедливо во всех грехах винить одного президента – в деле разграбления государственной собственности и подавления активности наемных работников и их представителей участвовала большая элитная группа, собравшаяся в его окружении.

Вот сам вести людей на новую политическую гору Борис Николаевич точно не мог – бывшему первому секретарю Свердловского обкома компартии не хватало на это интеллекта.

Олигархическое окружение Ельцина совершенно не заботилось о русских, оказавшихся за пределами России. В знак отстраненности они даже придумали живущим за рубежом русским особое название – зарубежные российские соотечественники. Это было полностью неверное определение. Основная часть живущих за пределами России русских никогда не были ее гражданами, и к этому, «урезанному», Отечеству прямого отношения не имели. Однако признавать, что Россия – государство русских, а не россиян, никто из ее правящей элиты не хотел. Надо было ставить вопрос о том, что русская нация разделена, делать шаги по преодолению этого раздела. Мой близкий друг из числа «соотечественников» Виктор Ганин неоднократно поднимал в Думе РФ этот вопрос, но он, что называется, повисал в воздухе.

Отсутствие политической поддержки со стороны российских властей делало положение русских в Латвии крайне сложным. Более того, интересы латвийских русских постоянно пытались ущемить российские олигархи. *Люди греха* всегда пытаются обидеть сирот.

Латвийские русские как могли боролись за право на сохранение своей идентичности. Вспоминается такой случай. Латвийские олигархи собирались построить в Вентспилсе нефтеперерабатывающий завод и хотели вместе с российскими олигархами протянуть к нему Западную трубопроводную систему. Подписать договор с Латвией по этому мегапроекту должен был российский премьер Виктор Степанович Черномырдин. Он прилетел в Ригу и намеревался встретиться с высшим латвийским руководством. Однако на пути его встретил небольшой пикет «соотечественников», которые протестовали против недавно принятых законов о языке и образовании. Премьера успел перехватить российский посол Александр Иванович Удальцов и кратко рассказал ему о том, кто такие неграждане и почему русских в Латвии лишили права на родной язык. Виктор Степанович увещеваниям посла внял и уже согласованный всеми договор о строительстве нефтепровода подписывать не стал.

В.Черномырдин выступил на крупном международном мероприятии в Риге с резкой критикой латвийских властей и заявил, что Россия не позволит дискриминировать «русскоязычных» и даже готова применить в отношении Латвии политические и экономические санкции. Встречаться с премьером от национал-радикалов Гундарсом Крастсом Черномырдин также не стал.

Так что вовремя проведенный пикет «российских соотечественников» порушил многомиллиардный бизнес-проект, задуманный латвийскими и российскими олигархами.

Другой пример на ту же тему. На смену В. Удальцову в сентябре 2004 г. в Ригу МИД РФ прислал нового посла – Виктора Ивановича Калюжного. Он провел всю свою трудовую жизнь в «нефтянке» и должен был лоббировать в Латвии интересы олигархов, захвативших этот важный сектор российской экономики.

Как мне рассказывали потом сотрудники посольства, Калюжный сразу по приезде встретился с крупными латышскими бизнесменами и заявил им, что не намерен поддерживать протесты русской общины, которая боролась тогда за право учить своих детей на родном языке. Все свои усилия Виктор Иванович направил на налаживание деловых отношений с вентспилсскими олигархами А. Лембергсом и О. Степановым. Речь шла, насколько я помню, о приобретении российским «Лукойлом» предприятия

«Вентспилс нафта». В республику для переговоров по этой сделке часто приезжал глава этого предприятия Вагит Аликперов.

Деталей всех этих закулисных интриг я тогда не знал и, как один из руководителей Русской общины, поддерживал с российским посольством нормальные отношения. Как-то мы с Виктором Ивановичем Гущиным в рамках ОКРОЛА задумали провести международную научную конференцию. Она называлась «Вторая мировая война и страны Балтии (1939–1945 гг.)». Получили на эти цели небольшой грант из мэрии Москвы. Пригласили ученых-историков из России, Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии, Латвии, собрались выпустить сборник докладов участников конференции. Дело было в декабре 2006 г. Гости уже стали съезжаться на организованную нами конференцию. Вечер четверга. Мне звонят из посольства и говорят: «*Вас Виктор Иванович срочно видеть хочет*». Захожу в российское посольство. Калюжный сидит за столом в тренировочном костюме. Не поздоровавшись, глядя куда-то в потолок, говорит: «*Я вашу конференцию проводить запрещаю*».

Я уже писал, что когда сталкиваюсь с несправедливостью, готов все кругом разнести вдребезги, но делаю это крайне расчетливо. Соображаю: «*Мы тут в память о подвиге наших отцов и дедов проводим научное мероприятие, а кто-то мне его запретить хочет?! Да не родился еще такой «запрещатель»*. «*Вы мне не можете запретить поминать моих предков»*, – отвечаю ледяным тоном, поворачиваюсь и из посольства ухожу. Прихожу домой – звонок. Поднимаю трубку: «*Это из мэрии Москвы, имярек – заместитель Лужкова. Мы разрываем с вами контракт и запрещаем проводить конференцию*». «*Пусть мне Юрий Михайлович Лужков пришлет письменное сообщение, что разрывает контракт*», – отвечаю и трубку кладу. «*Ах, вы сволочи!* – думаю. – *В чем дело-то, что такой ажиотаж поднялся?*»

Потом узнал, что дело было в том, что как раз в это воскресенье должен был приехать В. Аликперов с местными олигархами контракт подписывать, и эти олигархи попросили посла нашу конференцию запретить.

Звоню наутро друзьям в Государственную думу России, рассказываю о ситуации. Они советуют: «*Пошли факс президенту, а мы сделаем так,*

чтобы он до адресата дошел». Быстренько составил факс и отправил его по подсказанному номеру.

А тут время конференцию открывать пришло. Конференцию мы с В. Гущиным провели, сборник тезисов выпустили, отчитались за потраченную сумму по гранту. Все тихо. В посольство меня, конечно, пускать перестали, но я туда не очень-то и рвался. Хотели въезд в Россию запретить, но не вышло – не было оснований.

Борьба за латвийских соотечественников в России тем временем развернулась нешуточная. Олигархи давили на российские политические власти, требовали пойти на уступки прибалтийским этнократам. Где-то они добивались успеха. МИД стал поддерживать линию В. Калюжного и его подельников. В знак протеста против этой линии в отставку ушел ответственный работник, который курировал прибалтийское направление, Михаил Васильевич Демурин. С Демуриным мы познакомились во время его командировки в Ригу, а потом подружились. Из посольства в это время были высланы его сотрудники В. Семиндей и Д. Ермолаев, которые также выступили против предательства интересов соотечественников.

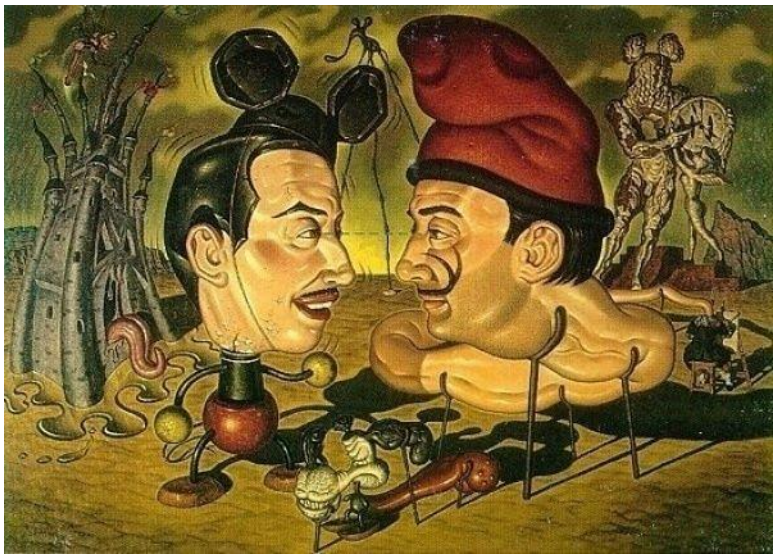
Проходит более года, и тут меня приглашают в Государственную думу на заседание Комитета по делам соотечественников. Заседание посвящено теме положения неграждан в Латвии и Эстонии. В приглашении написано, что я выступаю главным докладчиком, даже раньше Валентины Ивановны Матвиенко. Выступил, рассказал о причинах появления института неграждан и предложил ряд мер по его устранению, попросил разрешить безвизовый въезд в Россию для неграждан. На заседании присутствовали послы Латвии и Эстонии. От Латвии пришел Андрис Тейкманис, тот самый, из Рижского горсовета. Возразить послам этнократических республик на мои аргументы и на аргументы других соотечественников, выступавших на собрании, было нечего.

По итогам заседания президент, а им тогда уже стал Д. А. Медведев, принял указ, по которому негражданам предоставляется право безвизового въезда в РФ.

Проходит еще немного времени и В. Калюжного с поста посла отзывают и из МИДа с позором выгоняют. «Сироты» умели показывать зубы, когда надо.

ГЛАВА XII. ЗМЕЙ, ПОЖИРАЮЩИЙ САМ СЕБЯ

Шахматная партия: бюрократы против олигархов



Сальвадор Дали. «С. Дали и У. Дисней»

Летом 2007 г. закончился срок полномочий В. Вике-Фрейберги, и олигархи выдвинули на пост президента врача-ортопеда Валдиса Затлерса. Согласование кандидатуры президента между олигархами происходило в весьма пикантном месте – в павильоне зоосада, вроде как даже у вольера с мартышками. Сделано это было для обеспечения конфиденциальности встречи, поскольку американцы хотели провести на этот важный пост своего человека и внимательно следили за телодвижениями олигархов.

Затлерс был выдвинут олигархами на пост президента за свой высокий рост, стройную фигуру и потому, что за ним числились мелкие грешки – его как-то отстраняли от административной работы, потому что брал плату с пациентов за операции, которые оплачивались из государственных средств. Правда ли это было? Расскажу о своем личном опыте общения с будущим седьмым президентом Латвийской Республики.

В середине 90-х у меня проявились последствия неумеренных юношеских занятий спортом. Упражнения с тяжелым молотом вызвали смещение позвоночных дисков, и они стали зажимать нервные окончания, что вызывало страшные боли. Левая нога стала плохо меня слушаться.

Врач-терапевт во время приема сказал, что нужна операция, и отправил в Институт травматологии и ортопедии, в котором заведующим отделением как раз работал В. Затлерс. Я пошел договариваться с ним об операции.

Пока ждал заведующего, познакомился с дежурным врачом – русским парнем. Тот сказал, что заведующий хороший специалист и операцию сделает отлично, но по сложившейся традиции ему надо будет заплатить. У меня неплохо шли дела в бизнесе и озвученная сумма у меня была. Однако знаете, как мужчины боятся всяких операций и даже простых уколов? Я стал выспрашивать дежурного, а нельзя ли обойтись консервативными методами лечения. Он сказал, что может поставить меня на ноги за три месяца без операции, сумму при этом не назвал.

Тут в помещение, где мы сидели, входит Валдис Затлерс. Дежурный тихонько предупреждает меня, что заведующий не любит, когда при нем разговаривают на русском языке. «*Мало ли чего…*» – прошептал. Мне этого «мало ли чего» совсем не хотелось с учетом, возможно, отложенной только на три месяца операции, и мы договорились, что я приду на другой день и в другое место. Русский доктор, как обещал, поставил меня на ноги за три месяца. Конечно, я заплатил ему за труды, но все примененные им манипуляции в список услуг, оплачиваемых из бюджета, не входили.

В. Затлерса олигархи «протолкнули» через Сейм в президенты, а он номинировал на пост премьера нужного его добродетелям Айгара Калвитиса. Последний договорился с российскими олигархами о возобновлении транзита нефти через Вентспилс, а также о строительстве в Добеле газохранилища с ответвлением к нему от газопровода, который Москва собиралась тянуть в Европу. Взамен Калвитис подписал и провел через Сейм договора о границе с Россией. По этому договору Латвия навсегда отказывалась от прав на Пыталово, отобранное у нее Сталиным в 1944 г. в наказание за массовое уничтожение в годы войны местными нацистами советских граждан. Национал-радикалы в Сейме пытались возражать, но олигархи лишили их денежной подпитки и те тихонечко уползли под лавку.

Американцы были крайне недовольны действиями латвийских олигархов и вскоре вынудили Калвитиса уйти в отставку. Тоже нашли на него какой-то компромат. Американцы для поиска компромата на местных политиков создали специальное бюро по борьбе с коррупцией (КНАБ), и оно работало без сбоев.

Затлерс попервоначалу честно выполнял данные олигархам обещания и номинировал в конце 2007 г. на пост премьера их нового ставленника Ивара Годманиса. Американцы стали искать способ вернуть ситуацию полностью под свой контроль. Как принято в таких случаях, Вашингтон организовал маленькую «цветную революцию». Она получила название «зонтичная», поскольку во время ее проведения шел дождь и люди укрывались от него с помощью зонтиков.

Внешние обстоятельства способствовали «зонтичной революции». В стране разразился жестокий экономический кризис, десятки тысяч человек потеряли работу, начали сокращать социальные выплаты из госбюджета. Тут еще разорился банк «Парэкс». Премьер Годманис принял решение покрыть убытки этого банка за счет средств госбюджета. История была темная, поскольку премьер зачем-то ездил для решения вопроса о спасении банка домой к В. Каргину. В кулуарах называли сумму, которая была ему вручена во время этого визита. Так это или не так, не знаю, но повод для недовольства населения действиями премьера был серьезный.

Фигуры американского влияния депутаты А. Штокенберг и А. Пабрикс организовали вечером 13 января 2009 г. большой митинг на Домской площади в Старой Риге. Потом подосланные спецслужбами провокаторы завели народ и подтолкнули его к погромам Сейма и близлежащих зданий. Для нагнетания обстановки в обществе погромы показали по телевидению. Я в эту ночь отмечал с друзьями из Рижского бизнес клуба Старый Новый год неподалеку от здания Сейма и рано утром, по пути домой, видел разоренную бушевавшей толпой Старую Ригу. Разрушения были ужасающими.

Премьера Годманиса обвинили в неспособности поддерживать общественный порядок в столице. Знакомые же полицейские рассказали, что начальство им длительное время не разрешало пресечь действия погромщиков, выжидало, когда ущерб примет большие масштабы. Через пару месяцев после «зонтичной революции» премьера – ставленника олигархов вынудили уйти в отставку.

Тут американцы заставили Затлерса номинировать на пост премьера Валдиса Домбровскиса из проамериканской, но оппозиционной на тот момент, партии «Новое время». Очевидно, они знали про деятельность президента во время его работы в Институте травматологии и ортопедии несколько больше, чем я.

Осенью 2010 г. подошло время выборов в X Сейм. На этих выборах первое место заняла партия «Единство», сформированная из останков «Нового времени» и двух мелких проамериканских политических группировок. Премьером после выборов опять назначили В. Домбровскиса. Бюрократы поставили олигархов на место. Народная партия и Первая партия были американцами сильно дискредитированы через СМИ, пощипаны правоохранительными органами и пошли на выборы, объединившись в одну партию, – «За лучшую Латвию». Результаты выборов для этой партии были достаточно плачевны.

Затлерс долго не давал олигархам внешнего повода для беспокойства. Поэтому они отправили его в декабре 2010 г. на встречу с тогдашним президентом России Дмитрием Анатольевичем Медведевым – возобновить диалог о нефтяном и газовом транзите. Валдис наобещал Дмитрию Анатольевичу семь верст до небес, но по приезде домой ничего сделать не смог. Премьер В. Домбровскис подверг его унизительной обструкции – заявил, что данные Затлерсом обещания российскому президенту выполнять не собирается.

Олигархи решили рассчитаться с Затлерсом, и когда подошло время перевыборов, то в Сейме президентом избрали близкого друга А. Лембергса Андриса Берзиньша.

Теперь уже обиделся Затлерс. Он объявил, что отправляет избранный только полгода тому назад Сейм в отставку, и инициировал народный референдум по этому вопросу. Народ на референдуме поддержал президента, поскольку депутатами-бездельниками был крайне недоволен.

В день референдума врач-ортопед объявил о создании новой партии – «Партии реформ» своего имени. Партию создавал аппарат президента на данные американцами деньги. Набирали в эту партию с бору по сосенке, преимущественно политических авантюристов.

Осенью 2011 г. состоялись внеочередные выборы в XI Сейм. Правящую коалицию образовали две партии бюрократов: «Единство» и «Партия реформ Затлерса». В партнеры они привычно взяли национальное объединение. Партия «За лучшую Латвию» А. Шкеле и А. Шлесерса не смогла преодолеть предвыборный барьер и вообще не прошла в Сейм. СЗК Лембергса оказалась в оппозиции. Премьером опять стал «друг американского народа» В. Домбровскис.

В. Домбровскис более двух лет провел на царствии, но потом случилась трагедия, приведшая к его отставке. В ноябре 2013 г. в рижском районе Золитуде обрушилось здание торгового центра «Максима», под обломками погибли 54 человека. Торговый центр возвела строительная фирма «Pe&Pe». Это была типичная «латышская» компания, которая за «откаты» получала крупные подряды в государственном секторе, нанимала мелкие «русские» строительные фирмы для выполнения всех работ и потом не расплачивалась с ними. Моя фирма примерно за год до трагедии выполнила для «Pe&Pe» ряд общестроительных работ на одном жилом доме в Зиепниеккалнсе, но они не заплатили мне около 10 тыс. евро. Подал на заказчика жалобу в суд, но выиграть дело не смог. Мой юрист сообщил, что у фирмы такое политическое прикрытие, что он в суде ничего сделать не может. На мой вопрос, кто же это прикрывает аферистов, юрист ответил, что жена премьера имеет свой материальный интерес в бизнесе «Pe&Pe». Биться лбом о стенку судебной системы я не стал, но информацию, полученную от юриста крепко запомнил.

Юристы у «Pe&Pe» были сильные, а вот инженеров и конструкторов набирали на работу по принципу знания ими в совершенстве латышского языка. Этот принцип и показал свою значимость в критических условиях эксплуатации торгового центра. Причиной обрушения здания, как мне объяснил потом знакомый архитектор, в конечном счете стали ошибки в проектировании и инженерных расчетах прекрасного знатока государственного языка. Контроль же за проектной и инженерной работой со стороны государства и Рижского муниципалитета никто не вел – «Pe&Pe» вовремя платила установленные суммы ответственным за осуществление контроля над процессом строительства лицам.

Когда здание торгового центра рухнуло, я сразу вспомнил «премьерский след» в деятельности «Pe&Pe» и опубликовал пару статей на эту тему. В статьях я рассказал о том, что услышал от своего юриста. Этот материал, как я понял, попал на стол обиженных премьером олигархов, и они довели его до президента.

В конце 2013 г. президент А. Берзиньш вызвал В. Домбровскиса, показал его бизнес-интересы в «Pe&Pe» и отправил в отставку. Началось следствие по факту, как объявил президент, «массового убийства людей». Однако американцы вывели В. Домбровскиса из-под удара и он вернулся на депутатское место в Сейм. Через год заморские кураторы продвинули его

на пост вице-председателя Европейской комиссии, ответственного за социальные вопросы. Латвийский опыт проведения политики затягивания поясов оказался востребованным в Европе. В счет будущих услуг с В.Домбровскиса списали личный долг супруги в размере миллиона евро.

Новым премьером Сейм выбрал Лаймдоту Страуюму, номинированную от партии «Единство», ту самую, мою коллегу по Совету молодых ученых в Институте экономике АН Латвийской ССР. Ходили слухи, что ее сын очень сильно увяз в долгах на почве неудачной коммерческой деятельности и американцы использовали это обстоятельство для осуществления контроля над моей бывшей коллегой.

Последний штрих к портрету маслом политической жизни республики. Осенью 2014 г. состоялись выборы в XII Сейм. По итогам этих выборов правящую коалицию опять сформировала партия бюрократов – «Единство». Оно взяло себе в коалицию, в качестве младших партнеров, Национальное объединение и партию А. Лембергса СЗК. Однако внутри «Единства» началась ожесточенная грызня, и партия инициировала отставку собственного премьера - Лаймдоты Страуюмы.

Создавшейся ситуацией воспользовался А. Лембергс. Он смог провести в Сейме на пост премьера своего ставленника Мариса Кучинскиса.

По истечении полномочий А. Берзиньша президентом избрали другого ставленника Лембергса – Раймонда Вейониса.

Таким образом, последние десять лет в борьбе за власть в республике шел розыгрыш прямо-таки шахматных партий между бюрократами и олигархами. Призом в этих партиях был пост премьера и возможность с его помощью запустить руку в государственный бюджет. О цене каждой такой партии можно судить только по одному примеру.

В 2016 г. министр обороны Раймонд Бергманис заключил контракт на поставку армии 123 старых британских бронетранспортеров на сумму 250 млн евро, при этом в Лондон надо было заплатить только 50 млн евро, а остальные 200 млн. чиновники, в том числе военные, просто распихали по карманам. В СМИ подняли большой шум по этому поводу, но все закончилось только отставкой командующего генерал-лейтенанта Раймонда Граубе. Согласитесь, что это не очень строгое наказание за кражу из государственного бюджета 200 млн. евро.

Уроборос

Средневековая гравюра. «Уроборос»

В 2008 г. исполнилось двадцать лет со дня провозглашения Декларации о независимости Латвии. На этот год как раз пришелся разгар экономического кризиса. Мы с коллегами подготовили к юбилею экспертный доклад «Системный кризис латвийского общества: причины, сценарии развития и возможности преодоления», распространили его в обществе. Основные положения этого доклада не утратили актуальность до настоящего времени, и я воспроизведу здесь некоторые из них.

В Латвии смена государственной формы собственности на средства производства на частную происходила в самой дикой форме. Она сопровождалась колоссальным спадом производства. Только в 2005 г. удалось восстановить уровень материального производства 1989 г. Потом начался экономический подъем за счет финансовых и кредитных средств, поступавших от Европейского союза. Однако в 2008 г. разразился новый экономический кризис, и страна вновь откатилась к уровню материального производства конца советских времен. Этот уровень не удалось восстановить вплоть до 2016 г.

Свертывание материального производства привело к резкому сокращению числа рабочих мест и росту безработицы. В 1988 г. в народном хозяйстве Латвийской ССР было занято 1343 тыс. человек. В 2015 г. численность занятых составила уже только 815 тыс. человек. Как видно, общее число рабочих мест за четверть века жизни в независимой Латвии сократилось более чем на полмиллиона, или на две пятых. «Лишние люди» вынуждены были бежать за границу, благо Европа открыла для них свои границы.

Общество расслоилось на узкий слой богатых, крайне небольшой средний класс и огромное число откровенно бедных людей. Причем на дно общества опустились как русские, так и латыши.

Открываю статистический сборник по Латвийской Республике за 2014 г. и ищу в нем раздел «личное потребление населения». Вижу в развернутой таблице: потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в этом году составило 53 кг, молока и молочных продуктов – 88 кг, яиц – 197 шт., рыбы и рыбопродуктов – 11 кг, сахара – 22 кг. То есть по основным продуктам питания потребление населения снизилось за прошедшие четверть века где-то наполовину, а где-то и в пять раз.

Причем средние цифры потребления по социалистической Латвии были действительно средними – социальная дифференциация общества была невелика. Теперь за средними цифрами потребления скрываются и те люди, которые переедают и выбрасывают излишние продукты питания, и те, которые откровенно голодают. Кто не видел призраков, которые целыми днями бродят по улице, ныряют в мусорные баки и выуживают из них чужие объедки? Кто не видел очередей изможденных людей у пунктов раздачи бесплатного питания, например, возле Рижского св. Троицко-Сергиева женского монастыря? Конечно, можно успокаивать себя тем, что эти люди сами виноваты в своей судьбе, что им надо было раньше больше работать, и все было бы у них хорошо.

По мне так лучше было бы вернуться к «подушечкам» с начинкой из варенья и соевым «кавказским» конфетам, чем доводить многие тысячи людей до голодной смерти. И все это только ради того, чтобы выигравшие от «белой» контрреволюции расхитители государственной собственности могли иметь возможность каждый день съесть дюжину свежих устриц и запить их бутылочкой охлажденного шабли «Гран Кю». Мое мнение

разделяют, к сожалению, очень немногие люди, даже из числа личных друзей. А говорить на эту тему вообще никто не хочет.

Разыгранный пришедшими к власти в 1991 г. национал-коммунистическими элитами конфликт между латышами и русскими позволил отвлечь внимание и тех, и других от решения жилищной проблемы. Многоквартирные дома в республике полтора десятилетия вообще не строили. Высокопоставленные чиновники и крупные бизнесмены возводили для себя шикарные особняки. Однако даже ими в строй вводилось только по тысяче индивидуальных жилых домов в год. Это означало, что число лиц, ежегодно улучшавших свои жилищные условия в течение 15 лет независимой Латвии, было ниже, чем число лиц, ежегодно улучшавших жилищные условия в Советской Латвии последних пяти лет ее существования, в 40 раз! Стоило ради этого наемному трудовому люду поддерживать «белую» контрреволюцию?

Этой зимой подвозил на машине вечером друга, который живет в Московском районе недалеко от того места, где я провел свое детство и юность. Высадил пассажира и стал разворачиваться на узкой площадке перед подъездом многоквартирного дома. В машине было жарко от работающей на полную мощь печки, а температура на улице приближалась к 15 градусам мороза. Разворачиваясь, я заметил у забора за мусорниками на хромом кресле женщину лет пятидесяти, кутающуюся в какие-то тряпки. Она явно собиралась ночевать здесь. У меня в багажнике лежала старая дубленка из овчины, которую не мог завезти в приют для бездомных уже два месяца. Я достал эту дубленку и молча отдал женщине. Она также молча взяла и тут же стала укутываться в нее. Что можно было сказать бедолаге в этой ситуации? Спросить, как она оказалась на улице? Ясно как – не смогла заплатить за квартиру, которую получила бесплатно при социализме. Наверное, на несколько дней я спас пожилую женщину от холодной смерти. Сел молча обратно в теплый салон машины и уехал поскорее прочь. Откупился, что называется, от совести на некоторое время.

Не поленился потом и посмотрел, сколько людей ежегодно гибнет в Латвии от холода. В 2015 г. таких было 136 человек. Еще 382 человека покончили жизнь самоубийством из-за того, что не могли сохранить свой социальный статус и не хотели превращаться в бомжей, ночевать зимой на улице. Вместе это более полутысячи погибших в год, а за последние

четверть века независимой республики их было 13 тысяч – население такого города, как Тукумс или двух таких городов, как Лимбажи.

Вот и взвесьте лично для себя на символических весах справедливости, что лучше: выделять муниципальное жилье тем, кто в нем нуждается, или продолжать дальше вымораживать бездомных партиями размером с население среднего провинциального города?

Как отреагировал латвийский трудовой люд на сокращение рабочих мест, резкое снижение уровня материального потребления и лишение элементарных социальных услуг? Он стал массово вымирать, а те, кто остался в живых, попытались спастись бегством за границу.

Общая численность населения республики, только по официальным статистическим данным, сократилась с 2 666 тыс. человек в 1990 г. до 1953 тыс. человек в 2017 г., или на 28%.

Если же принять во внимание то обстоятельство, что в ходе переписи 2011 г. выявилось, что реальная численность населения значительно ниже той, которая рассчитывалась и постоянно публиковалась органами статистического учета, на 170 тыс. человек, то все выглядело еще более трагично. В таком случае численность населения Латвии в 2017 г. должна была составлять всего лишь 1 783 тыс. человек.

При любых расчетах по темпам «обезлюживания» Латвия вышла на почетное первое место не только в Европе, но и в мире. На одну треть депопуляция шла за счет того, что смертность превышала рождаемость, на две трети – за счет миграции.

Демографическая катастрофа в равной степени затронула и латышей, и русских. Численность латышей в республике, по официальным статистическим данным, сократилась с 1 367 тыс. в 1989 г. до 1 216 тыс. в 2017 г. С учетом же искусственного завышения численности населения республики, произведенного властями после переписи населения 2011 г., реальная численность латышей в 2017 г. не должна была превышать 1 113 тыс. человек. Выходило, что потери численности титульного этноса за период после 1991 г. были намного больше, чем его потери во время Великой Отечественной войны, вкупе с потерями от депортаций 1941 г. и 1949 г.

Тенденцию к депопуляции латышского этноса фиксировал и показатель численности населения, для которого родным языком является латышский. По официальным статистическим данным, численность латышей за период с 2000 по 2011 г. сократилась на 6,3%, а численность лиц, для которых латышский был родным языком, на 15,8%. То есть латыши утрачивали свой родной язык в 2,5 раза быстрее, чем сокращалась их общая численность. Принудительная латышизация инородцев оказалась бессмысленной — никто из них в ходе переписи не захотел признавать латышский язык родным.

Выходило, что проект строительства правящей элитой «латышской Латвии» с треском провалился. При сохранении сложившихся тенденций через 50 лет латышский язык должен был исчезнуть из общественного оборота, а через 100 лет в стране не останется этнических латышей.

Полный провал концепции строительства «латышской Латвии» мною был описан еще в 2012 г. в статье «Почему латгальцев посчитали неправильно». В этой статье я отметил также, что если учесть численность латгал, которых в 2011 г. впервые с послевоенного времени соизволили переписать, то численность латышей-балтиешей на момент переписи была меньше миллиона и они не составляли и половины общей численности населения республики. Ни одного аргумента против высказанных в статье положений никто из борцов за «латышскую Латвию» до сих пор не выдвинул.

Нормальные латышские националисты сделали бы из выявленных переписью, трагических по своему смыслу статистических данных правильные выводы: надо стимулировать рождаемость, бороться с высоким уровнем смертности, создавать новые рабочие места, развивать материальное производство, поскольку только оно является источником средств для решения всех социальных проблем.

Однако у власти в стране находился союз олигархов и бюрократии, который только разыгрывал этническую карту, но мало заботился о действительной защите интересов латышского этноса. За громкими заявлениями о защите латышских национальных интересов реальных действий не следовало.

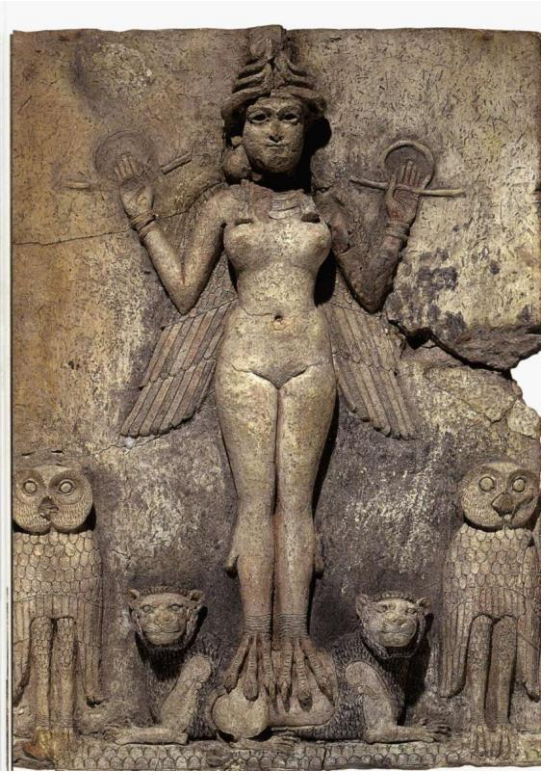
Особенно убоги на трагическом фоне общей депопуляции были действия латышских национал-радикалов. Время от времени они громко заявляли о необходимости выделить дополнительные средства на поддержку рождаемости и на развитие здравоохранения, принимали в Сейме программу репатриации латышей на родину. Однако власть имущие каждый раз грубо одергивали крикливых активистов Национального объединения, и все возвращалось на круги своя – латыши продолжали вымирать и бежать прочь от своей фальшивой элиты за границу. Впрочем, как и «инородцы».

Для олигархов и бюрократов между тем жизнь в «новой» Латвии была достаточно комфортной. Они прикупили себе земли и построили на ней роскошные поместья. Упоминаемый уже А. Шкеле, например, захватил морское побережье в районе Саулкрасты и разместил на нем имение «Макони». Для простого люда проход к морю был закрыт железным забором, хотя это строго запрещалось законом. Так же поступил в Юрмале В.Каргин. Кто-то из олигархов прикупил старые немецкие поместья. Огромные участки земли они сначала приватизировали, а зетм продали иностранцам. Как, впрочем, продали иностранцам и весь деловой лес.

Центр Риги отремонтировали и подсветили. Открыли множество уютных кафе и ресторанов, где можно было вкусно поесть. В специализированных магазинах на полках появились вожделенные двадцать четыре сорта колбасы и богатый набор других деликатесов. В бутиках стали продавать красивую импортную одежду и обувь. В столице с избытком понастроили новых домов и квартир на продажу. По улицам разъезжали новенькие мерседесы и джипы. Для западных туристов открылись недорогие публичные дома. Словом, идеалы Третьей Атмоды, за которые народ выходил в январе 1991 г. сражаться на булыжно-досочные баррикады, полностью воплотились в жизнь.

При внимательном взгляде на латвийское общество можно было заметить, что в результате уродливой этнократической трансформации оно стало походить на змея, пожирающего свое собственное тело – уробороса. В роли головы этого мифического существа выступали бюрократы и олигархи, а хвост образовывал простой трудовой люд..

Как я был «согласистом»



Аккадская богиня Иштар

В 2008–2009 гг. я достаточно много выступал в масс-медиа с пространными комментариями по проблемам разразившегося в республике экономического кризиса. Общество искало выход из катастрофической ситуации, а придворные экономисты в один голос пели известную песню Леонида Утесова «Все хорошо, прекрасная маркиза». Помните рефрен этой песни? Все хорошо, прекрасная маркиза, только кобыла сдохла, конющня вместе с замком сгорела, вы разорились, муж застрелился, а так все хорошо. Премьер Домбровскис даже написал на лейтмотив этой песни книгу, которая называлась «Как Латвия прошла через экономический кризис».

Один раз мне довелось выступить на республиканском съезде предпринимателей в Доме спорта с изложением своего видения путей вывода страны из кризиса. Слово на этом собрании мне дал ведущий мероприятия Юрис Пайдерс. Выступал я на русском языке, возражать против предложенных мер никто из присутствующих не стал. Мероприятие было организовано А. Шлесерсом и А. Шкеле как

предвыборное, и мои предложения их не заинтересовали. Ведь я предлагал пути вывода экономики республики из кризиса, а олигархов интересовало, как заработать на этом кризисе.

Зато после выступления в Доме спорта меня пригласили на заседание фракции «Центра согласия» в Сейме. Мой доклад депутатам понравился, и руководитель фракции Янис Урбанович пригласил меня сотрудничать с партией. Янис был опытным политиком, хорошо разбирался в людях и понимал, что партии не обойтись без экспертов, которые могли бы озвучивать здравые экономические идеи. В партию я не вступил, но стал консультировать фракцию по экономическим вопросам. Было это летом 2009 г., вскоре предстояли выборы в X Сейм.

Работа во фракции была достаточно интересной. Следовало просматривать все законопроекты и предлагать к ним поправки, следить за постановлениями Кабинета министров и ключевых экономических министерств, давать всем этим документам оценки и формулировать предложения для фракции. Мои выступления в СМИ на экономические темы стали расцениваться многими как партийные. Так я стал «согласистом».

Помимо меня, по экономическим вопросам в СМИ активно выступала Евгения Зайцева, работавшая консультантом в этой же фракции. Если я был более склонен к политэкономическим обобщениям, то Женя отличалась глубоким знанием деталей работы экономического механизма на всех уровнях. У нас получался неплохой тандем.

Так, мы с Зайцевой в 2010 и в 2011 гг. составили альтернативные проекты государственного бюджета Латвии, чтобы показать, как можно с их помощью вывести экономику страны из кризиса.

Базовый проект бюджета готовили минфин и Кабинет министров Латвии. Над ними в течение полугода работало человек двести, и плодами их трудов были четыре тома текстов и таблиц общим объемом около двух тысяч страниц. Мы с Женей сделали альтернативный проект, конечно, объемом поменьше, но со всеми нужными предложениями и приложениями, затратив на все около месяца. Главной идеей было совершить маневр налогами, сократить численность бюрократов, создать новые рабочие места, поддержать людей, потерявших работу. Все эти идеи не были так уж оригинальны – их предлагали, например, немецкие

эксперты для вывода Германии из кризиса. Немцы кризис преодолели за год, и падение объемов производства у них в стране не превысило пары процентов. Латвия, напомню, показала антирекорд – минус 24 процента падения ВВП и добилась выхода на уровень предкризисного 2007 г. только через 9 лет.

Я. Урбанович торжественно вносил в Сейм наши альтернативные бюджеты, и профильные комиссии вынуждены были с ними разбираться. Правящая коалиция наши предложения, конечно, с порога отвергала и следовала базовому варианту, который вносил премьер Домбровскис. Он же творил своим бюджетом «историю успеха»: урезал расходы на социальные нужды, повышал налоги, увеличивал численность сотрудников госаппарата и повышал им зарплаты, а все дырки в бюджете закрывал кредитами, полученными от международных организаций. Это при нем началось массовое бегство латвийцев в англии и ирландии.

Надо сказать, что во время работы в Сейме я убедился, что депутаты мало разбираются в экономических вопросах и просто штампуют те документы, которые для них готовит Кабинет министров. В Кабинете министров же сидят люди, не способны создать, как говорят экономисты, «добавленную стоимость» – попросту говоря, люди с ограниченными умственными способностями. В бюрократический аппарат ведь стали набирать отставных «партийцев» или родственников высокопоставленных чиновников. После двух десятилетий развития капиталистической Латвии оказалось, что номенклатурный слой в ней никуда не делся, а только стал намного более многочисленным и влиятельным, чем при социализме. Качество же человеческого материала в номенклатуре резко ухудшилось.

Помимо работы во фракции, я еще часто ездил по районным и городским собраниям актива «Центра согласия». На них рассказывал собравшимся, что происходит в экономике и как можно выбраться из поразившего страну кризиса. Работа была один к одному схожа с той, которая у меня была в ЦК КПЛ. Только теперь партия была другая и находилась в глухой оппозиции.

«Центр согласия» тогда активно боролся за власть, меня даже сделали во время одной предвыборной кампании теневым министром экономики. Я продолжал оставаться негражданином и занять пост министра после выборов, естественно, не мог, но открывшиеся возможности для

публичных выступлений использовал в полной мере. Это сыграло определенную роль в ходе предвыборной кампании партии.

В IX Сейме у ЦС и ЗаПЧЕЛ было вместе 23 депутатских мандата, в X Сейм ЗаПЧЕЛ не прошел, а ЦС получил 29 мандатов. В XI Сейме «Центр согласия» получил аж целый 31 мандат. Считаю, что в приросте депутатских мест у партии в парламенте была и моя заслуга.

Депутаты IX Сейма от ЗаПЧЕЛ также были грамотными и активными политиками: Володя Бузаев, Андрей Толмачев, Яков Плинер, Юра Соколовский. Партии только надо было привлекать к своей работе новые лица, корректировать программу под требования времени, больше встречаться с избирателями в перерывах между выборными кампаниями, разрабатывать и применять новые символические инструменты мобилизации. Всего этого не было или делалось в недостаточных объемах.

«Центр согласия» хотя и был конкурентом партии ЗаПЧЕЛ, в общественном пространстве ее не атаковал. Помню установку Я. Урбановича: «*ЗаПЧЕЛ наши союзники, на них не нападай, если сами нападут – лучше промолчи»*. Это была грамотная установка, и я ей следовал. После провала ЗаПЧЕЛ на выборах в X Сейм я несколько раз слышал от Яниса сожаления по этому поводу. «*Приходится двигаться влево и терять свой центристски настроенный электорат*», – говорил он.

Пару раз я предложил помочь с решением экономических проблем «согласистам» в Рижской думе. Как раз в это время ее мэром стал Нил Ушаков. Мы были с ним немного знакомы, но предложения я передавал через депутатов городской думы, с которыми был знаком еще по ЦДИ. Мэр на эти мои предложения не ответил. Третий раз я ничего предлагать уже не стал. Потом выяснилось, что Ушаков окружил себя лично преданными ему людьми. Я же в жизни ориентировался больше на духовные ценности, а не на личности.

Наш медовый месяц с «Центром согласия» длился чуть более двух лет. Потом я включился в проведение референдума по русскому языку и стал публично выступать с резкой критикой правящей элиты, высвечивать ее этнократический характер.

Вначале Нил Ушаков критиковал идею с референдумом, потом, под угрозой лишения поддержки всего русского электората, вынужден был

его поддержать. За что рижскому мэру спасибо. Открыто поддержали референдум и некоторые другие знаковые фигуры среди «согласистов» – Николай Кабанов, Александр Барташевич, Сергей Мирский.

После референдума на Н. Ушакова началось сильное давление латышской правящей элиты. Предстояли новые выборы в столичную думу. Мой образ борца за русские интересы мешал подобрать союзников по правящей коалиции среди латышских партий, и Ушаков стал выдавливать меня из партии. Как уже писал, я такого рода давление не переношу, поэтому сам отошел от ЦС. Однако дружеских отношений с большинством партийцев не утратил.

Весной 2010 г. объединение «Центр согласия» стало единой партией и приняло имя «Согласие». Партия начала открыто позиционировать себя социал-демократической и от защиты интересов русского населения отказалась. Она приняла на себя функцию «впихивания» русских в этнократическую иерархию – естественно, на низшие ступени социальной лестницы. За это часть партийного руководства получила в свое распоряжение определенный объем власти, богатства и социальных статусов. Мы в известной степени вернулись в советские времена, только уже не латышская номенклатура шла в услужение к интернационалистам, а русское чиновничество было на подхвате у правящей латышской национал-демократии. В обществе был спрос на партию, которая выполняет такого рода функцию. Единственно, было обидно, что «Согласие» монополизировало такой важный символический инструмент мобилизации русского избирателя, как празднование Дня Победы. Победа советского народа в Великой Отечественной войне не имела никакого отношения к идее услужения русских латышским национал-демократам.

Мне ситуация с голосованием русского электората за «Согласие» сильно напомнило поклонение аккадской богине Иштар. Этот религиозный культ предполагал отказ неофитов от собственных интересов, нанесение вреда своему телу вплоть до оскопления. Духовного оскопления, я имею в виду.

Партии ЗаПЧЕЛ никак не удавалось занять нишу представителя интересов русского населения, образовавшуюся после религиозно-политической трансформации «Согласия». В 2014 г. эта партия ушла от правозащитной риторики и приняла программу защиты русских интересов, даже название поменяла – стала называться Русский союз Латвии. Однако это не помогло ей провести депутатов в XII Сейм.

Референдум за русский язык: стена встречного огня

Астлей Купер. «Огонь в прерии»

В 2010 году латышские национал-радикалы из объединения политических партий «Все для Латвии» – «Отечеству и свободе» – «Движение за национальную независимость» начали сбор подписей за проведение референдума по запрету преподавания в государственных школах на русском языке. Решили не отрубать коту хвост кусочками, как национал-демократы, а с размаху избавиться от него целиком – по-быстрому ассимилировать детей инородцев.

С 2010 по 2011 год национал-радикалы собрали достаточное количество голосов для перехода ко второму этапу сбора подписей. Этот этап проходил в мае-июне 2011 г. Мне представляется, что национал-радикалы набрали достаточное количество голосов и на этом этапе, но ЦИК республики провел подтасовку результатов и объявил, что этот этап их референдума провалился. Подтасовать результаты сбора подписей ЦИК заставили латышские национал-демократы, которые испугались, что радикалы выиграют референдум и на волне успеха смогут существенно подвинуть их во власти.

Незадолго до начала второго этапа референдума национал-демократы дали команду подконтрольным им спецслужбам применить в отношении латышских национал-радикалов тактику «встречной стены огня».

Тактика «встречной стены огня» хорошо описана писателем Фенимором Купером в его приключенческом романе «Прерия». Там белые путешественники оказываются в кольце огня, зажженного в степи

представителями титульного этноса – индейцами. Белый траппер (зверолов) Натаниэль Бампо, освободив небольшой участок от травы для укрытия своих друзей, сам поджигает степь. Надвигающийся мощный огненный вал степного пожара всасывает в себя воздух, а вместе с ним и небольшую огненную полоску, зажженную хитроумным траппером. Огненные валы сталкиваются друг с другом и, лишенные горючего материала, гаснут.

На роль латвийского Натаниэля Бампо национал-демократами был определен начальник полиции безопасности Янис Рейниекс. Он должен был лишить латышских национал-радикалов горючего материала с помощью ответного референдума за русский язык как второй государственный. Заодно можно было и русским показать их ничтожность в претензиях на равноправие, образно говоря, сжечь, как пожухшую траву, их духовные ценности. Русских от распаленного латышскими национал-радикалами огня ненависти национал-демократы спасать не собирались.

Идею сбора подписей за предоставление русскому языку статуса второго государственного давно вынашивал Володя Линдерман, и полиция безопасности решила использовать его инициативу в своих целях. В компанию Линдерман взял Евгения Осипова, Эдуарда Сваткова и меня, поскольку я тогда активно выступал с критикой социально-экономической политики правящей элиты и был хорошо узнаваем в республиканских масс-медиа.

Я согласился поддержать этот проект и даже вошел в руководство созданного для его реализации общества «Родной язык». Своей главной задачей в проекте я объявил товарищам по борьбе идеологическое обеспечение процесса сбора подписей. Сразу же начал выступать на радио, по телевидению, в прессе.

Причиной моего решения поддержать инициированный другими референдум была надежда на то, что в процессе сбора подписей и голосования удастся вернуть русским чувство собственного достоинства. Надеяться на победу на референдуме, когда половина русского населения была лишена прав участвовать в нем из-за отсутствия гражданства, было опрометчиво. Я предполагал, что нам удастся максимум выйти на второй этап сбора подписей. Это тоже была нелегкая задача, поскольку требовалось набрать десять тысяч нотариально заверенных подписей, и за каждую из них надо было заплатить приличную пошлину, денег на

которую у многих желающих принять участие в референдуме просто не было.

Основную роль в организации сбора подписей на первом этапе играла Анастасия Высоцкая, работавшая с нотариусами по всей республике. Те капризничали и не хотели выполнять свои должностные обязанности из-за того, что референдум организовали русские. Как Настя построила взаимоотношения с нотариусами, я не представляю. У нее на связи постоянно было полторы сотни этих самоуверенных и своевольных юристов по всей республике, и она договаривалась с ними о заверении подписей участников референдума. Причем они делали это в долг! Я на тот момент уже два десятка лет работал в бизнесе и регулярно пользовался услугами нотариусов, но о том, чтобы добиться от них подготовки какого-либо документа в кредит, не осмеливался даже и подумать.

Лицом акции был Владимир Ильич Линдерман. Он непрерывно выступал в СМИ, главным образом латышских. Редактора, журналисты, фотографы, карикатуристы латышских изданий лепили из него, явно по заказу спецслужб, образ Мефистофеля. Для этого они непрерывно подчеркивали в своих материалах его этническое происхождение, хотя по предпринимаемым на референдуме действиям Володя показал себя истинно русским человеком.

Я больше выступал в местных и российских русскоязычных массмедиа. Поскольку Линдермана выдворили незадолго до этого из России за активную национал-большевистскую деятельность, в российские СМИ ему доступа не было вообще.

С командой друзей на референдуме мы работали в социальных сетях, готовили и распространяли листовки, проводили символические акции. Назову только тех из товарищей, кто «засветился» публично и кому своими воспоминаниями не могу нанести ущерба. Это Б. Зельцерман, М. Драгиле, Е. Бачинска и Е. Кривцова. Было еще несколько десятков добровольных помощников, но кто они – пусть останется тайной. Не стану я раскрывать и технологию наших действий. Скажу только, что полтора года тесной работы нашей команды в ходе подготовки и проведения референдума были лучшим периодом в моей общественной жизни.

Самой большой проблемой вначале было найти деньги на оплату услуг нотариусов. Я обратился несколько раз в СМИ за помощью, и люди

откликнулись на мой призыв. Расскажу о двух случаях оказания нам финансовой помощи.

Первый раз я получил деньги на одном из собраний Совета общественных организаций в Доме Москвы. На этом собрании ко мне подошла руководитель общества ленинградских блокадников и протянула полиэтиленовый мешочек, доверху наполненный мелкими купюрами и монетами. Это, говорит, мы в обществе собрали деньги на референдум за русский язык. Я отказывался, понимая, что блокадники люди совсем не богатые и сбор пожертвований для них достаточно обременителен. А руководитель общества и говорит мне уверенно: «*Ты, Саша, не отказывайся, я же в матери тебе гожусь. Мы деньги на важное дело собирали. Тебе его хорошо сделать надо. Твоя мама тоже денег на русский язык не пожалела бы из своей пенсии*». От этого обращения у меня ком к горлу подступил и предательские слезы на глаза навернулись. Я тот полиэтиленовый мешочек с собранными блокадниками деньгами взял и к груди прижал. Произнести смог только два слова: «*Спасибо, мать*». У меня мама была блокадницей, и когда что-то просила сделать, то Сашей называла. Деньги на референдум она точно бы дала из своей небольшой пенсии и отказ их взять не приняла бы.

Второй случай был совсем иного плана. Сижу я раз в разгар сбора подписей за референдум в кафе рядом с офисом. Ем селедку под шубой. Люблю я очень это исключительно вредное для здоровья блюдо. В том кафе в обед всегда полно народу. Какой-то здоровенный тип подходит с чашкой кофе и просит разрешения сесть за столик рядом со мной. Разрешаю, конечно. Он ставит чашку на стол и, что называется, в лоб спрашивает: «*Ты Александр Гапоненко?*» «*Я Александр Гапоненко*», – недоуменно отвечаю ему. «*Вот, тебе мужики денег на русский язык собрали*», – говорит и подвигает по поверхности стола ко мне достаточно толстый запечатанный конверт. «*Да, а на что конкретно тратить? Расписку надо писать?*» – спрашиваю я по-деловому. Знаю же, что бесплатный сыр только в мышеловке бывает. «*На что тратить надо – сам решай. Тебе видней. А расписки не надо*».

Мужик, так и не пригубив свой кофе, встал и ушел, не попрощавшись. Я некоторое время ждал, когда на меня набросятся оперативники из полиции безопасности за незаконный сбор пожертвований и найдут латы, меченные штампом «рука Кремля», но обошлось.

Деньги и от женщин-блокадниц, и «от мужиков» я внес на счет общества «Родной язык» для оплаты услуг нотариусов. Потом полиция безопасности пытала, откуда у меня деньги, инициировала административное дело о неуплате налогов, суд по которому длится уже пять лет. Интересно, это я должен был акт о приемке денег с тем здоровенным типом в кафе составить или объяснять в суде, что не смог отказать в приеме денег от женщин-блокадниц из-за того, что они меня Сашей называли?

Однако суды были потом, а во время сбора подписей меня никто из спецслужб особо не донимал. Поэтому и по целому ряду других мелких деталей стало ясно, что инициаторов референдума кто-то пытается использовать в своих целях. Однако кто это, сначала было неясно. Вначале я подумал, что это «рука Кремля». Однако побывав в Москве по делам бизнеса и встретившись со знакомыми, тесно связанными с власть имущими, я выяснил, что нашу инициативу по проведению референдума они расценивают как провокацию и меня, соответственно, как сомнительную или не очень умную личность, позволившую себя втянуть в чужую игру.

Тут мы преодолели барьер по сбору подписей в 10 тысяч голосов, сдали эти подписи в Центральную избирательную комиссию и стали ждать ее решения. Избирательная комиссия собранные нами подписи признала и разрешила переходить ко второму этапу референдума – сбору подписей десяти процентов избирателей. Эти подписи уже не надо было заверять у нотариусов – издержки в соответствии с действующим законодательством покрывало государство.

Тогда-то я и сообразил, что в игре участвует Натаниэль Бампо со своей командой и пытается выжечь дотла русское национальное сознание. Ведь если мы провалимся на втором этапе, то у властей будут основания говорить, что введение второго государственного языка не поддержали сами русские. Как раз в социальных сетях появились публикации, что референдум «замутили» евреи вроде В. Линдермана и А. Гапоненко, а простые русские люди всем довольны. Меня эти расистские публикации сильно разозлили, и я стал публично обвинять власти в поощрении антисемитизма. После этого юдофобия вроде чуток поутихла.

Референдум за русский язык: рижское осадное сидение

Неизвестный художник. «Азовское сидение»

Поскольку замысел латышских национал-демократов выяснился, надо было придумать, как их обхитрить. Следовало запустить третью волну огня в тылу у индейцев. Сделать это было непросто, поскольку полиция безопасности напихала в наше окружение большое число своих соглядатаев. Они ходили на организованные мной и Брониславом Зельцерманом учебные курсы «Лидер гражданского общества». «Засланцев» мы сразу вычислили, но решили, что пусть они лучше будут на виду. Исходили из мудрого принципа, сформулированного итальянским философом Никколо Макиавелли «*Держи друзей близко, а врагов еще ближе»*.

Наша команда создала Комитет поддержки референдума за русский язык, который стал проводить основную часть идеологической, организационной и пропагандистской работы. Выработанные нами с Брониславом социальные технологии позволяли формулировать смыслы обращений к людям, придавать им нужную форму, мобилизовать избирателей через СМИ и социальные сети.

Людей приходилось стимулировать, поскольку тем, кто участвовал в сборе подписей на втором этапе референдума, ставили в паспорт штамп. Этот штамп мог послужить причиной увольнения с работы, лишения премии, вызвать другие неприятности. Наши действия по стимулированию людей носили простую, но эффективную форму. «Мулек» было придумано и воплощено много, расскажу только про свои личные «преступные» деяния.

Помню, как владелец достаточно крупной фирмы «Лачи», которая выпекает очень вкусный хлеб с орехами и сухофруктами, разразился гневной русофобской статьей в адрес участников сбора подписей.

В ответ на эту русофобскую статью я написал на своей страничке в фейсбуке небольшой пост. Суть его сводилась к тому, что впредь я отказываюсь покупать хлеб фирмы «Лачи», поскольку ее владелец русофоб. Эту запись процитировал ряд латвийских и российских СМИ. Так что вы думаете? Через пару месяцев читаю в латышской газете интервью с горе-хлебопеком. Он жалуется журналисту на то, что объем сбыта его продукции после публичного выступления против русского языка сократился на две пятых. То есть абсолютно все русские прекратили покупать его продукцию. Это была символическая акция демонстрации русскими чувства собственного достоинства.

Русофобия во время референдума исходила не только от малообразованных и самодовольных хлебопеков, но и от рафинированных интеллигентов. Например, известный латышский режиссер Алвис Херманис заявил на телевидении: *«Если воспринимать референдум как стресс-тест, то это прекрасный подарок от бога… мы получим список всех не верных стране граждан… это тест для предателей государства».* Это тот самый А. Херманис, который основную часть своих пьес в России поставил и заработал на этом кучу денег. Подумал и про него гневный пост написать, но что-то удержало.

Угрозы участникам референдума шли и от политиков. Национал-радикалы, например, требовали лишать депутатов, подписавшихся за проведение референдума, мандатов. А спикер Сейма Солвита Аболтиня натравливала на нас спецслужбы. Доминировать интеллектуально в русском информационном пространстве у нее никак не выходило, единственно, на что она была способна – назвать нас «провокаторами». Иногда попытки главы парламента, кстати, бывшей активной комсомолки, взять на себя идеологическую компоненту борьбы с русским языком выглядели очень забавно. Расскажу об одном таком случае.

По вечерам я обычно писал у себя на страничке в социальной сети посты о проблемах, возникавших в ходе подготовки к референдуму. Один раз покритиковал правительство за то, что оно выделило деньги из госбюджета на агитацию против предоставления русскому языку статуса второго государственного, хотя средства на эти нужды в него не

закладывали. Попытка заставить русских оплатить намыленную веревку для собственного повешения пахла очень дурно. Тему сразу подхватили мировые СМИ.

О содержании моего поста доложили председателю Сейма. Солвита его проанализировала и через пару дней организовала пресс-конференцию, на которой заявила, что бюджетные деньги будут выделяться не на агитацию против русского языка, а на «просветительские программы» в области использования латышского языка.

В рамках кампании «просвещения» за 50 млн латов на латвийских дорогах были выставлены щиты, которые пугали водителей автомашин лозунгами «Русские идут!» и мобилизовывали призывами «Латыш, не сдавайся!». Эдакая невинная просветительская программа вышла.

В ходе борьбы с нами власти попытались использовать «правильных русских», по нашему власовцев. Откуда-то из запасников спецслужб вытащили Елену Екатериничеву и Игоря Ватолина. Их стали чуть ли не ежедневно приглашать на латышские теле- и радиоканалы. Екатериничева была российской гражданкой и совсем не говорила по-латышски. А когда она говорила по-русски, то извергала такие нечистоты про свой народ, что это вызывало у всех страстное желание принять душ и вымыть все тело. Ватолин в СМИ витиевато хвалил латышскую этнократию и призывал русских покаяться перед коренным этносом за совершенные грехи. Каяться русским было не в чем, они хотели, чтобы их перестали публично унижать.

Видя, что проект «правильные русские» проваливается из-за бесталанности местных коллаборационистов, джеймсбонды пригласили из России гастролеров: Валерию Новодворскую и Натана Боровика. Прослушав по радио их выступления, один мой сильно «интегрированный» в латышскую среду знакомый, который был до этого решительно против проведения референдума, мрачно изрек: «*Прямо демоны какие-то!*» А после этого еще более мрачно спросил: «*Как вам помочь-то в проведении референдума?*»

Наконец власти пустили в ход артиллерию, стреляющую пудовыми ядрами. Кардинал Янис Пуятс – глава латвийской католической церкви, и архиепископ Янис Ванагс – глава протестантской церкви, стали призывать свою паству голосовать на референдуме против русского языка. Тем

самым они существенно «подновили» христианскую доктрину. Простым католикам и протестантам предлагалось признать, что в христианстве есть люди первого сорта, имеющие право на родной язык, и люди второго сорта, такого права не имеющие.

Православный архиепископ Александр и глава совета старообрядческих общин о. Жилко призвали власти предоставить русским право свободно использовать свой родной язык. Отец Жилко даже позвонил мне по мобильному телефону и сказал, чтобы за старообрядцев мы не беспокоились – проголосуют как надо. Действительно, в Латгалии – центре староверия – более половины жителей проголосовали на референдуме за русский язык как второй государственный.

Какие ресурсы мы могли противопоставить тяжелым идеологическим зарядам, запускаемым этнократическими властями? Приведу один, но весьма показательный пример.

Вся наша агитационная работа базировалась на добровольцах. В частности, были люди, которые распространяли листовки. За неделю до референдума мы напечатали большой тираж листовок с призывом приходить на участки для голосования, но раздать их наличными силами не успевали. На фейсбуке я написал призыв оказать помощь в распространении листовок и дал наш дежурный телефон.

Люди стали звонить, приходить к нам в импровизированный штаб в одной частной школе, забирать листовки и разносить их по подъездам домов, раздавать на работе, прямо на улице.

За два дня до референдума приходят в штаб женщина лет семидесяти с внуком лет десяти. Из их разговора между собой узнаю, что бабушку зовут Анна, а внука Кирилл. Взяли они две тысяч листовок и ушли. Приходит три часа, и бабушка с внуком возвращаются, берут еще две тысячи листовок и уходят. А раздавать листовки незнакомым людям, я вам скажу, дело психологически крайне тяжелое даже для здоровых мужиков. Сам раздавал листовки и выдерживал без перерыва как раз только три часа.

Я себе грешным делом думаю: «*А не подослана ли женщина местными джеймсбондами и не выбрасывает ли она наши листовки за углом в мусорный ящик?*» Аккуратно выхожу вслед за бабушкой наружу и вижу: идет она с внуком по ул. Бривибас, с каждым вторым встречным

заговаривает и листовку ему вручает. Внук при этом тоже что-то там говорит, а главное тяжелый пакет с листовками тащит. Устыдился я своих подозрений и обрадовался, что такие помощники у нас есть.

Вернулся обратно в наш импровизированный штаб – какому-то телеканалу интервью давать. Через два часа Анна и Кирилл опять приходят! Снова просят две тысячи листовок. Я их благодарю, говорю, что уже поздно, мальчик наверняка устал и пора им домой идти отдыхать. А молчавший до этого Кирилл и говорит: «*Дядя, завтра же нельзя листовки раздавать – день тишины перед референдумом. Вы не знаете, что ли? Все листовки раздать сегодня надо*». Забрали мои дорогие помощники последнюю пару сотен листовок и ушли в уже надвигающиеся сумерки на улицу.

Видя таких людей, я понял, что если у вас есть вера в духовные ценности, то вы можете быть *удерживающим* и в десять, и в семьдесят лет, вы можете сказать горе – подвинься, и она подвинется.

Вообще все, что происходило с нами во время референдума, мне очень напоминало события, которые были красочно описаны почти за пять сотен лет до этого в повести «Азовское сидение». Вкратце содержание повести таково.

В 1641 г. турки решили выбить казаков из захваченной ими ранее крепости Азов, которая контролировала устье реки Дон и закрывала выход в Дикое Поле. А Дикое Поле как раз было местом жительства казаков.

Силы турок, приплывших к Азову на кораблях, составили сто восемьдесят тысяч человек воинов, да еще, как пишет автор повести, «*черных мужиков* (он имел в виду негров, обслугу) *без счета*». Казаков же в крепости было только пять тысяч, да из них восемьсот женщин.

Турки попытались взять крепость штурмом, но были вынуждены отойти с большими потерями. Начали осаду: били по стенам крепости из больших пушек день и ночь. Разбили турки стены крепости до самого основания, а казаки тем временем за ними возвели земляной вал. Турки и по нему из пушек пудовыми ядрами бить стали, разбили, а казаки новый вал за ним насыпали.

В перерывах между обстрелами турки предпринимали штурм укреплений. На валах крепости храбро бились не только казаки, но и их жены и сестры. Они брали ружья убитых мужей и братьев, отстреливались

и рубились саблями с турками наравне с мужчинами, рыли землю под огнем, возводя укрепления.

Отчаявшиеся силой захватить Азов турки бросали в город стрелы с записками, в которых предлагали по тысяче серебряных талеров тому из защитников, кто сдастся. Но за время осады среди казаков не нашлось ни одного изменника, ни одного перебежчика.

Настал момент, когда стало ясно – больше оборонять Азов не получится. Решили идти в рукопашную – или прорваться или погибнуть в бою. Наступила ночь в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Собравшись в храме Св. Николая Чудотворца участники Азовского сидения попрощались друг с другом, долго молились и целовали крест на том, «*чтоб при смертном часе стоять дружно и жизни не щадить»*, а потом выступили из крепости строем.

Под прикрытием утреннего тумана казаки вышли к позициям врага, и… нашли турецкий лагерь пустым. Оказалось, что в эту же ночь паша снял осаду и начал отводить армию к кораблям. Это было чудо.

Правда, Азов казакам все же пришлось оставить, поскольку Московское царство было тогда не в силах воевать с могущественной Османской империей и защитить русских, что жили на окраине – нынешней Украине. Дикое Поле вошло состав России только сто лет спустя. Я родом с того самого Дикого Поля, что и казаки, защищавшие Азов от турецких захватчиков - потомок этих казаков.

Результаты нашего референдума были таким же чудом, как победа горстки казаков над многочисленными ордами турецкого паши. За русский государственный проголосовало 273 тыс. человек, обладавших правом голоса, или 25% всех избирателей. Еще 319 тыс. русских были лишены права голоса. Это составляло 15% всего населения республики. Итого, 40% всего населения Латвии поддержало идею возврата русскому языку равного с латышским языком общественного статуса. Это было даже больше, чем количество живших в Латвии русских.

Власти не приняли во внимание мнение двух пятых населения, статус языка не изменился. Слишком сильна была тогда Американская империя, и Россия не могла защитить своих соотечественников. Однако в «Рижском сидении» мы победили.

В ходе подготовки к референдуму мы встречались с В. Линдерманом, координировали действия наших команд. Договорились, что его ребята будут работать с более радикально настроенными русскими, а мы возьмем на себя работу с теми, кого радикализм пугает. Это было абсолютно верное решение и его подтвердили результаты голосования.

Люди, работавшие с Линдерманом в обществе «Родной язык», тоже были участниками нашего «Рижского сидения». Они агитировали за референдум, печатали и распространяли листовки, как и мы, бились символическими саблями на валах, копали подкопы и прятались от разрывных ядер противника в подземных убежищах. Эта часть общего сражения за достоинство русских шла на другой стороне условной Рижской крепости, и я не могу ее подробно описать.

Были и другие инициативные группы. Особенно меня поразила молодежь, имевшая опыт борьбы с реформой русских школ. Они сами организовывали группы поддержки, сами находили деньги, сами придумывали плакаты и сами их развешивали. Слава Василевский из Даугавпилса, например, написал песню «Моя профессия латыш». Ядовитую такую, про социальный паразитизм некоторых людей. Эта песня была хитом интернета одно время. Спецслужбы хотели Славу даже к ответственности привлечь за эту песню, но оказалось, что автор сам латыш. Обошлось.

А что хитроумный Натаниэль Бампо? В день референдума он выступил по телевидению и истерическим тоном заявил, что реально организацией референдума руководил Александр Гапоненко. Это не совсем так. Руководителями акции было с полсотни удерживающих ее смыслы людей. Не мог один человек провести акцию, которую сами джеймсбонды так высоко оценили в годовом отчете. Характеристика акции в этом документе была следующей: 1) хорошо организованная; 2) дисциплинированная; 3) массовая; 4) информационно самодостаточная; 5) идеологически подготовленная; 5) политически и практически ориентированная.

А если бы я и руководил этой акцией, что в этом такого? Просто негражданин помогал русским, у которых не отобрали гражданства, реализовывать их конституционное право участвовать в референдуме. Ну, еще сухую траву поджег в тылу у индейцев. Невелик подвиг для казака.

Подражая вещему Бояну

«Вещий Боян». Иллюстрация к «Слову о полку Игореве»

Русская община в Латвии сформировалась в ходе борьбы за русские школы и окрепла в процессе проведения референдума за русский язык. После этих двух массовых действий на повестку дня остро встал вопрос об укреплении общественного самосознания русской общины.

Над решением этой проблемы в республике уже давно трудилось большое количество русских журналистов, преподавателей, историков, краеведов, деятелей культуры, просто думающих и пишущих людей. Сформировалась компания единомышленников, которые, подобно Бояну из «Слова о полку Игореве», «вещали» о подвигах русских героев в назидание своим современникам.

Я сам начал писать и публиковать брошюры, в которых пытался раскрыть причины и описать формы дискриминации русских в Прибалтике, определить возможности ее преодоления. Однако труды русской интеллигенции оставались известны достаточно малому кругу читателей и большого влияния на ситуацию не оказывали. Требовалось найти ресурсы для усиления влияния создаваемых русской интеллигенцией продуктов на членов общины.

К этому времени я продал свой бизнес и стал заниматься научной работой в учрежденном с коллегами Институте европейских исследований. Мы существовали на европейские гранты, брали заказы на

подготовку аналитических материалов для крупных компаний. В штате института состояло всего несколько человек, но это были исследователи высшего класса. Одним из моих сотрудников был, например, Михаил Юрьевич Родин. Мы с ним были знакомы еще со времен ЦДИ, но потом как-то потерялись. В «новое время» он освоил передовую западную методологию и стал наиболее значимым в республике политологом и социологом. Мы с Михаилом Юрьевичем провели пару уникальных социологических обследований, подготовили большое число публикаций в международных изданиях.

Я попытался применить приобретенные на новом поприще навыки получения и реализации европейских грантов для решения «русского вопроса». Однако на нужды сохранения русскими своей идентичности ни Европейская комиссия, ни европейские благотворительные фонды денег выделять не хотели. Гомосексуалистам и лесбиянкам – пожалуйста, народам рома и синти – пожалуйста, а русским – нет. Русские были представителями иной цивилизации, и Европа поддерживала политику прибалтийских элит по их ассимиляции.

Обратился с заявкой на грант в российский фонд «Русский мир». Руководителя этого фонда Вячеслава Алексеевича Никонова я знал еще по работе в компартии – он был завсектором в ЦК КПСС. Он выделил запрошенный грант, и мы провели исследование, а затем выпустили книгу «Прибалтийские русские: история в памятниках культуры» (1710–2010). К работе над этой книгой я привлек лучшие силы прибалтийских ученых. В Литве статьи готовили: П. Лавринец, Г. Поташенко, А. Фомин. Материалы по Эстонии написали Ю. Мальцев, М. Петров, И. Коробов, В. Стрелков. В Латвии был задействован большой круг авторов: А. Гурин, Ф. Талберг, О. Пухляк, Л. Клешнина, О. Язев, Н. Сурин, В. Богов, В. Никонов. Сам написал с дюжину статей про те памятники, с которыми был как-то связан. Кроме того, я обрисовал в книге исторический фон, на котором шло создание различных русских материальных памятников культуры. При написании книги я часто консультировался с проф. Александром Валентиновичем Гаврилиным. Он своей требовательностью обеспечил высокий научный уровень материалов, вошедших в книгу.

В книге мы описали более двухсот памятников русской материальной культуры – храмов, дворцов, парков, некрополей, сельских усадеб, городских домов, театров, крепостей. Собранный материал был

свидетельством того, что русские жили на восточном берегу Балтийского моря более тысячи лет, а последние триста лет определяли культурный облик местного общества.

Была выбита специальная медаль «Триста лет присоединения Лифляндии и Эстляндии к России» по образцу тех, которые выпускались в 1810 и 1910 гг. Подготовить медаль помогал известный знаток местной геральдики Георг Куклис-Рошманис. Медалью награждались лица, внесшие вклад в сохранение русского культурного наследия в Прибалтике.

Далее была организована презентация книги в Москве, в Институте динамического консерватизма. Это был исследовательский центр, образованный авторами Русской доктрины, о которой я уже упоминал. Организовать презентацию мне помогал М. Демурин – тогда один из руководителей этого института. Вокруг ИДК концентрировались ведущие интеллектуальные силы русских патриотов.

За прошедшее время было написано и опубликовано достаточно много других книг, с помощью которых я хотел помочь русским обрести свое национальное самосознание. Приведу еще только один пример.

В 2014–2015 гг. я написал книгу «Русская нация: этнические и цивилизационные вызовы». Она основывалась на наработках, которые были сделаны еще в юные годы в Академии наук. Эти наработки позволили рациональным образом описать природу, формы, институты, механизмы действия социального процесса. Предложенный теоретический подход был применен к анализу истории развития русского этноса, позволил определить направления его дальнейшего развития.

Презентация книги прошла в Изборском клубе в Москве. Этот клуб возник на базе ИДК и включил в себя около сотни ведущих российских интеллектуалов. Руководил клубом тот самый А. Проханов из газеты «Завтра». Он своей твердой позицией в идейных вопросах добился признания со стороны правящей российской элиты, стал появляться на центральных телевизионных экранах. Вместе с ним из подполья вышли и другие патриоты: Олег Розанов, Михаил Делягин, Андрей Фурсов. Сотрудничество с Изборским клубом привело к созданию в 2016 г. его прибалтийского филиала, которым я стал руководить.

Удивительным образом однажды я попал на заседание клуба в Москве, на котором обсуждался подвиг воина Евгения Радионова. На этом

заседании мы приняли обращение к патриарху Кириллу с просьбой вернуться к вопросу о канонизации мученически погибшего героя. На этом же заседании мой добрый знакомый Кирилл Фролов подарил мне бумажный образ воина-новомученика за Христа и во всеуслышание объявил, что впредь он будет охранять меня. Подарок был кстати.

Приезжаю в Ригу, а меня тотчас вызывают в полицию безопасности. За «вещание» в российских массмедиа объявляют преступным элементом и в электронную базу данных Интерпола внести хотят, как раз на освободившееся место Усамы бен Ладена. Пришел, спустился в пыточный подвал нашего местного Гуантанамо. А со мной в куртке во внутреннем кармане лежал образ, подаренный К. Фроловым.

Вслед за мной в темный подвал входит толстый бородатый мужик в синих резиновых перчатках и требует приложить пальцы к какой-то хитрой американской машинке для считывания отпечатков. Я автоматически произношу молитву: «*Святый великомучениче Евгений, моли Бога о нас!*»

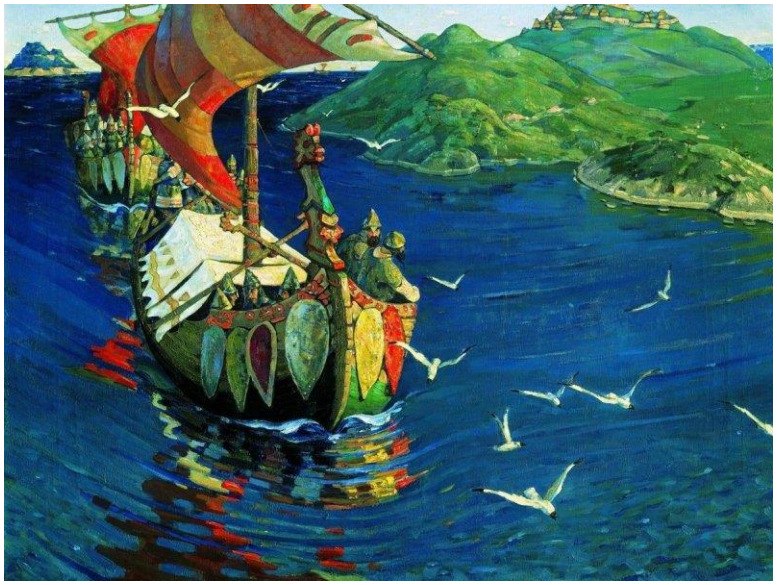
Толстяк и так пальцы прикладывает к машинке, и эдак, и слабее их прижимает, и сильнее, а результата все нет. Минут двадцать провозился, испариной весь покрылся – не выходит. Ага, думаю, укрыл меня воин-великомученик от взора врагов рода христианского. Повеселел даже чуть.

Бородатый мужик подумал-подумал и отметил в электронной интерполовской анкете: «У подозреваемого нет пальцев». Там на экране машинки была такая опция– я подсмотрел.

После этого начал меня снимать фотоаппаратом, находящимся в американской машинке. Близко садил, далеко садил, слева снимал – справа снимал. В результате на экране машинки вышло только нечто похожее на зайчика Степашку из «Спокойной ночи, малыши!». Через полчаса мучений я стал ругаться дурными словами и требовать меня отпустить. Привел при этом веский аргумент: «*Все равно ваша дьявольская машинка меня не видит*». Меня и отпустили.

Вышел я на свежий воздух из душного пыточного подвала, вздохнул полной грудью свежего воздуха и уже вслух сказал: «*Святый великомучениче Евгений, моли Бога о нас!*»

Как Николая Константиновича Рериха на цепь посадили



Николай Рерих. «Заморские гости»

Большинство своего свободного времени я посвящал работе над рационально составленными и достаточно сухими научными текстами. Между тем любой человек только на одну десятую часть живет в сфере логики, а на девять десятых – в сфере эмоций. Русским остро не хватало положительных эмоций, но производить их могли только профессионалы высокого уровня. Поскольку у меня в этой сфере деятельности были явные пробелы, я стал размышлять над тем, как можно помочь профессионалам.

Поначалу решил провести выставку картин художников, которые изображали жизнь русских людей. Мою идею проведения такой выставки поддержали члены Русской общины Латвии Олег Сысолятин и Юра Славик. Вместе мы придумали, что выставка будет называться «Русская Латвия в художественных образах». Стали собирать картины, в которых отражалась жизнь русских людей. Объехали с коллегами десятка два мастерских художников, отобрали на выставку подходящие полотна. Это были сцены из быта русского люда, значимые для него городские и сельские пейзажи, рисунки православных церквей, сцены военной жизни. Свои работы выставили мэтры: А. Никитин, Н. Карагодин, В. Козин, Н. Уваров, Л. Перец, Ф. Шалаев, И. Пустошкин. Наряду с ними в выставке участвовали доселе мне незнакомые, художники: Ю. Курако, В. Маковский, В. Решетникова, А. Литвиненко, Н. Демин, В. Ставрова, М. Иванов, А. Мисурев, В. Гусев, В. Павлов, Н. Кривошеин, А. Бовтович.

Развесили картины в гостинице «Рига», организовали открытие с исполнением русских романсов, выставили две дюжины шампанского. На открытие пришла вся русская художественная интеллигенция республики. Появились благосклонные статьи в прессе. Больше всех были довольны художники – просили проводить такие выставки регулярно. Но провести масштабную выставку очень накладно в денежном отношении. Мы даже каталог этой выставки не смогли выпустить из-за нехватки средств.

Тем не менее мы с коллегами решили организовать еще одну выставку – «Лица Латвии». Замысел был показать публике портреты людей, которые внесли заметный вклад в становление латвийской нации, и помочь сформировать, таким образом, галерею ее героев. Выставка была бы прекрасным поводом обсудить, кем были П. Стучка, В. Лацис, А. Упит, И. Судмалис, В. Пикуль, М. Лиепа и для латышей, и для русских. Портреты этих и многих других знаковых лиц были в избытке в Латвийском художественном музее. Мы написали письмо директору музея Маре Зале, но она отказала нам в весьма резкой форме. Оказалось, что наши попытки сформировать единую латвийскую нацию с помощью художественных образов крайне напугали правящую элиту, и она строго-настрого запретила администрации музея выдавать русским активистам портреты «красных» латышей из запасников.

Более того, через пару лет в этом музее «под арест» попали практически все картины русских художников – К. Брюллова, И. Репина, И. Айвазовского, В. Сурикова. Даже космополит Николай Константинович Рерих был посмертно осужден латышскими националистами и его картины отправлены в темный подвал. Поговаривали даже, что картины автора «Пакта мира» держат в подвале Национального художественного музея в стальных коробах и цепях, чтобы его гуманистические идеи не вырваться наружу. Так или нет – не знаю, поскольку идти в музей, коллекция которого сформирована на идеях культурного апартеида, желания не было.

Конечно, распространяли русскую культуру не мы одни. Влад Богов и Ирина Коняева, например, восстановили довоенную традицию проводить «Дни русской культуры в Латвии». В рамках этих Дней по всей республике проходило до полутора сотен выставок картин, концертов, спектаклей.

В качестве первого опыта собственной художественной деятельности я снял документальный фильм «Латвия, которую мы потеряли». Это был рассказ об истории республики с момента ее возникновения в 1917 г. до завершения Великой Отечественной войны. Видеоряд был смонтирован из уникальных документальных кадров, приобретенных в кинофотоархиве. В фильме была показана подлинная история живших в республике народов, то, как они трагически метались между «красным», «белым» и «коричневым» проектами. Вышло, по моему мнению, убедительно и эмоционально. Работа была сделана за два месяца. Фильм я презентовал в кинотеатре «К.Сунс», а потом распространил его по социальным сетям.

Фильм произвел большое впечатление на публику. Вместо ущербного мифа «латышская Латвия» ей был предложена вполне добротная, опирающаяся на неоспоримые кинематографические свидетельства концепция «латвийская Латвия».

Успехи на поприще создания документальных фильмов меня окрылили, и я поменял концепцию своих публичных выступлений. Придумывал образные сравнения, использовал пословицы и поговорки, употреблял расхожие цитаты, вспоминал известных героях. Старался говорить очень простым языком. Это делало рассуждения на серьезные темы более доходчивыми.

На латвийские телеканалы мне после референдума за русский язык путь был закрыт, а вот российским журналистам мой новый стиль выступлений пришелся по вкусу. Практически каждую неделю я давал комментарии российским телеканалам. Начали даже приглашать на ток-шоу в Москву. Эти представления мне мало нравились из-за того, что на них все старались передавить друг друга эмоциями, но их популярность была очень велика. Скажем, после выступления на ток-шоу «Место встречи» на НТВ я зашел перекусить в ближайшее кафе, так все официантки принялись со мной обсуждать передачу: кто, что и как на ней говорил. Чуть с голоду тогда не умер от такой пустой популярности.

В Латвии единственной медийной площадкой, на которой я мог выступать, было Радио PIK. Я вел на нем авторскую передачу «Аналитика», делал ее видеозаписи и размещал на канале RussBaltTv на Ютубе. Иногда выступления были очень забавными.

Раз пригласил к себе на передачу Юру Алексеева. А было это как раз после принятия Сеймом закона, по которому любая публичная критика властей могла быть представлена как уголовное преступление. Мы тогда придумали выступать от имени персонажей известной детской передачи «Спокойной ночи, малыши!». Алексееву досталась роль собачки Фили, а мне – зайчика Степашки. Взяли в руки соответствующие детские игрушки и стали от их имени обсуждать происшедшие за неделю в республике события. Мол, если что, то это мнение песика и зайчика, а вовсе и не нас, взрослых дядек. Вышло, как говорят дети, очень прикольно. У меня на телеканале в интернете на просмотр видеозаписи очередь выстраивалась.

Я Юре через неделю звоню и говорю: «*Приходи опять на радиопередачу, снова сами будем развлекаться и зрителей порадуем!*» «*Нет,* – горестно отвечает Юра. – *Меня знакомые уже Филей дразнить стали*». Я продолжаю его упрашивать: «*А хочешь, я буду Филей, а ты Степашкой? Степашкой-то быть много почетнее – он умный, хотя немного и трусоват*». Уговорить Алексеева стать кинозвездой я так и не смог.

Зато Алексеев блистал на своем собственном масс-медиа – электронном портале Imhoclub.lv. На этом портале он предоставил возможность публиковаться самодеятельным авторам. Таких только по Прибалтике оказалось под пять сотен. На портале шли острые дискуссии по всем актуальным общественным проблемам. Сам Юра писал образно, умно, ядовито. Своей деятельностью он удерживал вокруг себя огромное число людей. На Донбасс поехал – положение тамошних русских описывать и множество других героических поступков совершил.

В то время я подружился с другим *удерживающим* – русским латышского этнического происхождения Эйнаром Граудиньшем. Он был ярым сторонником левой идеи, умным человеком, талантливым оратором. Эйнар остро критиковал бюрократов и этнократов независимо от их этнического происхождения. Его выступления на Радио PIK вызывали шок и трепет у наших жандармов, но они ничего не могли с ним сделать.

Глядя на Э. Граудиньша, я переменил свое мнение о будущем латышского этноса. Эйнар и такие люди, как он, могли вывести латышей из тупика, в который их завели собственные злокозненные волхвы.

Конгресс неграждан и Парламент непредставленных

«*Министерство тьмы», сгинь!*

После референдума за русский язык русская община Латвии воспрянула духом и была готова дальше бороться за свои права. После русских школ и русского языка наиболее острой для нее была проблема массового безгражданства. Для решения этой проблемы требовалась ее актуализация и вынесение на международную арену. Я стал выступать с идеей создания массового движения, которое бы выступало защитником прав неграждан.

В августе 2012 г. ЗаПЧЕЛ передал более десяти тысяч подписей за референдум в поддержку законопроекта о необходимости предоставления негражданам права гражданства в порядке регистрации. Наша команда публично стала поддерживать проведение этого референдума. Однако ЦИК запретил референдум по этому вопросу вопреки положениям действующей конституции. Именно с этого момента следует считать, что латвийская политическая элита стала строить общество исключительно по «коричневым» лекалам.

В ответ на резкое поправение власти возникло массовое протестное движение – Конгресс неграждан (КН). Инициативную группу этого движения составили Юрий Алексеев, Елизавета Кривцова, Валерий Комаров и Эйнар Граудиньш. Я присоединился к инициативной группе и стал помогать структурироваться силам, которые выдвинула тогда русская община. Благо опыт такой работы у меня был. В оргкомитет вошли еще Е. Бачинска, М. Митрофанов, В. Гущин, М. Хесин.

В марте 2013 г. состоялся учредительный съезд движения. Участники съезда утвердили членов инициативной группы в качестве правления КН. На съезде была одобрена также моя идея: выбрать Парламент непредставленных.

Мы серьезно отнеслись к предстоящим выборам альтернативного органа власти в стране. Были написаны и опубликованы политические платформы кандидатов в депутаты, проведены предвыборные дебаты. Мною был предложен план по формированию латвийской политической нации из латышей-балтиешей, латгалов и русских. Для выборов создали избирательные участки. На 30 мест в парламенте было зарегистрировано более 60 кандидатов. Выборы проходили летом 2013 г. На избирательные участки пришло почти пятнадцать тысяч человек. Желающих было много больше, но на проведение выборов по всей республике не хватало сил.

Во время выборов было очень много трогательных моментов. Раз вместе с активистками КН я дежурил на участке, который располагался в переносной палатке в микрорайоне Плявниеки. Стояла сильная жара. Дежурившие вместе со мной девушки устали и попросили принести попить. В очереди на избирательном участке стоял седой мужчина средних лет, и он вызвался сходить в магазин. Мужчина принес несколько бутылок с водой, а еще двадцать порций мороженого. Я попытался заплатить за мороженое, но мужчина наотрез отказался. Обосновал свой отказ очень интересным образом: «*Знаете, я ни разу в жизни не участвовал в выборах, поскольку в 1991 г. был лишен нашими властями прав гражданства. Я прекрасно понимаю, что выборы Парламента непредставленных носят символический характер, но они для меня чрезвычайно важны. Участие в этих выборах позволяет мне почувствовать себя полноценным человеком. Мороженое – это знак признания важности того, что вы со своей командой делаете».* Я принял эти объяснения и сам съел целых две порции. Только ради этих двух порций мороженого и стоило затевать выборы.

В Правлении КН и Парламенте непредставленных оказались очень креативные люди, которые эффективно отстаивали интересы русской общины. Упомяну только о нескольких наших акциях.

Мы начали обращаться с письмами от КН и Парламента непредставленных в различные международные инстанции. Написали, например, письмо Пан Ги Муну с просьбой вмешаться в сложившуюся в

Латвии и Эстонии ненормальную ситуацию с негражданами. На удивление, генсек ООН отреагировал на наше обращение. Пан Ги Мун приехал и в Латвию, и в Эстонию, пожурил президентов обеих республик за нарушение прав человека, но с нами встречаться не стал. Оно понятно: налоги на содержание его организации платили мы, но распоряжение о перечислении взносов подписывали руководители республик. Этнократы обеих прибалтийских республик демонстративно проигнорировали мнение генсека. Похоже, только потому, что он был этническим корейцем – американцев они слушались беспрекословно. Тем не менее ООН приняла программу по ликвидации безгражданства в мире.

Мы и Бараку Обаме письмо писали. Не помню уже дословно весь его текст, но написано было примерно так. «*Дорогой Барак Хусейнович! Мы латвийские негры (сокращенно от неграждане) и ты негр. Помоги нам обрести права гражданства, как их обрели чернокожие американцы полсотни лет тому назад. Твой сородич, товарищ Мартин Лютер Кинг боролся с расовой дискриминацией, погиб от руки белого этнократа и признан священномучеником у ваших протестантов. Мы берем пример с этого удерживающего, думаем, что и для тебя он образец для подражания*».

Отправили письмо президенту США как раз к сорокапятилетней годовщине со дня убийства М. Кинга. Однако первый чернокожий президент Америки наше письмо высокомерно проигнорировал. Он относился не к *удерживающим,* а к волхвам, тем самым, что грех по всему миру распространяют.

Нашей символической деятельности правящая этнократия ничего не могла противопоставить и мы стали доминировать в общественном пространстве. Тема неграждан проникла уже не только в российские, но и в европейские СМИ. Удалось провести ряд акций в Европарламенте, встретиться с значимыми европейскими политиками. К нам зачастили западные дипломаты.

Воодушевленный возросшим общественным интересом к проблеме, я снял документальный фильм Aliens. Он рассказывал об истории возникновения института неграждан, раскрывал трагедию простых людей, лишенных базовых прав человека. Фильм был переведен на английский язык, распространен в интернете. В ответ на эту инициативу в Ригу

приехали тележурналисты из Германии, Франции, Швеции, Италии, которые решили снимать аналогичные сюжеты.

Тут министерство образования республики задумало начать новую реформу русских школ. Незамедлительно на даче у Эдика Гончарова собрались ветераны Штаба защиты русских школ – куренные по-казацки. Эдик задал собравшимся вопрос словами Тараса Бульбы: «*А что, паны? Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела еще козацкая сила? Не гнутся ли козаки?*» Собравшиеся Николая Васильевича Гоголя знали хорошо и дружно ответили: «*Есть еще, батько, порох в пороховницах. Не ослабела еще козацкая сила; еще не гнутся козаки!*». Донская казачка Лена Слюсарева описала на следующий день этот исторический диалог в газете «Вести».

КН, в который входили многие куренные, организовал вскоре акцию протеста у министерства просвещения против готовящейся школьной реформы. Там как раз моя старая знакомая Ина Друвите начальником была. На пикете казаки под руководством куренных держали над головой плакат с надписью на госязыке «Министерство тьмы» и скандировали: «*Наша земля! Наша страна! Наш язык! Наши школы!*» Потом присутствовавшие хором проскандировали стихотворение Анны Ахматовой:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,

Не горько остаться без крова,

И мы сохраним тебя, русская речь,

Великое русское слово.

Через день злокозненные «ляхи» провели заседание Совета безопасности и приняли решение отложить латышизацию русских школ на неопределенное время.

На 13 октября 2014 г. приходилась 60-летняя годовщина освобождения Риги от немецких захватчиков. Правящая в Рижской думе партия «Согласие» этот юбилей отмечать побоялась. Она все еще надеялась войти в состав правящей коалиции в республике, хотя та к этому времени приобрела совсем уж «коричневый» цвет.

Парламент непредставленных решил выбить медали в честь юбилея и наградить ими участников боев за освобождение столицы. Я заказал художнику стилизованный профиль Риги с надписью по образцу того, который видел у отца на медали «За освобождение Будапешта». Мастер выбил двести медалей – основная часть освободителей Риги к этому времени уже ушла из жизни. Пригласили ветеранов на сессию нашего Парламента и вручили им медали в торжественной обстановке.

На вручении медалей в октябре 2014 г. один пожилой ветеран, очень похожий на моего деда Гордея Кононовича, так искренне меня благодарил за награду, что я немного испугался, отвел его чуть в сторону и стал тихонько разъяснять ситуацию. «*Отец* – говорю, – *медаль выбита решением нашей общественной организации. Мы не представляем российское государство. На удостоверении моя подпись, а не Путина*». Ветеран мне, так же тихонько, отвечает: «*Я старый, но не глупый. Вижу, что медаль самодельная. Но носить ее буду рядом с медалью «За освобождение Берлина», которой меня Сталин в свое время наградил за боевые заслуги. Спасибо, сынок, что вспомнили про нас».*

К слову, о награждении ветеранов в день освобождения Риги не написала ни одна газета, сюжет не показал ни один телеканал. Видимо, стыдно было, что забыли о ветеранах, не только Рижской мэрии, но и россиянам.

Активность КН и Парламента непредставленных крайне беспокоила власти республики. А тут еще начались знаковые события на Украине. В Крыму прошел референдум, и он присоединился к России. Возникли Донецкая и Луганская народные республики. Наши этнократы вдруг ясно осознали, что их власти может прийти скорый конец, и поэтому решили ликвидировать политический институт, представляющий интересы русского населения республики.

Полиция безопасности стала терроризировать руководство КН и Парламента непредставленных. Кого-то прижали по делам бизнеса с помощью налоговой инспекции, кому-то пригрозили не возобновить профессиональную лицензию, кого-то пообещали уволить с работы, если не «успокоится». Практически всех стали таскать на допросы в политическую охранку и запугивать там.

.

ГЛАВА XIII. БОРЬБА С КОРИЧНЕВЫМ ПРОЕКТОМ

Нацизм на марше

Пабло Пикассо. «Резня в Корее»

После нашей победы на референдуме за русский язык власти решили, что пора от угроз перейти к полноценным репрессиям против активистов русской общины. Сначала они сделали практически невозможным проведение референдумов, приняли закон, запрещающий ставить под сомнение догмат о советской оккупации, и закон, запрещающий критику правящей этнократической элиты. Потом приняли преамбулу к конституции, в которой провозгласили, что Латвия – это государство латышей, а все прочие в ней находятся на правах приживал.

Вслед за введением этнически ориентированных законов власти начали широко использовать внесудебные методы расправ над русскими активистами. Набор применяемых ими инструментов был достаточно широк.

Прежде всего русских активистов дискредитировали путем помещения материалов о них в публичные отчеты полиции безопасности, в разделы со страшными названиями, вроде «Контрразведка» или «Защита конституционного строя». Одно сообщение в таком разделе о том, что вы опубликовали книгу или сняли фильм, должно было вызывать страх и трепет у неискушенных читателей. Фигурантам отчетов давали унизительные оценки. Например, я был определен как «псевдоэксперт», «так называемый антифашист» и «фигура российского влияния».

Сочиненные политической охранкой страшилки публиковались потом в подконтрольных ей изданиях – на интернет-порталах Delfi, TVNet, Apollo, в газете «Латвияс авизе», визуализировались на телеканале TV3. Я насчитал в каждом из этих изданий около сотни материалов о моей скромной персоне. Целевой аудиторией всех этих материалов были члены латышской общины, которых хотели напугать русской угрозой. Специфическая подача материалов в СМИ позволяла создавать из активистов, защищающих права русского населения образ ярых врагов Латвии. Этот образ прочно закрепился не только за мной, но и за В. Линдерманом, Е. Осиповым, Е. Зайцевым, Б. Зельцерманом, И. Гирсом, В. Гущиным, М. Драгиле, Э. Гончаровым, Д. Прокопенко, Э. Граудиньшем.

Материалы сфабрикованные полицией безопасности и размещенные в СМИ обычно сопровождались фотографиями «врагов народа». Это позволяло членам латышской общины легко идентифицировать фигурантов отчетов в магазине или кафе, высказать в их адрес свое негативное отношение жестом или словом. Анонимы писали русским активистам электронные письма или эсэмэски с угрозами. Мне несколько раз на улице открыто угрожали физической расправой. Эйнара Граудиньша жестоко побили трое молодых парней за его антинацистские выступления на радио в канун 16 марта.

В инструкциях ООН для правозащитников описываемые приемы воздействия на людей называются стигматизацией жертвы. Маркированные стигмой русские активисты теряли работу, возможных клиентов и контракты, если они были бизнесменами, от них отворачивалось ближайшее окружрение. В демократических обществах целенаправленная стигматизация подлежит расследованию и уголовному наказанию. В Латвии стимгматизацию организовывали сами работники правоохранительных органов, да еще и на высшем уровне.

Другой формой внесудебного преследования было препятствие деятельности русских общественных организаций. Приведу, как обычно, пример. В начале 2015 г. я попытался снять помещение для проведения сессии Парламента непредставленных. Пришел в гостиницу «Таллинк», спокойно заказал зал – через два дня получаю отказ. Выясняю: полиция безопасности потребовала от администрации не допускать проведения у

них в гостинице нашего мероприятия. Заказываю тут же зал в «Алберт отеле» – через день отказ по той же причине. Понимаю, что мой маршрут бравые джеймсбонды отслеживают по мобильному телефону, а потом находят администрацию гостиниц и запугивают ее. Оставляю тогда телефон дома, еду в гостиницу «Моника», заключаю контракт и проплачиваю наличными аренду зала. На следующий день все же звонок из администрации – отказ. Разыскиваю по телефону хозяина гостиницы. Он оказался россиянином и ориентировал свой бизнес на российских туристов. Предупреждаю хозяина, что от заказа зала не откажусь, так как у меня на руках проплаченный контракт, приведу в гостиницу в оговоренное время депутатов нашего парламента, а еще журналистов российских телеканалов. Угрожаю, что в случае конфликта он тогда года три российских туристов заполучить не сможет. Подействовало. Провели мы в тот раз сессию Парламента непредставенных в «Монике».

На следующий день я выяснил, как джеймсбонды меня отследили в последний раз: они мне «жучок» в салон машины поставили и по нему определили, куда я поехал. Я тот «жучок» обнаружил с помощью транзисторного радиоприемника, вытащил и, как ядовитого тарантула, каблуком ботинка растоптал.

Еще одной формой преследования было небоснованное возбуждение административных и уголовных дел на русских активистов. В. Линдерман находился сразу под пятью уголовными процессами, Е. Осипов и И. Гирс – под тремя, А. Жгун – под двумя. По одному процессу было у Э. Граудиньша, Д. Прокопенко, Э. Гончарова, А. Шарипова. Целью возбуждения уголовных процессов было запугать правозащитника, измотать в ходе обысков, допросов, предварительных арестов, судебных разбирательств и лишить таким образом возможности критиковать правящий режим.

Внесудебные преследования – важнейшая черта общества, построенного по нацистскому образцу. Другой его отличительной чертой является постоянное возбуждение ненависти к инородцам и оправдание ею милитаризации общественной жизни.

Начиная с 2014 г. в латышских СМИ каждый день стали появляться статьи, в которых рассказывалось о том, что Россия вот-вот нападет на бедную Латвию и что живущие в стране русские – патентованная пятая колонна, которая угрожает национальной безопасности страны. Эти статьи оправдывали развернувшуюся милитаризацию общества. На находящемся рядом с моей дачей полигоне «Адажи» днем и ночью шли учения добровольцев из Земсардзе, стреляли пушки и пулеметы, в воздухе барражировали американские вертолеты и самолеты. Один раз пресса сообщила даже о прилете B-52 и сбросе с него на полигон устройства, иммитирующего атомную бомбу. Молодчики из Земсардзе стали проводить боевые учения в населенных русскими мирорайонах.

Нагнетаемые средствами массовой информации страхи требовали какого-то выхода, и национал-радикалы придумывали различного рода мобилизующие акции. Например, на 11 ноября – День Лачплесиса – они устраивали ночью факельные шествия. На эти шествия выходили десятки тысяч людей. Демонстранты с угрюмой решительностью шли по улицам Старой Риги и громко скандировали только один лозунг: «Латвию – латышам!» Зрелище было прямо-таки в духе известного фильма Лени Рифеншталь «Триумф воли» о зарождении нацизма в Германии.

На 16 марта к памятнику Свободы в парадном строю шли нескончаемые колонны поклонников национал-социалистических идей. Они возлагали цветы в честь воинов латышского легиона войск Ваффен СС, участвовавших не столько в битвах с Красной армией, сколько в карательных экспедициях против мирного населения. Это символическое шествие должно было напомнить инородцам о событиях июня 1941 г., когда местные нацисты по собственной инициативе уничтожали их предков.

Милитаризация латвийского общества проводилась с явным намеком на то, что силы копятся также для борьбы с местным русским активом. В дело включились высшие должностные лица страны. В воздухе стал остро ощущаться запах тлена, как в тот далекий день моего детства, когда я впервые столкнулся со смертью.

В 2014 г. я активно критиковал развязанный киевскими властями террор против русского населения юго-востока Украины. Мои выступления была замечены западными корреспондентами, и они стали часто брать у меня интервью по этому поводу. Однажды со мной созвонился корреспондент норвежского телевидения и попросил рассказать о положении русских в Латвии, сравнить их с положением русских на Украине. Я часа полтора излагал норвежцу свою точку зрения, а он все выводил меня на какие-нибудь сенсационные заявления. Наконец, спросил, в каком случае возможно вмешательство России в этнический конфликт в Латвии. «*В том случае, когда русские дети и женщины выйдут на улицу отстаивать свое право учиться на родном языке, а латвийские военные начнут стрелять по ним, как это произошло на Украине*», – ответил я ему. Сюжет показали по норвежскому телевидению. Там его увидели латвийские дипломаты и пришли в ужас от того, что я раскрыл страшную государственную тайну.

Поскольку поднятая проблема касалась военных, то о моем телеинтервью норвежскому телевидению сообщили тогдашнему министру обороны Раймонду Вейонису. Он написал донос в политическую охранку с просьбой наказать меня за непатриотические высказывания.

Вызывают меня на ул. Кр. Барона, 132. Следователь, злобно так и тыкая, спрашивает: «*Давал интервью норвежскому телеканалу*?» Отвечаю вопросом на вопрос, так же злобно: «*А кто отменил сотую статью конституции, гарантирующую право высказывать свое мнение?*» «*У нас жалоба на тебя из министерства обороны»,* – следователь протягивает мне письмо на бланке министерства, а на нем подпись Раймонда Вейониса. *«Откуда у тебя такое неправильное мнение о латвийской армии?»* – спрашивает мой визави. *«А пресс-секретарь министерства обороны недавно сообщил, что прошли армейские учения, в ходе которых отрабатывались приемы ведения боевых действий в городских условиях, по образцу тех, что проводятся правительственными войсками на юго-востоке Украины*», – отвечаю. И протягиваю ему копию газетной публикации с текстом речи пресс-секретаря министерства обороны на русском языке. Следователь читает полученный материал и его лицо начинает сильно вытягиваться. С панибратского «ты» он переходит на официальное «вы». *«Корреспондент неверно изложил содержание выступления пресс-секретаря. Надо было вам на него с жалобой в прокуратуру обращаться»*. «*Значит, действительно планы подавления*

русских активистов в случае военного конфликта у наших властей есть», – соображаю я про себя. А вслух говорю: «*Вот вы и обращайтесь в прокуратуру, и нечего меня по допросам тягать на основании доносов всяких недалеких политиков, которые не могут нормальных пресс-секретарей найти».*

Зачем будущий девятый президент независимой Латвии написал на меня донос всего лишь за высказанное на камеру мнение? Ведь у него самого мать русская, и детство он провел в Псковской области. Продал ради поста президента право первородства за миску чечевицы? Похоже на это, ведь не зря он себя представлял повсюду, как поклонника языческого религиозного культа. Интересно, во время жертвоприношений он, как положено по ритуалу, забивает жертвенных животных, а потом мажет их кровью губы идолам? Или отделывается подношением к Священному дубу лично собранными грибами и ягодами?

Видной политической фигурой, продвигавшей идеи создания этнически чистого общества в Латвии является председатель Сейма Инара Мурниеце. Она регулярно выезжает 16 марта поклониться латышским легионерам войск Ваффен СС на мемориальное кладбище в Лиестене и произносит там зажигательные речи. В последнем своем выступлении она назвала легионеров борцами за свободу Латвии. Адольф Гитлер, наверное, раз пять переверенулся в своем гробу, когда услышал такого рода трактовку миссии своих солдат на Востоке. Клятва латышских легионеров вождю Третьего Рейха звучала следующим образом: «*Именем бога я торжественно обещаю в борьбе против большевиков неограниченное послушание главнокомандующему вооруженными силами Германии Адольфу Гитлеру, и за это обещание я, как храбрый воин, всегда готов отдать свою жизнь»*. Где глава латвийского парламента вычитала в этой клятве про независимость Латвии? Впрочем, этого следовало ожидать.

Инару Мурниеце я впервые встретил еще тогда, когда она работала корреспондентом националистической газеты «Латвияс авизе»(тогда она называлась еще «Лауку авизе»). По заданию редакции она ходила на все заседания русских общественных организаций в Дом Москвы и потом писала о них гаденькие статейки. Инара сидела на наших собраниях обычно на последнем ряду стульев в малом конференц зале, что-то строчила в школьной тетрадке в клеточку и была очень похожа на серую мышку, которой никто не даст сырную корочку.

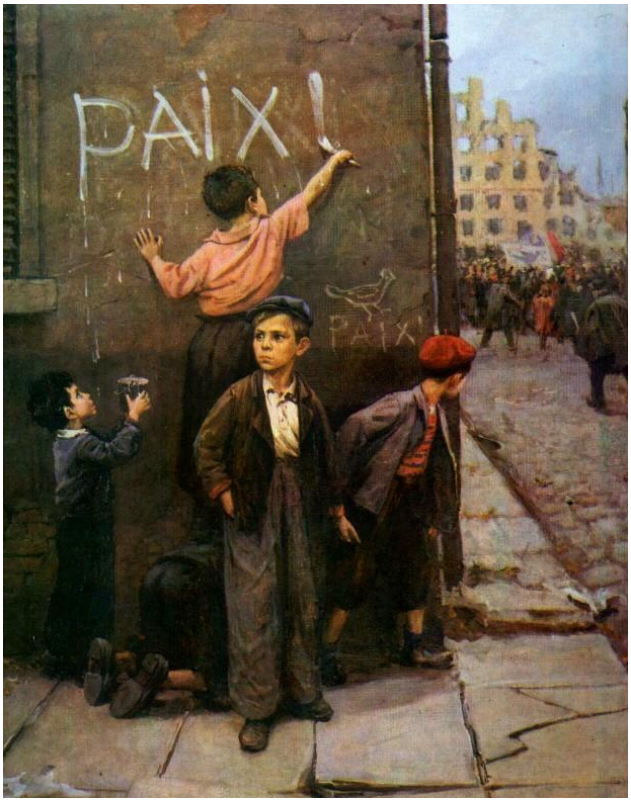
Как-то раз ребята антифашисты во время нашего собрания в Доме Москвы науськали меня. «*Иди,* – говорят, – *расскажи «корреспондентше» что-нибудь про историю русской культуры в Латвии. Ведь ты книжки складные о ней пишешь»*. Я, святая душа, купил в автомате два кофе в картонных стаканчиках, положил в каждый по кусочку сахара и пошел культурные мосты наводить. Подсел к «корреспондентше» и стал объяснять ей, что русские заинтересованы в дружбе с латышами, что два наших народа издревле мирно жили вместе на берегах Двины. Почти час на эту тему распространялся. Она меня слушала, губки тонкие поджимала, что-то торопливо писала в школьной тетрадке, но кофе с сахаром не пила,, видимо, боялась, что отравлю ее. Через день читаю статью И. Мурниеце в «Латвияс авизе». В ней рассказывается, что русские тысячу лет угнетали латышей и собираются дальше поступать точно так же, а наибольшую опасность представляет А. Гапоненко - «серый кардинал» русской пятой колоны. Что можно сказать о таком человеке? Врунья, да еще больная комплексом преследования.

Впрочем, председателем Сейма Инару как раз и избрали за умение сочинять мифы о советской оккупации и возбуждать у латышей страхи перед русскими. До роли волхва – губителя душ человеческих она явно не дотягивает –урожденная блондинка.

Не очень-то подходят на роль волхвов и партайгеноссе Мурниеце по Национальному объединению – Р. Дзинтарс, Я. Домбрава, Э. Цилинский, И. Парадниекс. Они способны только на то, чтобы обнажить зимой торс и написать на нем губной помадой красного цвета лозунги против договора о границе с Россией, да строчить доносы в политическую охранку. Даже худой книжечки о путях и средствах построения «латышской Латвии» они не смогли написать.

Реальную опасность представляли национал-радикалы, получившие исполнительную властью, например, Д.Мелбарде. Д.Раснач, Г.Берзиньш. Именно они, находясь во главе министерств, уничтожали русское образование и культуру, преследовали русских правозащитников. Вот они то могли обрушить на русских и мощь государственной репрессивной машины, и создать отряды добровольцев для практического воплощения в жизнь идей построения этнически чистого общества.

Мир без нацизма



Федор Решетников. «За мир!»

Сопротивление росту нацистских настроений в республике открыто оказывал только Латвийский антифашистский комитет. Члены этого комитета выходили на пикеты протеста во время шествия легионеров 16 марта, устраивали международные конференции, посвященные угрозе возрождения нацизма. Наибольшую активность в этом комитете проявляли: Й. Корен, Э. Гончаров и А. Шарипов. Сколько мог, я помогал ребятам в их правом деле. Организовал вместе с ними выставку фотографий, свидетельствовавших о преступлениях латышских нацистов в годы войны, стоял в пикетах, выступал с докладами на тематических конференциях. Однако поддержка деятельности антифашистов в обществе была невелика.

Остро стоял вопрос о расширении рядов антифашистов. Пытаясь помочь решению этой проблемы, я создал вместе с оператором Олегом Бесединым из Эстонии документальный фильм «16 марта». Он рассказывал о том, что люди, выходящие к памятнику Свободы в этот день, хотят возродить практику уничтожения инородцев. Сначала я распространял фильм в социальных сетях. Потом его заметил главный

редактор канала «Россия-24» и его показали 18 раз в канун очередного Дня латышских легионеров.

Силы антифашистов в Латвии были невелики, и мы пытались получить поддержку из-за рубежа. На свои мероприятия мы приглашали антифашистов из Германии, США, Литвы, Эстонии, Молдавии, России. Сами ездили на мероприятия коллег заграницу. Общими усилиями была создана международная организация «Мир без нацизма». Эту организацию возглавил Борис Исаакович Шпигель – российский сенатор, предприниматель, президент Всемирного конгресса русскоязычного еврейства. Он ненавидел нацизм и умело боролся с ним.

В декабре 2014 г. Б. Шпигель организовал в Киеве круглый стол, посвященный вопросам предупреждения угрозы возрождения нацизма в восточноевропейских странах. В работе этого круглого стола участвовали все экс-президенты и действующий президент Украины Виктор Федорович Янукович, представители антифашистских комитетов ряда постсоветских стран. Борис Исаакович стал рассказывать об угрозе распространения нацизма на Украине – под окнами здания Верховной Рады, в котором мы заседали буйствовал Майдан. Экс-президент Виктор Федорович Кравчук очень резко отреагировал на выступление Шпигеля, сказал, что никакой нацистской угрозы на Украине нет и потребовал прекратить посторонним вмешиваться в дела независимого государства. Меня возмутила грубость Кравчука и я достаточно эмоционально ему ответил в том духе, что Украина не только его, но и моя родина, что мой отец участвовал в ее освобождении от нацистов и мне есть дело до того, что тут происходит. Незадолго до этого я разговаривал с участниками Майдана и Антимайдана и составил однозначное мнение, что украинские нацисты готовят государственный переворот. В. Янукович после моего выступления закрыл дискуссию, заверив присутствоваших, что ситуация находится у него под контролем и опасности прихода к власти нацистов нет.

После круглого стола мы разъехались по домам. Прошло две недели и в Киеве к власти пришли отъявленные нацисты. Толчком к государственному перевороты послужил расстрел неизвестными снайперами почти ста человек на Площади незалежности. Один к одному,

как в январе 1991 г. в Риге. В. Янукович бежал из страны, в которой началась гражданская война. Вот вам и уверения президента: «*Все находится под моим контролем!*»

По подсказке антифашистов я стал ездить на сессии ОБСЕ «Гуманитарное измерение» в Варшаве. На этих сессиях представители почти шести десятков государств-участников организации заслушивали правозащитников, которые докладывали о ситуации с правами человека в странах своего проживания. Я с другими прибалтийскими коллегами рассказывал о проблеме неграждан, невозможности русским использовать родной язык, получать на нем образование. На круглых столах представлял специально написанные к этому случаю книги: «Этнические конфликты в странах Балтии в постсоветский период», «Преследование правозащитников в странах Балтии». Однако европейцев проблемы дискриминации русских в Прибалтике не очень волновали.

Поскольку в Варшаву приезжало большое число правозащитников, то каждому давали на выступление всего несколько минут. Изложить за столь короткое время что-то фундаментальное, привлечь внимание членов официальных делегаций ОБСЕ было крайне сложно. Приходилось идти на хитрости.

Вот одна из придуманных мною хитростей. Тема сессионного заседания – право национальных меньшинств на сохранение своей культуры. Подходит моя очередь выступать. Я начинаю рассказывать, что мы, русские, не можем нормально воспроизводить свою идентичность в Латвии, так как денег на нашу культуру из бюджета не выделяют, хотя все мы исправные налогоплательщики. При выступлении размахиваю над головой брошюрой о преследовании правозащитников в Прибалтике, где описывается ситуация, в которой мы находимся. Говорю, что спасают нас от ассимиляции только русские артисты, которые приезжают из России. Упоминаю, что на днях к нам в республику власти не пустили на гастроли Ансамбль песни и пляски Российской армии им. А. Александрова. Мол, ансамбль представляет угрозу национальной безопасности Латвии. Это абсурд, подчеркиваю, ведь культура должна сближать народы, а не разделять. Хотел бы вам это продемонстрировать, говорю, но станцевать за целый ансамбль не могу, а вот песню певицы Валерии, которой несколько ранее тоже запретили въезд в Латвию, спою. Стараясь

подражать певице, начинаю громко и безбожно фальшивя петь ее бессмертное произведение «Рига – Москва». Это та песня, в которой повествуется о романтической любви рижанки и москвича.

Члены высокого собрания в польской столице от моего громкого пения обмирают, но вежливо слушают. Точно уложившись в регламент, я завершаю на мажорной ноте песню и умолкаю. В зале воцаряется мертвая тишина. Наконец, председатель, чтобы как-то разрядить сгустившуюся атмосферу, бормочет в микрофон: *«Наверное, профессор что-то перепутал с запретом властями гастролей невинных артистов. Такого не может быть в нормальной европейской стране»*.

И тут с места вскакивает официальный представитель Эстонии и начинает истошно орать: «*Нет, нет! Ансамбль имени Александрова и нам угрожал, и мы ему въезд в Эстонию тоже запретили*!»

В зале заседаний воцаряется еще более вязкая тишина. Становится слышно, как в туалете этажом ниже капает вода из плохо прикрученного крана. Европейцы вдруг ясно понимают, что не только в Латвии у власти находятся придурки. Председатель тяжело вздыхает и громко говорит в микрофон: «*Похоже, что профессор из Латвии не ошибается в оценке ситуации. Давайте мне сюда ту брошюрку, что вы там над головой размахивали».* Я встаю и торжественно несу в президиум наш фундаментальный труд.

Глава латвийской делегации – тихая, изможденная бюрократической службой женщина – после моего песенного дебюта выбежала в коридор и стала докладывать по мобильному телефону в МИД о том, что русские правозащитники нанесли очередной удар по репутации Латвии. Вернулась она в зал заседаний вся красная. Видимо, ее министр иностранных дел Э. Ринкевич обвинил в том, что не смогла заткнуть рот ретивому правозащитнику.

На следующий год латвийскую делегацию возглавлял уже молодой парень. Похоже, что шеф МИДа назначил его на стратегическую должность потому, что тот разделял его сексуальную ориентацию. Парень сидел на всех заседаниях молча и играл на своем телефоне в «Злую птичку». Однако спасти репутацию Латвии таким образом ему тоже не удалось. Наша делегация привезла с собой огромную матрешку с паспортом Aliens в руках и устроила около нее фотосессию.

Бессмертный полк

Рига, 9 мая 2016 г.

Полиция безопасности в своих годовых отчетах представляла деятельность русских активистов в Латвии исключительно как инспирированную Кремлем. Если бы джеймсбонды знали, как возникали наши общественные инициативы!

Идея включиться в проведение референдума за русский язык возникла на дружеской вечеринке. Именно на ней сформировалась команда активистов, руководивших этой акцией. До этой вечеринки у меня и в голове не было идеи руководить этим протестным действием русской общины республики.

Точно так же в феврале 2015 г., на праздновании дня рождения Бронислава Александровича Зельцермана, я сказал, что на меня очень сильное впечатление произвела фотография шествия колонны Бессмертного полка по Невскому проспекту в С. Петербурге. Слово за слово, я предложил: «*А давайте проведем подобное шествие в Риге*». Бронислав Александрович меня поддержал. Он сказал: «*У меня отец воевал с нацистами, и я пойду с его портретом на День Победы, кто бы мне в этом ни препятствовал*». Так и решили провести акцию отдания чести нашим отцам.

Бронислав связался с организаторами акции в России, разузнал, как планшетки с портретами надо делать. Стали собирать единомышленников. Думали, что выведем на Праздник Победы сотни две человек, и хорошо

будет. Стал я опять ходить с шапкой по кругу, собирать деньги на планшетки и на печатание портретов. Другие члены нашей команды – М. Драгиле, Е. Кривцова оформили заявку на шествие, вели учет желающих принять в нем участие, придумали, как оформить праздничную колонну. Мы также в СМИ выступали, ролики рекламные делали для распространения в социальных сетях. Придумали издать брошюру с воспоминаниями людей о своих воевавших родственниках, завели электронную Книгу памяти. В итоге нашей напряженной пропагандистской и организационной работы в Риге на шествие вышло более двух тысячи человек.

Люди впервые за последнюю четверть века открыто прошли по городу с портретами своих родственников, воевавших в годы Великой Отечественной войны. Впереди несли плакат «*Бессмертный полк. Рига. 2015*». Звучали песни военных лет. Все это было очень трогательно.

Проходя во главе колонны по парку Победы, я увидел знакомую, которую звали Люда. Она была успешной и очень волевой предпринимательницей – гоняла у себя на строительнй фирме пару десятков мужиков. Люда стояла у обочины дороги и по щекам ее ручьем текли слезы. Было понятно, что она плакала, вспоминая своих погибших на войне родственников. *«Люда, присоединяйся к нам»,* – позвал я ее. «*Не могу, дай я выплачусь,* – ответила она. – *Я потом подойду и возложу цветы к памятнику*».

Колонна подошла по парку к памятнику Освободителям. Маленькие дети с родителями стали запускать в небо белые шары под песню-реквием «Журавли» в исполнении Марка Бернеса. И после каждой пропетой им строки в воздух летели десятки белых шариков, символизирующих души погибших солдат. Я поискал глазами Людмилу. Она стояла недалеко от стайки детей, запускавших шарики. Слезы на ее лице высохли, и я видел, как она гордится своими родителями и готова повторить их подвиг. Такая же готовность была и на лицах других участников празднества.

Шествие «Бессмертного полка» мы повторили и в 2016 г. Несмотря на то, что был будний день, собралось уже четыре тысячи человек. Полиция безопасности попыталась сорвать нам праздник. Под угрозой лишения лицензии она потребовала от всех охранных фирм отказать нам в своих услугах. Последняя фирма разорвала контракт на охрану колонны в ночь на 9 мая. По закону проводить массовое шествие без охраны было нельзя.

Хорошо еще мэр столицы Нил Ушаков подсказал, как решить возникшую проблему – создали импровизированную дружину. В составе дружины половина была молоденькие девушки. Опять вышло, как при Азовском сидении: «*Выставили турки-османы двести тысяч воинов в железных доспехах и с мушкетами, да еще черных мужиков без счета, а казаков было всего горстка, да половина среди них женщины. Но добро бились казачки на валах крепости, наравне со своими мужьями и братьями*».

Колонну Бессмертного полка в этот раз возглавляла девушка Екатерина в советской военной форме и огромным венком из красных гвоздик в виде звезды на руках. За ней шли два высоких парня, тоже в военной форме, в качестве охраны. Следом большая группа детей с белыми шариками, а за ними уже остальные участники шествия.

Я вел колонну и очень боялся, что в отсутствие настоящей охраны джеймсбонды организуют какую-либо провокацию. Например, нападут на колонну, вырвут из рук Кати и растопчут венок-звезду, напугают идущих за ней детей. По дороге колонны Бессмертного полка, как раз стояло несколько группок подозрительных типов, от которых за версту разило жандармскими портянками. В тот раз обошлось. А вот потом жандармы стали терроризировать организаторов шествия.

На частную школу Бронислава Зельцермана «Иннова» наслали проверяющих из семи государственных инстанций: от языковой инспекции до инспекции качества образования. Преподавателей и выпускников этой школы обвинили в нелояльности. Прозвучали имена Е. Кривцовой и М. Драгиле, которых в связи с подготовкой акции больше всего показывали по телевидению. Школу лишили лицензии, родителей учившихся в ней детей стали запугивать, детям не дали сдавать выпускные экзамены. Бронислав и его ученицы стали отбиваться от кровожадных «турок» и их «черных мужиков» из политической охранки в судах, выступать с протестами в СМИ. Министр образования К. Шадурский, тот самый Черный Карлис, инициировал по этому случаю и провел в Сейме закон о борьбе с «нелояльными» учителями. И это все за то, что мы вывели на улицы людей помянуть своих погибших предков, а эти предки были для «латышской Латвии» инородцами.

Побил-таки Бронислав со своими казачками ксенофобов во власти, отстоял в судах право на существование школы, и, что важнее, право

русских, украинцев, белорусов, евреев гордиться своими отцами, спасших мир от коричневой чумы.

Акция «Бессмертный полк» стала возможна, конечно, не только благодаря нашей собственной активности. Значительный вклад в рост самосознания русских людей на постсоветском пространстве был внесен русской интеллигенцией России. Она успешно разрабатывала тему патриотизма.

Возьмем только такой вид массового искусства, как кинематограф. В последние годы в кинематографе важными событиями стали такие фильмы о Великой Отечественной войне, как «28 панфиловцев» К. Дружинина и «Битва за Севастополь» С. Мокрицкого. Менее удачными, но заметными были фильмы «Брестская крепость» А. Котта и «Сталинград» Ф. Бондарчука.

Появились и фильмы-фэнтези о войне – например, «Мы из будущего» режиссера Андрея Малюкова. Это была, пусть спорная, попытка осознать свое героическое прошлое в новом жанре.

Явно большего зрители ожидали от нового прочтения советского фильма Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие», режиссером Давлетьяровым. Военной теме по существу был посвящен глубокий фильм Павла Лунгина «Остров» с актером П. Мамоновым в главной роли. Историю народного подвига более ранних времен раскрывал фильм «Тарас Бульба» В. Бортко с Богданом Ступкой в главной роли.

Российский кинематограф обратился и к теме чеченской войны в «Грозовых воротах» А. Малюкова.

Все эти фильмы формировали общественное сознание, помогали русским осмыслить свое место в окружающем мире.

В окружении цепных псов

Паулюс Поттер. «Охота на медведя с собаками»

Первая моя встреча с местными джеймсбондами состоялась на заключительном этапе борьбы с реформой русских школ. Дело было так. Я обедал в кафе рядом со Штабом на улице Дзирнаву, и ко мне за столик подсел один достаточно известный русский чиновник, которого я знал как любителя восточной музыки. Он дал понять, что работает на англичан, и стал расспрашивать, почему я поддерживаю штабистов. Сообщил, что его хозяева опасаются моих действий. «*Смотри, Игорь*! – отвечаю я ему и достаю из кармана куртки толстую пачку стодолларовых купюр. Деньги у меня с собой случайно оказались – получил плату от фермера за поставку вагона подсолнечного шрота. «*На эти доллары я могу купить вот такие ингредиенты в любом хозяйственном магазине и сделать из них вот столько взрывпакетов* .- Продолжаю я. - *Делать эти взрывпакеты я еще мальчишкой научился, поскольку в военном городке рос. А нанять бандитов забросать этими взрывпакетами такие и такие места стоит столько-то. Доказать, что это я заказал фейерверк, нельзя будет. После взрывов власти республики нетрудно будет обвинить в организации террора против русского населения. Это позволит России вмешаться в разгоревшийся конфликт и добиться смены правительства. Так?»* Игорь не был сыном офицера, но во взрывном деле разбирался – видимо, англичане научили. «*Так*», – отвечает. «*Я не иду по такому пути, а*

помогаю Штабу в рамках закона защищать права русских на обучение своих детей на родном языке, – продолжаю. – *Есть ко мне какие-то официальные претензии?*» «*Нет, претензий нет,* – отвечает Игорь. – *Предложение есть*». И начинает рассказывать, что у них в Сейме находится с десяток засланных агентов, а еще у коллег из контрразведки с десяток. Все распиханы по разным фракциям, и в «Центре согласия» у них на грядущих выборах образовалась вакансия. Они могут меня в Сейм продвинуть, если сотрудничать с ними буду. И негражданство мое не вопрос – надо будет только в Алуксне (да, то самое, куда я будущего президента А. Берзиньша в свое время отправлял лекции читать) съездить и оформить соответствующие документы. А еще можно будет деньги получать за сотрудничество, правда, небольшие, три сотни долларов. «*Магическая какая-то сумма*. –подумалось мне. *Видимо, эквивалент 30 серебреникам*».

Меня вербовочное предложение от английской разведки совсем не заинтересовало. Сказал, что лично мне гражданство в качестве подачки не нужно, а деньги я и сам умею зарабатывать. Игорь за отказ сотрудничать на меня не обиделся, и контора его от меня надолго отстала. Даже во время референдума за русский язык его начальник публично выступал и заявлял, что я неплохой парень, – имелось в виду, что взрывпакеты попусту не разбрасываю. Я их и не разбрасывал, как и обещал.

А вот контрразведчики на меня за референдум по русскому языку сильно обиделись. Наверное, за то, что обхитрил Натаниэля Бампо и в тылу у индейцев огонь коварно запалил. Стали они подсылать своих соглядатаев в мой ближний круг и выведывать, что за человек, откуда взялся и чего хочет. Задействовали в операции, похоже, не один десяток человек. Повисли джеймсбонды на мне, что злые гончие псы на медведе во время охоты. Пришлось время потратить, чтоб разобраться, как от этих псов отбиться.

Раньше я сведения о разведчиках и контрразведчиках черпал только из фильма про Штирлица «Семнадцать мгновений весны» и книжки Вадима Кожевникова «Щит и меч». В новое время мне удалось сильно расширить кругозор в этой области за счет просмотра серии фильмов про Джеймса Бонда. В них показывали, как стрелять из специальной авторучки, ездить на автомобиле-амфибии, объясняли, что хороший шотландский виски

надо пить с водой, а не со льдом. Эти знания мне в дальнейшем очень пригодились.

Вспоминаю такой случай. Во время работы на «Центр согласия» со мной все хотел подружиться молодой депутат Алексей Холостов, работавший ранее банщиком. Он рассказывал, как по молодежной линии наладил связи с Госдумой России, предлагал подключиться и «нарубить капусты» на этом. «Нарубить капусты» на российских соотечественниках мне совсем не хотелось, и я от «выгодного» предложения отказался.

В следующий раз Холостов позвонил мне во время сбора подписей против разрешения в Латвии пропаганды гомосексуализма. Я как раз снимал фильм на эту тему и активистов этого референдума активно поддерживал. Алексей предложил свою помощь в борьбе с засильем садомитов, но сделал это как-то очень странно. Его идея заключалась в покупке за наличные двухэтажного автобуса, который бы разъезжал по республике и вел агитацию. Мне надо было только попросить знакомых бизнесменов из Рижского бизнес клуба скинуться деньгами на покупку автобуса.

Во время встречи в кафе Холостов заказал себе виски с водой, а не со льдом. Видимо, решил за государственный счет пустить мне пыль в глаза. Я это сразу заметил и насторожился. Сообразил также, что Джеймс Бонд никогда бы не дал наличных денег на покупку автобуса, если его спокойно можно было взять в аренду. Потому я сам отказался в этой авантюре участвовать, всех знакомых бизнесменов о подвохе предупредил и инициаторов референдума предостерег.

Проходит некоторое время и на телеканале НТВ выходит сюжет, снятый российскими контрразведчиками. В сюжете задержанный Леша Холостов признается, что по заказу латвийской разведки собирал в России компромат на политиков в Госдуме и что его псевдоним – Глория.

Тут я вспомнил, что Глория был заводилой во время «зонтичной революции», что регулярно ходил на все мероприятия русской общины. Значит, собирал сведения на русских активистов по заказу своих хозяев и потом помогал их запугивать или дискредитировать.

Стал присматриваться к окружающим и заметил, что есть еще пара человек, которые регулярно ходят на заседания всех русских общественных организаций, внимтельно прислушиваются к выступлениям

и частным разговорам активистов, смело поддерживают все возникающие протестные инициативы, но сами ничего не делают. Потом русские активисты попадают под штрафы и уголовную ответственность, а вездесущие «общественники» оказываются как бы ни при чем. Компромата на этих «глорий» у меня не было, но общаться с ними я перестал, да и друзей посторался предостеречь.

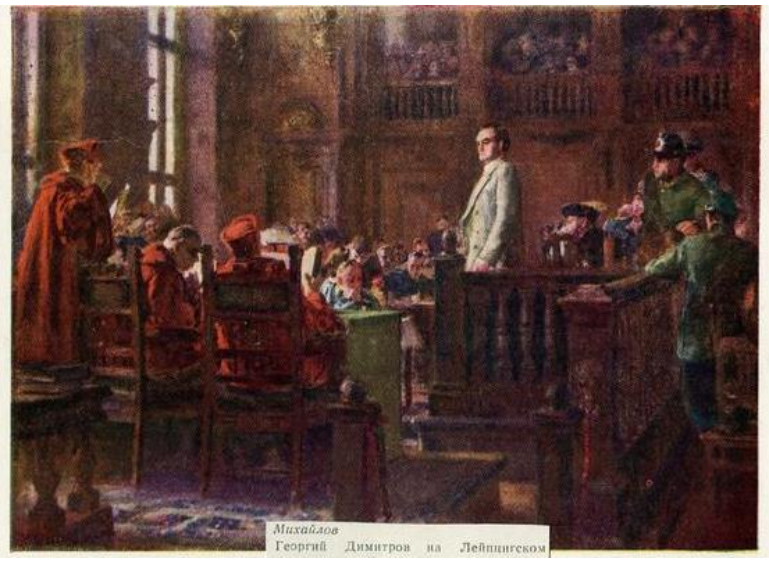
В мае 2015 г. джеймсбонды сфабриковали против меня уголовное дело и на этом основании провели обыски дома, на работе, на даче. Ничего, конечно, не обнаружили, но нервы потрепали. Во время обысков случилась пара занятных казусов.

Дома у меня при обыске нашли толстый ежедневник депутата Госдумы РФ с вырезанным в нем тайником для пистолета. Этот тайник я вырезал по просьбе внука специально для игры в шпионов. Контрразведчики, а их при обыске было целых семь человек, обрадовались находке и стали грозно меня пытать, где я спрятал сам пистолет. Минут десять я поломался для порядка, а потом указал на бачок в туалетной комнате. Они бачок быстро раскрутили, и нашли там пистолет марки ТТ, спрятанный от внука. Только пистолет был пластмассовым и представлял собой флакон для коньяка. Мне его Юра Алексеев на день рождения подарил, но я коньяк уже выпил.

Обыски длились целых четырнадцать часов, взрывпакеты все никак не могли найти, и я заскучал. Дай, думаю, еще пошучу. Дело уже на даче было. Находят джеймсбонды у меня на чердаке старый арифмометр марки «Феликс». Каюсь, я его из Института экономики в свое время утащил, когда мы там с премьером Л. Страуюмой вели расчеты к пятилетнему плану развития народного хозяйства Латвийской ССР. «*Что это такое?»* – спрашивает младший джеймсбонд. *«Как что такое? Немецкая шифровальная машинка Enigma. Только без электрической части. Электропривод у меня в саду закопан*», – отвечаю на вопрос серьезно.

«*Приекшниек! Нашел!*» – кричит младший джеймсбонд старшему, копавшемуся на первом этаже в забитом сажей печном канале. Старший стремглав летит на чердак и начинает изучать мой раритетный арифмометр. Младший торопливо пересказывает ему мой рассказ о закопанной в саду электрической части шифровальной машинки. «*Это калькулятор, а не шифровальная машинка. Я такой в музее в Лондоне видел. Подозреваемый хочет заставить вас перекопать по весне свой запущенный сад*» - мрачно изрекает начальник. - «*Сворачивайтесь уже».*

По стопам Георгия Димитрова



П. Михайлов. «Георгий Димитров на Лейпцигском процессе в 1933 г.»

Глава фракции национальное объединение в Сейме Гайдис Берзиньш написали на меня в апреле 2015 года донос в полицию безопасности. Мол, так и так, говорит в российских масс-медиа о том, что американские танки ввели в Латвию для того, чтобы русские бунты подавлять, а также о том, что нацистские шествия в стране организовывают на 16 марта для того, чтобы напугать русских этническими чистками. Все это главный латышский националист страны определил, как возбуждение ненависти к титульному населению республики.

Я думаю, что Гундар Берзиньш на меня личную обиду затаил все же не за эти выступления, а за то, что на выпущенной Конгрессом неграждан колоде карт «Лица Латвии» его изобразили бубновым королем. Обиделся, что его тузом не определили. А тузами в этой колоде были люди той же политической линии, но статусом повыше - группенфюреры войск СС Р. Бангерский и О. Данкер. Но ведь все же Г. Берзиньша в карточной иерархии выше поставили, чем штандартенфюрера Волдемара Вейса и капитана Герберта Цукурса, которых изобразили на десятках масти треф и кресть.

Главой министерства юстиции в настоящее время является ярый русофоб Дзинтарс Раснач. Он обеспечил согласование преследования меня в суде, в полиции безопасности и в прокуратуре. Во время моего допроса в

прокуратуре из минюста даже звонили следователю и требовали скорее дело в суд передавать, вопреки всем нормам закона.

Арестовали меня, провели обыски, но ничего не нашли, как я уже упоминал. Тогда наняли Илону Кронбергу из финансируемой Соросом организации «Провидус» для проведения экспертизы моих телевизионных интервью. Выбрали эту женщину, наверное, потому, что она долгие годы рассказывала полицейским об европейских директивах по предупреждению детской преступности. Этот «эксперт» написала обширнейший отзыв на несколько моих фраз во время телевизионных выступлений. Из этого отзыва в уголовном деле я узнал, что существует такой этнос, как американские танки и что ругать прибалтийские элиты нельзя, поскольку это оскорбляет чувства латышей, эстонцев и литовцев. Почему она это написала? Скорее всего от недостатка образования – современные магистры права слабее выпускников профтехучилищ советских времен. Маховик репрессивной машины стал вращаться.

Я написал заявление объемом в полсотни страниц в генеральную прокуратуру на начальника полиции безопасности Н. Межветса. Обвинил его в том, что он организует травлю русских активистов и тем самым разрушает русскую общину, создает условия для ассимиляции ее членов. Все эти действия главного латвийского жандарма подпадали под понятие такой разновидности преступлений против человечества, как преследование. Привел факты, объяснил мотивировку, показал, что Нормунд Межветс русофоб, облаченный властью. Прокуратура мою жалобу приняла, но стала спускать на тормозах. На октябрь 2017 г. назначили судебное разбирательство моих собственных действий, направленных на противодействие распространению нацистских практик в Латвии.

Решил тогда, что единственной защитой от всех обвинений может быть придание публичности процессу преследования властями борца с нацизмом. Образец такого рода публичной защиты мне давал болгарский коммунист Георгий Димитров. Нацисты в 30-е гг. прошлого века огульно обвинили его в поджоге Рейхстага, который сами организовали. Суд проходил в Лейпциге, и Димитров смог разоблачить все голословные обвинения нацистской прокуратуры. На всех заседаниях присутствовали

десятки корреспондентов из разных стран, и судьи не осмелились наказать невиновного человека. Теперь мне предстояло повторить Лейпцигский процесс в Риге.

Думаю, что опытом борьбы с нацистскими провокациями на Рижском процессе смогут воспользоваться антифашисты в других странах. На Украине, к примеру, где многие сотни русских подвергаются уголовным наказаниям только за то, что относятся к «неправильному» этносу.

Опасение, что в Латвии может возродиться нацизм, существует не у меня одного. Генеральная Ассамблея ООН в последние годы регулярно принимает антинацистские резолюции. Так, 15 декабря 2015 г. была принята резолюция № 70/139. Она называется «*Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости*».

Пункт 6-й данной резолюции формулируется следующим образом: «(Генеральная Ассамблея) *особо отмечает рекомендацию Специального докладчика о том, что любое «чествование нацистского режима, его союзников и связанных с ними организаций, будь то официально или неофициально, государства должны запретить, особо отмечает также, что такие виды практики оскорбляют память бесчисленных жертв Второй мировой войны и оказывают негативное влияние на детей и молодежь, и подчеркивает в этой связи важность принятия государствами мер в соответствии с международным правом человека по противодействию любому чествованию нацистской организации СС и всех ее составных частей, включая Ваффен СС*».

Таким образом, на скамью подсудимых рядом со мной в Латвии должны посадить всех членов Генеральной Ассамблеи ООН, ведь они своей резолюцией возбуждают ненависть к немцам и прибалтам, элиты которых осуществляли геноцид инородцев в годы Второй мировой войны. Так что надо этнократическим властям заказывать достаточно длинную скамейку, чтобы на ней смогли разместиться не только антифашист Александр Гапоненко, но и его пособники – главы государств-членов ООН, давшие добро на принятие антинацистской резолюции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне посчастливилось начать свою жизнь в обществе, которое было построено на принципах социальной справедливости и обеспечивало развитие способностей всех своих членов. В этом обществе главную роль играли люди, придерживающие коммунистических духовных ценностей. Мне хотелось подражать этим людям и следовать проповедуемым ими принципам. Как мог я старался следовать предлагаемому коммунистами пути, осваивал инструменты духовного влияния, занял какие-то позиции в структурах, которые отвечали за формирование основ духовной жизни.

Все шло хорошо до тех пор, пока этническое развитие происходило в рамках достаточно простой формы общественного устройства – советского народа. Переход к строительству более сложной формы организации общественной жизни – советской нации, без соответствующих перемен в идеологии привел к разложению коммунистической номенклатуры. Вслед за разложением номенклатуры распалась советская нация и развалилось ее государство СССР. В происшедшем есть большая доля вины коммунистических идеологов, моя вина в том числе.

Распад советской нации на исходные этнические составляющие проходил у меня на глазах, и я сколько мог пытался его приостановить. Безрезультатно. Носители коммунистических духовных ценностей исчезли. Точнее, они не смогли трансформировать эти ценности в соответствии с требованиями момента и поэтому оказались на обочине общественной жизни.

В Латвии, в которой я жил после краха «красного» проекта победила этнократическая, образно говоря, «бело-коричневая» модель общественного устройства. В основе этой модели лежала частнокапиталистическая, то есть «белая» экономика, а надстройка обеспечивала преимущества представителям элит титульного этноса, то есть была «коричневой». Проводниками «коричневой» политики стали бюрократы и олигархи, вышедшие из рядов латышских национал-коммунистов.

Доминирующие позиции в латвийском обществе в это время заняли *люди греха*. Всю свою активность они направляли на разрушение русского этноса. Однако их жертвами стали все простые жители республики.

Развернулась ускоренная депопуляция не только русского, но латгальского и латышского народов, их массовая эмиграция заграницу. Проект строительства «латышской Латвии» с треском провалился. Для спасения этого проекта с 2014 г. правящая в стране этнократия стала проводить уже чисто «коричневую» - нацистскую политику.

В сложившихся условиях остро возникла потребность в выработке и распространении в обществе новых духовных ценностей. Прежде всего в обретении своих ценностей нуждался русский этнос. Под влиянием, казалось бы случайной, поездки на Афон я включился в эти духовные поиски. Явилась ли во время пребывания в Святопантелеймоновом монастыре на Святой горе ко мне Дева Мария во сне или наяву не имело при этом большого значения.

Стал я присматриваться к деятельности окружающих меня людей и увидел вокруг множество тех, кого с полным основанием можно назвать *удерживающими* русские духовные ценности. Это был и правозащитник Володя Богданов, и «дядя Саша Казаков», и художник Уваров, и офеня Вика, и баба Аня с внуком Кириллом, и девочка Катя из «Бессмертного полка». Как мог, я описал их в этом своем повествовании. Попутно указал на *исповедников* из числа латышей и латгал. Все они приближают тот момент, когда латвийская нация, в составе латышского, латгальского и русского этносов, выйдет из темных подземелий, в которые их загнала с помощью спецслужб нынешняя правящая элита.

Мне же до этого счастливого момента предстоит пройти путь Георга Димитрова, которому восемьдесят лет тому назад удалось добиться справедливости в суде нацистской Германии. Удастся ли мне добиться справедливости в суде «коричневой» Латвии»? Верю, что удастся. Ведь у меня в покровителях св. благоверный князь Александр Невский и воин-мученик Евгений Радионов. Потом, я хорошо помню послание апостола Павла к римлянам: *«Если Бог за нас, кто против нас?»*

Рига, апрель 2017 г.